Краснодарский университет МВД России

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ, ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Материалы
Международной научно-практической конференции

(10 мая 2018 г.)

Краснодар
2018

УДК 340(09)
ББК 67.0+67.3
П68

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:
Л. В. Карнаушенко, доктор исторических наук, профессор (председатель);
И. В. Яблонский, кандидат исторических наук, доцент
(заместитель председателя);
Г. П. Курдюк, кандидат юридических наук, доцент
(ответственный секретарь).

П68 **Право и государство : проблемы методологии, теории и истории** : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (10 мая 2018 г.) / редкол.: Л. В. Карнаушенко, И. В. Яблонский, Г. П. Курдюк. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2018. – 416 с.

ISBN 978-5-9266-1408-1

Сборник содержит материалы, посвященные рассмотрению научных проблем, возникающих в различных областях знания в процессе исследования государства и права.

Для профессорского-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 340(09)
ББК 67.0+67.3

ISBN 978-5-9266-1408-1

© Краснодарский университет
МВД России, 2018

Бутько Людмила Васильевна,
доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры
административного и финансового
права Северо-Кавказского филиала
Российского государственного
университета правосудия;
Лепешкина Ольга Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права Кубанского
государственного аграрного
университета им. И.Т. Трубилина

ИНТЕГРАТИВНЫЕ СВОЙСТВА КРИТЕРИЕВ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА)

Позиционирование любого элемента в системе российского права, его научное доктринирование, как явления, основывается на базовых положениях теоретико-правовой науки по ключевым вопросам понимания и определения права и его системы. Особого внимания заслуживают подходы к объяснению и классификации критериев построения этой системы. Совокупность таких знаний составляет теоретико-методологическую основу для объяснения любых аспектов отраслевых сегментов системы права: дефинирования предмета правового регулирования, его содержания, структуры, субъектного состава отрасли, ее институционально-отраслевой системы, источниковой базы и очень непростой проблемы соотношения с другими отраслями российского права в современном их состоянии. В современный период все перечисленное трансформировано через призму интегративности в праве, предопределяет вариативность интеграционных процессов.

Сложность исследования конституционного права с позиций интегративного понимания обусловлена тем, что решение многих вопросов зависит от определения содержания и границ предмета конституционно-правового регулирования – вопроса, спорность в понимании которого до сих пор не преодолена. Представление о нем формируется с помощью системы теоретических категорий, терминов, определений, в основу которых положены явления, производные от права, именуемые правовыми. Эти явления обладают той степенью самостоятельности, которая позволяет им выполнять свои функции и задачи по определению сущности отрасли конституционного права, по оценке ее содержания, формируют все иные ее характеристики.

В ключе интегративного правопонимания и методологии системности требуется такая характеристика конституционного права, которая способна

показать его уникальные интегративные свойства, обеспечить современное его применение и тем самым не допустить его сползание к фиктивности. Согласно теории систем, конституционное право следует рассматривать как целостное явление, отличающееся внутриорганизационной стройностью, выражающее совокупность и соподчиненность правовых элементов, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой, а также объективность и устойчивость этих связей. Целостность и единство конституционно-правовых отношений порой оказываются трудно уловимыми, но именно эти качества обеспечивают его отраслевой статус и препятствуют его размыванию. Достигаются же они, благодаря процессам интеграции и свойствам интегративности.

Отмеченные общетеоретические установки обязательны для учета в артикулировании всех аспектов конституционного права. Так, сущность конституционного права должна соответствовать сущности всего права, действующего в государстве. Должна иметь место и быть доказанной обусловленность конституционного права социально-экономическим и общественно-политическим строем государства, соотношением социальных сил в обществе, уровнем его культурно-исторического развития. Характеристики конституционного права, включая его систему, основываются на цивилизационных признаках и традициях общества и государства, а также учитывают происходящие процессы общемировой трансформации, особенности современного миропорядка (глобализацию, кризисы, международный терроризм и др.).

Фундаментом построения предмета конституционного права являются сложившиеся в государстве сферы и виды общественных отношений, получившие свое закрепление в праве данного государства на соответствующем этапе его исторического развития. Вычленение из этой общей массы фрагментов, подлежащих включению в предмет конституционного права, порождало и продолжает порождать в юридической науке споры и сомнения, сложности аргументации.

Дискуссионность данной проблемы имела место еще в правовой науке XIX века, различия во мнениях ученых по предмету конституционного права наблюдаются до сих пор. Причинами являлись различия в оценках признаков исторических типов российской государственности, а также научные обоснования закономерностей исторического развития с точки зрения идеологических подходов. Интегративный подход к обоснованию предмета конституционного права и всех иных его аспектов открывает возможности для вполне объективной и полновесной их оценки, а, следовательно, очевидными становятся перспективы дальнейшего совершенствования данного элемента в системе российского права.

В советский период «особенно ожесточенная дискуссия по этому вопросу развернулась после XX съезда КПСС в результате начавшейся работы

по подготовке новой Конституции СССР»[1]. По итогам многочисленной и длительной полемики по поводу содержания предмета советского государственного права сформировались три ведущие концепции.

Суть первой из них (В.Ф. Коток[2], С.М. Равин[3] и другие[4]) в том, что «предмет советского государственного права составляют общественные отношения, определяющие основные черты социально-экономической системы и политической организации советского общества и выражающие суверенитет советского народа и советских наций»[5]. Такое определение не позволяло представить четкие границы предмета данной отрасли, создавало возможности широкого его толкования и потому вызывало серьезные возражения многих ученых.

Вторая точка зрения была представлена концепцией А.И. Лепешкина, который считал, что «к предмету советского государственного права относятся не все правовые нормы, содержащиеся в гл. I Конституции СССР, а только те из них, которые закрепляют политическую основу Советского государства, классовую структуру советского общества и политическую форму осуществления диктатуры рабочего класса, т.е. нормы, содержащиеся в первых трех статьях Конституции»[6]. В противовес первой концепции рассуждения А.И. Лепешкина приводили к явному ограничению предмета государственного права и потому, в равной степени как первая конструкция, вызывали возражения.

Две указанные позиции считались практически почти взаимоисключающими, поэтому третья точка зрения рассматривалась как уравновешивающая. Ее автор – профессор С.С. Кравчук, акцентировал внимание на статусе государства, поэтому предлагал определять предмет государственного права как «устройство… Советского социалистического государства, т.е. общественное устройство, основы правового положения граждан, государственное устройство, систему государственных органов СССР, и… общественные отношения, составляющие основы полновластия советского народа и возникающие в процессе осуществления принадлежащей народу государственной власти»[7].

---

[1] О системе советского социалистического права (Обзор) // Советское государство и право. 1958. № 1. С. 103. Дорохин С.В. Дискуссия о предмете конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2002. № 3. С. 2.

[2] См.: Вопросы советского государственного права. М., 1959. С. 51.

[3] См.: Равин С.М. Основные особенности советского государственного права / С.М. Равин // Правоведение. 1961. № 1. С. 9–10.

[4] Данная точка зрения была выражена сектором государственного права Института государства и права АН СССР. См.: Советское государство и право. 1954. № 7. С. 4.

[5] Вопросы советского государственного права. М., 1959. С. 51.

[6] Лепешкин А.И. К вопросу о понятии предмета советского государственного права / А.И. Лепешкин // Сов. гос-во и право. 1959. № 6. С. 80.

[7] Советское государственное право. Под ред. Проф. С.С. Кравчука. М., Юрид. Лит. 1975. С. 26.

На дальнейшее развитие науки конституционного права по проблеме доктринирования его предмета оказала влияние именно последняя точка зрения. Именно на ее основе в разработках ученых получают уточнение и конкретизацию различные аспекты предмета конституционного права, находя отражение в учебных и научных изданиях. Однако, как и ранее, юридическая литература постсоветского периода также пестрит различиями в дефинировании предмета конституционного права. Вот лишь некоторые примеры.

В первую группу объединяются авторы, отдающие предпочтения в предмете конституционного права тем его элементам, которые сориентированы на положение личности и статус государства.

Так, М.В. Баглай отмечает, что предмет конституционного права охватывает лишь две сферы общественных отношений: а) охрана прав и свобод человека и гражданина (отношения между человеком и государством); б) устройство государства и государственной власти (властеотношения)[1].

Е.И. Колюшин определяет предмет конституционного права как совокупность общественных отношений, возникающих при установлении основ общественного строя, при установлении и регулировании конституционно-правового статуса гражданина в России, организации и деятельности государства и государственной власти[2].

Вторую группу составляют ученые, стоящие на позиции непризнания единства предмета конституционного права. К примеру, Ю.А. Дмитриев и И.В. Мухачев полагают, что предмет конституционного права не образует единого целого, а представляет собой следующие автономные совокупности общественных отношений:

1) общественные отношения, определяющие основы конституционного строя (основы государственного и общественного строя, закрепленные в качестве таковых положениями Конституции Российской Федерации, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации) и политико-территориального устройства страны;

2) общественные отношения, возникающие в процессе реализации многонациональным народом России (населением субъектов Российской Федерации) государственной власти (в формах представительной и непосредственной демократии), а также создания и функционирования образуемых в этих целях выборных органов государственной власти;

3) общественные отношения, выражающие основы правового статуса человека и гражданина, а также содержание процесса реализации политических прав и свобод граждан[3].

---

[1] См.: Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации / М.В. Баглай, Б.Н. Габричидзе. М.: Инфра М - Кодекс, 1996. С. 15–16.

[2] См.: Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России / Е.И. Колюшин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. С. 6–7.

[3] См.: Дмитриев Ю.А., Мухачев И.В. Понятие, предмет и метод конституционного права Российской Федерации - от юридических истоков к современности / Ю.А. Дмитриев, И.В. Мухачев. М.: Манускрипт, 1998. С. 23–24.

Соглашаясь в принципе с построением блочной модели предмета конституционного права, обособлением блоков общественных отношений, сформулированных указанными авторами, трудно согласиться, во-первых, с утверждением отсутствия их единства, во-вторых, сомнительным и не последовательным выглядит наполняемость содержания указанных блоков отношений. К примеру, не понятны причины ограничения статуса человека и гражданина процессом реализации только политических прав и свобод, а также созданием и функционированием только выборных органов государственной власти.

В дефиниции О.Е. Кутафина предмет конституционного права сориентирован на теоретическую модель признаков и свойств государства как исторического явления и представлен как совокупность общественных отношений, складывающихся в областях, составляющих основные элементы государства, под которыми понимаются население, территория и власть, и имеющих основополагающее значение для тех сфер, в которых они складываются[1]. С позиций науки теории государства и права такой подход может считаться вполне оправданным.

Сходство с концепцией Котока В.Ф. усматривается во взглядах С.В. Дорохина, который предлагает в качестве предмета конституционного права рассматривать общественные отношения по поводу определения территориальных, политических, социальных и экономических условий осуществления государственной власти, и общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления непосредственной и представительной демократии (включая местное самоуправление)[2].

Анализ процитированных и иных определений свидетельствует о том, что по-прежнему прослеживается концепция С.С. Кравчука в определениях его учеников Е.И., Козловой, О.Е. Кутафина, С.А. Авакьяна и др. По-прежнему в дефинициях доминируют признаки государства как опорные в выражениях сущности в целом и каждого из основных фрагментов предмета конституционного права. Отсутствуют лишь попытки унификации критериев установления сути и границ предмета конституционного права. Правомерна постановка вопроса о поисках необходимой основы, объединяющей конституционно-правовые отношения в единое целое.

Предложенные в научной литературе определения не могут признаваться аксиоматичными, совершенствование их формулировок может быть продолжено. Но главная задача установления той индивидуальной особенности, которая делает отрасль конституционного права не похожей на дру-

---

[1] См.: Кутафин О.Е. Предмет конституционного права / О.Е. Кутафин. М.: Юристъ, 2001. С. 23–25.

[2] См.: Дорохин С.В. Дискуссия о предмете конституционного права / С.В. Дорохин // Конституционное и муниципальное право. 2002. № 3. С. 6.

гие, остается не решенной. Такой особенностью является сложность предмета конституционного права как правового явления, аккумулирующего в себе симбиоз особых сфер жизни *личности, государства и общества*. В этих сферах проявляются единство тех общих интересов указанных субъектов, которое выступает необходимой скрепой предмета конституционного права, а обеспечение этих интересов возможно только общими усилиями перечисленных субъектов, но никак ни по одиночке каждым. И для решения такой задачи на помощь приходит интегративность как явление реальной действительности.

В поисках той самой скрепы, которая может выступить интегрирующим началом при формировании предмета конституционного права, следует акцентировать внимание на указанные признаки, как это предлагает О.Е. Кутафин. Инструментом единения интересов выступает также такое явление как власть. Качество ее организации и осуществления и возлагается на нормы конституционного права. Поэтому его предмет должен отличаться единством, а не разобщенностью отношений, регулируемых нормами данной отрасли.

Любые попытки разобщения приводят, как свидетельствует история, к слому государственного механизма, к отмене права того исторического типа, который уходит в историю вместе со сломом государства, к созданию нового исторического типа государства и права, к обновлению институтов всех видов, а не только государственной власти и гражданского общества, к переоценке идеологических и психологических установок личности. Происходит обновление модели предмета конституционного права, он приводится в соответствие с обновленным соотношением социальны сил в обществе, учреждается в новой конституции, реальные отношения приводятся в соответствие с новой моделью предмета.

Поэтому в принципе можно согласиться с мнением Г.М. Лановой, назвавшей в числе первых типологических особенностей ту, которая обусловлена спецификой предмета конституционного права[1]. Но происходящие при этом процессы трансформации в правовом регулировании предмета конституционного права нуждаются в серьезном критическом осмыслении. К примеру, требуется ответить на вопрос, почему общественные отношения, включенные в предмет конституционного права, предлагается вывести за пределы границ государства и обеспечить в их регламентации сочетание норм национального и международного (наднационального) права.

По этой причине в международном сообществе конституционалистов высказываются предложения о целесообразности иметь «международную

[1] Лановая Г.М. Общие закономерности воспроизводства и современные особенности юридического оформления конституционного права / Конституционное и муниципальное право. 2011. № 3. С. 2.

конституцию», понятие которой появилось «в результате трансформации конституционализма, происходящей в условиях глобализации». Ее итоги оценены И.А Умновой, подметившей тот факт, что «ряд зарубежных правоведов также пытаются на теоретическом уровне сформулировать концепцию взаимодействия конституционного пространства государств и норм международного права»[1]. Полагаем, что такую тенденцию не следует признавать позитивной, поскольку за ней скрывается не только посягательство на национальные интересы и суверенитет государства, но и усиливает дифференциацию и дистанцирование отношений, послуживших основой моделирования предмета конституционного права.

С учетом изложенного, оценка позиции Г.М. Лановой покажется уже не столь убедительной, тем более в контексте ее утверждения, что существенная трансформация конституционного права как отрасли права связана с включением в его предмет «отношений, непосредственно не связанных с государственной организацией общества, а имеющих основополагающее значение для тех сфер, в которых они складываются, выступающих базовыми для всех других отношений в этой сфере»[2].

Таким образом, свойства отмеченных выше признаков государства, а также власти, как скреп, объединяющих общественные отношения в единую модель предмета конституционного права, являются демонстрацией его интегративных качеств, которые затем оказывают влияние и на соотношении конституционного прав с другими элементами системы российского права.

Не следует забывать и о том, что специфика общественных отношений, регламентируемых нормами конституционного права, проявляется через функции, выполняемые нормами данной отрасли. Точность и последовательность выполнения нормами конституционного права этих функций, в свою очередь, предопределены качеством выражения и закрепления в них (нормах) сущности и содержания этих отношений[3]. И в этом также проявляются интегративные качества конституционного права.

---

[1] Умнова И.А. О современном понимании Конституции Российской Федерации в контексте доктрин конституционализма и судебной правоприменительной практики // Государство и право. 2014. № 11. С. 18.

[2] Лановая Г.М. Цитируемая работа. С.3.

[3] Об интегративных свойствах функциональных особенностей норм конституционного права в условиях интегративных процессов см.: Бутько Л.В., Лепешкина О.В. Конституционное право в свете интегративных качеств // Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического института НИУ «БелГУ», Белгород. 2018. С. 37-43.

Джиоев Сослан Хазбиевич,
доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры
организации судебной и
прокурорско-следственной
деятельности Московского
государственного юридического
университета О.Е. Кутафина

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ)

Участие прокурора в правотворческой деятельности, его цели, задачи, принципы и другие аспекты данного направления прокурорской деятельности за последние 20 лет являются предметом монографических исследований теоретиков, не остаются без пристального внимания правоприменителей. Научный и практический интерес объясняется, прежде всего, сложившейся практикой участия прокурора в правотворческой деятельности, одной из проблемных сторон которой является вопрос о наделении или не наделении прокуроров соответствующих уровней правом законодательной инициативы.

Исследователи[1] обращают внимание на тот факт, что Конституция РФ (1993) не наделяет Генерального прокурора РФ или Генеральную прокуратуру РФ правом законодательной инициативы (ч. 1 ст. 104), что нельзя сказать о Конституции СССР (1977), которая закрепляла право законодательной инициативы Генерального прокурора СССР (ст. 113). Заметим, что Конституция РСФСР (1978) наделяла таким правом Прокурора РСФСР (ст.108). Конституции союзных республик бывшего СССР также закрепляли за прокурорами республик право законодательной инициативы.

[1] См.: Жидких А.А. Правовые и организационные основы участия прокуратуры в реализации правотворческой функции: дис. ... докт.юрид.наук. – М., 2011; Залужная И.А. Деятельность прокурора по реализации права законодательной инициативы в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации: дис. ... канд.юрид.наук. – М., 2013; Шобухин В.Ю. К вопросу о конституционно-правовом регулировании статуса российской прокуратуры // Российское право: образование, практика, наука. 2015. №4. С. 73-76; Ковин В.А. Участие прокуратуры в правотворческой деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления // http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=17&art=4421 (дата обращения: 10.10.2017) и др.

На этом фоне привлекательными представляются конституции и уставы абсолютного большинства субъектов РФ (по данным некоторых авторов - 80 субъектов[1]), которые закрепляют за прокурорами субъектов право законодательной инициативы. Примечательно, что Конституционным судом РФ указанные нормы субъектов не признаны противоречащими Конституции РФ.

Таким образом, участие прокуроров в законотворческой деятельности на региональном уровне получило нормативное закрепление. Прокуроры субъектов РФ имеют право самостоятельно вносить проекты нормативных правовых актов на рассмотрение соответствующих законодательных органов. Такому праву корреспондирует обязанность законодательного органа рассмотреть и принять решение по внесенному законопроекту.

Из содержания ст. 104 Конституции РФ, следует, что совершенно иное положение у Генерального прокурора РФ, его обращение с соответствующим предложением рассматривается законодателем в обычном порядке.

Так, для принятия разработанного Генеральным прокурором РФ проекта закона или поправок к уже действующему закону в соответствии с законодательством он, как и любой гражданин РФ, должен обратиться в один из органов, обладающих согласно Конституции РФ правом законодательной инициативы.

В связи с этим автором настоящей статьи поддерживается мнение В.Ю. Шобухина, который считает справедливым и закономерным закрепление на конституционном уровне за Генеральным прокурором РФ права законодательной инициативы[2].

Предложение о закреплении за Генеральной прокуратурой РФ или Генеральным прокурором РФ права законодательной инициативы поддерживается многими учеными и практиками. На наш взгляд, сложившаяся ситуация настоятельно требует внесения в ч. 1 ст. 104 Конституции РФ, а также Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» соответствующих законодательных изменений, необходимых не для повышения статуса органов прокуратуры, а в целях совершенствования осуществления одной из функций прокуратуры – правотворческой деятельности.

Законом на прокурора возлагается обязанность участвовать в правотворческой деятельности, в частности, в ч. 4 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» имеется прямое указание на участие прокуратуры РФ

---

[1] См.: Шалумов М.С., Шалумова Н.Э. Участие в правотворческой деятельности как функция современной российской прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5; Богдашкина Г.А. Участие прокурора в правотворческой деятельности органов местного самоуправления как один из способов обеспечения законности // Экономика педагогика право. 2016. №2 / http://ecoedulaw.ru/ru/2016/2/8 (дата обращения: 10.10.2017).

[2] Шобухин В.Ю. Указ. соч. С. 75-76.

в правотворческой деятельности; в ст. 9 закреплено право прокурора «вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов», если в ходе осуществления своих полномочий прокурором будет установлена необходимость совершенствования действующих нормативных правовых актов[1].

Для эффективного осуществления прокурорскими работниками правотворческой деятельности важное значение имеют приказы Генеральной прокуратуры РФ «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления»[2], «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления»[3], «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»[4], «Об участии органов прокуратуры в законопроектной работе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и нормотворческой деятельности органов местного самоуправления»[5], которые служат правовой основой участия прокуроров субъектного и муниципального уровней в правотворческой деятельности. Несмотря на наличие достаточной правовой базы для осуществления правотворческой деятельности, Генеральная прокуратура РФ обращает внимание на то, что «не все прокуроры, наделенные конституциями и уставами субъектов Российской Федерации правом зако-

---

[1] Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с посл. изм. и доп.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. ст. 366.

[2] Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17.09.2007 № 144 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» (вместе с «Положением об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации») (с посл. изм. и доп.) // КонсультантПлюс.

[3] Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 02.10.2007 г. № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» (с посл. изм. и доп.) // http: // www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256718/

[4] Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» (с посл. изм. и доп.) // КонсультантПлюс.

[5] Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 24.11.2008г. № 243 «Об участии органов прокуратуры в законопроектной работе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и нормотворческой деятельности органов местного самоуправления» (с посл. изм. и доп.) // КонсультантПлюс.

нодательной инициативы, используют его, проявляют инициативу в вопросах формирования нормативной базы в развитие федерального законодательства»[1].

В юридической литературе отмечается многообразие форм участия прокуроров в правотворческой деятельности. Представляется, что достаточно эффективными формами являются: участие в подготовке проектов нормативных правовых актов; участие в обсуждении проектов законов и других нормативных правовых актов; внесение в органы, обладающие правом законодательной инициативы, предложений о принятии новых актов, об отмене действующих актов или о внесении в них дополнений и изменений (поправок); проведение правовой экспертизы проектов законов и иных нормативных правовых актов; осуществление мониторинга соответствия разрабатываемых нормативных правовых актов Конституции РФ и федеральным законам; подготовка информационных писем о необходимости принятия или приведения в соответствие федеральному законодательству нормативных правовых актов и другие. Причем, в рамках одной формы участие в правотворческой деятельности может осуществляться в нескольких направлениях.

К примеру, участие прокурора в подготовке проектов нормативных правовых актов осуществляется по следующим направлениям: «внесение предложений о необходимости правового регулирования и его развития; содействие субъектам правотворчества в разработке проектов правовых актов и инициативная подготовка в пределах компетенции нормативных правовых актов; участие в разработке международных договоров Российской Федерации, подготовке соглашений с компетентными органами других государств и международными организациями»[2].

Среди ученых-юристов нет единого мнения по вопросу отнесения проведения правовой экспертизы проектов законов и иных нормативных правовых актов к формам участия прокурора в правотворческой деятельности. Некоторые авторы не признают формой участия прокурора в правотворческой деятельности опротестование незаконных нормативных правовых актов и участие в рассмотрении протестов и представлений федеральными органами исполнительной власти, законодательными (представительными) и исполнительными органами субъектов РФ, органами местного самоуправления.

В частности, А.И. Гальченко, Р.Р. Абляскин и другие считают необоснованным отнесение некоторыми авторами вышеперечисленной деятельности к формам участия прокуратуры в правотворческой деятельности[3].

---

[1] http://www.garant.ru (дата обращения 10.10.2017).

[2] Дудин Н.П., Головко И.И. Указ. соч. С. 8-9.

[3] См.: Гальченко А.И. Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы // Журнал LEX RUSSICA. 2014, №11 (дата обращения 10.10.2017); Абляскин Р.Р. Функция участия прокуратуры Российской Федерации в правотворческой деятельности // Universum: Экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2017. № 6(39). URL: http://7universum.com/ru/economy/archive/item/4855 (дата обращения: 10.10.2017) и др.

Н.П. Дудин и И.И. Головко придерживаются противоположной точки зрения, рассматривая указанные направления как формы участия прокурора в правотворческой деятельности[1].

Поддерживая частично позицию последних, заметим, что в приказе Генеральной прокуратуры РФ от 17.09.2007 г. № 144 осуществление правовой экспертизы проектов нормативных правовых актов законодательных (представительных) и высших исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления отнесено к сфере правотворческой деятельности прокуратуры. Однако, принесение протеста на незаконные нормативные правовые акты и участие в его рассмотрении соответствующими органами, все же, следует отнести к надзорной деятельности прокуратуры, поскольку надзор осуществляется на соответствие действующих правовых актов нормам, имеющим более высокую юридическую силу.

В отличие от надзора, правотворчество связано с деятельностью, направленной на совершенствование законодательной и нормативной правовой базы, принятие нормативных правовых актов в точном соответствии с Конституций РФ и иными действующими законами.

Нельзя не заметить, что рассматривая отдельные аспекты участия прокурора в правотворческой деятельности, исследователи акцентирует внимание на вопросе о взаимодействии органов прокуратуры с органами местного самоуправления. И это понятно, поскольку наибольшее количество нормативных актов, не соответствующих федеральному законодательству, принимают и издают именно органы местного самоуправления. В этой связи имеется необходимость в деятельном участии органов прокуратуры в нормотворческом процессе органов местного самоуправления. Такое участие может быть обеспечено посредством проведения прокурором консультаций, включения представителя прокуратуры в рабочую группу для обсуждения законопроектов, их правовой экспертизы, инициирования разработки проекта и др., однако, в большинстве регионов отмечается отсутствие налаженной совместной работы между органами местного самоуправления и органами прокуратуры.

Проведенный анализ показывает, что в процессе взаимодействия у органов прокуратуры и органов местного самоуправления возникают определенные трудности, которые могут быть связаны с вопросами, например, организационного характера (сроков проведения заседания, невозможностью присутствия прокурора на заседании в муниципальном образовании, срочностью принятия решений, практикой ведения регистра и др.).

Это нередко приводит к принятию актов без получения заключения органов прокуратуры. Органы прокуратуры и органы местного самоуправления зачастую расходятся во мнении, какие акты должны быть отнесены к нормативным, а какие нет, и как результат разногласий – не все проекты

[1] Дудин Н.П., Головко И.И. Указ. соч. С. 12-13.

нормативных актов представляются в органы прокуратуры для предварительной экспертизы.

С учетом изложенного, автор разделяет позицию Р.И. Загидуллина о целесообразности предусмотреть в уставах муниципальных образований норму, закрепляющую за прокурорами городов и районов право нормотворческой инициативы в представительных органах. В целях улучшения взаимодействия в сфере обеспечения законности нормативных правовых актов, полноты правового регулирования и создания единого правового пространства, внедрить во всех муниципальных образованиях оправдавший себя в ряде субъектов[1] опыт заключения прокуратурой с главами муниципальных образований соглашения о взаимодействии, в котором должны найти отражение, в том числе, положения, обеспечивающие представление прокурору всех проектов муниципальных нормативных актов до их принятия, а также в течение установленного в соглашении срока уже принятых актов, для изучения их на предмет соответствия действующему законодательству.

Следует отметить, что некоторые прокурорские работники придерживаются позиции, согласно которой правотворческая деятельность для прокуратуры, хотя и важная по своему значению, но не является главной, прокуратура, в первую очередь, является надзорным органом, поэтому прокуроры в основном должны заниматься надзорной деятельностью, а заниматься правотворческой деятельностью нет необходимости[2].

На наш взгляд, значение участия прокуроров в правотворчестве нельзя недооценивать. Прокурор уже на стадии подготовки проектов правовых актов может добиться устранения нарушений законов, что в конечном итоге, позволит снизить нагрузку на надзорные подразделения органов прокуратуры и, что особенно важно, снизить объем работы по опротестованию незаконных правовых актов и их судебному оспариванию.

Подводя итог, отметим положительное влияние участия органов прокуратуры в правотворческой деятельности на формирование единого правового пространства в России и ее субъектах, что способствует укреплению роли государства в развитии общественных отношений. Очевидно, что это направление прокурорской деятельности нуждается в дальнейшем развитии.

---

[1] См.: Загидуллин Р.И. Участие прокуроров в нормотворческой деятельности органов местного самоуправления // Законность. 2014. № 6.

[2] См.: Богдашкина Г.А. Указ. соч.

Карнаушенко Леонид Владимирович,
доктор исторических наук, профессор,
начальник кафедры теории и истории права
и государства Краснодарского университета
МВД России

РЕГУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАВА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА В XXI В.

Условия трансформирующегося российского общества приводят к серьезным изменениям основных социальных институтов, их конструктивного облика, функционального репертуара, спектра удовлетворяемых социальных потребностей. В последние годы существенно изменяются условия протекания многих социальных явлений и процессов. Виртуализация, «обезличивание» социальных действий и взаимодействий формирует множество возможностей не только для бизнеса, искусства, науки, но и для различного рода социальных отклонений, преступности «нового поколения», максимально использующей потенциал информационно-компьютерных технологий и Интернета. В условиях глобального информационного миропорядка начала XXI в. возрастают возможности конфиденциальной, обезличенной коммуникации – как на индивидуально-личностном, так и групповом, а также массовом уровнях. Данный факт предполагает существенную перестройку института государства, его правоохранительной системы, что на практике далеко не всегда происходит. Вследствие возникающего противоречия формируется широкий спектр проблем, не всегда находящих адекватное решение.

Институт государства в современных условиях оказывается перед весьма сложной дилеммой, так как, с одной стороны, необходимо осуществлять противодействие стихийным, бесконтрольным коммуникативным действиям, особенно в пространстве глобальной компьютерной сети, с другой стороны, попытки установления контроля над сетью Интернет приводят к негативным последствиям, особенно, в экономической, культурной сферах, в имиджевом представлении государства на мировой арене. В постиндустриальном обществе институт государства вынужден искать «тонкий» баланс между ограничительно-запретительными тенденциями и возможностями использования имиджевых внепроизводственных активов и ведения инновационного бизнеса.

Особая роль в информационном обществе XXI в. принадлежит Интернету. По мнению А.А. Литвинова, «сеть Интернет распространяется на бесчисленное множество государств, объединяя в себе представителей различных религиозных конфессий, культур, взглядов и, безусловно, является инструментом унификации мирового общества, неся в себе огромный массив духовного материала. Интернет вместе с широтой и доступностью своего

распространения накапливает собственные отличительные культурные единицы, оказывая значительное влияние на реальную жизнь человека».[1]

Глобализация посредством активного использования потенциала глобальной компьютерной сети Интернет приводит к нарастающим интегративным процессам, охватывающим различные сферы и подсистемы жизни общества. Как полагают исследователи, в настоящее время «почти нет изолированных сообществ, государств, а единое информационное пространство будет все больше охватывать будущие цивилизованные поколения, ставя вопрос о сохранности самобытных национальных культур под влиянием такого мощного инструмента глобализации как сеть Интернет и его культурных единиц».[2]

Интернет становится символом и, одновременно, основным атрибутом глобализации. Именно посредством всемирной компьютерной сети осуществляется большинство бизнес-операций, интенсифицируется социальная коммуникация. Как полагает Г.Г. Салихов, «общению на социальном уровне способствует развитие туризма, обмен культурными ценностями, дискуссии о духовных ценностях, прямой обмен информацией по Интернету, позволяя преодолевать различные предрассудки, сближая людей в культурном и духовном отношениях. Подобного рода контакты полезны для объединения людских сообществ, отличающихся этнической, религиозной, идеологической, культурной пестротой, относящейся к одной из острых проблем человечества».[3]

С.Р. Гадисов указывает, что «в условиях современных процессов глобализации национальные государства отстаивают и защищают свои интересы, и объединение их в так называемое мегаобщество не представляется возможным, учитывая особенности развития любого национального государства».[4]

Как отмечают исследователи, в современной ситуации «у национального государства появляются новые проблемы и, как следствие, новые функции. Традиционные функции государства тоже подвергаются существенному изменению под воздействием процесса глобализации. Характерный для эпохи глобализации стихийный процесс либерализации экономики зачастую приводит к потере национальных государств значительной части контроля над социальной ситуацией в стране. В условиях глобализации труднейшей для государства задачей является определение разумных пределов его вмешательства в экономику».[5]

---

[1] Литвинов А.А. Сеть интернет как глобальное унифицирующее явление культуры // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013. № 4. С. 1-5.

[2] Там же. С. 1-5.

[3] Салихов Г.Г. Мировое сообщество в эпоху глобализации // Вестник Башкирского университета. 2007. №1. С. 194-196.

[4] Гадисов С.Р. Трансформация института государства в условиях глобализации // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. № 6. С. 53-58.

[5] Там же. С. 53-58.

Существенной проблемой для института государства в глобальном мире становятся транснациональные корпорации (ТНК), которые выполняют важную роль в мировой экономической системе XXI в., вследствие чего их функциональный репертуар в ряде случаев оказывается существенно шире собственно экономической сферы. Государство вынуждено считаться с «особым» статусом ТНК в глобальном миропорядке XXI в. По мнению К.Е. Орловой, «в условиях глобализации увеличивается влияние бизнеса как на внутреннюю жизнь государства, так и на глобальную систему. ТНК не имеют ни легитимности, ни достаточных ресурсов в качестве структур регулирования. Помимо экономических, социальных функций, функций интеграции в мировую экономику государство выполняет те функции, которые не в силах выполнить ни одна ТНК: оборона страны, охрана прав и сторон граждан, обеспечение законности и правопорядка».[1] Следует отметить, что влияние ТНК на национальное государство во многом зависит от конкретных условий и бывает весьма специфичным. Как представляется, научная мысль в настоящее время зачастую репрезентирует ТНК как некий маркер, индикатор происходящих изменений информационного миропорядка, не уделяя должного внимания глубокой научной оценке данного явления, факторов его детерминации и социальных последствий деятельности. Именно это гносеологическое противоречие должно быть преодолено в ближайшей временной перспективе.

Одной из наиболее существенных проблем постиндустриального общества, проявляющейся как на микро-, так и на макроуровне социальной реальности, выступает возрастающая роль интернет-среды в системе социальных действий и взаимодействий, локализуемых в политической, экономической, социальной и духовной сферах.

Необходимо подчеркнуть, что виртуализация глобального информационного пространства привела к изменению характера угроз, на противодействие которым и направлен институт государства. Проникновение различных агрессивных элементов в сферу «высоких» технологий, усиление позиций киберпреступности, международного терроризма, «ренессанс» информационно-психологических войн в XXI в. Новые технологии несут не только позитивные, но и отрицательные последствия, в частности, применительно к институту государства. Возникают проблемные ситуации, охватывающие глобальный мир в целом, с которыми отдельное государство не может справиться самостоятельно. Однако ожидать более менее серьезной консолидации ведущих государств в современных условиях весьма сложно, учитывая острые противоречия между нами по ряду аспектов.

[1] Орлова Е.К. Роль государства в условиях глобализации // Успехи современного естествознания. 2012. № 4. С. 83-85.

Развитие информационно-компьютерных технологий, их стремительное проникновение в социальную жизнь обостряет ряд системных социальных проблем, усложняет регулирование конфликтных ситуаций, различного рода противоречий. В новых условиях именно институциональные структуры права призваны выдержать достаточно мощное воздействие различного рода деструктивных сил, факторов, которые способны привести к дезорганизации социальной системы, ее отдельных элементов и подсистем. Одним из возможных вариантов реагирования на происходящие изменения может стать модернизация системы права. Как полагает С.Р. Гадисов, «в современных условиях правовые системы разных государств должны быть совмещены и иметь возможность взаимодействовать друг с другом. Этого можно достигнуть признанием приоритета международного права над внутренним и интенсивным изменением внутреннего права под влиянием международного».[1]

Однако следует обратить внимание на то, что в современных условиях вероятность использования инструментов международного права в целях регулирования общемировых проблемных ситуаций остается весьма невысокой. Учитывая сложившуюся напряженную геополитическую ситуацию в начале XXI в., рассчитывать на интегративный потенциал системы международного права весьма сложно, так как у различных государств имеются в данный момент весьма серьезные противоречия во взглядах на особенности регуляции социально-политических процессов на различных уровнях их локализации.

Необходимо подчеркнуть, что ряд современных исследователей высказывают оптимистические взглядов относительно возможностей системы международного права. С точки зрения Т.С. Глазатовой, «процессы глобализации существенным образом повлияли на трансформацию международного права».[2] Основной тенденцией миропорядка начала XXI в. выступает именно реализация интегративного потенциала, в том числе и применительно к актуальной социально-правовой системе. Именно поэтому, по мнению исследователей, «глобализация сопровождается, с одной стороны, постепенным стиранием существующих правокультурных различий, универсализацией и стандартизацией права, с другой стороны, нарастанием конфликтности, противоречивости как самих национальных правовых систем, так и их взаимодействия. Международно-правовое регулирование пытаются

[1] Гадисов С. Р. Трансформация института государства в условиях глобализации // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. № 6. С. 53-58.

[2] Глазатова Т.С. Влияние процессов глобализации на развитие права в современном мире // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. №11(79). С. 412-416.

подменить диктатом негосударственных сетевых структур, которые даже не являются субъектами международного публичного права».[1]

Интегративный потенциал современного права в масштабах глобального информационного миропорядка характеризуется определенным спектром «практических приложений». Так, в настоящее время актуализируется ряд противоречивых ситуаций, решение которых не входит в компетенцию какого-либо одного национального государства. В данном случае институт государства вступает в противоречие с наднациональными структурами, функциональный репертуар которых во многом «пересекается».

В частности, следует отметить, что в XXI в. одной из главных угроз мирового сообщества являются киберпреступления. Как полагает В.В. Бондарь, значимым индикатором современной киберпреступности выступает «создание и использование бот-сетей. Ботнет состоит из множества (иногда миллионов) компьютеров конечных пользователей, зараженных вредоносными программными средствами («вредоносное ПО» или «Троян»)».[2]

Подобное «обезличенное» использование интернет-среды для достижения антисоциальных целей преступными элементами позволяет акцентировать внимание исследователей на ряде атрибутивных характеристик современной социокоммуникативной системы. В результате организованная преступность, используя потенциал глобальной компьютерной сети Интернет, существенно расширяет свои деструктивные возможности. Данный фактор не всегда находит должную оценку и понимание, особенно у представителей государственных управленских структур, в ряде случаев предпочитающих формальные, шаблонные действия в ответ на актуализацию той или иной проблемы.

С точки зрения А.Л. Осипенко, «на фоне стремительной криминализации общественных отношений и даже формирования матрицы криминального управления мировыми процессами происходит трансформация сетевой преступности как закономерный общемировой процесс, напрямую связанный с существенным повышением роли информационно-коммуникационных технологий в информационном обществе».[3]

Следует заметить, что киберпреступность представляет собой лишь одну из разновидностей угроз существующему в современном мире социальному порядку. Новое общество породило достаточно широкий спектр проблемных ситуаций, актуальных для социального института государства.

---

[1] Глазатова Т.С. Влияние процессов глобализации на развитие права в современном мире // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. №11(79). С. 412-416.

[2] Бондарь В.В. Киберпреступность – современное состояние и пути борьбы// // Юридические записки. №2. 2013. С. 96-100.

[3] Осипенко А.Л. Организованная преступность в сети интернет // Вестник воронежского института МВД России. 2012. №3. С. 10-16.

С одной стороны, современное общество предоставляет весьма вариативный комплекс возможностей для социальных акторов, желающих оказать антисоциальное и асоциальное воздействие на массовую аудиторию, сконцентрированную в Интернете и масс-медиа. С другой стороны, стремительное развитие информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий формирует особую рискогенную инновационную среду, в которой институт государства оказывается в достаточно непростом положении.

В последние годы наблюдается парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что институт государства зачастую не успевает «отстроить» стратегию реагирования на возникающие угрозы, в особенности, те, которые исходят от интернет-среды, а также иных инновационных коммуникативных форм и инструментов. Временной лаг, фиксируемый исследователями в данном случае, выглядит вполне закономерным применительно к институту государства, однако, оказывается совершенно неприемлемым в условиях, когда именно от государства ожидается оперативное реагирование на возникающие проблемы, в частности, именно в социально-правовой сфере.

Особое беспокойство применительно к ситуации нала XXI в. вызывает серьезная дисфункциональность системы государственного управления, ориентированного на стабильную, верифицируемую социальную реальность, в отношении которой имеется множество апробированных моделей управленческого воздействия. В ситуации, когда динамическая социальная реальность диктует необходимость консолидированной реакции научного и управленского сообщества на возникающие стимулы-риски, зачастую наблюдается противоположный спектр действий, основным смыслом которых становится не решение, а именно уход от проблемной ситуации. Данная тенденция является весьма тревожной в современных условиях.

Таким образом, целесообразно отметить, что регулятивный потенциал права в современных условиях может быть оценен в нескольких аспектах. Прежде всего, речь идет о возрастании показателей динамизма социальной системы, пребывающей в стадии модернизации под воздействием прогресса информационно-компьютерных и интернет-технологий. Происходящие изменения социума свидетельствуют о его прогрессивном развитии; вместе с тем, наблюдается и возрастание рисков вследствие виртуализации социальных взаимодействий, следовательно, определенный дисбаланс правоотношений, регулирующих часть данных взаимодействий. Киберпреступность, информационный экстремизм и терроризм выступают наглядными примерами воплощения инновационных угроз и рисков социально-правовой системе применительно к XXI в. Подобная противоречивая ситуация угрожает трансформироваться в ближайшем временном периоде в глобальную проблему, так как национальное государство в данных условиях зачастую оказывается не в состоянии в одиночку противостоять глобальным интернет-угрозам, а репрессивная, запретительная политика государства в

отношении Интернета, ограничения свобод граждан в глобальной сети несет и отрицательные эффекты, ухудшая экономическое, социальное положение государства в глобальном мире.

Следует также отметить тревожные тенденции, связанные с нарастанием геополитической напряженности между странами, особенно играющими ведущие роли в общемировом политическом процессе. В подобных условиях резко снижаются транснациональные возможности права, ставится под сомнение система коллективной правовой безопасности, лишается содержательного смысла координация усилий стран в противодействии международной преступности. Формируется парадоксальная картина: с одной стороны, национальные государства сталкиваются с очевидными угрозами своей безопасности, идущими от наднациональных структур, во многом порожденных глобальным информационным миропорядком; с другой стороны, противоречия между странами, нарастание международной напряженности на первый план выводит именно иррациональные факторы, а не рационально-логические, что противоречит сути и духу международной политики, основам дипломатии и т.п. В результате сложившиеся отношения между странами в начале XXI в. могут быть рассмотрены в качестве одного из факторов не консолидирующих, а дезинтегрирующих социально-политическую и социально-правовую реальность. Следствием острой, конфликтной международной обстановки становятся и достаточно зримо проявляющиеся проблемы национального института государства на локальном уровне. Необходимо отметить, что решение многих обозначенных проблем не является прерогативой отдельного государства, а требует консолидации усилий мирового сообщества, что в настоящее время (как и в ближайшем будущем) выглядит скорее как идеально типическая модель, чем реальное развитие событий.

Кожевников Владимир Валентинович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Актуальность данной темы научной статьи определяется тем обстоятельством, что теория государства и права именно в понятиях концентрирует, выражает накопленные знания, раскрывает свой предмет. Понятия выполняют, своего рода, роль системообразующих логических узлов, с по-

мощью которых научное познание проникает в сущность и содержание государственно- правовых явлений. В свое время А.М. Васильев отмечал, что все правовые понятия и категории, сформулированные правовой теорией, «благодаря тому, что в них подытожены содержательные, предметные знания о правовых явлениях, выступают ступеньками познания, опорными пунктами, через которые наука движется к новым результатам в познании»[1].

Особо следует подчеркнуть, что для юриста понятия имеют чрезвычайно важное значение, ибо они, как содержательные научные абстракции, в концентрированной форме выражают накопленные знания о государстве и праве. Это, образно говоря, «кирпичики», из которых строится здание правовой науки. Научный характер они имеют при условии, если объективно и достоверно отражают такие сложные понятия, как государство и право. Через понятия обучающийся юриспруденции постигает сложные государственно-правовые явления[2]. В свое время видный ученый - теоретик С.С. Алексеев совершенно справедливо подчеркивал, что «одна из задач юридического образования состоит в том, чтобы юрист усвоил язык закона, терминологию юридической науки»[3]. В связи с этим, как думается, следует согласиться с мнением представителей философии, подчеркивающих, что «научное познание есть сложный, противоречивый процесс производства и воспроизводства новых знаний, образующих целостную систему понятий, теорий, гипотез, законов и других идеальных форм, закрепленных в языке – естественном или (что более характерно) искусственном: математическая символика, химические формулы и т. п.». Ученые уверены в том, что «выработка специализированного (и прежде всего – искусственного) научного языка – важнейшее условие успешной работы в науке»[4].

Более того, следует учитывать, что в юридической науке бытует точка зрения, согласно которой, рассматривая методологию правоведения в широком значении, авторы полагают трактовать ее, как «совокупность методологических подходов, мировоззрения исследователя, а также выработанная наукой система методов познания, юридических (и государствоведческих) понятий и категорий, служащих инструментами осмысления проблем государства и права»[5].

---

[1] Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права: Тр. ВЮЗИ. Т.XXXII.М., 1973. С.101.

[2] См.: Кожевников В.В., Сенин И.Н. Методология теории государства и права: учебное пособие. Омск: Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт», 2013. С.16-17

[3] См.: Алексеев С.С. Введение в юридическую специальность. М.: Юрид. лит-ра, 1976. С.12.

[4] Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б. Основы философии науки: учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С.29.

[5] Гойман- Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права: учебное пособие. М.: КолосС, 2003. С.24.

На наш взгляд, следует согласиться с мнением В.М. Сырых, который полагает, что «понятия и категории, хотя и играют важную роль в познании, выступают основой методов, но сами по себе не являются самостоятельным методом познания»[1]. Иными словами, речь идет о том, что они не должны рассматриваться в качестве самостоятельных компонентов методологии познания государства и права. В другой работе ученый весьма обоснованно пишет о том, что для того чтобы решить вопрос о способности понятий и категорий правовой науки выступать в качестве метода или его части, недостаточно ограничиться констатацией данной способности, ибо, во- первых, следует раскрыть формы и способы реализации теоретической (методологической) роли понятий и категорий в познании права; во- вторых, изучить связь понятий и категорий с общими, специальными и иными методами науки. Автор убежден в том, что попытки рассматривать понятийный аппарат общей теории права в качестве специфического метода не могут быть признаны правильными, поскольку основываются на отождествлении теоретического и методологического аспектов общей теории права[2].

Как представляется, правы те авторы, которые, рассматривая методологическую функцию теории государства и права подчеркивают, в частности, что, «будучи наиболее общей наукой в системе юридических наук, она вырабатывает основополагающие государственно-правовые понятия(категории)… , которые используются другими юридическим науками в качестве базовых, отправных при исследовании своих предметов»[3]. А.А. Иванов полагает, что теория государства и права разрабатывает основные понятия и категории, которыми оперируют остальные отраслевые и специальные (прикладные) юридические науки, а также определяют магистральные пути их исследования[4]. С.С. Алексеев и В.Д. Перевалов, говоря о теории государства и права как отправной, базовой по отношению к другим юридическим дисциплинам, обращают внимание на то, что понятийный аппарат первой «воспринимаются отраслевыми, прикладными учебными курсами, конкретизируются применительно к своей специфике и учитываются при преподавании»[5]. Н.Н. Тарасов также соглашается с тем, что понятия

---

[1] Сырых В.М. Теория государства и права: учебник. М., 2001. С.556.

[2] См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права в 2-х томах. Т.1 Элементный состав. М.: ЗАО Юстицинформ, 2004.С.373, 382.

[3] Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права: учебное пособие. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2010. С.24.

[4] См.: Иванов А.А. Теория государства и права: учебное пособие. М.: ЮНИТА-ДАНА: Закон и право, 2009. С.8-9.

[5] Алексеев С.С., Перевалов В.Д. Теория государства и права как учебная дисциплина // Теория государства и права: учебник//под ред. В.Д. Перевалова. М.: Норма, 2007.С.18-19.

общей теории права способны играть в отраслевых исследованиях методологическую роль[1].

Определив значение понятий с точки зрения и юридического образования, и становления и развития юридической науки, следует, на наш взгляд, обратить внимание, что содержание первых, так или иначе, определяется так называемым «государственно-правовым компонентом», отражающим сложный, а порой, противоречивый процесс взаимодействие государства и права.

Используя данный компонент, как представляется, следует трактовать правовое регулирование как государственное (государственно-правовое) регулирование общественных отношений, поскольку нормы позитивного права устанавливаются или санкционируется государством, опираются на возможность применения принудительной силы государства. В литературе обоснованно замечается, что «тот факт, что в ряде случаев нормы позитивного права могут устанавливаться негосударственными организациями или непосредственно народом, не меняет существа дела, так негосударственные организации, а также народ устанавливают нормы с санкции (разрешения) государства»[2]. Справедливости ради, заметим, что не все ученые безоговорочно признают только государственный характер правового регулирования, полагая, что своим содержанием оно охватывается как государственным регулированием, так и регулированием, осуществляемым непосредственно адресатами права, т. е. саморегуляцией. При этом авторы уточняют, говоря, что государственное регулирование главным образом распространяется на публично-правовую сферу, а саморегуляцией охватывается сфера действия частного права[3].

Возражая против данного положения, подчеркнем, что, во-первых, и частное, и публичное право основываются на нормах, исходящих от государства; во-вторых, «чистых» отраслей публичного и частного права на практике не существует.

Именно с позиции данного подхода, т. е своего рода избираемой исследователем стратегии познания, методологической платформы, на которой базируются его взгляды при изучении государства и права, автором ранее анализировались проблемы государственно-правового воздействия на экономику рыночных отношений,[4] рассматривался один из элементов формы государства - государственный (государственно-правовой) режим[5],

---

[1] См.: Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001.С. 175.

[2] Пьянов Н.А. Указ. соч.С.321.

[3] См.: Гойман- Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Указ. соч.С.97.

[4] См.: Кожевников В.В. Проблемы государственно- правового воздействия на экономику рыночных отношений современной России//Современное право. 2017. № 8. С.5- 16.

[5] Кожевников В.В. К проблеме государственного режима современной России//Современное право. 2017.№5. С.5-14.

определяющий способы и порядок формирования органов государственной власти и управления; распределение компетенции между ветвями власти; характер взаимоотношений между различными органами власти; государственные гарантии прав и свобод граждан, реальность этих прав и свобод; верховенство правового закона в механизме правового регулирования; роль права в решении государственных дел и др.[1]

Думается, что данный государственно-правовой компонент должен учитываться при определении понятия негативной (ретроспективной) юридической ответственности, несмотря на различные ее трактовки: необходимость правонарушителя претерпевать неблагоприятные последствия различного характера; возникающее из правонарушений правовое отношение между государством, его специальными органами и правонарушителем, на которого возлагается обязанность претерпевать соответствующие негативные последствия; применение к правонарушителю штрафных (карательных) санкций норм права и др.

Игнорирование указанного компонента как раз и привело к появлению в юридической науке такого феномена, как позитивная юридическая ответственность, претендующего на статус юридического понятия. Юридическая ответственность в позитивном смысле предполагает осознание субъектом права своего долга (особых обязанностей) перед обществом, коллективом, социальными группами. Такую ответственность субъект возлагает на себя как бы за будущие результаты своего правомерного поведения. Полагаю, что позитивная юридическая ответственность не развивает теорию юридической ответственности, а, наоборот, ее тормозит, ставит все «с ног на голову». Она не имеет собственно юридической специфики и ничем не отличается от общесоциальной ответственности.

Думается, что в этой связи следует согласиться с положениями о том, что позитивная юридическая ответственность вообще не укладывается в категориальный аппарат юридической науки, не признается явлением юридическим из-за отсутствия должного содержания правовых компонентов[2].

В заключение отметим, что предложенный нами подход при определении юридических понятий имеет постановочный характер, который может вызвать дискуссии и стать основой для дальнейших научных исследований в этом направлении.

---

[1] См.: Общая теория государства и права: академический курс в 2-х томах//отв. ред. М.Н. Марченко.Т.1.М.: Зерцало , 1998.С.183.

[2] См.: Шабуров А.С. Правомерное поведение. Правонарушение. Юридическая ответственность//Теория государства и права: учебник//отв. ред. В.Д. Перевалов. М.: Норма, 2007.С.273; Шепелев В.И. Юридическая ответственность//Любашиц В.Я., Смоленский М.Б., Шепелев В.И. Теория государства и права: учебник. Ростов н/Д: Феникс, 2006. С.462.

Колесников Сергей Александрович,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Белгородский юридический институт
МВД им. И.Д. Путилина

ПРАВОВАЯ ТЕМАТИКА В СУДЕБНОЙ РИТОРИКЕ А.Ф. КОНИ

А. Ф. Кони, являясь одним из ярчайших ораторов своего времени, олицетворял собой образец судебного риторического искусства. Важнейшим ресурсом, который позволял А.Ф. Кони соответствовать самым высоким критериям судебного оратора, являлся личностный потенциал, рассмотрение которого должно стать центральной задачей каждого, кто решает посвятить себя правоохранительной риторике. Значение Кони как судебного оратора и как многогранной личности настолько велико, что для детального рассмотрения всех особенностей синтеза профессионального ораторства и личностных факторов этого незаурядного общественного деятеля требуется монументальное научное исследование.

А.Ф. Кони вполне заслуженно может считаться образцом юриста, как реализующего свое представление о правопорядке в практической сфере, так и в сфере словесной, судебно-риторической. Показательно, что современники А.Ф. Кони, лично знавшие его, акцентируют внимание именно на образцовой позиции А. Ф. Кони. Так, известный писатель и мемуарист К. И. Чуковский писал: «Образ А.Ф. Кони предстает перед нами как «светлый облик бестрепетного судьи-гражданина, который в условиях неправосудного строя грудью бился за праведный суд и заслужил сердечную признательность советских людей, особенно судебных работников, видящих в нем одного из своих лучших учителей и предшественников»[1]. Именно А.Ф. Кони сформулировал – и теоретически, и всей своей профессиональной деятельностью – необходимость осуществления правосудия на нравственных основаниях, сформулировал нравственного кредо правозащитника, самоотверженно стоящего на страже закона.

Благодаря судебно-риторической деятельности А.Ф. Кони стало возможным уже во второй половине XIX века более четко очертить контуры тех позиций, которые бы определяли высокий профессионализм судебного оратора. В контекст подлинного профессионализм А.Ф. Кони вписывал научный подход. Занятия научной деятельностью способны обеспечить глубокий анализ тех вопросов, которые стоять в качестве основных в каждой профессии, и тем более в правоохранительной сфере. Опыт научной дея-

[1] Чуковский К. И. Собр. сочинений. Т. 5. - М.: Художественная литература, 1965. С. 262.

тельности самого А.Ф. Кони показывает, что научная и научно-педагогическая деятельность способны придать новый импульс профессиональному росту. Заложенный еще в годы университетского образования научный фундамент позволил Кони в период практической правоохранительной деятельности подняться до самого высокого уровня раскрытия задач судебной риторики. Можно привести широкий спектр образовательных тем, которые были восприняты Кони еще в университете: римское право, гражданское право, исследования по истории – именно истории России была посвящена дипломная работа будущего знаменитого российского оратора, тщательное изучение памятников древнерусской письменности под руководством авторитетнейшего специалиста в этой области Ф. И. Буслаева и многие другие образовательные траектории помогли заложить подлинно научное понимание своей профессии.

Знаковыми и показательными являлись первые шаги А.Ф. Кони в научной юриспруденции. Известно, что первой научной самостоятельной работой в области права стала диссертация «О праве необходимой обороны», написанная в 1856 году. Хотелось б обратить внимание на первоначальный импульс, который подтолкнул А.Ф. Кони к выбору именно этой, тогда еще мало исследованной в российском праве темы. История вопроса самообороны как юридического факта развивалась прежде всего в западноевропейской юриспруденции. По этому вопросу высказывали свое мнение в то время такие авторитетные юристы, как немецкий криминалист Альберт Беркер, француз, автор ряда учебников по уголовному праву Жозеф Буатар и юрист-международник Жан Ортолан. Эти авторитеты и определили первоначальный научный метод первой научной работы А.Ф. Кони.

Уже являясь опытным правозащитником, А.Ф. Кони будет акцентировать внимание на необходимости и профессиональной значимости наличия опыта научной деятельности у юриста-профессионала. В одной из своих речей, посвященной научному аспекту юридической деятельности, «Труды и задачи петербургского юридического общества» (1902), А.Ф. Кони детально рассматривал необходимость научного фундамента в правоохранительной деятельности. Он дает краткий анализ тех типов научных сообществ, которые, по его мнению, определили путь развития подлинно профессиональной гуманитаристики. «Два рода ученых обществ, – говорил А.Ф. Кони, – существует в области jura et humaniora. Удел одних – история и археология. Их устремленный назад взор ищет в восстановлении картин далекого, застывшего прошлого пищи и вместе отдыха для мысли, усталой от тревог действительности. Нельзя, конечно, отрицать значения их трудов в отношении к настоящему и в особенности к будущему, ибо история… откровение общечеловеческих идей, должен слышать с ее страниц не только приговор неподкупного судии, но и вещий голос пророка. Однако отношение это не всегда уловимо и всегда очень условно. Задача других обществ – иметь прямое отношение к мимо бегущей жизни, к ее запросам и

потребностям, складу и укладу – и в чреде своей деятельности намечать идеалы будущего и пути к их достижению»[1]. Острейшая проблема актуализации научных знаний была актуализирована А.Ф. Кони именно в контексте подготовки настоящего профессионала-юриста.

Все незаурядные дарования А.Ф. Кони способствовали развитию его ораторских достижений. Собственно, можно говорить о формировании особой парадигмы ораторского искусства, чье совершенство определялось многогранными талантами А.Ф. Кони. Судебно-ораторское искусство стало для А.Ф. Кони тем фокусированным действом, в котором воплотились накопленные в иных областях деятельности ресурсы. Именно судебно-ораторское искусство позволило А.Ф. Кони четко и конкретно сформулировать свое профессиональное кредо, обозначить максимально концептуально свой профессиональный статус.

В судебно-ораторском искусстве А.Ф. Кони выступает как опытный эксперт, определяющий параметры оптимального судебного красноречия. Он писал, формулируя условия идеального судебного оратора: «Нужно знать предмет, о котором говоришь, в точности и подробности, выяснив себе вполне его положительные и отрицательные свойства; нужно знать свой родной язык и уметь пользоваться его гибкостью, богатством и своеобразными оборотами, причем, конечно, к этому знанию относится и знакомство с сокровищами родной литературы... Наконец, ...нужно не лгать... искренность по отношению к чувству и к делаемому выводу или утверждаемому положению должна составлять необходимую принадлежность хорошей, т. е. претендующей на влияние, речи»[2]. Таким образом, вектор идеального судоговорения, по Кони, движется от реального судебного дела, от знания обо всех перипетиях и аспектах правового события, через отточенное владение всеми ресурсами языка, наличие значительного эстетического опыта, позволяющего задействовать в ораторском жанре огромных потенциал всей русской литературы в частности и культуры в целом – к внутренней душевной гармонии, к обретению внутренней целостности, которая и способна привести к желаемому ораторскому результату.

Работу по определению условий идеальной судебной речи А.Ф. Кони продолжал практически в течение всей жизни. Показательно, что характеристики, даваемые самому Кони как профессиональному оратору, позволяют расширить представление о тех задачах, которые должны быть выполнены судебным оратором на пути профессионального совершенствования. Один из авторитетных исследователей наследия А.Ф. Кони М. Выдря писал, характеризуя ораторский портрет выдающегося русского юриста: «У А. Ф. Кони было все, что необходимо судебному оратору: огромный запас знаний, острый, наблюдательный ум, строгая логика мышления, дар широкого обобщения-фактов, незаурядное литературное мастерство, а главное

[1] Кони А.Ф. Собр. соч. в 6 тт. Т.4. – М.: Юридическая наука, 1966. С.293.
[2] Кони А.Ф. Собр. соч. в 6 тт. Т.3. – М.: Юридическая наука, 1966. С. 8.

огромная теплота, задушевность, тонкое понимание движений человеческой души, умение дать правильный анализ человеческим поступкам»[1]. И здесь мы опять видим, уже в характеристиках самого А.Ф. Кони, тот же вектор, направленный от внешнего запаса знаний к психологическому тонкому анализу поступков и действий тех или иных участников судебного процесса.

А.Ф. Кони уделял особое внимание соотнесенности природного таланта и практической деятельности по освоению сферы судебной ораторики. Он писал, характеризуя данное соотношение: «Если под красноречием разуметь дар слова, волнующий и увлекающий слушателя красотою формы, яркостью образов и силою метких выражений, то для этого нужно иметь особую способность, частью прирожденную, частью же являющуюся результатом воспитательных влияний среды, примеров, чтения и собственных переживаний»[2]. Успех в судебном красноречии складывается, по мнению Кони, и из дара, и из значительного труда по овладению искусством судебного слова.

Таким образом, правовые основания судебной риторики А.Ф. Кони позволяли придать судебным речам большую значимость, а, самое главное, результативность в достижении судебного результата.

Ломакина Ирина Борисовна,
доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры
теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского
филиала университета прокуратуры
Российской Федерации

ПРАВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ Л.И. ПЕТРАЖИЦКОГО

Л. И. Петражицкий предложил альтернативный исторической школе права взгляд на правообразовательный процесс. Отталкиваясь от тезиса, что все поступки индивидов определены психическими процессами, в которых огромное значение имеют эмоции, Л. И. Петражицкий провозглашал, что право существует реально, только в них, и помимо них проявляться не может.[3] Развивая эту мысль, ученый отмечал, что эмоции играют в жизни человека «роль главных и руководящих психических факторов приспособления к условиям жизни; прочие односторонние элементы психической жизни

[1] Кони А.Ф. Собр. соч. в 6 тт. Т.3. – М.: Юридическая наука, 1966. С. 10.

[2] Кони А.Ф. Собр. соч. в 6 тт. Т.4. – М.: Юридическая наука, 1966. С. 141.

[3] Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 11.

играют при этом вспомогательную, подчиненную и служебную роль».[1] Отсюда, субъективное право – разновидность эмоций, имеющих обязательно-притязательный характер. На этой сугубо психологической основе базируется юридическая норма, рассматривающаяся ученым как результат правового переживания – некое мысленное содержание, в котором выражается реальная психологическая связь обязанности и правомочия.

Для возникновения обычного права, полагал Л. И. Петражицкий, достаточно «наличия хотя бы в психике одного индивида (вопреки мнению всех других) императивно-атрибутивного переживания со ссылкой на поведение других, хотя бы эта ссылка покоилась на недоразумении или подлежащее поведение было лишь редкое и спорадическое и т. д.».[2]

Следовательно, обычное право предстает у Л. И. Петражицкого как субъективная реальность, которая включает все императивно-атрибутивные эмоции (индивида) субъекта, являющегося, например, «игроком в гольф, или клиентом в парикмахерской, или гостем на приеме знатной особы».[3] Эти правила составляют неофициальное обычное право.[4]

«Официальный статус обычное право, – по Петражицкому, – приобретает тогда, когда орган публичной власти признает это право в деловом быту, в торговле, где разные притязания, не предусмотренные торговыми законами, заявляются и удовлетворяются на том основании, что так принято в торговле и т. д.».[5] Такое обычное право приобретает статус позитивного. А оно, в свою очередь, бывает «стародавним» и «новообразованным». [6]

Субъектами первого вида обычного права являются носители «примитивной психики», то есть те, кто испытывает склонность «к возведению бывшего поведения других, главным образом предков, в «закон», в нормативный факт для себя и для других…».[7] Во втором случае субъектами обычно-правовых отношений выступают современники, чьи эмоции закрепляются установкой: «так принято, таков общепринятый (в данное время) обычай…».[8] В первом и во втором случаях авторитет обычного права зависит от эмоциональной силы переживания и выше там, где императив психики жестче.

Л. И. Петражицкий считал, что характерными чертами и особенностями обычного права является консервативность, косность, отсталость. «Обычное право является окаменелостью психики и старины».[9] Отсюда и

---

[1] Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 11.

[2] Там же. С. 442.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Петражицкий Л. И. По поводу вопроса о ценности обычного права и его изучения // Право. 1899. № 8. 21 февраля. С. 382.

утверждение, что «обычное право смотрит не вперед, а назад, имеет ретроспективный характер, сообразуется неизбежно не с тем, что может быть в будущем, и не с настоящими условиями как таковыми, а с тем, что было раньше в более или менее отдаленном прошлом. Чем выше ступень культуры, тем более консерватизм обычного права делается отрицательным фактором социальной жизни и культуры и её прогресса. Чем быстрее изменяются условия и потребности жизни, тем меньше обычное право может поспевать за этим развитием, тем больше оно отстает от жизни, тем быстрее прежняя нормативная мудрость теряет свою годность и приспособленность и превращается в социальное неразумие, искажает и тормозит развитие «народного духа», народного хозяйства и т. д.».[1]

Таким образом, обычное право в интерпретации Л. И. Петражицкого – это психологическое орудие для угнетения и подавления слабых более сильными, так как возникновение обычного права обусловлено «взаимодействием разных элементов народонаселения, более сильных по своему положению и способных диктовать условия другим, более слабым и зависимым. Поэтому развивающиеся обыкновения имеют естественную тенденцию благоприятствования сильным за счет слабых, и на почве медленного, незаметного и нечувствительного процесса развития получаются такие результаты, как кастовое право, низведение более слабых на положение париев в буквальном смысле, рабов, крепостных и т. п. (введение какового права путем закона было бы психологически невозможно).[2] Обычное право в этом смысле выступает орудием социально-правового неравенства, кастовых и сословных привилегий, рабства и крепостного права, бесправия женщин и проч.

Вместе с тем Л. И. Петражицкий отмечает, что, несмотря на негативные качества, обычное право как правовой феномен общественной жизни требует последовательного изучения и научного осмысления. «Как ядовитые грибы с ботанической, теоретической точки зрения следует признавать грибами, несмотря на их ядовитость… точно так же и в области теоретической проблемы, касающейся наличия или отсутствия обычного права, следует признавать обычное право существующим совершенно независимо от того, удовлетворяет ли оно известным практическим требованиям или нет».[3] Приведенные взгляды Л. И. Петражицкого небесспорны и требуют критического переосмысления.

В определенной мере на психологических позициях выстроена концепция П. А. Сорокина, М. А. Рейснера. В отличие от своего учителя Л. И. Петражицкого П. А. Сорокин видел в обычном праве не только императивно-атрибутивные эмоции, но и убеждения, которые «находятся в нас, в виде словесных и письменных формул, в виде поступков и общественно-правовых институтов – вне нас. Подобно электричеству, оно невидимо, но

[1] Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 449.

[2] Там же.

[3] Там же.

двигает людьми, вызывает к жизни акты борьбы и мира, ненависти и любви, оно создает и свергает троны, возводит и разрушает государственные и общественные организации».[1]

«Поэтому, если бы кто-нибудь предпринял анализ взаимного поведения членов какой-нибудь социальной группы, совершенно игнорируя психические процессы, происходящие в психике каждого члена при том или ином поступке, – полагал П. А. Сорокин, – и описывая только внешние формы актов поведения, то вся социальная жизнь, или все то, что делает социальное явление категорией, ускользнуло бы целиком из-под анализа такого исследования. Общество превратилось бы в этом случае в простую сумму взаимодействующих «масс», люди стали бы простой совокупностью атомов и молекул или простыми «центрами сил», а их акты превратились бы в простые «движения» этих масс».[2]

Поэтому, анализируя взаимодействие личностей в образуемых ими сообществах и пытаясь обнаружить в этом правовые очертания, П. А. Сорокин отмечал, что «необходимо учитывать психические переживания, которые сопровождают социально значимые действия, то есть то, что называется ощущениями, восприятиями, представлениями, понятиями, знаниями, волевыми актами, в точном значении этих терминов, которое обязывает всегда считать эти элементы сознательными; обязывает потому, что не сознаваемое кем-либо ощущение или представление, не есть ощущение и представление не сознаваемая воля не есть воля».[3]

М. А. Рейснер по многим позициям также солидаризировался с Л. И. Петражицким и П. А. Сорокиным. Однако его видение права несколько отличалось от концепций вышеупомянутых авторов, так как под психологические основания (переживания, императивно-атрибутивные эмоции и т. п.) им были подведены материальные, а именно социально-экономические основы.

Результатом такого подхода явилась позиция, выражающаяся в том, что когда производительные силы общества перерастают тот или иной способ производства, когда последний становится для них давящим тормозом и цепями, тогда под покровом существующего традиционного права рождается право интуитивное. «Оно порою долго растет в бессознательной тиши, – писал автор, – наконец, как существующее действующее реальное право, определяющее психику данного класса, приходит в столкновение с правом позитивным, в частности с официальным,

[1] Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль, 1919. С. 31–32.

[2] Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 51.

[3] Там же. С. 38.

и на этой почве борьбы двух прав разыгрывается трагедия бунта и усмирений, революции и поворота вспять».[1] Речь идет о столкновении государственно организованного права с обычным, источником одним из источников которого выступают соответствующие ментальные установки, то есть те самые «народные убеждения» о которых писали представители исторической школы права.

В целом выводы психологической теории так же уязвимы, как и исторической школы права. Так, например, К. Леви-Строс критически замечал, что «если повторение чувств (эмоций) объясняло устойчивость обычаев, то возникновение обычаев должно было совпадать с возникновением чувств. Поэтому социальные действия каждым индивидом не совершаются спонтанно, под действием непосредственных эмоций. Следовательно, будучи членами общности люди, не действуют соответственно своим индивидуальным ощущениям: каждый человек ощущает и действует так, как ему позволяется или предписывается. Обычаи даны человеку как внешние нормы до возникновения внутренних чувств, и эти внечувственные нормы детерминируют индивидуальные чувства, как и обстоятельства, в которых те смогут или должны будут проявиться».[2]

Далее ученый приходит к выводу, что если бы социальные институты обретали свою жизнеспособность благодаря постоянному освежению и усилению индивидуальных чувств, сходных с теми, что составляли первоначально, то они должны были бы заключать в себе вечно брызжущее аффективное богатство, которое и было бы их позитивным содержанием. Однако известно, что дело обстоит отнюдь не так, устойчивость, которую они вызывают, проистекает чаще всего из конвенциональной установки. К какому бы обществу ни принадлежал субъект, он редко способен видеть причину того, что есть в таком конформизме. Все, что он может сказать: вещи всегда были таковы, и он действует так, как действовали до него. Такого рода ответ кажется вполне правдоподобным. Не в послушании и практике проявляется рвение, как то было бы в случае, если бы каждый индивид воспринял социальные верования после того, как в тот или иной момент своего существования он их интимно, лично пережил. Эмоции возникают тогда, когда обычай (сам по себе индифферентный) нарушен.[3]

Примерно эту же мысль проводил в своих работах и Э. Дюркгейм, полагая, что действия преступны лишь тогда, «когда они оскорбляют сильные

[1] Рейснер М. Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. СПб., 1908. С. 159–161.

[2] Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 85–86.

[3] Там же.

и определенные состояния коллективного сознания».[1] Представители отечественной теоретико-правовой мысли также указывали на уязвимость психологических теорий.[2]

Не умаляя заслуг представителей психологической теории, прежде всего, Л. И. Петражицкого, крупного ученого, теоретика права, чьи «новаторские идеи настолько опережали свою эпоху, что их истинное значение выявляется лишь спустя определенный промежуток времени».[3] Ведь известно, что во многом близкие взгляды имели немецкие феноменологии Э Гуссерль, М. Шелер, Н. Гартман и др. Вместе с тем следует заметить, что Л. И. Петражицкий не вышел за рамки, по сути, того же подхода, определяющего возникновение права через развитие правосознания. Как и у представителей исторической школы права, обычно-правовой феномен возникает из духовной природы, с той лишь разницей, что Г. Гуго, Г. Ф. Пухта и Ф. К. Савиньи акцентировали внимание на народном правоубеждении – «народном духе», а Л. И. Петражицкий на индивидуальных переживаниях – императивно-атрибутивных эмоциях. Это позволило представить Л. И. Петражицкому обычно-правовой феномен чрезвычайно широко, от непосредственно юридических обычаев и деловых обыкновений до «правил детских игр, регламентов публичных домов, правил, господствующих в сферах проституции, и санкционирующих эксплуатацию жертв её со стороны разных категорий лиц».[4]

Небесспорным является положение Л. И. Петражицкого о том, что обычное право консервативно и является тормозом общественных отношений. В действительности оно может быть другим: гибким, легко трансформируемым в зависимости от конкретной ситуации. Оно не раз демонстрировало уникальную «историческую живучесть», приспосабливаясь к новым условиям жизни. Именно поэтому обычное право всегда существует в социальной действительности и, подобно тени, всегда сопровождает официальное государственно организационное право.

---

[1] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с франц. М., 1990. С. 81.

[2] Сергеевич В. И. Новое учение о праве и нравственности. СПб., 1909. С. 57.

[3] Гурвич Г. Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб., 2004. С. 339.

[4] Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 442.

Нижник Надежда Степановна,
доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры теории государства
и права Санкт-Петербургского
университета МВД России

О НОРМАТИВНЫХ ОСНОВАХ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПОЛИЦЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Наметившиеся в XVII в. тенденции формирования российской государственности достигли высшей точки в новый период русской истории, подготовили утверждение абсолютизма в эпоху Петра I и во многом определили его дальнейшее развитие.

Россия превратилась в единый хозяйственный организм. Новой тенденцией в развитии общества явилось изменение его социальной структуры. Это выражалось в объединении сословий, усилении иерархического соподчинения между ними, определении их служилых функций в государственном устройстве. В итоге создались условия для возникновения пирамидальной субординационной структуры, позволяющей осуществлять контроль над всеми ресурсами общества.

Попытки достичь идеала рационального и справедливого государства на практике привели к созданию полицейского государства по образцу западноевропейских абсолютистских монархий. При отсутствии каких-либо институтов социального контроля государство не было связано ничем в ходе осуществления рационализации и модернизации, которые поэтому неизбежно приобрели принудительный характер реформ сверху. Вместо своевольного дворянского ополчения было создано постоянное войско. Развитие приказной системы подготовило формирование армии чиновничества. Царь получил независимые источники дохода.

Переход к абсолютизму был детерминирован, в первую очередь, социально-экономическими факторами. В большой степени процесс перехода к абсолютизму в России ускорила военная опасность со стороны соседних государств (Речи Посполитой, Швеции, Турции и др.)[1]. Поэтому большое значение при реформировании государственного механизма уделялось правоохранительной системе: особой системы и программы у Петра I не было, он действовал под влиянием практических потребностей.

21 октября 1721 г. Петр I был провозглашен императором, «Великим», «Отцом Отечества». В стране не было государственных учреждений,

[1] Из 35 лет царствования Петра I состояние полного мира сохранялось лишь около одного года.

которые ограничивали бы власть императора. Только императору принадлежало право издания законов. Он обладал высшей административной властью в стране, ему подчинялись все органы государственного управления. Император был главой судебной власти. Все приговоры и решения судов выносились от его имени. Ему принадлежала высшая церковная власть[1].

К петровскому времени относится одна из наиболее радикальных реформ в истории России – реформа административного управления. Она имела два основных направления: изменение системы центральных и местных учреждений, с одной стороны, и структуры и численности состава аппарата управления – с другой. Общим итогом реформ стал переход от патриархальной приказной администрации традиционного типа к новой системе учреждений и формирование бюрократии. В 1708 г. страна была разделена на губернии[2]. Сначала губерний было восемь, затем их число увеличилось. Губернаторы, назначаемые царем, ведали всеми военными и финансовыми делами на территории своей губернии.

Следующим этапом стало создание Сената – высшего административного учреждения: в его ведение входили торговля, комплектование армии, налоги, суд[3].

В 1717–1718 гг. было создано девять коллегий: Воинская, Адмиралтейская, Иностранных дел, Юстиц-коллегия, Камер-коллегия (ведомство государственных расходов), Коммерц-коллегия, Берг- и Мануфактур-коллегии[4]. Хотя принцип построения коллегий носил отраслевой характер, по некоторым сферам государственного управления (просвещение, здравоохранение, почта, полиция, дворцовое управление и т. д.) коллегии созданы не были.

Одновременно с организацией в 1711 г. Сената были созданы должности фискалов[5]. Впоследствии рядом указов была организована целая система фискалитета, завершенная в 1717 г. Фискалитет первоначально должен был быть органом тайного надзора. В начале 1712 г. было указано, что фискалы ставятся под ведомство Сената, утверждалась их самостоятельность по отношению к губернаторам. Указ 17 марта 1714 г. «О должности фискала» устанавливал более точно круг ведения и состав фискалитета[6].

---

[1] Акт поднесения Государю царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования Великого и Отца Отечества // Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е] (далее – ПСЗ). Т. V. № 3840.

[2] Об учреждении губерний и росписании к ним городов // ПСЗ. Т. IV. № 2218.

[3] Об учреждении Правительствующего Сената и о бытии при оном разрядному столу вместо разрядного приказа и по два комиссара из губернии // ПСЗ. Т. IV. № 2321.

[4] О штате коллегий и времени открытия оных // ПСЗ. Т. V. № 3129.

[5] О порядке заседаний и делопроизводства в Правительствующем Сенате, и о должности обер-фискала // ПСЗ. Т. IV. № 2331.

[6] О должности фискалов // ПСЗ. Т. V. № 3042.

В январе 1722 г. был назначен генерал-прокурор при Сенате, а в апреле того же года была учреждена отдельная должность генерал-прокурора[1]. Сенат должен был кроме генерал-прокурора выбирать обер-прокурора для нахождения при нем и прокуроров, состоявших при всех коллегиях. При этом было разрешено выбирать кандидатов «из всяких чинов, понеже дело нужно есть». Были назначены прокуроры при надворных судах, а затем при губернских учреждениях.

Прокуроры обязаны были следить за исполнением законов со стороны присутственных мест, напоминать судьям об их обязанностях и останавливать их несправедливые распоряжения. Для этого они присутствовали в заседаниях тех учреждений, при которых находились. Прокуроры своим протестом останавливали решения присутственных мест и обязаны были доносить об этом генерал-прокурору. Состоя при отдельных учреждениях и наблюдая за законностью их действий, прокуроры не имели своей особой сферы деятельности. При этом уголовное преследование как особый акт правительственной власти лежало вне компетенции прокуроров. Прокуроры наблюдали за течением уголовных дел таким же образом, как и за всеми другими делами, производившимися в различных учреждениях. Все чины прокуратуры не находились в иерархической зависимости друг от друга, они непосредственно подчинялись генерал-прокурору[2].

В 1718 г. в Петербурге была учреждена Главная канцелярия полицмейстерских дел[3], во главе которой стоял генерал-полицмейстер. Канцелярия занималась поимкой беглых крестьян, «гулящих» людей и «прочих воров», организацией постоев войск, противопожарными мероприятиями, следила за чистотой улиц и т. д. Несколько позднее подобная канцелярия была создана и в Москве. В остальных городах и сельских местностях полицейские функции возлагались на губернаторов, воевод и земских комиссаров, а непосредственное их выполнение – на выборных от населения старост, сотских, пятидесятских и десятских. После 1718 г. должности полицмейстеров были созданы во всех городах, с подчинением им местной администрации.

Для контроля за высшими органами 18 января 1722 г. была учреждена должность генерал-прокурора[4]. Подчиненные ему прокуроры вводились в структуры коллегий и губернских органов. Разветвленная сеть фискалитета, созданная в том же году, доносила о нарушениях закона, казнокрадстве, выполняя, по сути, те же полицейские функции. Следили фискалы и за прокуратурой. Органом политического сыска стал созданный в 1689 г. Преображенский приказ.

---

[1] О бытии в надворных судах прокурорам и о принятии доносов от фискалов и людей посторонних // ПСЗ. Т. VI. № 3880.

[2] ПСЗ. Т. VI. № 3877.

[3] ПСЗ. Т. V. № 3203.

[4] ПСЗ. Т. VI. № 3880.

После ликвидации патриаршества в 1721 г. был создан коллегиальный орган управления церковью – Синод, который получил права коллегии.

Реформа в армии при Петре I продолжалась в течение нескольких лет. До 1705 г. ее комплектация проводилась с использованием традиционных начал, включая дворянскую конницу, казачество и т. д., что не позволило осуществить техническое переоснащение армии. В 1705 г. была введена развитая впоследствии рекрутская система. Суть ее сводилась к тому, что в армию призывались через регулярные рекрутские наборы физически здоровые мужчины в возрасте от 17 до 32 лет. Сначала наборы осуществлялись от 20 дворов, затем от 100 ежегодно. Освобождалось от службы только духовенство. Дворянство служило на офицерских должностях. Государство брало на себя обеспечение солдат, служба продолжалась 25 лет. Смысл создания регулярной армии заключался в необходимости унификации системы боевой подготовки, вооружения, обмундирования, управления и организации. Морской и Воинский уставы преследовали достижение именно этих целей. Офицерский корпус к концу Северной войны был уже прекрасно подготовлен. Этому также способствовал Указ 26 февраля 1714 г. «О непроизводстве в офицеры дворян, не служивших солдатами в Гвардии»[1]. Численность армии достигла 200 тыс. человек, хотя ее содержание требовало огромных финансовых затрат.

Преемница Петра Великого Екатерина I Указом от 8 февраля 1726 г. открыла Верховный тайный совет – высшее правительственное учреждение под председательством самой государыни[2], напоминающее допетровскую Думу. В этом Совете должны были рассматриваться и решаться важнейшие государственные дела. Сенат и все коллегии подчинялись Верховному тайному совету. Таким образом, с учреждением Совета Сенат почти сравнялся с некоторыми коллегиями. По Указу от 7марта 1726 г. «О должности Сената» Сенат мог назначать и определять только провинциальных воевод, земских судных комиссаров и президентов в надворные суды по губерниям[3]; при назначении же президентов, вице-прези-дентов и советников в коллегии имел право только выбирать кандидатов и представлять в Верховный тайный совет. При назначении губернаторов, вице-губернаторов и комендантов Сенат был обязан представлять кандидатов и ждать от Верховного совета указа.

После смерти Петра II Верховным тайным советом императрицей была определена племянница Петра I – Анна Иоанновна. Совет выработал для Анны Кондиции, которые представляли собой первую в русской истории юридически оформленную попытку ограничения самодержавия.

Указом от 10 ноября 1731 г. при императрице был учрежден Кабинет Министров, которому подчинялись Сенат, Синод, все коллегии и приказы,

[1] ПСЗ. Т. V. № 2775.
[2] ПСЗ. Т. VII. № 4830.
[3] ПСЗ. Т. VII. № 4847.

а также канцелярии. Указом от 24 марта 1731 г. была восстановлена Тайная розыскная канцелярия Преображенского приказа.

Указом от 13 ноября 1731 г. воинские чины признавались выше гражданских, тогда как при Петре II они были сравнены с гражданскими. Указом от 21 сентября 1731 г. учреждался военный фискалитет. При Военной коллегии и при армии, в соответствии с Указом, назначались обер-фискалы, при каждой полевой дивизии и при гарнизонах – фискалы. Они находились в ведении и под руководством генерал-инспектора и воинских инспекторов.

В связи с изменениями в численности и размещении народонаселения сбор податей стал неэффективен, поэтому в 1742 г. был издан Указ о новой переписи – генеральной ревизии. После ее проведения для устранения изъянов по сбору постоянно увеличивающихся недоимок была создана Комиссия по улучшению сбора податей и пошлин, которая составляла генеральную окладную книгу. Из-за внутренних таможенных и проезжих пошлин, которые замедляли торговлю, 20 декабря 1753 г. был издан Указ «Об уничтожении внутренних таможенных и других мелочных сборов», а для пополнения государственных доходов увеличена таможенная пошлина на пограничных таможнях в торговле с иностранцами. 1 декабря 1755 г. был издан Общий Таможенный Устав. Все это способствовало развитию экономики, в том числе торговли, становлению единого всероссийского рынка.

18 февраля 1762 г. был издан Указ «О вольности дворянской», отменявший обязательную для дворян военную или государственную службу. Импонировал дворянству и Манифест от 19 июня 1762 г. об ужесточении карательных мер против крестьянских волнений и восстаний. Популярность в обществе имел Указ «О ликвидации Тайной канцелярии», ведавшей политическим сыском.

Указом от 3 июля 1763 г. была учреждена особая Розыскная экспедиция как учреждение государственной и политической безопасности[1].

Время правления Екатерины II отождествляется с определенной правовой политикой, обусловленной давлением на феодализм зарождающихся буржуазных отношений. Определяющей в период расцвета российского абсолютизма является политика «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, которая представляет собой государственное покровительство экономике, искусству, науке, праву. 14 декабря 1766 г. Екатерина издала Указ об учреждении в Москве Комиссии для работы над проектом нового уложения[2], которое охватило бы все законы для суда и управления. Екатерина II лично написала программу деятельности – «Наказ» из 20 глав в духе политико-правовых идей Дидро, Вольтера, Монтескье и других представителей французского Просвещения. В 526 статьях «Наказа» излагалась теория уголовного права, судопроизводства, техника законодательства, роль права и т. д.

[1] ПСЗ. Т. XVI. № 11871.
[2] ПСЗ. Т. XVII. № 12801.

«Наказ» не был законом империи, он был призван служить инструкцией для работы Комиссии по подготовке нового Уложения – Уложенной комиссии.

Павел I изменил порядок престолонаследия. Актом от 5 апреля 1797 г. было установлено, что престол переходит по праву первородства по мужской линии. Принятое в тот же день «Учреждение об императорской фамилии» определяло личные и имущественные права членов царского рода. Кроме того, Павел пытался бороться полицейскими методами со злоупотреблениями чиновников. При нем несколько облегчилась процедура судебного разбирательства. В феврале 1797 г. Павел приказал закрыть все вольные (частные) типографии. Затем ввел специальную цензуру для иностранной литературы, поступавшей в Россию.

Система местных учреждений была подвергнута значительным изменениям. Схема местных властных учреждений выглядела следующем образом: губернатор с губернской канцелярией, закрепленной Инструкцией от 12 сентября 1728 г.[1], позволившей взамен многих ликвидированных контор и старых канцелярий несколько расширить штат служилых людей при местном начальстве; далее стоял воевода в провинции и его канцелярия; ниже – воевода в уезде, тоже с небольшой канцелярией.

Перестройка системы местного самоуправления установила строгую последовательность подчинения. Уездный воевода подчинялся непосредственно только провинциальному воеводе, а последний – губернатору. Была установлена строгая иерархия в подчинении государственных учреждений на местах. В это время Россия делилась на 14 губерний, 47 провинций и более 250 уездов.

Началом преобразований Екатерины стало «Наставление губернаторам» 1764 г., предназначенное для устранения непорядков и неустройств местного управления[2], рельефно проявившихся в ходе пугачевского восстания, среди которых: неэффективность местной администрации, неисполнение законов, множественность функций, обширность территорий, слабое осуществление полицейских и судебных функций, мздоимство и безнаказанность чиновников. Устранение их виделось через расширение полномочий представителей короны на местах – губернаторов. Этому было подчинено и новое административное устройство: разукрупнение и увеличение количества губерний более чем вдвое (с 23 до 51), ликвидация провинций как промежуточного звена между губернией и уездом (уездом считалась территория, где проживало от 20 до 30 тыс. человек, а губернией – 300–400 тыс.).

[1] ПСЗ. Т. VIII. № 5533.
[2] ПСЗ. Т. XVI. № 12259.

Характеристика системы местных органов управления и суда, их компетенции и деятельности была дана в Учреждениях для управления губерний 1775 г.[1]. В соответствии с этим нормативным правовым актом губернское управление строилось по-новому. Вместо прежнего губернатора и его канцелярии теперь полагался главнокомандующий, в губернии учреждались правитель (губернатор), губернское правление (главнокомандующий, правитель с двумя советниками), палаты уголовного и гражданского судов (в каждом председатель, два советника и два асессора), палата для домостроительных дел и управления казенных доходов императорского высочества (вице-губернатор, директор экономии, советник, два асессора, губернский казначей), губернский землемер, верхний земский суд (председатель, 10 заседателей), губернский прокурор, стряпчие казенных и уголовных дел, совестный суд, приказ общественного призрения (управления народными школами, больницами, богадельнями, тюрьмами). Губернское правление, палаты являлись царской местной администрацией с назначенными чиновниками. Совестный суд, приказ общественного призрения сочетали государственные и общественные начала, заседатели в них избирались сословиями, а председательствовало чиновное лицо.

Уездную администрацию, подчиненную губернскому правлению, представлял нижний земский суд (председатель, земский исправник или капитан, 2–3 заседателя), избираемый дворянами уезда, уездный казначей, землемер. Учреждались также уездный суд (выборные судья и два заседателя), при нем дворянская опека под председательством уездного дворянского предводителя. В города, где не было комендантов, назначались городничие, сохранялись магистраты в составе двух бургомистров и 4 ратманов, старосты и судьи словесного суда, посадом управляли ратуши. Во главе столичных администраций назначались обер-полицмейстеры.

Своеобразным являлось наместническое управление, вводимое указами Екатерины II в столичных губерниях – крупных регионах, разделенных на несколько губерний. Назначаемый на должность генерал-губернатора наместник был наиболее доверенным лицом из правящей элиты, ответственным лично перед монаршей особой, наделенным чрезвычайными полномочиями.

Одной из главных задач Учреждений об управлении губерниями 1775 г. было отделить суд от администрации и каждому областному административному и судебному учреждению предписать определенные границы и правила. По Учреждению администрация и суд были разделены между чинами, выбранными от общества, и чинами, служащими по определению правительства, но с перевесом власти на их сторону; губернатор

[1] Учреждения для управления губерний Всероссийская Империя 7 ноября 1775 г. // ПСЗ. Т. XX. № 14392.

также стал полным хозяином губернии, мог утверждать или не утверждать выборы. Но судебные дела были отделены от административных.

В XVIII в. вотчинная юстиция достигла апогея. Судебная деятельность отличалась крайней непоследовательностью. Суд стал официально сословным, что и закрепила реформа 1775 г. Во времена Екатерины II получил развитие институт заседателей (от сословий в сословных судах). При судах действовали прокуроры с целью обеспечения законов. Произошло разделение рассмотрения уголовных и гражданских дел.

В 1798 г. были отменены верхние земские суды, а Указом от 23 августа 1800 г. аннулировалось право дворянских обществ избирать заседателей в судебные органы. Участие выборных представителей дворянства в судопроизводстве ограничивалось нижним земским судом. Основными судебными учреждениями стали Палаты уголовного и гражданского суда[1].

21 апреля 1785 г. была обнародована «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», которая стала первым в истории управления развернутым законом организации городского управления в условиях начавшегося формирования нового социально-экономического уклада. Этот документ отразил реально обозначившиеся тенденции промышленного, торгового, финансового развития, регламентацию проведенных мер по стимулированию экономики, созданию условий для торговой, финансовой деятельности, росту городов[2].

Екатерина II продолжила тенденцию ограничения казачьего самоуправления, расказачивания, начатого Петром I, отменившим выборность главного атамана и учреждавшим наказное атаманство, назначаемое императором. В 1764 г. было ликвидировано гетманство на Левобережной Украине.

В 1781 г. ликвидирована автономия Малой России. Вместо прежнего казачьего деления на полки, сотни введено деление по российскому образцу на губернии, уезды с соответствующим управлением. Старшины получили права и привилегии русских дворян. Ликвидирована Запорожская Сечь. Казацких старшин выслали или одарили землями и офицерскими чинами. Рядовые казаки образовали с разрешения императрицы Черноморское казачье войско, подчиненное Таврическому губернатору.

Указом от 25 апреля 1733 г. во многих губернских городах была учреждена полиция, система местных органов полиции в России стала складываться только в конце XVIII в. После подавления восстания под руководством Е. И. Пугачева была проведена существенная реорганизация органов местного управления. В Учреждениях для управления губерний, было предусмотрено создание сельской полиции – нижнего земского суда. Он выполнял административно-полицейские и судебные функции на территории уезда. Члены нижнего суда (как правило, 4–5 человек) и его руководитель –

[1] ПСЗ. Т. XXVI. № 19527.

[2] Васильев А. В. Законодательство и правовая система дореволюционной России: Учебное пособие для вузов / Под ред. С. А. Комарова. СПб., 2004. С. 77.

земский исправник, или капитан-исправник, выбирались на уездном дворянском собрании и утверждались в должности губернатором, которому и подчинялись. Помощниками нижнего земского суда в деревнях и селах были сотские и десятские. За неисполнение своих обязанностей нижний земский суд мог подвергнуть сотских и десятских штрафу. В Учреждениях для управления губерний имелась инструкция для капитан-исправника, определявшая его компетенцию и основные функции.

Развитие промышленности, торговли, рост городского населения ставили перед властью задачу приведения городского административно-полицейского аппарата в соответствие с новыми условиями. Для решения этой проблемы в 1782 г. был издан Устав благочиния, согласно которому создавался новый городской административно-полицейский орган – Управа благочиния, или полицейская, вводились специальные должности служащих городской полиции, более четко определялись ее задачи и компетенция. В состав Управы благочиния входили городничий или полицмейстер и подчинявшиеся им приставы уголовных и гражданских дел, а также два выборных от купечества и ремесленников города. Подчиняясь непосредственно губернскому правлению, Управа благочиния выполняла и административно-хозяйственные функции. Она выполняла и судебные функции, рассматривая мелкие уголовные и гражданские дела. По Уставу на полицию предполагалось возложить предупреждение и выявление уже совершенных преступлений, проведение дознания по ним и передачу преступников в суд. Сама полиция рассматривала только малозначительные правонарушения. Деятельность ее должна была быть оперативной, при этом она руководствовалась не законами, а уставами. Полиция, согласно закону, не рассматривала общеадминистративные и финансовые вопросы. При этом в ее ведении предлагалось оставить многие вопросы, далекие от конкретного понятия благочиния, например строительный надзор. Однако основное внимание было уделено борьбе с преступностью.

При Петре I широкое использование получила практика лишения свободы, связанная с использованием труда заключенных на строительстве крепостей, фортов, иных оборонительных сооружений. При непосредственном участии Екатерины II были предприняты меры организационного и правового урегулирования порядка и условий исполнения тюремного заключения, которые нашли свое отражение в проекте «Положения о тюрьмах». В этих целях в 1775 г. во всех губерниях предписывалось организовывать работные дома. В губернских городах были учреждены смирительные дома. В Учреждениях для управления губерниями содержались нормы, предоставляющие тюремной администрации право телесного наказания заключенных за нарушение установленных тюремных правил.

Таким образом, развитие полицейского государства в России шло параллельно со строительством полиции как совершенно новой государствен-

ной институции. История отечественной полиции во многих ракурсах отличается от истории полиции европейских государств. Развитие полицейско-административных органов российского государства внешне проходило в русле общеевропейских тенденций дискурсивной тематизации и практической реализации идеи доброго порядка[1]. При этом русская полиция имела существенные отличия, обусловленные причинами структурного свойства: в России полицейское строительство шло сугубо сверху и не встречало резонанса в местных социальных и административных порядках[2]. В Европе идея полиции во многом была результатом рационального политического дискурса, являвшегося, в свою очередь, продуктом европейского интеллектуального развития в целом и философии эвдемонизма[3] и концепции всеобщего блага в частности[4]. В России полиция как важнейший институт обеспечения правопорядка в структурах социального действия, включая реальные практики функционирования госаппарата, укоренена не была. Представления о правильно устроенном социальном порядке формировались вслед за практикой строительства полицейской системы. В XVIII в. практика определения задач полицейских органов находила отражение в нормативных актах, служивших нормативной основой деятельности органов, предназначенных для достижения общего блага и реализации общественного интереса.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00719 «Модели правового обеспечения функционирования общественных организаций в политико-правовой системе России (последняя треть XVIII – первая треть XX в.)».

---

[1] Нижник Н. С. Взаимоотношения власти, общества и личности как предмет полицейско-правовой теории // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 239–250.

[2] См.: Raeff M. The well-ordered police state and the development of modernity in seventeenth and eighteenth century Europe: an attempt at a comparative approach // American Historical Review. Vol. 80. № 5. P. 1221–1243; Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика. Императорский период. Самара: Самарский университет, 2000. С. 48–79.

[3] Нижник Н. С., Дергилева С. Ю., Геворкян Д. С. Философия эвдемонизма как концептуальная основа теории и практики полицейского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 236–242; Нижник Н. С. Омнипотенция полицейского государства в оценке российской полицеистики // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 67–86.

[4] Нижник Н. С. Полицейское государство – государство «всеобщего благоденствия и всеобщего счастья» // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 183–194; Нижник Н. С. Полицейское государство как средство достижения всеобщего счастья (по страницам работ полицеистов) //Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции, 22–23 сентября 2016 г. / Под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2017. С. 30–34.

Труфанов Михаил Егорович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры
административной деятельности ОВД
Краснодарского университета
МВД России

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ БЛАНКЕТНОЙ НОРМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

На основании, в пределах и направлениях, предусмотренных юридическими нормами, субъекты правоприменительной деятельности активно включаются непосредственно в процесс правового регулирования, решают юридические вопросы, продолжают в конкретной ситуации правовое регулирование. Сегодня, когда важнейшие правовые ценности нашли своё нормативное закрепление в Конституции РФ и других законодательных актах, встает проблема их практического осуществления, вопросы применения норм административного права являются наиболее острыми. Последовательная правоприменительная политика особенно важна в условиях переходного этапа, когда активно обновляется законодательство. Важно обеспечить переход правоприменения от интересов ведомственного благополучия, к правам и свободам личности, как основному критерию оценки его качества. Представленные ориентиры характеризуются как главные стратегические цели в государственной правоприменительной деятельности.

Применительно к последней позиции, следует отметить, что с учетом особенностей системы действующего права выделяются такие относительно обособленные направления правоприменения как конституционное, административное, уголовное, гражданско-правовое и др. Каждому из перечисленных направлений присущи некоторые специфические черты. Так, на сегодняшний день многие административные нормативно-правовые акты, принимаемые на разных уровнях (федеральном, субъектов РФ, местном) содержат бланкетные нормы.

Кодекс РФ об административных правонарушениях содержит значительное количество, если не большую часть правовых норм, изложенных бланкетным способом. Сравнительный анализ Особенной части Кодекса показывает, что из 743 бланкетных норм 424 нормы отсылают к федеральным законам, 158 норм – как к федеральным законам, так и к подзаконным нормативно-правовым актам и 161 бланкетная норма – к другим нормативным правовым актам.

Данный способ изложения является распространенным и оправдавшим себя с практической точки зрения. Однако имеются серьезные основа-

ния для сомнения. Так, отсутствие данных о норме, подлежащей применению, неопределенность объекта посягательства и связи элементов деяния делают правоприменение весьма сложным.

Административную противоправность полностью или частично формирует не законодательная власть, а органы исполнительной власти. Причем законодатель даже концептуально не определяет пределы усмотрения органов исполнительной власти на наполнение объективной стороны таких составов административных правонарушений. Лицо, привлекаемое к ответственности, несет, определенные правоограничения. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько соотносится такое правоограничение со статьей 55 Конституции Российской Федерации, согласно тексту которой «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц…».

Нет сомнений в том, что реальная потребность бланкетного изложения норм права обусловлена дифференциацией социальной структуры общества, усложнением системы и структуры административного законодательства. Очевидно также и стремление законодателя к более детальному регулированию административно-правовых отношений, что обуславливает дробление единых источников права.

Историко-сравнительное исследование показывает, что появление бланкетного способа изложения нормы административного права является скорее случайной находкой в нормотворчестве. Но наряду с этим бланкетный способ конструирования нормы административного права обусловлен объективными обстоятельствами.

Бланкетный способ формулирования нормы административного права — явление относительно новое, и в настоящее время наблюдается, скорее всего большее его использование законодателем, нежели отказ от него. К тому же, бланкетность можно назвать еще и проявлением системности национального права. Все отрасли права настолько тесно связаны друг с другом, что отказ от бланкетных норм административного права вряд ли возможен. Бланкетность в административном праве − явление правовой действительности, с которым, несмотря на все ее достоинства и недостатки, сталкиваются как субъекты нормотворчества, так и субъекты правоприменения.

Соотношение между бланкетной нормой и бланкетной диспозицией сложнее, чем соотношение целого и части. Допустимо соотнесение понятия «бланкетная норма» и «бланкетная диспозиция» через призму административно-правового предписания или запрета, который можно определить как форму государственно-властного общеобязательного веления, обусловленную социальной необходимостью, которая предупреждает об опасности со-

вершения неправомерных действий и имеет своей целью предотвратить нежелательное поведение в сфере управленческих общественных отношений, которое может причинить ущерб государственным, общественным или личным интересам.

Административно-правовое предписание, которое является родовым признаком в определении административно-правового запрета, есть ничто иное, как диспозиция нормы. Бланкетное административно-правовое предписание (бланкетная диспозиция), содержащее в себе административно-правовой запрет, становится, таким образом, частью нормы административного права, которую есть все основания именовать бланкетной.

Анализ определения бланкетных диспозиций позволяет выделить два содержательных компонента: описание признаков конкретных административных правоотношений (первый компонент) и указание на связь этих правоотношений с нормами других отраслей права (второй компонент). При этом бланкетные нормы отсылают к неадминистративным нормативно-правовым актам. С одной стороны отсылка в бланкетной диспозиции может быть сделана исключительно для уяснения содержания указанного в статье запрета. С другой стороны, отсутствие прямой ссылки в тексте диспозиции не означает, что ее нет вообще. Речь может идти о логической ссылке, когда правила нормотворческой техники диктуют формулирование административно-правового предписания или запрета без указания на конкретный нормативно-правовой акта.

В силу системности права, а также охранительной (юрисдикционной) функции административного права, огромное количество норм в административно-правовых актах имеют связь с нормами иных отраслей права. При этом следует отметить, что квалификация не каждого административного правонарушения требует обращения к нормам иных отраслей.

Следует обратить внимание на существенном количестве проблем, связанных с явлением бланкетности в системе административного права, которые условно можно разделить на юрисдикционные и организационные.

В подавляющем большинстве случаев административное правонарушение посягает на те общественные отношения, которые уже урегулированы другими отраслями права. Так, например, система федеральных органов исполнительной власти определяется преимущественно подзаконными нормативными административно-правовыми актами. В то же время, эта система очень динамична. Непрекращающаяся реформа практически не позволяет законодательно закрепить современную систему и структуру органов исполнительной власти. Все это создает заметные сложности для субъекта правоприменения.

Детализации бланкетных положений в уголовном праве основывается на том, что ссылки в статье может быть только на федеральное законодательство. Согласно статье 71 Конституции Российской Федерации уголовное законодательство является предметом ведения Российской Федерации. Административное же законодательство, согласно статье 72 Конституции

находиться в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

С одной стороны, принципом федерализма, на котором основана современная государственность, продиктована необходимостью в передаче части компетенции совместному с субъектами федерации, либо региональному регулированию административно-правовых отношений. С другой стороны, концепция гражданского общества требует делегирования полномочий для самостоятельного регулирования его институтами некоторых вопросов. Решение вопроса об уровне законодательства, к которому может отсылать бланкетная диспозиция статьи нормативного административно-правового акта кроется не в самих доктринальных дефинициях бланкетных норм, а в таких фундаментальных понятиях, как «государственное управление», «функции органов исполнительной власти», «основания административной ответственности». Нормативные предписания других отраслей права лишь детализируют те признаки, которые в общем виде сформулированы в административно-правовой норме. Эти акты не содержат основания для принятия административного правоприменительного акта. Целью их принятия является регулирование того или иного пласта позитивных отношений, о чем указывается в самих актах. Так, применительно к содержанию в бланкетной норме признаков состава административного правонарушения корректнее говорить, что она содержит информацию обо всех признаках состава правонарушения в исчерпывающем объеме. В то же время, сведений об этих признаках в ней недостаточно, и именно поэтому необходимо обращаться к нормативным правовым актам иных отраслей права.

Таким образом, сказанное позволяет сделать вывод о том, что правовые предписания иных отраслей права не являются частью бланкетных диспозиций нормы административного права, а обращение к неадминистративным нормам необходимо только лишь для конкретизации субъектов или раскрытия содержания административных правоотношений.

Природа бланкетной нормы административного права предполагает, что в ней содержится правило — бланкетная диспозиция, которая является, прежде всего, способом формулирования административно-правового предписания или запрета. Связь с другими отраслями права может проявляться по-разному, начиная от указания на нарушение правил, заканчивая использованием в тексте диспозиции статьи терминов иных отраслей, без раскрытия содержания которых квалификация административного правонарушения невозможна.

Таким образом, бланкетная диспозиция нормы административного права – это характерный способ формулирования административного предписания или запрета, для раскрытия характера, содержания или отдельных признаков которого требуется обращение к нормативным правовым актам иных отраслей права. Соответственно является приемлемым определение природы бланкетной нормы административного права через определение бланкетной диспозиции.

Тхабисимова Людмила Аслановна,
профессор, доктор юридических наук,
заместитель директора по научной работе
Юридического института Пятигорского
государственного университета

ПРОБЛЕМА ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Экстремизм является одной из наиболее сложных социально-политических проблем современного российского общества, что связано, в первую очередь, с многообразием экстремистских проявлений, неоднородным составом организаций экстремистской направленности, которые оказывают дестабилизирующее влияние на социально-политическую обстановку в стране. Молодежная среда в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала.

Поэтому основная профилактическая задача – выявить такую молодёжь и предупредить совершение преступлений экстремистского и террористического характера с их стороны.

В разных странах и в разные времена было дано много разных юридических и научных определений понятию "экстремизм". Единого определения на сегодняшний день не существует.

Основная трудность состоит в определении общепринятых норм, ведь для каждого государства и общества они могут существенно отличаться.

Чтобы определиться с понятием и его проявлениями, стоит обратиться к нормативно-правовым документам. Закон "О противодействии экстремистской деятельности" трактует данное понятие следующим образом:

- насильственная смена положений Конституции РФ, а также попытка нарушения целостности государства;
- публичное оправдание террористических актов; пропаганда социальной, расовой и религиозной нетерпимости; распространение идей превосходства человека по расовому, религиозному или какому-либо другому признаку;
- нарушение прав и свобод человека по расовому, религиозному или национальному признаку;
- препятствие законной деятельности государственных служб или религиозных организаций путем угроз или силового воздействия;
- воспрепятствование участию граждан в избирательном процессе путем угроз или силовыми методами;
- пропаганда нацистской идеологии, а также публичная демонстрация ее символов и атрибутов;

- массовое изготовление, хранение и распространение экстремистских материалов;

- публичные призывы к участию в экстремистской деятельности;

- публичное ложное обвинение лиц, занимающих государственные должности;

- финансирование, организация и подготовка действий, указанных выше, подстрекательство. перечень экстремистов

Борьба с международным экстремизмом подразумевает в первую очередь работу с молодежью как с наиболее уязвимой категорией граждан. Для того чтобы деятельность была эффективной, нужно понимать, откуда у юных людей берутся подобные идеи.

Так, среди факторов молодежного экстремизма стоит особенно отметить: влияние родителей, которые отличаются радикальными убеждениями; влияние группы сверстников, которые являются приверженцами экстремистских взглядов; влияние авторитетных лиц, находящихся в кругу общения подростка (преподавателей, руководителей спортивных или творческих секций, лидеров молодежных организаций и т. д.); стресс, повлекший за собой дезинтеграцию в обществе; собственные представления и моральные установки; личностные психологические особенности (агрессивность, внушаемость); психическое напряжение.

На данный момент отмечается растущая угроза вербовки юношей и девушек террористическими организациями. В связи с этим профилактика экстремизма в молодежной среде, на наш взгляд, должна проводиться по следующим направлениям:

- тесное взаимодействие образовательных учреждений с родителями;

- повышение квалификации педагогического персонала по данным проблемам;

- включение в образовательную программу отдельных предметов или тем, касающихся профилактики экстремизма;

- внедрение воспитательных программ, касающихся нравственного воспитания детей и молодежи (профилактика правонарушений, насилия и беспризорности);

- непрерывный мониторинг уровня толерантности в обществе, в особенности среди молодежи;

- анализ процессов, происходящих в молодежной среде, а также их философский и социокультурный аспекты;

- обеспечение доступности культурных благ для молодежи;

- реализация потребности в самореализации и самовыражении;

- организация досуга молодежи (волонтерских проектов, социальных программ).

Профилактика экстремизма в молодежной среде должна проводиться с учетом ее неоднородности. Можно выделить два основных направления работы:

- во-первых, с группами, у которых еще не сформировались экстремистские наклонности. Такие молодые люди, обычно, добровольно включаются в социальную работу, так как не имеют каких-либо агрессивных или незаконных настроений. Задача профилактики состоит лишь в закреплении толерантных мировоззрений;

- во-вторых, с группами, у которых уже сформированы экстремистские мировоззрения и убеждения. Такая работа в большинстве случаев проводится в принудительном порядке, а потому молодые люди могут быть агрессивно настроены. Здесь важно найти индивидуальный, нестандартный подход, который поможет установить доверительные отношения. Результатом должно стать переубеждение подростка, отказ от экстремистских взглядов и активное включение в общественную жизнь.

Несмотря на то, что профилактическая деятельность должна проводиться среди всей молодежи, есть некоторые категории, которые наиболее подвержены подобным влияниям. Изучив перечень экстремистов, можно выделить такие группы риска:

- дети из неблагополучных семей с низким уровнем дохода и социальным статусом, недостаточной степенью образованностью, а также склонностью к различного рода девиациям (алкоголизм, насилие, употребление наркотиков);

- так называемая золотая молодежь, представители которой, в силу определенных условий, чувствуют вседозволенность и безнаказанность, а также воспринимают экстремизм, как развлечение или нормальное времяпрепровождение;

- подростки, для которых характерны психологические проблемы, определяющие склонность к агрессии и неадекватную реакцию на те или иные события;

- представители молодежных субкультур, неформальных групп и уличных компаний, характеризующихся агрессивным поведением и девиантными убеждениями;

- члены политических движений и религиозных объединений, которые под воздействием определенных идей и убеждений, могут проводить опасную для общества деятельность. работа по профилактике экстремизма в школе

В связи с вышеизложенным, профилактика экстремизма не должна быть хаотичной или спонтанной. Важно тщательно продумать каждый этап и его детали. Меры по профилактике экстремизма должны быть направлены на решение следующих существенных задач:

- применение к подросткам и молодым людям установок о необходимости соблюдения и защиты прав любого гражданина, а также неукоснительного соблюдения законодательных норм; формирование у подростков представления о нормах поведения, принятых в гражданском обществе;

- донесение до родителей важности формирования толерантных настроений в семье;

- создание в учебных учреждениях ячеек самоуправления, которые будут осуществлять просветительскую деятельность;

- формирование в сознании молодежи уверенности в неотвратимости наказания за экстремистскую деятельность в любых ее проявлениях;

- выработка у молодежи навыков безопасного поведения и самообороны при угрозе террористического акта. что такое экстремизм.

В настоящее время, разработано множество методических рекомендаций, в которых описаны рекомендованные мероприятия по профилактике экстремизма, но давайте зададимся вопросом - эффективны ли они на сегодня? К сожалению, нет.

Не секрет, что основные убеждения и личные качества формируются именно под влиянием семьи. Следовательно, работа по профилактике экстремизма должна подразумевать тесный контакт с родителями.

До родителей должна быть донесена информация: о специфике молодежных субкультур и неформальных организаций, а также их потенциальная опасность; степени ответственности родителей за преступления несовершеннолетних детей; формы агрессии, а также профилактика их проявления у подростков и молодых людей; механизмы вовлечения молодежи, в том числе и подростков в экстремистскую деятельность; определение возраста уголовной ответственности за правонарушения, а также описание возможных мер наказания; сущность таких понятий, как "терроризм" и "экстремизм"; специфика формирования жизненной позиции и убеждений у молодежи; необходимость занятости подростков и молодых людей (научные кружки, секции и прочие формы) во внеурочное время.

Основная проблема работы с подростками состоит в том, что многие из них чувствуют свою безнаказанность. Тем не менее в определенных законом случаях, даже несовершеннолетние лица привлекают к ответственности за экстремизм. Статья 282 Уголовного кодекса РФ подразумевает осуждение лиц, не достигших 18 лет, за размещение в глобальной сети видеороликов, а также любой другой документации пропагандистского характера со сценами насилия или призывами к нему. Статьи 243-244 Уголовного кодекса РФ подразумевают ответственность несовершеннолетних за уничтожение исторических и культурных памятников, а также надругательство над местами захоронения и телами умерших. Очень важно донести до молодых людей, как на практике проявляется экстремистская деятельность в России.

Практические примеры или даже реконструкции ситуаций просто необходимы. Профилактика экстремизма в высших учебных заведениях должна быть направлена не только на недопущение формирования подобных настроений у молодежи. Важно также донести до молодых людей информацию, которая поможет им сохранить жизнь в экстремальной ситуации.

Необходимо укрепление в молодежной среде толерантности, противодействие угрозе распространения среди молодежи экстремистских идей и учений, связанных как с религиозным фактором, так и с этническим. Одним из важных направлений воспитательной работы по профилактике экстремизма и терроризма в молодежной среде является решение задачи со-

вершенствования правовой грамотности как гарантии социальной активности, воспитания у детей и молодежи личной гражданской ответственности за умение жить в согласии в многонациональной стране.

Экстремизм, как угроза национальной безопасности, вынуждает вести профилактическую работу не только с подростками и молодежью, но также и со взрослыми.

Таким образом, основная задача государственных органов, органов местного самоуправления и общества в целом, это обеспечение именно профилактики экстремизма, чтобы исключить или минимизировать саму возможность возникновения и развития экстремизма в молодёжной среде.

Профилактика необходима именно в среде молодежи, так как указанная среда в силу целого ряда различных факторов является одной из наиболее уязвимых в плане подверженности негативному влиянию разнообразных антисоциальных и криминальных групп, что связано с неокрепшей психикой и отсутствием твердой жизненной позиции.

Не подвергается сомнению, что работа в образовательных учреждениях чрезвычайно важна, но нельзя забывать и о роли семьи в данном процессе. В связи с этим педагоги и сотрудники правоохранительных органов должны проводить регулярные профилактические беседы, как с детьми, так и с родителями. Конечно же, существуют и другие меры профилактики терроризма и экстремизма в молодежной среде. Все вместе они призваны не допустить совершения в государстве противоправных действий, обеспечить целостность и процветание нашего государства.

Упоров Иван Владимирович,
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА МУНИЦИПАЛЬНОГО ДЕПУТАТА В ЗАКОНАХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ

Правовые основы статуса муниципального депутата на федеральном уровне определены в ст. 40 действующего ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[1] (далее – Фе-

[1] Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 30.10.2017) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05. 02. 2018).

деральный закон о местном самоуправлении), однако, собственно полномочий депутата, как важнейшего элемента его правового статуса, здесь не содержится. Определенное развитие статусные характеристики находят в законах субъектов Российской Федерации и в муниципальных правовых актах. Так, в законе Краснодарского края о местном самоуправлении[1] достаточно подробно определены гарантии осуществления полномочий муниципального депутата, но полномочия депутата здесь также отсутствуют. В этой связи заметим, что согласно предшествовавшему федеральному муниципальному закону (1995 г.)[2] субъекты Российской Федерации могли регулировать статус муниципальных депутатов, и делали это, однако в соответствии с новым Федеральным законом о местном самоуправлении субъекты Российской Федерации в таких правах ограничены. Соответственно субъекты Российской Федерации изменяли свое ранее действовавшее законодательство.

В частности, в Краснодарском крае это было сделано в переходных положениях краевого закона о местном самоуправлении, принятого в 2004 г. Следует заметить, что в начальной редакции данного закона не было норм, которые регулировали бы депутатский статус местного (муниципального) уровня, что выглядело весьма странно, учитывая, что до этого статус депутата представительного органа муниципального образования определялся ни много ни мало отдельным краевым законом!

Вероятно, краевой законодатель учел это обстоятельство, и поправкой к закону о местном самоуправлении в Краснодарском крае (принята в 2006 г.[3]) была включена новая статья 28.1, в которой определялись полномочия муниципального депутата в Краснодарском крае, и тем самым указанный пробел был восполнен. Однако данное нормативное положение уже в начале 2009 г. утратило свою юридическую силу (что также представляется странным решением Законодательного собрания Краснодарского края).

Что касается муниципального уровня регулирования статуса муниципального депутата, то, как показывает содержание изученных нами уставов муниципальных образований, в этих муниципальных правовых актах имеет место воспроизведение (в значительном объеме) как норм Федерального закона о местном самоуправлении (прежде всего это касается ст. 40), так и норм соответствующих законов субъектов Российской Федерации. Вместе

---

[1] Закон Краснодарского края «О местном самоуправлении в Краснодарском крае» от 07.06.2004 N 717-КЗ (в ред. от 23.06.2017) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05. 02. 2018).

[2] Федеральный закон от 28.08.1995 N 154 -ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // Российская газета. 1995. 1 сентября.

[3] Закон Краснодарского края от 04.07.2006 N 1047-КЗ «О внесении изменений в Закон Краснодарского края «О местном самоуправлении в Краснодарском крае»» // Кубанские новости. 2006. 12 июля.

с тем такая ситуация не вызывает удивления, учитывая, что в Федеральном законе о местном самоуправлении уже достаточно подробно отрегулирован основной объем рассматриваемой сферы общественных отношений (это относится и к вопросу о выборах депутатов представительных органов местного самоуправления, который также очень подробно отрегулирован в федеральном законодательстве).

С другой стороны, в уставах муниципальных образований встречаются нормы-дефиниции, а также, как правило, находят отражение вопросы осуществления депутатами представительных органов муниципальных образований своих полномочий, чего нет в законах федерального и регионального уровней. Рассмотрим некоторые примеры. Так, в Уставе Ростова-на-Дону[1] закрепляется понятие депутата городской Думы Ростова-на-Дону, в частности, определяются, что городской депутат является «полномочным представителем городского сообщества», который, в соответствии с Уставом города, наделяется рядом полномочий, и прежде всего речь идет об участии в реализации функций городского самоуправления, которые могут осуществляться «посредством различных организационно-правовых форм деятельности городской Думы и создаваемых ею органов»[2]. В Уставе города Краснодара[3] статусу депутата городской Думы посвящена отдельная статья (ст. 31). Здесь определяются основные признаки городского депутата, в том числе указывается на то, какие жители города (возраст, гражданство и др.) могут быть выдвинуты в кандидаты в депутаты городской Думы; определятся принципы проведения выборов депутатов; устанавливается количество городских депутатов, которые выполняют свои депутатские обязанности на постоянной основе (то есть, за денежное вознаграждение из бюджета города Краснодара); определяются условия привлечения городских депутатов к юридической ответственности; устанавливаются ограничения, связанные с запретом для муниципальных депутатов, работающих на постоянной основе, заниматься определенными видами деятельности; закрепляются соответствующие гарантии для осуществления депутатами своих депутатских обязанностей и др.

Такой подход применяется в большинстве исследованных нами уставов муниципальных образований, но объем регулирования отмеченных и

---

[1] Устав города Ростова-на-Дону (в ред. решений Ростовской-на-Дону городской Думы от 09.04.1996 г. N211 (ред. от 14.07.2015) // Официальный сайт администрации города Ростова-на-Дону (дата обращения – 20.12. 2015 г.).

[2] Там же.

[3] Решение городской Думы Краснодара от 21.04.2011 N 11 п.6 (ред. от 29.06.2017) "О принятии Устава муниципального образования город Краснодар" // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05. 02. 2018).

иных смежных вопросов различен. Так, в Уставе городского округа Нальчик[1] имеется довольно значительное количество норм, регулирующих статус городского депутата (статья 48 Устава, состоящая из девяти частей), в частности, подробно регулируются вопросы досрочного прекращения депутатами своих полномочий, включая положение о том, что если Глава Кабардино-Балкарской Республики обратится в Совет местного самоуправления г. Нальчик с заявлением о досрочном прекращении полномочий того или иного городского депутата, то юридически такое основание должно датироваться днем поступления в Совет местного самоуправления указанного заявления главы Республики (на наш взгляд, столь подробно этот процедурный вопрос вряд ли нуждается в уставном регулировании, но подробно этот аспект мы не затрагиваем).

В Уставе Приморско-Ахтарского городского поселения Приморско-Ахтарского района (Краснодарский край)[2] объем нормативного регулирования статуса муниципального депутата меньше. При этом мы исходим из того, что различный объем регулирования не означает позитивной или, напротив, негативной оценки качества устава муниципального образования как муниципального правового акта, поскольку, как мы отмечали, в уставах муниципальных образований повсеместно наблюдается дублирование норм соответствующих законов федерального уровня и уровня субъектов Российской Федерации, причем в такой степени, что собственно «оригинальных» норм в уставах муниципальных образований сравнительно немного. Такое положение объясняется, на наш взгляд, недостаточной правовой квалификацией муниципальных депутатов, что, в свою очередь, проистекает из еще сравнительно небольшого опыта функционирования вообще института местного самоуправления в Российской Федерации.

В рассматриваемом контексте неоднозначным является вопрос о том, могут и/или должны ли муниципальные депутаты разных муниципальных образований и разных субъектов Российской Федерации иметь одинаковый правовой статус, учитывая единое гражданство на всей территории России? Как нам представляется, муниципальные депутаты, будучи носителям публичной власти на местном уровне, на всей территории нашей страны должны иметь единую основу депутатского статуса, поскольку все граж-

---

[1] Устав городского округа Нальчик (принят Нальчикским советом местного самоуправления от 14.04.2017 г. № 61, в ред. от 25.04. 2018 г.) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.05. 2015).

[2] Устав Приморско-Ахтарского городского поселения Приморско-Ахтарского района Краснодарского края (утвержден решением Совета Приморско-Ахтарского городского поселения Приморско-Ахтарского района Краснодарского края от 10.03.2016 N 134) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.05. 2015).

дане России равноправны (ст. 19 Конституции России). Соответственно такое равноправие, на наш взгляд, необходимо распространять на степень представительства в выборных властных структурах федерального уровня, уровня субъектов Российской Федерации и муниципального уровня. Это относится и к процедурным правам депутатов, в частности, их праву выступать на пленарных заседаниях представительных органов муниципальных образований, запрашивать нужные им сведения у государственных и муниципальных органов и должностных лиц, основаниям привлечения муниципальных депутатов к юридической ответственности и т.д. В настоящее время ввиду отсутствия соответствующих норм федерального и регионального уровней такого рода вопросы регулируются в муниципальных правовых актах, и подходы довольно сильно различаются, что представляется неправильным.

Так, в Регламенте городской Думы Краснодара в ст. 35 указывается, что в процессе нормотворческой деятельности депутат: «1) вносит в Думу проекты решений и поправки к ним на рассмотрение в порядке, установленном Регламентом; 2) вносит в Думу на рассмотрение предложения о внесении изменений в действующие решения Думы; 3) вносит предложения главе муниципального образования город Краснодар о внесении изменений в муниципальные правовые акты главы муниципального образования город Краснодар …»[1]. В Регламенте определены также другие полномочия депутатов, а равно их обязанности. На наш взгляд, следует основные депутатские полномочия (по меньшей мере, указанные в рассмотренном Регламенте под № 1-3), а также обязанности и гарантии деятельности муниципальных депутатов, отрегулировать в Федеральном муниципальном законе в отдельной статье, посвященной только депутатам (в настоящее время их статус в этом законе определяется вместе с иными выборными лицами местного самоуправления), учитывая особый статус депутата как представителя населения в органах местной власти; одновременно целесообразно предоставить субъектам Российской Федерации право уточнять некоторые позиции, оставляя ряд из них на усмотрение самих муниципалитетов.

[1] Решение городской Думы Краснодара от 24.11.2005 N 3 п.6 (ред. от 30.05.2017) "О Регламенте городской Думы Краснодара" // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05. 02. 2018).

Упоров Иван Владимирович,
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России;
Курдюк Галина Петровна,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛИШЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ ДОВОЕННОГО ПЕРИОДА

В результате октябрьской революции 1917 г. в России существенным образом были изменены основные политико-правовые и социально-экономические институты, в том числе избирательная система, и прежде всего это касается распространения избирательных прав (здесь и далее, при отсутствии оговорок, понимаются как активное, так и пассивное избирательные права) на абсолютное большинство взрослого населения страны, начиная с 18 лет, что было большим шагом вперед,

Вместе с тем в соответствии с партийно-классовом принципом лишались избирательных прав различные категории лиц, причем, это сразу стало делаться на конституционном уровне. Так, в ст. 65 Конституции РСФСР 1918г.[1] указывалось, что не избирают и не могут быть избранными: лица, которые используют труд наемных рабочих с целью извлечения дополнительного дохода; лица, существование которых основывается на нетрудовых доходах, в частности, в виде размещения своих денежных средств в банковских учреждениях под проценты, дивидендов от деятельности предприятий, сдачи имущества в аренду и др.; частные торговцы, коммерческие и торговые посредники; монахи и иные церковные служители; бывшие сотрудники царской полиции, корпуса жандармов, охранных отделений; лица, относящиеся к императорской семье; лица, признанные душевнобольными или умалишенными; лица, которые находятся под опекой; осужденные за преступления корыстного характера, а равно «порочащие» преступления, и приговоренные к определенному сроку лишения свободы. Как видно, данный перечень довольно широкий, и он в значительной степени основывался на политическом признаке.

[1] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

Этим нормативным положением был определен подход советского законодателя к регулированию лишения избирательных прав, который применялся до союзно-республиканской конституционной реформы 1936-1937 гг. В частности, в следующей Конституции РСФСР 1925 г.[1] в ст. 69 почти текстуально воспроизводились указанные выше нормы. Различие состояло по двум позициям: во-первых, применительно к духовным лицам уточнялось, что лишения избирательных прав относится только к тем, для кого занятия в сфере религии являлось профессией; во-вторых, добавлялись лица, которые принимали участие в управлении деятельностью правоохранительных органов царской России.

4 ноября 1926 г. ВЦИК утвердил инструкцию о выборах депутатов местных (городских и сельских) Советов, где перечень лиц, лишенных избирательных прав, получал подробнейшее разъяснение, что, очевидно, было необходимо потому, что в практике не было ясности в отношении некоторых категорий граждан, о чем свидетельствуют их перечень из 14 пунктов. Так, в конституциях 1918 и 1925 г. ничего не говорилось, например, о бывших при империи работниках судов и прокуратуры, следователях, которые не относились к карательным органам, а также о разного рода гражданских чиновниках, и соответственно в ст. 15 Инструкции перечень этих лиц выглядел следующим образом: служащие бывшей полиции и иных карательных органов; члены императорского дома; лица, «прямо или косвенно» осуществлявшие деятельность по управлению правоохранительных органов, причем не только в период монархии, и «при белых контр-революционных правительствах», в том числе министры, руководители департаментов министерств; военные и гражданские губернаторы, их заместители; губернские (уездные) предводители дворянства; прокуроры и их заместители, следователи по важнейшим делам, руководящие и процессуальные работники военных судов всех наименований, руководители и члены следственных подразделений, функционировавших «на территории, занятой белыми контр-революционными правительствами»; чиновники разных уровней, включая членов губернских правлений, земских начальников и др.; все служащие тюремного ведомства. В рассматриваемой Инструкции устанавливалось также, что не могли быть избирателями лица, подвергнутые административной высылке, а равно лица, подвергнутые судебными органами к уголовным наказаниям, лишающим осужденных возможности проживания на месте своего прежнего жительства, и пораженные судом в политических правах, то есть речь шла о репрессивных мерах, которые применялись уже самой советской властью. К данной норме в Инструкции имелось

[1] Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925 "Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР" (вместе с "Конституцией (Основным Законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики") // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

примечание, согласно которому подследственные, находящиеся «под судом», а также отбывающие наказание, «не соединенное с лишением прав», также лишались избирательного права. Кроме того, законодатель уточнял свою позицию в отношении лиц, «прибегающих к наемному труду», – если ранее избирательных прав лишались все лица, подпадающие под эту категорию, то Инструкция в ст. 16 определяла, что не могут быть лишены избирательных прав те земледельцы, которые с целью уборки урожая временно нанимали не более двух работников. Но в целом данной Инструкцией численность лишенных избирательных прав значительно возросла.

Следует отметить, что лишение избирательных прав регулировалось нормами не только государственного, но и уголовного законодательства. Так, в ст. 20 УК РСФСР 1926 г.[1], в которой регулировались меры социальной защиты, значилось поражение политических прав, что выражалось в лишении как активного, так и пассивного избирательного права При этом срок поражения политических прав не мог превышать 5 лет. Согласно ст. 32, 34 «в случаях назначения этой меры социальной защиты в качестве дополнительной к лишению свободы поражение прав распространялось на все время отбытия заключения и сверх того - на срок, определенный приговором … суд был обязан войти в обсуждение вопроса о лишении осужденного прав всякий раз, когда приговаривает его к лишению свободы на срок больше одного года. При назначении более мягкой меры социальной защиты поражение прав не допускается»[2].

Как справедливо отмечает П.А. Дуксин, советская власть тогда лишала избирательных прав не потому, что опасалась проигрыша на выборах депутатов Советов, а потому, что считала, что избирать и быть избранными могли лишь «незапятнанные» граждане, и об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что во второй половине 1920-х гг., когда указанное наказание стало применяться достаточно активно, доля «лишенцев» (то есть лишенных политических прав) не достигала и десяти процентов от общего количества взрослого населения[3].

В литературе имеется и другая точка зрения, согласно которой карательная мера в виде лишения избирательных прав имела, во-первых, превентивное значение (предотвратить потенциальное укрепление политических позиций определенных групп, оппонирующих большевикам); во-вторых, предназначалась для осуществления целенаправленного структуриро-

---

[1] Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 16.01.1928) "О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года" (вместе с "Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.") // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

[2] Там же.

[3] Дуксин П.А. Лишение избирательных прав граждан по советскому законодательству 20 - 30-х годов XX века // Конституционное и муниципальное право. 2009. N 5. С. 53.

вания советского общества (на сторонников и противников советской власти); в-третьих, для поддержания психологии агрессии, направленной против представителей бывших привилегированных сословий в императорской России[1].

На наш взгляд, расширение возможностей лишать часть граждан избирательных прав связывалось, прежде всего, со стремлением правящей элиты советского государства во главе со Сталиным укрепить свою власть, где лишение избирательных прав было лишь одной из мер для достижения этой цели. Расширение круга лиц, лишенных избирательных прав, достигло своего апогея в 1934 г., когда в утвержденной ВЦИК новой избирательной Инструкции[2] в перечень лишенцев (ст. 15) были добавлены еще несколько категорий лиц, в том числе: «кулаки, выселенные за противосоветские и противоколхозные выступления из пределов сел и поселков, в которых они ранее проживали; прочие административно высланные на сроки их высылки, а также лица, лишенные избирательного права по приговорам судов … члены семей лиц, лишенных избирательных прав по п. п. "а", "б", "в", "г" и "д" ст. 69 Конституции РСФСР и соответствующим им пунктам настоящей статьи в тех случаях, когда они находятся в материальной зависимости от лиц, лишенных избирательных прав, и не имеют источником своего существования самостоятельный общественно-полезный труд»[3]. Вместе с тем одновременно этим же актом расширялся и перечень лиц, которые не могли быть лишены избирательных права (в частности, это касалось лиц, которые жили на доходы от выигрышей, на проценты по госзаймам, получающие из-за границы пенсии, алименты, страховки, наследство (ст. 16.).

После осуществления коллективизации и начала индустриализации в СССР, что отражало определенную стабилизацию общественных отношений, осталась сравнительно небольшая численность советских граждан, которые могли бы на выборах голосовать против кандидатов от правящей ВКП (б). Соответственно и меры по лишению избирательных прав стали смягчаться, причем существенно. Уже в Конституции СССР 1936 г. в ст. 135 указывалось: «Выборы депутатов являются всеобщими … за исключением лиц, признанных в установленном законом порядке умалишенными»[4]. А в Конституции РСФСР 1937 г. в ст. 139 добавлялась еще одна категория ли-

---

[1] Красильников С.А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 - конец 1930-х гг.). Новосибирск: НГУ, 1998. С. 37.

[2] Постановление ВЦИК от 01.10.1934 "Об утверждении Инструкции о выборах в советы и на съезды советов РСФСР" // СУ РСФСР. 1934. № 36. Ст. 226.

[3] Там же.

[4] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик" (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК 1936. № 283.

шенных избирательных прав – «лица, осужденные судом с лишением избирательных прав»[1]. Таким образом, советский законодатель в довоенный период сначала вводил довольно широкий круг лиц, которые лишались избирательных прав, преследуя прежде всего политические цели – укрепление советской власти. К середине 1930-х гг., когда в стране была провозглашена «победа социализма», необходимость жестких мер в этой сфере отпала, и избирательных прав стали лишаться лишь две категории лиц, что нашло отражение в конституционных нормах (по сути, те же самые категории лиц, что и в действующей Конституции России 1993 г.), однако эти изменения не меняли главного в данной сфере – полного контроля советской власти за «избирательным настроением» населения, в зависимости от которого изменялось и законодательство, в том числе в части лишения избирательных прав.

Честнов Илья Львович,
доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры теории и истории государства
и права Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Академии Генеральной
прокуратуры РФ

ЦЕННОСТИ В ПРАВЕ С ПОЗИЦИЙ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Ценности в праве, как и ценность самого права – одна из «вечных тем» в философии права, и «вместе с тем всегда новая проблема для юриспруденции»[2]. Ее перманентная актуальность обусловлена нерешенностью таких фундаментальных проблем аксиологии права, как бытие правовых ценностей, их возникновение и генезис, универсальность и контекстуальность ценностей в праве, соотношение правовых ценностей и фактов, конфликт правовых ценностей и способы его разрешения и др. Трансформация философии права в конце XX – нач. XX1 вв., возникновение постклассической методологии, приводит если не к отрицанию ценностей в правовой реальности, то, по крайней мере, к их переосмыслению. Рассмотрим некоторые из обозначенных выше проблем.

---

[1] Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 "Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики" (вместе с Конституцией) // СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.

[2] Нерсесянц В.С. Предисловие // Политико-правовые ценности: история и современность. М.. 2000. С.3.

1.Бытие ценностей в праве. В «классическом» науковедении и правоведении ценность (и правовые ценности) связывают с некой объективной данностью отношения субъекта к объекту и считают либо имманентной сущностью социального феномена (включая право), либо соотносят с некой трансцендентной сущностью. В любом случае постулируется, что эта ценность (будь то имманентная или трансцендентная) суть самоочевидная данность, выступающая основанием данного феномена (в том числе, права) и позволяющая однозначно его оценивать. И в том, и другом случае ценности в праве (как и ценность самого права) трактуются как внеположенные человеку объективные, рационально постижимые данности.

С позиций постклассической методологии, наивная вера в то, что право как мир должного (не суть важно, каким образом выводимого из трансцендентных оснований) существует независимо от потребностей, интересов и ценностей человека, заменяется конструируемостью, социокультурным контекстуализмом и интерсубъективностью. Собственно, и ценности в правовой реальности также не являются априорной данностью, а конструируются властью (включая референтные группы) и воспроизводятся практиками людей – носителей статуса субъектов права[1]. Правовые ценности существуют в сознании людей (как общественном, так и групповом и индивидуальном); они проявляются в отношении оценивания, приписывания юридической значимости некоторым социальным явлениям, и в поведении, соответствующем данной ценности. При этом происходит «взаимоналожение» фактов и ценностей: любое фактуальное высказывание может быть оценено, а ценности (в том числе, нормы права в процессе юридической квалификации) сопоставляют с фактами[2].

2.Процесс конструирования правовых ценностей. Ценности в правовой реальности, с позиций постклассической методологии, являются социальным конструктом. Конструирование правовых ценностей осуществляется правящей элитой в конкурентной борьбе за право официальной номинации, юридической категоризации и квалификации с контрэлитой и господствующими в данном социуме референтными группами. Результатом этой конкуренции выступают социальные правовые значения – приписывание некоторым социальным явлениям и процессам юридического статуса. Наиболее абстрактные из них приобретают статус принципов права. Одновременно элита и референтные группы убеждают население в ценности (значимости, желательности) всех элементов правовой системы. Правовые

[1] Как писал Д. Серль, ценности не содержатся во внешнем мире, а проистекает от человека. – Searle J. Speech Act: An essay in the philosophy and language. Cambridge (Mass.), 1976. P.175.

[2] Как доказал Х. Патнэм, формально-логическое различение ценностей и фактов «безнадежно размыто, так как сами фактические заключения, на которых основано решение, что является фактом, предполагает ценности». - Putnam H. Reason, Truth and History. Cambridge, 1981. P.172.

ценности возникают только тогда, когда сконструированные властью (в широком смысле слова) правовые значения интериоризируются в индивидуальные смыслы и воспроизводятся практиками людей – носителей статуса субъектов права. В противном случае правовая ценность вырождается в фикцию.

3.Уровни бытия правовых ценностей. Ценности в праве существуют на уровнях макро- мезо- микро- бытия правовой реальности. Они проявляются в идеологическом, философском, теоретически, практическом, обыденном и бессознательном уровнях правовой психики, а также в индивидуальном, общественном и групповом правосознании. Индивидуальные правовые оценки – основания индивидуальных ценностей. Они обусловлены господствующими в данной социальной группе и обществе социальными правовыми представлениями о важном, значимом. В современном мультикультурном, «фрагментированном» социуме неизбежен правовой ценностный плюрализм, и достаточно проблематично говорить о единых правовых ценностях общества как «типичных социальных предпочтениях, получающих официальное нормативное признание и защиту»[1].

4.Универсальность/контекстуальность правовых ценностей. Наиболее важным в связи с анализом ценностей и ценности права в контексте постклассической методологии, является вопрос об их универсальности. Полагаю, что в любом социуме, как и в сознании каждого нормального человека, существуют представления о желательности блага, добра, справедливости. Однако ***содержательно определить универсальность правовых ценностей, - то, что именно считать благом, добром справедливостью, на мой взгляд, невозможно в принципе***. Это связано с ***принципами неопределенности и дополнительности, обусловливающими постсовременное мировоззрение, которые постулируют зависимость реальности от точки зрения «наблюдателя», который производит наименование, описание, категоризацию мира и тем самым конструирует социальность***. Поэтому приходится согласиться с Г. Кельзеном, который утверждал, что универсальность ценностей в праве, таких, как принцип воздаяния, равенства, «золотое правило» и др., не более чем «пустые формулы»[2]. Таким об-

---

[1] Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы. М., 2013. С.29.

[2] «В человеческом разуме, - писал Г. Кельзен, - можно найти определенные основополагающие принципы, из которых могут быть выведены абсолютные ценности. Но на самом деле эти ценности как таковые предопределены эмоциональными элементами человеческого мышления. Определение абсолютных ценностей, и в особенности осуществляемое таким путем определение идеи справедливости, дают всего лишь пустые формулы, с помощью которых в качестве справедливого может быть оправдан любой социальный строй». - Кельзен Г. Что есть справедливость? // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливости и естественное право / Пер. с нем.. англ., фр.; Сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. СПб., 2015. С.354.

разом, универсальность правовых ценностей – это абстракция (как, например, принцип формального равенства для В.С. Нерсесянца[1]), наполняемая конкретным содержанием историческим и социокультурным контекстом данного социума.

Грязнова Татьяна Евгеньевна,
доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры теории и истории
права и государства Омской
академии МВД России

ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ГОСУДАРСТВА А.Д. ГРАДОВСКОГО

Идея конституционализма как отличительного признака европейских государств получила широкое развитие в российской юридической науке конца XIX – начала XX вв. и нашла отражение, в частности, в работах А.Д. Градовского.

К основным признакам конституционного типа государства А.Д. Градовский относит: наличие основных законов (конституций) или законов, признаваемых за основные; обеспечение личных, имущественных, политических, религиозных прав и свобод подданных; наличие разделения властей; установление формального различия между законом и распоряжением; функционирование народного представительства как института, позволяющего привлечь к законодательству и управлению лучшие силы нации и дающего возможность согласовать интересы различных социальных групп[2].

Широкое распространение конституционного типа государств обусловил повышенный интерес российской юридической науки к осмыслению данного феномена. Интенсивная разработка связанных с ним проблем красной нитью проходит сквозь творчество целой плеяды отечественных юристов. Предложенный А.Д. Градовским взгляд на совокупность признаков

[1] Нерсесянц В.С. Юридическая аксиология // Политико-правовые ценности: история и современность. Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2000. С. 9, 10.

[2] Градовский А.Д. Государственное право. Лекции, читанные в 1881-1882 акад. году. СПб., 1882. С. 334-335; Его же. Государственное право важнейших европейских держав. Т. I. // Собр. соч. А.Д. Градовского. СПб., 1900. Т. IV. С. 813.

конституционного государства, в той или иной мере, разделяли Н.М. Коркунов[1], Ф.Ф. Кокошкин[2], Н.И. Лазаревский[3] и С.А. Котляревский[4].

Наличие вышеперечисленных признаков в современных республиках позволяет российскому ученому говорить о принципиальном изменении их сущности, о сближении республик с конституционными монархиями. «Существо современной демократической республики состоит вовсе не в том, что государственное самодержавие принадлежит народу. Народ, т.е. масса полноправных граждан, признавался субъектом верховной власти во всех демократиях одинаково. Но в демократии конституционной отличительным признаком является способ и форма осуществления принадлежащих народу верховных прав»[5], – поясняет А.Д. Градовский.

Отечеством конституционных учреждений российский правовед считает Англию. Автор выделяет два важнейших принципа, лежащих в основе функционирования английских политических учреждений, но чуждых учреждениям европейским: преемственность исторических начал (сочетание королевской власти, наследственной знати, джентри и низших сословий в народном представительстве) и наличие органов местного самоуправления. Континентальные же конституции, даже октроированные, имели целью установление нового порядка вещей, к которому должны были приспособиться уцелевшие исторические учреждения. Провозглашение европейскими конституциями начала равенства и установление конституционных режимов на континенте совпало по времени «с действительным перерождением обществ в демократическом направлении»[6], в то время как для Англии характерно было сохранение общества традиционного. Определяющие гражданские вольности английские хартии и статуты (Великая Хартия, Statutum de tallagio non concedendo, Билль о правах и др.) являются всего лишь одним (и даже не первенствующим) из элементов английского публичного права, имеющего целью создание крепкого национального государства посредством продуманной и разветвленной системы органов местного

---

[1] Коркунов Н.М. Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. СПб., 1890. Ч. I. С. 93-97; Его же. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 309-310, 365-369.

[2] Кокошкин Ф.Ф. Об основаниях желательной организации народного представительства в России. М., 1906. С. 28, 29, 84.

[3] Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908. Т. I. С. 4-12, 258, 328-333, 362-363; Его же. Русское государственное право. Петроград, 1917. Т. I. Вып. I. С. 133-134.

[4] Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 9-22, 43, 99; Его же. Власть и право: Проблема правового государства. СПб., 1915. С. 248.

[5] Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав. Лекции, читанные в 1885 г. СПб., 1895. С. 2.

[6] Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав. Т. I. // Собр. соч. А.Д. Градовского. СПб., 1900. Т. IV. С. 17.

самоуправления. Что касается конституций европейских, то в них приоритет был отдан ограничению прав государственной власти и реорганизации центральных органов управления; вопросы местного самоуправления, к сожалению, были оставлены ими без внимания.

Подобный нигилизм по отношению к роли и значимости местного самоуправления А.Д. Градовский считает серьезным просчетом современных европейских государств, поскольку «понятие самоуправления есть, прежде всего, понятие политическое, определяемое степенью участия общества не только в административных делах местности, но и в общегосударственном управлении»[1]. Органы местного самоуправления служат лучшей политической школой, более всего содействующей формированию и развитию гражданского духа. Именно самоуправление является средством, связывающим индивидуальную человеческую жизнь с жизнью государственной: не выходя из сферы своих обыденных занятий, участвуя в решении общих, пусть даже малозначительных дел, человек начинает в полной мере ощущать себя гражданином.

Стремительные темпы развития демократии, с одной стороны, и потребность в устойчивом государственном порядке, одинаково признанном всеми социальными группами общества, с другой, имели следствием неизбежность участия народных масс в отправлении государственной власти. Одной из важнейших проблем в этой области стала проблема демократизации избирательного законодательства. «Для большей устойчивости новых представительных государств, для того чтобы народное представительство имело действительную точку опоры в массе народонаселения, расширение избирательного права и даже введение всеобщей подачи голосов представляется неизбежным»[2], – констатирует А.Д. Градовский. Очевидно однако, что провозглашение всеобщего избирательного права не гарантирует качества выборов, поскольку последнее определяется уровнем образованности, политической и правовой культуры граждан, оставляющих желать лучшего в современных государствах. Выход российский ученый видит в развитии местного самоуправления; в расширении системы образования и правового воспитания народа; в смещении приоритетов в спектре обсуждаемых в парламенте проблем: от чисто политических – к экономическим, касающихся непосредственных нужд населения.

Как видим, идея конституционализма как отличительного признака современных государств получила широкое развитие в трудах А.Д. Градовского. Сущность конституционализма ученый усматривал в установлении системы правовых гарантий против произвола власти, в признании гражданской свободы и политических прав подданных, в создании оптимальных условий функционирования самоуправляющегося гражданского общества.

---

[1] Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб., 1883. Т. III. С. 22.

[2] Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав. Лекции, читанные в 1885 г. С. 243.

Козаев Нодар Шотаевич,
доктор юридических наук, доцент
профессор кафедры уголовного права
и криминологии Краснодарского
университета МВД России

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Сегодня научно-технический прогресс очень тесно переплетается с такими правовыми категориями как «право» и «закон». Право, как известно, выступает как универсальный регулятор общественных отношений. С помощью ее основных функций вновь возникающие общественные отношения безболезненно вливаются в существующие, при этом гарантируется определение правового режима новых объектов права и правового статуса субъектов, а также защита прав и законных интересов лиц, использующих результаты научно-технического прогресса[1].

При этом не секрет, что научный прогресс таит в себе не только зерна блага для современной цивилизации, что, несомненно, но и может принести обществу огромные издержки в виде различного рода экологических катастроф, чрезвычайных ситуаций и т.д. Примеров в современной истории хватает, достаточно вспомнить Чернобыльскую трагедию 26 апреля 1986 года.

В этой связи уголовный закон и практика его реализации являются наиболее действенными средствами государственного социального управления, когда речь идет о вызовах, способных дестабилизировать общество и заставляющих государство предпринимать жесткие меры противодействия этим вызовам[2]. Сегодня одними из таких вызовов являются издержки научно-технического прогресса, которые, как мы уже сказали, таят в себе не только положительное для общества, но и могут быть связаны с неблагоприятными последствиями для человечества, при отсутствии должного контроля со стороны органов государственного управления.

Говоря о взаимосвязях уголовного закона и научно-технического прогресса необходимо отметить, что в настоящее время проблемы научного прогресса не остаются без внимания со стороны отечественного законодательства, в том числе и со стороны уголовного закона. Однако следует признать, что вследствие постоянного развития научного прогресса уголовное

---

[1] См.: Казьмин И.Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. М., 1986. С. 3–4; Грибанов Д.В. Ресурсы и правовое регулирование инновационной экономики // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 144–155.

[2] См. предисловие В.С. Джатиева к материалам круглого стола (См.: Правовое содержание уголовного закона». Материалы круглого стола к юбилею Ю.В. Голика: Сборник статей / Отв. ред. доктор юрид. наук, проф. В.С. Джатиев. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2017. С.5).

законодательство значительно «запаздывает», что безусловно сказывается как на качестве, так и возможностях уголовно-правового регулирования общественных отношений возникающие в условиях научно-технического прогресса.

Сегодня является бесспорным и очевидным признание того, что одним из факторов развития отечественного уголовного права являются процессы, сопровождающие научно-технический прогресс. Которые заметно расширяют объект и предмет уголовно-правовой охраны в самых различных сферах жизнедеятельности человека.

На фоне прогрессивного развития общества, НТП становиться существенным ее двигателем при этом издержки прогресса могут приносить обществу не только видимые успехи, но и таить в себе различного рода опасности и прежде всего, создавать угрозу окружающей природной среде, отдельным социальным группам, индивидам, государству, а в некоторых случаях и безопасности мира. Отсюда, по нашему мнению можно говорить о существенном значении уголовного закона в обеспечении безопасности как объекте уголовно-правового отношения и значимого элемента научного прогресса, который, прежде всего, должен быть направлен на развитие современной цивилизации.

Расширяя сферу уголовно-правовой охраны, связанные с научно-техническим прогрессом, следует выделить такие сферы человеческой деятельности как развитие космических технологий, механизация и автоматизация производственных процессов, электронасыщение и электронизация производства, информационные технологии, био- и генная инженерия и т.д.

Говоря об общих проблемах уголовного закона в условиях научно-технического прогресса уместно выделить некоторые проблемы и способы их разрешения уголовно-правовыми средствами.

Прежде всего, усиливая превентивный потенциал уголовного закона, необходимо будет в ней предусмотреть, на основе соответствующих криминологических прогнозов, составы предусматривающие ответственность за «создание опасности», связанные с охраной различных производственных и технических процессов, которыми сегодня так стремительно наполняется общество.

Следующее направление развития уголовного закона должна быть сопряжена с дальнейшим развитием и совершенствованием законодательных конструкций предусматривающие ответственность за неосторожные преступления и прежде всего юридических конструкций его видов, т.е. совершенные по преступному легкомыслию или небрежности. В этой связи требует скорейшего разрешения в рамках уголовного законодательства и проблемы ответственности за неосторожное соучастие. Отметим, что заложен-

ная в ст. 32 УК РФ модель соучастия в контексте сказанного исключает применение существующего института к случаям проявления неосторожной формы вины несколькими лицами при совершении конкретного преступления.

Дальнейшее развитие в обществе информационных технологий способствовало появлению нового вида преступности, а именно – киберпреступности, ущерб от преступных действий которых уже исчисляется не миллионами в год, а миллиардами. Поэтому сегодня многие государства (США, Англия), одним из важнейших угроз для своей национальной безопасности признают существование киберпреступности и ставят во главу угла борьбу с этим видом преступности в национальных программах противодействия преступности.

В этой связи огромное значение приобретают вопросы отражения в отечественном уголовном законе положения международного права. Россия являясь активным субъектом международного права ратифицирует многие ее положения, содержащиеся в различного рода соглашениях и конвенциях, в том числе направленные на активное противодействие отдельным видам преступности.

Следующая проблема, требующая разрешения в рамках отечественного уголовного закона это ответственность юридических лиц. Разрешение данной проблемы усилить ответственность отечественных корпораций за вред, причиняемый ими окружающей природной среде, здоровью населения, который порой бывает невосполнимый и требует от государства и общества впоследствии огромных капиталовложений, не говоря уже о времени, который потребуется для самовосстановления загубленной природе.

Не менее значимыми в условиях научно-технического прогресса являются проблемы современной медицины. Прежде всего, это правовая оценка медицинского персонала в ситуациях «оказания» помощи тяжелобольным пациентам, т.е. речь идет о фактах пассивной и активной эвтаназии и их уголовно-правовой оценки, расценивая их в одних случаях как умышленное убийство, в других как причинение смерти по неосторожности[1]. Данная проблема возникла не пустом месте и не в один день. Отношение к эвтаназии в современном мире не однозначна как в социальном плане, так и правом. Сегодня в большинстве стран любые виды эвтаназии находятся под

[1] См.: Белянинова Ю.В., Гусева Т.С., Захарова Н.А., Савина Л.В., Соколова Н.А., Хлистун Ю.В. Комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (постатейный) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. 2016; Чашин А.Н. Юридический аспект «права на смерть» // Медицинское право. 2014. № 4. С. 33–37. Мустафаев С.Э.-оглы. Эвтаназия: легализация и уголовная ответственность // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 130–135; Лушникова А.И. Право на эвтаназию: анализ судебной практики Великобритании и США // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 2. С. 106–120.

запретом, но ситуация может кардинально поменяться, т.к. уже сегодня высказываются мнения относительно того, чтобы разрешить некоторые виды пассивной эвтаназии для неизлечимых больных, прикрываясь «правом» человека определять и выбирать добровольные способы ухода из жизни, в том числе прибегая и к помощи официальной медицины. В этой связи необходимо радикально пересмотреть отношение, которое сегодня сложилось в обществе относительно данной проблемы, и упорядочить её как в социальном, так и правовом аспектах, не исключая необходимости прибегнуть к установлению уголовно-правовых запретов.

Следующая, которая сегодня на первом плане и активно обсуждаемая мировым сообществом на различных форумах это проблема, связанная с такой высокотехнологичной сферой как генная инженерия[1]. В настоящее время в необходимость развития генной инженерии бесспорна, но вместе с тем и это важная отрасль медицины таит в себе множество опасностей человечеству при бесконтрольности со стороны международных и официальных государственных структур призванных обеспечить чистоту и безопасность экспериментов в этой области и прежде всего с человеческим геномом. И здесь важную роль, на наш взгляд, могут сыграть уголовно-правовые запреты необходимые в случае преступных манипуляций с человеческим геномом, которые при их бесконтрольности могут создать угрозу человеческой популяции или лечь в основу различных технологий биологического оружия. Пока же следует констатировать, что такие запреты в отечественном уголовном законе не предусмотрены.

Подводя итог, можно резюмировать, что научно-технический прогресс как данность современного общества в условиях глобализации играет важную роль в развитии современной цивилизации. Вместе с тем, бесконтрольность многих ее процессов может создавать реальные угрозы человечеству и среде его обитания, поэтому сегодня так важны правовые ограничения и запреты которыми НТР должен сопровождаться. И здесь важная роль отводиться уголовному закону которая должна органический сочетать в себе не только запреты, но и поощрительные возможности идти на обоснованный риск во имя человеческого прогресса.

[1] См.: п. 70 Указа Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212; Монтгомери Дж. Модификация генома человека: вызовы со стороны сферы прав человека, обусловленные научно-техническими достижениями // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 3. С. 42–56.

Нарыкова Светлана Петровна,
доктор философских наук, кандидат
юридических наук, доцент, профессор
кафедры теории и истории права
и государства Краснодарского
университета МВД России;
Пипенко Александр Владимирович,
слушатель 5 курса Краснодарского
университета МВД России

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ СТИМУЛИРОВАНИЯ В ПРАВЕ

На современном этапе развития российского общества важно создание благоприятной атмосферы для развития инициативы в самых разнообразных видах деятельности (предпринимательская, трудовая, педагогическая, творческая и т.п.). Также не менее важно повышать ценность, значимость и эффективность применения права как регулятора общественных отношений. Обе указанные задачи возможно решить с помощью правовых стимулов. Для того чтобы яснее представлять роль и значение правового стимулирования в решении конкретных проблем организации жизнедеятельности современного социума, необходимо проанализировать некоторые из подходов к рассмотрению сущности стимулов в праве, сложившиеся в теоретико-правовых исследованиях. Так например, А.В. Малько[1] анализируя феномен правового стимулирования в общественной жизни выделяет следующие его черты:

- правовое стимулирование является всегда внешним фактором, воздействующий на человека извне и установлен в законодательной либо содержится в иной форме права;
- правовое стимулирование является всегда позитивным внешним средством, в то время как правовые ограничения негативным внешним средством, которые тесно взаимосвязаны друг с другом;
- правовое стимулирование является элементом борьбы с «теневым управлением»;
- правовое стимулирование является объектом повышенным заинтересованности личности;
- правовое стимулирование является элементами информационного процесса;
- правовое стимулирование является конкретным средством поощрения;
- правовое стимулирование является одним из методов государственного и муниципального управления;

[1] Малько А.В. Правовое стимулирование: проблемы теории и практики. Правоведение.-1994. -№3. С.10-22

Первый признак наиболее очевиден и прост для понимания. Правовое стимулирование должно быть выражено в виде закона или иного нормативно-правового акта, а значит и иметь характерные для нормативно-правового акта признаки: являться официальным письменным документом; иметь установленную форму и реквизиты; приниматься в ходе правотворческой деятельности уполномоченным субъектом правотворчества в порядке предусмотренным нормам права на основе норм права; позволяет устанавливать, изменять или отменять нормы права; иметь государственно-властный характер и обязательность для исполнения; адресовано широкому кругу лиц; рассчитано на многократную реализацию.

Данные признаки позволяют говорить об определенных преимуществах правового стимулирования. Это, прежде всего, благодаря открытости и прозрачности, гарантированности государством, возможности обжаловать соответственную норму с помощью определенной процессуальной процедуры.

Как мы понимаем, свободное развитие человека возможно через поддержку инициативы человека, которая реализуется с помощью правовых стимулов и недопущения неправомерного ограничения инициативы и свободы человека, выраженная в применении правовых ограничений в отношении тех участников общественных отношений, которые злоупотребляют своей свободой и инициативой. В определенной мере правовые ограничения являются положительным средством правового регулирования. Мы подчеркиваем важность правовых ограничений и их неразрывную связь с правовыми стимулами, подтверждая выведенный А.В. Малько второй аспект правового стимулирования.

Третий признак, заключающийся в борьбе с «теневым управлением», вытекает из открытости и прозрачности, о которых мы говорили ранее. Прозрачность, открытость, гласность - этих ценностей должно придерживаться любое правовое государство. Однако, по утверждению некоторых ученых[1], определенные недостатки официального управления (немобильность бюджета, отсутствие координации между закрытыми и открытыми ведомствами и т. д.) демонстрируют нам обратное. С другой стороны, мы понимаем, что существование теневого управления обусловлено недостатками официального управления, которые возможно преодолеть благодаря правовому стимулированию.

Четвертый признак правового стимулирования выражен в повышенной заинтересованности личности. О заинтересованности личности можно говорить не только о правовом стимулировании, но и о стимулировании во-

[1] Моляренко О.А., Теневое государственное и муниципальное управление // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016 №3 С.120-133.

обще. Также мы говорили о том, что стимул позволяет реализовать потребность человека, а любой здоровый человек, как известно, заинтересован реализовывать свои потребности нередко с помощью правовых стимулов.

Правовое стимулирование является элементом информационного процесса согласно пятому признаку. Определенную ясность в понимании данного аспекта дает нам В.Г. Афанасьев[1], отмечая особый вид информационного воздействия, такой как сообщение стимулирующего характера, возбуждающий определенную деятельность субъекта. В контексте вышеуказанного, можно прийти к выводу, что стимул выступает в качестве элемента информационного процесса.

Шестой признак характеризует правовое стимулирования как конкретное средство поощрения. Очевидно, что без конкретных благ для личности, которая она представляет, норма бессмысленна для человека, как, например, бессмысленна уголовно-правовая норма без процесса исполнения наказания.

Отличительным признаком правового стимулирования, по нашему мнению, является отношение правового стимулирования к методам государственного и муниципального управления, что при этом не отменяет важность остальных черт правового стимулирования. Так Е.Н. Лебедева отмечает особый термин, называемый правостимулирующей политикой, означающий последовательную деятельность государства, государственных структур и социальных групп, основанную на совокупности позитивных юридических средств, идей, задач и программ, осуществляемой в области права посредством стимулов, и выступающей действенным средством по созданию эффективного механизма развития общественных отношений[2].

Таким образом можно прийти к выводу, что правовое стимулирование это открытый и строго регламентированный законом процесс влияния стимулов на мотивы поведения человека с помощью конкретных средств с целью легального решения задач государственного и муниципального управления.

Отдельного внимания требует и проблема классификации стимулов, также весьма сложная и неоднозначная, в силу существования различных взглядов на природу стимула.

Так в теории организации труда существуют следующие основания для классификации стимулов:

- в зависимости от масштаба действия стимулы делятся на глобальные, региональные, в масштабах страны, отраслевые, внутриорганизационные;

- в зависимости от содержательной формы можно разделить на материальные и нематериальные;

---

[1] Афанасьев В.Г., Социальная информация и управление обществом. М., 1975 С. 61

[2] Лебедева Е.Н., Содержание и черты правостимулирующей политикой государства. Вестник Саратовской государственной юридической академии № 6, 2014, С. 40

- в зависимости от интенсивности воздействия также делятся на слабые средней интенсивности и сильные стимулы;

- в зависимости от уровня ожидания стимула: опережающие и подкрепляющие;

- в зависимости от отношения к праву: формальные и неформальные.

Наиболее распространенной считается классификация стимулов по содержательной форме: материальные и нематериальные стимулы. Данная классификация нашла отражения во взглядах многих ученых (Л. Карташова, Т. Никонова, О. Виханский, А. Наумов, Н. Дряхлов, Е. Куприянов, В. Правотворов, Б. Мастеров, Н. Тумашкова, С. Шекшня, М. Мурашов, И. А. Оганесян, Т. Тарелкина, Т. Рыжкова, А. П. Егоршин и др.). Под материальным стимулированием понимается заработная плата, премии, доплаты, ценные подарки, ссуды и другие дополнительные экономические выгоды. Часто материальные стимулы также делят на финансовые, важность которых подчеркивает В.М. Цветаев[1], Н.В. Пошерстник, М.С. Мейксин[2] (заработная плата, премии) и нефинансовые, на которые ссылается В.В. Сафронов[3] (бесплатный проезд, питание, медицинское обслуживание, улучшение условий труда). Хотя труд в нашей стране, в отличие от высокоразвитых стран, рассматривается, в основном, лишь как средство заработка, можно предположить, что потребность в деньгах будет расти до определенного предела, зависящего от уровня жизни, после которого деньги станут условием нормального психологического состояния, сохранения человеческого достоинства. В этом случае в качестве доминирующих могут выступить другие группы потребностей, связанные с потребностью в творчестве, достижении успехов и другие. В нашей стране характерно стремление к коллективному труду, признанию и уважению коллег, которые реализуются благодаря нематериальным стимулам, среди которых можно выделить организационные[4] (привлечение работников к организационным процессам при решении ряда проблем различного характера; облегчение возможности приобрести новые знания и навыки благодаря мастер-классам и специальным курсам, получения для работников более содержательной, важной, интересной, социально значимой работы, соответствующей их интересам и склонностям, требующей творческих способностей) и морально-психологические способы стимулирования (гордость за собственные достижения вы-

---

[1] Цветаев, В.М. Управление персоналом. – СПб: Питер, 2002.

[2] Пошерстник, Н.В., Мейксин М.С. Заработная плата в современных условиях. – С.-Петербург: Издательский дом Герда, 2001. – 464 с.

[3] Сафронов, В. Материальная мотивация персонала / В. Сафронов // Консультант директора. – 2006. - № 10. – С. 21-25.

[4] Беркович Т., Организационное сопровождение функции мотивации и стимулирования труда работников /Т. Беркович // Управление развитием персонала. - 2007. - № 2. – С. 43–45

раженные в материальной оценке, например, в похвальной грамоте, дипломе, присвоение звания «работник года», оформление на доску почета продвижение в должности, грамоты, повышения, путевки на мастер-классы, путевки для проведения отпуска, оформления лица на доску почета, присвоение звания «работник года»)[1].

Наряду с материальным и моральным стимулированием, указанные авторы выделяют отдельно стимул в виде свободного времени, что на наш взгляд достаточно интересно. Так если работник успевает за меньшее время сделать работу качественно, это говорит о его профессионализме, а также о том, что человек эффективно распределил свое рабочее время. А часть сэкономленного рабочего времени, он может получить в качестве дополнительного времени отпуска или возможности к дополнительному заработку. Если мы говорим о свободном времени как о стимуле, то такой вариант стимулирования представляется достаточно эффективным и справедливым, в виду специфики организации более высоких потребностей личности, таких как потребность в самоактуализации[2].

Следующим основанием классификация предлагается определение стимулов по их интенсивности: стимулы слабые, средней силы, сильные стимулы. Данное деление представляется достаточным условным. Для расчета силы можно использовать оценку стимула с материальной точки зрения. Чем выше рыночная ценность стимула, тем и сильнее принято считать стимул. Можно использовать конкурсный подход, например, от количества человек претендующего на данный стимул. Чем выше конкурс на получение данного стимула, тем он престижнее, а значит, обладает большей силой. В некоторых случаях также можно считать количество рабочих часов, дней необходимых для получения определенного стимула. Чем больше времени потрачено, тем труднее получить стимул.

Другим критерием деления стимулов можно выделить уровень ожидания стимулов: опережающие и подкрепляющие стимулы. Данная классификация достаточно проста для понимания — опережающие стимулы достаточно известны объекту стимулирования, при этом возможно оценить шанс его получения, а если же объект стимулирования не может предугадать конкретных возможных стимулов тогда он столкнется с подкрепляющим стимулированием.

Еще одним критерием классификации является деление стимулов на формальные и неформальные. Неформальные стимулы скорее принято отнести к психологии межличностного общения и психологии управления, такие стимулы позволяют нормализовать психологический климат в коллективе (например, поздравления с днем рождения, сокращение на час рабочего

---

[1] Дорогина О.И., Синякова М.Г., Слободчикова П.С. Модели стимулирования персонала в организациях разного типа и вида / Екатеринбург, 2011, С.24

[2] Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. СПб., 2008. 272 с.

времени, спросить мнение сотрудника по поводу важного решения). Формальные стимулы или правовые стимулы отражены в нормативно-правовых актах. Так, И.В. Панова справедливо указывает на процессуальную форму, как на один из главных систематизирующих факторов упорядочивания всех элементов юридической деятельности[1]. Значение процедурно-процессуальной формы стимулирования состоит в создании юридических гарантий реализации стимула. Таким образом, правовое стимулирование можно понимать в качестве осуществляемого в процедурно-процессуальной форме целенаправленного воздействия на личность посредством позитивного правового стимула, побуждающего к определённому правовому поведению через мотивацию трудовой деятельности.

Таким образом, благодаря приведенным классификациям мы убедились в разнообразии и многогранности существующих стимулов, способные, при должном управленческом умении, раскрыть наиболее полно потенциал практически любого объекта стимулирования, отметили отдельно стимул в виде предоставлении свободного времени, который позволит более полно удовлетворить потребность в свободе и справедливости.

Сидоренко Надежда Семёновна,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры отечественной
истории и права Южно-Уральского
государственного гуманитарно-
педагогического университета

ОБРАЗ ПОЛИЦЕЙСКОГО НА СТРАНИЦАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ НЕПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ УРАЛА В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Изучение различных аспектов истории Первой российской революции составляет важное научное направление, актуальность которого определяется процессом качественных изменений в развитии российской историко-правовой науки. Отказ от узкоклассового подхода к теме позволяет уточнить наши представления о глубине и масштабах цивилизационных сдвигов в российском обществе и государственном устройстве начала

[1] Панова И.В. Юридический процесс: понятие, структура, виды // Правовая наука и реформа юридическогообразования: сб. научн. трудов. Вып. 9: Новое законодательство Российской Федерации: проблемы становления и развития. Воронеж, 1998. С. 143.

XX в., взаимосвязи политического, экономического, социального и духовного в них[1]. Современный уровень научных знаний предполагает необходимость критического анализа устоявшихся в общественной памяти стереотипов и образов, связанных с революционной эпохой в России начала XX в., освобождения их от схематичных и нередко упрощенных, односторонних оценок. В числе таковых выступает образ полицейского в условиях Первой российской революции. В советской историографии довольно прочно утвердился преимущественно негативный образ служителя порядка, формировавшийся исключительно через аспект борьбы большевиков с ними как «агентами-провокаторами царизма». Необходимость эффективной организации и правовой регламентации деятельности современных правоохранительных органов в Российской Федерации актуализирует практическое значение научных исследований в данном направлении.

В статье предпринята попытка проанализировать образ полицейского по материалам листовок и брошюр социалистических комитетов Урала в годы революции 1905–1907 гг., отложившихся в Объединенном государственном архиве Челябинской области. Выбор региона обусловлен укреплением позиций Урала в масштабах страны в процессе индустриальных сдвигов начала XX в., оживлением общественно-политической жизни в крае, втягиванием его в общероссийские процессы.

Основным методом научного исследования определен метод контент-анализа – метод выявления и оценки характеристик информации, содержащихся в текстах и речевых сообщениях, что позволяет исследовать большой текстовый массив, выделяя в нем информационные аспекты, не лежащие на поверхности[2]. В работе с документами использованы познавательные возможности междисциплинарного научного направления имагологии, в рамках которого исследуются механизмы формирования и функционирования в социуме образов «других», в том числе образов противников.

Массовое революционное движение развернулось на Урале с весны 1905 г.[3] Существенно возросло стачечное движение, активизировалось создание боевых организаций социалистических комитетов[4]. В декабре 1905 г. боевые

---

[1] Нижник Н. С. О неизбежности краха полицейского государства в 1917 году // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI вв.: Материалы международной научной конференции, Витебск–Псков, 27 февраля – 3 марта 2017 г. Витебск, 2017. С. 302–306.

[2] Семёнова А.В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / Под ред. В.А. Мансурова. – М.: Институт социологии РАН, 2010. 324 с. С.10.

[3] Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Консолидация консервативно-либеральных сил на Урале в начале XX в. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. Вып. 18. № 10 (269). С. 70–71.

[4] Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Уральские либералы в годы Первой мировой войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 1. С. 54–55.

отряды были в 25-ти городах и заводских поселках Урала[1]. Революционные агитаторы призывали рабочих и служащих к решительной борьбе за свои права. Стремясь поддержать высокий накал борьбы, социалистические комитеты Урала усилили агитацию в массах. Одним из важных ее направлений было создание негативного образа полиции и жандармерии[2]. В листовках и прокламациях образ полицейского отождествлялся с ненавистным самодержавным режимом, а значит, подвергался резкой критике: полиция и жандармерия – это «надежда» и опора существующего режима, «прислужники царизма», «царская опричнина для борьбы с нашим многострадальческим российским пролетариатом и государственным крестьянством», «сыск и шпионство царит вовсю» (21% суждений)[3].

В условиях роста революционной стихии в листовках социалистических комитетов Урала представители полиции стали выступать в качестве непосредственного противника восставшего народа (31,7% суждений): «народные массы в нашей революции борются против господства чиновников и полиции», «… Страна находится под надзором шаек провокаторов, банд сыщиков. Прокуратура и суд братски обнявшись с жандармской и простой полицией довершают сыск и расправу» «… все задыхающиеся от полицейского гнета»[4]. Большевики обвиняли полицию в «преступном участии, попустительстве и умышленном бездействии» в дни октябрьских погромов 1905 г. и выдвигали требование «роспуска армии, казаков, полиции и жандармерии»[5].

Формируемый образ полицейского-противника содействовал активизации протестных действий сторонников революции[6]. Первое вооруженное столкновение рабочих с полицией произошло на Урале в г. Перми 14 мая 1905 г., когда полиция пыталась разогнать политическую демонстрацию. Вооруженные рабочие открыли стрельбу по полицейским. О настроении

---

[1] Сидоренко Н. С. Политический экстремизм на Урале в начале XX века // Исторический вестник. Т. 2. [149]. Терроризм в России в начале XX в. Изд-во: АНО «Руниверс» М., 2013. С. 66–89.

[2] Нижник Н. С. Тотальный полицейский режим как детерминанта российской революции // Государство и право в эпоху революционных преобразований (к 100-летию революции в России): Материалы международной научно-практической конференции, СПб., 25–26 мая 2017 г. М: РГУП, 2017. С. 3451.

[3] Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. И- 596. Оп. 1. Д. 40. Л. 3; Д. 46. Л. 3.

[4] Там же. Д. 41. Л. 8, 20.

[5] ОГАЧО. Ф. И-596. Оп.1. Д. 46. Л.1.

[6] Сидоренко Н. С., Чиняева К. А. Образ полиции и жандармерии на страницах социалистической непериодической печати урала в годы первой российской революции // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 1651–1652.

масс, получивших первый опыт борьбы, свидетельствует сохранившееся воспоминание одного из участников этих событий: «Храбрая кавалькада моментально остановилась, заворотила лошадей и так пустилась по проспекту от манифестантов, что находившаяся тут публика, также опешившая от выстрелов, разразилась неудержимым хохотом, чему способствовала и пешая полиция, также в панике бросившаяся врассыпную»[1].

Осенью 1905 г. социальная и политическая напряженность в крае поднялась на новый уровень. Общество раскалывалось на враждующие группы. В декабре 1905 г. произошло вооруженное восстание рабочих в Мотовилихе, а в Уфе, Челябинске, Чусовском и Вятке – вооруженные столкновения рабочих с полицией.

Особенно сложной оказалась ситуация в Мотовилихинском заводе Пермской губернии, где действовали наиболее крупные комитеты партии РСДРП (около 1700 чел.) и эсеров (более 200)[2]. Пермский губернатор 12 декабря вынужден был отправить срочную телеграмму в Петербург: «В Мотовилихе рабочие, руководимые революционерами, поддерживая железнодорожную забастовку, захватили в свои руки завод, коим самовольно распоряжаются. Население призывается к вооруженному восстанию, ходят группы заводских парней, вооруженные ружьями. Полицейская власть бессильна; из военной силы не могу тронуть ни одного человека из Перми, где также беспокойно, революционеры ждут только выхода отсюда туда сотни казаков, чтобы открыть вооруженное восстание. Положение в высшей степени серьезное. Необходимо усиление военного состава, иначе могут быть печальные последствия. Одновременно прошу о высылке спешно хотя сотни казаков»[3].

Вооруженные столкновения рабочих с полицией и казаками приводило к гибели людей с обеих сторон, но это не останавливало революционеров. Напротив, они призывали не складывать оружие, а готовиться к решительной «последней схватке с самодержавием»[4].

Следствием радикальных форм борьбы стало введение чрезвычайных и военных режимов в крае – в четырех уральских губерниях в 1906 г. правительство разместило 60 рот и два батальона пехоты и полицейской стражи, 36 сотен казаков и конной полиции [5], с помощью которых местные власти начали восстанавливать нарушенный порядок. Привлечение казаков и воинских частей свидетельствовало о размахе протестного движения и недостаточности сил одной полиции.

---

[1] Александров Ф.А. Декабрьское восстание 1905 года на Урале. – Молотов, 1955.– С. 21.

[2] Капцугович И. К истории политической гибели эсеров на Урале. – Пермь, 1975. . – С. 56.

[3] Революция 1905–1907 гг. в Прикамье. – Пермь, 1955. С. 180.

[4] Сидоренко Н.С. Указ. соч. С. 71-72.

[5] История Урала в период капитализма. М.: Наука, 1990. С. 299.

В условиях спада революционного движения листовки социалистов в целях поддержания негативного образа полиции перенесли акцент на критику методов деятельности ее служащих – с одной стороны – проявлений жестокости и избиений арестованных[1], с другой – попыток подкупа в целях добыть показаний (26,3% суждений): «пусть они делают, что хотят со всем населением, лишь бы удержать старые порядки», «…нет такой лжи, нет той хитрости, которую жандармы не употребляли бы, чтобы заставить говорить подсудимого или свидетеля. Идут они и на подкуп, обещают деньги, места, всякие милости, лишь бы добиться показаний. Много народу они развратили и погубили таким способом. Многие кончили самоубийством, побыв в растлевающих и оскверняющих душу человека руках жандармов [2].

В листовках социалистических комитетов Урала в условиях спада революции представители полиции предстают не только противниками, защищающими старый режим, но предателями революционного народа (21% суждений): «предатели хуже, вреднее и опаснее врагов. Когда мы видим полицию, жандармов, чиновников – мы так и знаем, что надо хорониться от них, надо беречь себя и товарищей от вражьего уха и глаза»[3].

Большевистские листовки характеризовали деятельность полиции как «недостойную» и предупреждали население воздерживаться от возможного сотрудничества с ее представителями: «Как они сами готовы из-за жалования, чинов и наград отца с матерью продать, так и людей учат они предательству, шпионству, доносам, фискальству и всяким мерзостям, позорящим человека»; «…решительно отказывайтесь прямо или косвенно от каких бы то ни было услуг шпионам, полиции, жандармерии, судьям»; «…бойкотируйте их, не имейте никаких дел с ними. Выводите наружу все бесчисленные невидимые простому глазу действия их, плутни и разбои. Обличайте их лицемерие, ехидство…»[4].

В 1906–1908 гг. на Урале широкое развитие получают террористические действия со стороны боевых комитетов социалистический парий. Они принимают характер партизанских выступлений, которые сопровождались нападением на полицейские участки, убийствами «шпионов», экспроприацией оружия и денежных средств. Партизанская война развертывалась стихийно и к концу 1906 – началу 1907 гг. вышла из-под контроля местных комитетов. В одной из листовок они были вынуждены признать тактику террора ошибочной: «Полицейский разгул не ослабел, а усилился после недавних убийств, обыски и аресты стали намного чаще, чем раньше. Так было в Перми прошлым летом во время деятельности лбовцев, так было и во всей

[1] ОГАЧО. Ф. И-596. Оп.1. Д. 326. Л. 144.
[2] Там же. Д. 40. Л. 3; Д.41. Л. 8.
[3] Там же. Д. 40. Л. 2; Д. 41. Л. 8.
[4] ОГАЧО. Ф. И-596. Оп.1. Д. 41. Л. 8.

России. Нигде террор не заставляет смириться полицию, а везде имеет обратное действие. … организация страдает от непрерывных арестов»[1].

Негативные последствия «стихийного бомбизма» все отчетливее понимало и местного населения – росла безработица и принудительная высылка пришлых рабочих на места постоянной прописки. Менялось отношение людей к деятельности служащих полиции. Так, один из организаторов крупнейшего боевого союза «лесные братья» А. Лбов был задержан полицией в марте 1908 г. при активном содействии местного населения.

Таким образом, анализ выявленных листовок, изданных социалистическими комитетами Урала в 1905–1907 гг., позволяет сделать вывод о том, что социалистические комитеты Урала намеренно стремились сформировать негативное восприятие служащих полиции в общественном сознании населения. Созданный на страницах социалистической непериодической печати Урала образ полиции, включал ряд устойчивых характеристик. Полицейский отождествлялся с ненавистным самодержавным режимом, выступал его «прислужником», «царской опричниной» в противостоянии требованиям «многострадальческого российского пролетариата и государственного крестьянства» в стремлении к лучшей жизни. В таком аспекте служащие полиции были представлены в качестве «непосредственного противника восставшего народа», что определенным образом повлияло на действия протестующей части населения.

В негативном ключе были представлены методы деятельности полицейских. Их обвиняли в проявлениях жестокости в отношении арестованных, попытках подкупа в стремлении добыть показаний и в других «недостойных» действиях.

Подобные оценочные характеристики стали основой обобщающей оценки места и роли полиции в условиях революции. Деятельность полицейских характеризовалась как «предательство революционного народа». Листовки предупреждали население воздерживаться от возможного сотрудничества с ее представителями.

Сформированный в социалистической непериодической печати Урала в годы Первой российской революции негативный «образ» полиции, определенным образом повлиял на восприятие их деятельности протестующей частью населения. В своем стремлении к улучшению условий жизни восставший народ обрушил всю свою ненависть на полицейских, не представляя за полицейской формой живого человека, обязанного выполнять свою службу[2]. В то

---

[1] ОГАЧО. Ф. И-596. Оп.1. Д. 46. Л. 31.

[2] Нижник Н. С. О неизбежности краха полицейского государства в 1917 году // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI вв.: Материалы международной научной конференции, Витебск–Псков, 27 февраля – 3 марта 2017 г. Витебск, 2017. С. 303–304.

же время, разгул терроризма на Урале в 1906-1908 гг., фактически вышедший из-под контроля социалистических комитетов, нарушивший ритм не только общественно-политической, но и экономической и повседневной жизни граждан, обусловил изменение общественного сознания значительной части населения Урала в сторону признания объективной необходимости деятельности полиции по пресечению незаконных действий и поддержанию правопорядка.

Диканова Татьяна Александровна,
доктор юридических наук,
заведующая отделом проблем
прокурорского надзора и укрепления
законности в деятельности
таможенных органов и на транспорте
НИИ Университета прокуратуры РФ

О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В РАБОТЕ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА «ВИЗАНТИЗМ И СЛАВЯНСТВО»

Современная ситуация в мире, те глубинные изменения, которые происходят, требуют осознания угроз и вызовов, проецирования существующих проблем на важнейшие категории «государство» и «право», а также - определения пути государственного развития. Задача актуальная для всех стран. Например, для Европы это – развитие в условиях глобализации, миграционного и экономического кризиса, размывания среднего слоя, интеллектуальной деградации, кризиса семьи и утраты традиционных ценностей, дехристианизации, ослабления роли труда; смены капитализма, основанного на производстве, финансианализированным капитализмом, т.е., как это характеризуется в настоящее время, - кризиса Западного мира. Для России данные проблемы также существуют в связи с открытием рынка; вхождением в мировую глобальную экономическую систему», т.е. в высококонкурентную мировую экономику, с частичным переходом контроля над российской промышленностью к внешним кредиторам (более половины промышленных предприятий находятся под контролем нерезидентов), «бегством умов и капиталов» из России. Со временем, не отрицая значимости «вхождения в мировой рынок», для России приходит осознание глобализма как протекционализма развитых стран только другими средствами. На словах, от страны, входящий в глобальный рынок, требуется только то, что у нее лучше всего получается, остальное она возьмет у других. Однако, как отмечает известный российский экономист и политолог А. Вассерман, передовые страны пришли к этой теории и распространяют в мире принцип сво-

боды торговли после того, как развили свое производство в условиях жесткого протекционализма. И эти страны теперь используют иную форму защиты своих интересов – требуют от других стран открывать рынки. Это в значительной степени определило роль России в мировой экономике как поставщика энергоресурсов. Россия не может оставаться в рамках чужого проекта. Нужен свой путь. Необходимость его поиска актуализируется и в связи, с гибридными войнами – главной проблемой 21 века.

По какому пути идти? Как пишет современный российский философ А.Дугин, три классические идеологии исчерпали свой потенциал. Марксизм и национализм были побеждены либерализмом, в котором главное – индивидум, освобожденный от власти церкви, национального государства, правовых ограничений, гендерной принадлежности и т.д. И вдруг обнаружилось, что либерализм - тоже диктатура. Что теперь? Российское общество, по мнению А.Дугина, движется в сторону ризоматического состояния, потери сложности и иерархичности, к понижению интеллектуального уровня. Это ощущение меняет отношение граждан России к недавнему советскому прошлому. Революция уже не трактуется как мировое зло. В одном из выступлений бывшего заместителя председателя Правительства РФ И.Шувалова прозвучала мысль, что частная собственность на средства производства не всегда являет свои преимущества перед собственностью государственной: государственная собственность показала лучшие результаты, чем экономика, основанная на частной собственности.

Какой же путь развития должно выбрать для себя российское государство? В России, как и в мире в целом, формируется запрос на альтернативу глобализму. Есть ли альтернатива либерализму, рыночной экономике, власти больших денег, открытым границам, миграции населения. Главное дать правильную оценку происходящему, видеть глубинные события, не посчитать за них поверхностные. Политологи отмечают, что есть незаметные процессы, последствия которых разворачиваются долго, но, развернувшись, нередко создают такие ситуации, порождают такие кризисы, которые меняют, а то и ломают ход истории. Нужен глубокий и всесторонний анализ происходящих в стране изменений.

В этой связи особый интерес представляют мнения видных деятелей прошлого, которые были озабочены проблемами государстве особенно во времена, предшествующие радикальным изменениям, включая революции. Перечитывая известного русского философа, знатока российской и мировой истории К.Н.Леонтьева (1831-1891 г.г.), удивляешься тому, насколько современны его суждения о проблемах государства, высказанные более века назад, насколько верными оказались его предвидения и пророчества. Особый интерес в этом плане представляет его труд «Византизм и славянство», посвященный поиску пути, по которому должна развиваться Россия. Во времена К.Н. Леонтьева была популярна идея панславянизма, как в настоящее время идея создания евразийского союза, а также идея «русского мира».

К.Н. Леонтьев предостерегал от увлечения интеграцией. В трудах Леонтьева можно найти очень интересные выводы о победившей идеологии – либерализме, а также о национализме, призывы к которому слышаться все чаще. Леонтьев предсказал революцию в России, раньше других предсказал объединение Европы и ее закат, создал свою теорию эволюции государства, сравнив его развитие с развитием всего сущего на земле.

Развитию государства, по мнению К.Н. Леонтьева, свойственен как и всему существующему, «триединый процесс»: 1) первоначальной простоты, 2) цветущего объединения и сложности, 3) вторичного смесительного упрощения. Нельзя не вспомнить, что в последствии в известной работе О. Шпенглера «Закат Европы» сделано такое же сравнение. Этот автор также предсказал объединение Европы, он выдвинул теорию типов человеческой культуры, которые подобно живому организму проходят определенные фазы развития и умирают. У Шпенглера есть последователи, и это, в частности, Л. Гумилев со своей теорией пассионарности: в государстве вдруг происходит пассионарный подъем, соперничество, далее следует замирание хода этногенеза; надлом, при котором тем не менее начинает расцветать культура; и дальше система «выбрасывает из себя» излишнюю пассионарность, в обществе восстанавливается видимое равновесие; этнос начинает жизнь «по инерции», образуются большие государства и накопления материальных благ; пассионарность иссякает, появляются люди с пониженной пассионарностью, предпочитающие великим начинаниям обывательский покой.

По К.Н.Леонтьеву, развитие государства сопровождается постоянным выяснением, обособлением свойственной государству политической формы. Форму Леонтьев определяет как «деспотизм внутренней идеи, не дающей материи разбегаться»; «форма есть выражение внутренней идеи на поверхности содержания». Государственная форма у каждой нации своя, она в главной основе неизменна, но меняется быстрее или медленнее в частностях. Вырабатывается она не вдруг, не вдруг понятна; она выясняется лишь в эпоху наибольшей сложности и высшего единства государства, за которой постоянно следует, рано или поздно, порча этой формы, и затем разложение и смерть.

Процесс развития государства означает, как считает К.Н. Леонтьев, что внутренняя идея держит крепко общественный материал в своих организующих, деспотических объятиях, и ограничивает его разбегающие, расторгающие стремления. Прогресс же, борющийся против всякого деспотизма – сословий цехов, монастырей, даже богатства и т.п., есть не что иное как процесс разложения, процесс вторичного упрощения целого и смешения составных частей, процесс уничтожения тех особенностей, которые были органически (т.е. деспотически) свойственны общественному телу.

К.Н. Леонтьев отмечает, что на какое бы из государств мы не взглянули, у всех найдем одно и то же общее: простоту и однообразие в начале,

больше равенства и больше свободы (по крайней мере, фактической, если не юридической), чем будет после. Потом мы видим большее или меньшее укрепление власти, более глубокое или менее резкое (смотря по задаткам первоначального строения) разделения сословий, большее разнообразие быта. Увеличивается, с одной стороны, богатство, с другой – бедность. Разнообразие и тонкость ощущений и потребностей порождает больше страданий, больше грусти, больше ошибок и больше великих дел. В то же время, по внутренней потребности единства есть наклонность и к единоличной власти, которая всегда крепнет в эпоху цветущей сложности. Страдания сопровождают одинаково и процесс роста и развития, и процесс разложения.

К.Н. Леонтьев сравнивает цивилизации, в т.ч. западную и русскую. Он отмечает, что цивилизация европейская сложилась из византийского христианства, германского рыцарства (феодализма), эллинской эстетики и философии и из римских муниципальных начал. Муниципальное начало, городское (буржуазия) с 18 века победило все остальные начала и исказило (изменило) их. Например, христианство представляется уже не тем, чем было ранее, а некой моральной басней, дельное истолкование которой есть экономический и моральный утилитаризм. Однако начиная с 9 и отчасти до 18 века, Европа разнообразно и неравномерно развивалась, сложнела, крепла, расширилась на Америку, Австралию, Азию, и расширение продолжается, но сложность выцветает, целые страны становятся схожими. Провозглашаются права человека, затем требуется всякое равенство: экономическое, умственное, половое Европа, по выражению Леонтьева, стремиться к идеалу однообразной простоты. Европейские государства упрощаются самосознательно, рационально, систематически. Европа поверила в демократизацию, в смешение, в уравнение не как во временный переход, а как в идеал самого государства. Таким образом, вместо того, чтобы понимать прогресс так, как его выдумала сама природа вещей – от простого к сложному, прогресс в Европе заключается в смешении и упрощении. Леонтьев согласен с теми, кто считает, что стремление ко всеобщей ассимиляции, однообразное воспитание и положение, к которому стремится Европа, есть гибель. В результате ассимиляции образуется средний человек - европеец среди миллионов таких же средних людей. Вместе с тем, однообразие прав и сходство воспитания и положения антагонизма интересов не уничтожает, а, быть может, и усиливает. По существу, прогресс есть прогресс упрощения. Эгалитарно-либеральный процесс - антитеза процессу развития. Сходство прав и воспитания только уравнивает претензии, не уменьшая противоположности интересов, и поэтому только усиливает возможность столкновения. По его мнению, из-за этого процесса Европа должна будет пасть и дать место другим.

Он пишет **о** социализме: социализм теперь, видимо, не отвратим, по крайней мере для некоторой части человечества. … Будущие победители устроятся или свободнее, либеральнее нас, или, напротив: законы и порядки

их будут несравнимо стеснительнее наших, строже, принудительнее, даже страшнее[1]. Эти мысли корреспондируются с мнением о социальном перевороте, который не станет ждать личного воспитания, личной морализации всех членов будущего государства, а захватит общество в том виде, в котором мы его знает теперь Леонтьев пишет: «Я позволю себе подозревать, что тот слишком подвижный строй, который придал всему человечеству эгалитарный и эмансипированный прогресс 19 века, очень непрочен и должен привести или ко всеобщей катастрофе или к более медленному, но глубокому перерождению человеческих обществ на совершенно новых и вовсе уж не либеральных, а, напротив, крайне стеснительных и принудительных началах. Быть может явится рабство своего рода. Рабство в новой форме, вероятно, - в виде жесточайшего подчинения лиц …. Будет новый феодализм – феодализм общин, которые вступят в разнообразные и неравноправные отношения между собой и к общегосударственной власти[2] (с.301-302).

Процесс упрощения затронул и Россию. К.Н.Леонтьев против подражательности. Он считает, что Россия должна стремиться к самобытности духовной, умственной и бытовой; считает идею православно-культурного русизма действительно оригинальной, высокой, строгой, государственной; а панславянизм – подражанием и ничем другим. И если, пишет он, в самом деле у нас есть в истории нечто особое, истинно национальное, мало-мальски своеобразное, другими словами – культурное, а не чисто политическое призвание, то мы впредь должны смотреть на панславизм как на дело весьма опасное, если не совсем губительное. Он призывает бояться, что бы «наше торжество в случае столкновения не зашло сразу слишком далеко… и чтобы мы не оказались внезапно и без подготовки лицом к лицу с новыми миллионами эгалитарных и свободолюбивых братьев славян: это будет хуже самого жестокого поражения на поле брани»[3]. Он доказывает, что славянские страны идут по европейскому пути. В культурно-бытовом отношении во всех небольших государственных мирах, в т.ч. славянских, с каждым годом остается все меньше своеобразного и духовно-независимого. А политическая и внешняя независимость их держится лишь соперничеством или милостью больших держав. Страшнее всех, считает Леонтьев, брат близкий, брат младший и как будто бы беззащитный, если он заражен чем-то таким, что, при неосторожности, может быть и для нас смертоносный.

Леонтьев – противник либерализма, видит причину его успеха в неопределенности, растяжимости либеральных понятий в нашем поверхностном и впечатлительном обществе. Он пишет: кто из либералов был коварен, тот был умен, ибо достигал своей цеди – расстройства общего… А кто был

[1]Леонтьев К.Н. Византизм и славянство, изд. «Дар», М., 2005, с. 349-350.
[2] Там же, С.301-302.
[3] Там же, С.473.

прям и честен в своих увлечениях, тот или ошибался горько или ничего государственного не понимал. Либералы, по мнению Леонтьева, вредят тем, что *по духу* переходят беспрестанно за черту легальных форм далеко налево, т.е. не в организующую, а в эмансипационную сторону; они преданы реформе, боятся всего последовательного и всего выразительного[1].

Вместе с тем, Леонтьев предостерегает от стремления к националистическому государству. Например, относительно Германии он пишет, что торжество национальной , племенной политики привело немцев у утрате национальных особенностей; значительные оттенки ее частной , местной культуры внезапно поблекли. Польша и Россия боролись под знаменем национальным, и после своей борьбы за национальность стали больше похоже на современную им Европу. Социализм, по мнению К.Н.Леонтьева, есть высшее отрицание национального обособления.

Россия должна сохранять самобытность, но самобытность по Леонтьеву не есть охранение от неразвитости. Надежно только созидание чего-то нового или полунового - высшими, более развитыми классами, за которыми рано или поздно, желая или не желая идет народ[2]. Хотя национализм и либерализм, по-видимому, противоположны: демократический процесс равняет все разнообразное, упрощает его, а национализм обособляет разнородное, разъединяет разные народности, но, в сущности, тут - одно стремление к смешению и слиянию. К.Н.Леонтьев поддерживает точку зрения, что идея национальностей в ее нынешнем модном виде, есть не что иное, как тот же либеральный демократизм[3].

Леонтьев задает вопрос: если европейские государства сольются в какую-нибудь федеративную республику, не будем ли мы иметь право назвать этот исход падением прежней европейской цивилизации. Леонтьев предупреждает, что завоевание самобытных стран – единственное спасение при начавшемся процессе вторичного смешения в Европе. Если новый федеративный Запад будет крепок, нам нужна внутренняя сила, нужна крепость организации, крепость духа дисциплины, чтобы защитить от его натиска нашу независимость. Если же Запад вернется к старой иерархии, России опять таки нужна будет иерархия и дисциплина, чтобы быть не хуже, не ниже, не слабее его.

Какие исходы возможны для России: или в прогрессе подчиниться Западу или устоять в своей отдельности. Любопытно, что через полтора века в этой мысли приходит известный политический деятель создатель концепции «суверенной демократии» В. Сурков. Он заявил о том, что «западный вектор», проводником которого он был последние десятилетия, исчерпал

---

[1] Леонтьев К.Н. Указ. соч. С. 276.
[2] Там же, С. 406.
[3] Там же, С.395

себя, и Россия должна сосредоточиться найти свой путь развития Он определил Россию как западно-восточную «страну полукровку». Его статья, вызвавшая большой резонанс, так и называется «Одиночество полукровки».

Между тем, как считает Леонтьев, в России дух охранения слаб. Наше общество вообще расположено идти по течению за другими; кто знает.. не быстрее ли даже других?[1] Леонтьев призывает: поменьше так называемых прав, мнимого блага. Он отмечает, что везде параллельно и одновременно с усилением равенство политического и гражданского усиливается неравенство экономическое. Какой выход? Законы, считает Леонтьев, даже лучшие законы не в состоянии обнять всех частных ситуаций; законы самые точные подлежат различному пониманию, различному применению, особенно в случаях сомнительных и неопределенных, и бессильны предохранить судью от разных ошибок. Совесть - драгоценнейший дар, «лучший и ближайший из всех наших руководителей». Однако что если совесть наша до того слаба, что способна увлекаться влиянием наших страстей или господствующим духом времени? Увы, и не спасет тогда судью и совесть от многих и многих ошибок. Леонтьев пишет о роли «духа времени»: куда он чаще всего располагается – левее или правее, и считает, что левее – зло более вредное, потому что оно гораздо противогосударственнее[2]. Личная честность, вполне свободная, самоопределяющая нравственность могут лично же и нравиться, и внушать уважение, но в этих, как Леонтьев их характеризует, непрочных вещах нет ничего политического, организующего. Очень хорошие люди иногда ужасно вредят государству, если политическое воспитание их ложно…»[3]. Государство держится не одно свободой и не одними стеснениями и строгостью, а неуловимой пока еще для социальной науки гармонией между дисциплиной веры, власти, законов, преданий и обычаев, с одной стороны, а с другой - той реальной свободой лица, которая возможна даже и в Китае при существовании пытки. Его вывод: надо крепить себя, меньше думать о благе и больше о силе. Будет сила, будет и какое-то благо возможное.

[1] Леонтьев К.Н. Указ. соч. С. 264.
[2] Там же, С.316
[3] Там же, С.57.

Рассказов Олег Леонидович,
доктор юридических наук, профессор
кафедры международного частного и
предпринимательского права
Кубанского государственного
аграрного университета;
Гизатуллина Эльвира Фаридовна,
аспирант Кубанского
государственного аграрного
университета

ПОЛОЖЕНИЕ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ 1965 Г. КАК ОСНОВНОЙ ПРАВОВОЙ АКТ «КОСЫГИНСКИХ» РЕФОРМ

В промышленности Советского государства главным структурным звеном являлось социалистическое государственное производственное предприятие. И не случайно в период известных «косыгинских» реформ, именно Положение о социалистическом государственном производственном предприятии[1], принятое сразу после сентябрьского (1965 г.) Пленуму ЦК КПСС, где были приняты принципиальные решения по модернизации советской экономики в либеральном направлении, стало тем фундаментальным правовым актом, в котором нашли отражение основные принципы реформ[2]. Положение о предприятии 1965 г. оставалось актуальным вплоть до начала «перестройки» и трансформации плановой советской экономики в экономику рыночную, капиталистическую, то есть этот нормативно-правовой акт реально действовало в полной мере двадцать лет в советской правовой системе[3].

Положение имело структуру, типичную для такого рода актов[4]. Первый раздел был посвящен общим характеристикам предприятия как хозяйствующего субъекта, где, казалось бы, должно быть закреплено понятие социалистического государственного производственного предприятия, однако такого определения нет. Вместе с тем Положение содержит нормы,

---

[1] Постановление Совета Министров СССР от 04.10.1965 N 731 «Об утверждении Положения о социалистическом государственном производственном предприятии» // СП СССР. 1965. № 19-20.

[2] Ситнин В.К. Главные идеи хозяйственной реформы 1965 года и причины ее неудачи // Экономическая политика. 2007. № 2. С. 80-97; Мустакимов Ш.Р. Эволюция законодательного регулирования управлением деятельности государственных предприятий в СССР // ЮрКлуб. 2006. 14 ноября.

[3] Агафонов Ю.А., Рассказов Л.П., Упоров И.В. Становление и особенности развития современного российского права. Краснодар, 2000.

[4] Рассказов Л.П., Упоров И.В., Жинкин С.А. Теория права. Краснодар, 2000; Упоров И.В., Старков О.В., Рассказов Л.П. Теория государства и права. Москва, 2005.

совокупность которых позволяет вполне определить статус предприятия. В частности, в п. 2 указывалось, что «социалистическое государственное производственное предприятие, используя закрепленное в его оперативном управлении или пользовании государственное имущество, осуществляет *силами своего коллектива* под руководством вышестоящего органа производственно - хозяйственную деятельность (изготовление продукции, выполнение работ, оказание услуг) в соответствии с планом экономического и социального развития, на основе хозяйственного расчета, выполняет обязанности и пользуется правами, связанными с этой деятельностью, имеет самостоятельный баланс и является юридическим лицом»[1].

Важной представляется норма о том, что «управление предприятием осуществляется на *основе единоначалия*. Общественные организации и весь коллектив работников предприятия принимают широкое участие в обсуждении и осуществлении мероприятий по обеспечению выполнения государственного плана, развитию и совершенствованию производственно - хозяйственной деятельности предприятия, улучшению условий труда и быта его работников»[2] (п. 4 Положения).

Второй раздел Положения о предприятии был посвящен регулированию вопросов имущества и средств предприятия. Здесь в п. 11-12 указывалось, в частности, что «закрепленные за предприятием основные и оборотные средства образуют его уставный фонд, размер которого отражается в балансе предприятия … Общий размер (норматив) собственных оборотных средств устанавливается для предприятия по его представлению вышестоящим органом и может быть изменен в течение года лишь в связи с изменением производственного плана предприятия. Закрепленные за предприятием оборотные средства в пределах норматива не могут быть у него изъяты вышестоящим органом. Излишние оборотные средства (сверх норматива) могут быть изъяты у предприятия вышестоящим органом только в порядке перераспределения по годовому отчету предприятия или при изменении норматива собственных оборотных средств в связи с изменением производственного плана предприятия»[3].

В третьем разделе Положения о социалистическом государственном производственном предприятии регулировалась собственно производственно-хозяйственная деятельность предприятия. В п. 23 определялись главные направления этой деятельности: «Предприятие, осуществляя в соответствии с планом производственно - хозяйственную деятельность на основе хозяйственного расчета, обеспечивает достижение в интересах народ-

[1] Постановление Совета Министров СССР от 04.10.1965 N 731 «Об утверждении Положения о социалистическом государственном производственном предприятии» // СП СССР. 1965. № 19-20.

[2] Там же.

[3] Там же.

ного хозяйства наибольших результатов при наименьших затратах трудовых, материальных и финансовых ресурсов, максимально использует производственные мощности, внутрихозяйственные резервы, предоставленную в его пользование землю и другие природные ресурсы, строго соблюдает режим экономии, внедряет новейшие достижения науки, техники и передового опыта, а также прогрессивные нормы расходования сырья, материалов, топлива, электроэнергии, снижает себестоимость продукции (работ, услуг) и повышает рентабельность производства. Предприятие всемерно использует местные источники сырья и материалов, а также отходы производства»[1]. В последующих пунктах Положения указанные направления находят более развернутое отражение.

Самый объемный раздел был четвертным разделом и в нем регулировались «права предприятия». Это был единственный раздел Положения, в котором имелись подразделы с характерными названиями: 1) права в области планирования; 2) права в области капитального строительства и капитального ремонта; 3) права в области совершенствования техники и технологии производства; 4) права в области материально-технического снабжения и сбыта; 5) права в области финансов; 6) права в области труда и заработной платы. Помимо чисто производственно-экономических прав, этот радел включал также ряд прав предприятий в социальной сфере. Так, в соответствии с п. 88 «предприятие имеет право направлять передовых рабочих и служащих по их желанию на обучение в высшие учебные заведения и техникумы и выплачивать им в соответствии с действующим законодательством повышенные стипендии при условии дачи обязательства этими работниками по окончании учебного заведения возвратиться на предприятие, направившее их в учебное заведение. Кандидатуры направляемых на обучение в высшие учебные заведения и техникумы лиц, с установлением для них повышенных стипендий, выдвигаются совместно с общественными организациями предприятия»[2]. Мы полагаем, что данная норма для советского общества также имело немаловажное значение. Вместе с тем Положение не содержит в достаточной мере норм об ответственности социалистического государственного производственного предприятия.

В пятом разделе Положения о социалистическом государственном производственном предприятии регулировались вопросы управления предприятием. В частности, дается перечень основных полномочий директора предприятия как его единоличного руководителя, который «организует всю работу предприятия и несет полную ответственность за его состояние и деятельность»[3] (п. 90 Положения). Указывается также правовое положение

---

[1] Постановление Совета Министров СССР от 04.10.1965 N 731 «Об утверждении Положения о социалистическом государственном производственном предприятии» // СП СССР. 1965. № 19-20.

[2] Там же.

[3] Там же.

заместителей директора, мастера (начальника цеха, бригадира, заведующего фермой, прораба), функциях администрации предприятия. Завершающий, шестой раздел Положения о социалистическом государственном производственном предприятии был посвящен реорганизации и ликвидации предприятия, суть которых оставалась неизменной со времен Положения о государственных промышленных трестов 1927 г. и сохранилась, в силу стандартности этих вопросов, до настоящего времени[1].

Данное Положение о предприятии было утверждено Советом Министров СССР, хотя, как мы полагаем, такой уровень правотворчества явно не соответствовал значению Положения не только в экономике СССР, но и вообще в жизни всего советского общества. Дело в том, что, как указывается в самом Положении, предприятие являлось «основным звеном народного хозяйства СССР» (п. 1 Положения), что на наш взгляд, по определению должно было бы стать предметом не подзаконного, а законного регулирования.

Упречность рассматриваемого Положение о предприятии заключается еще и в том, что, будучи разработанным и принятым органом исполнительной власти, оно предполагало, что эта же исполнительная власть должна и реализовывать нормы этого Положения, то есть получалось, что советское Правительство утвердило Положение о предприятии и само же организовывало и контролировало его выполнение, и это при том, что речь шла практически обо всей экономике в целом! С позиций современной теории разделения властей это был, конечно, нонсенс. Это не значит, конечно, что советское Правительство и его председатель Косыгин были бесконтрольны и безнадзорны со стороны других органов власти и партийных инстанций. Согласно действовавшей в те годы «сталинской» ст. 64 Конституции СССР Совет Министров СССР являлся «высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союза Советских Социалистических Республик»[2]. При этом в ст. 65 указывалось, что «Совет Министров СССР ответственен перед Верховным Советом СССР и ему подотчетен, а в период между сессиями Верховного Совета - перед Президиумом Верховного Совета СССР, которому подотчетен»[3].

Отметим, что «с 1966 г. начался постепенный перевод предприятий на новую систему хозяйствования, а уже к концу 1967 г. реформа охватила более 7 тысяч промышленных предприятий, производивших 40 % продукции и дававших более половины всех прибылей. Результаты работы в новых условиях действительно оказались более успешными»[4]. Однако, уже с

---

[1] Упоров И.В., Старков О.В. Финансовое право. Москва, 2013. С. 74.

[2] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. N 283.

[3] Упоров И.В., Старков О.В. Финансовое право. Москва, 2013.

[4] Лисовицкий В.Н. Евсей Либерман – идеолог «комиыгинской» хозяйственной реформы // Историко-экономические исследования. 2016. № 3. С. 349.

начала 1970-х гг. стали проявляться негативные явления при реализации «косыгинских» реформ. Как отмечает Л.Г. Зиновьева, «практика государственного регулирования промышленности во второй половине 60-х - первой половине 80-х годов XX века характеризуется фактическим преобладанием неограниченного вмешательства органов советской власти и управления в производственную деятельность промышленных предприятий в форме системы директивного планирования, обязательных поставок, адресных заданий. Следовательно, речь идет об абсолютном преобладании императивных методов правового регулирования промышленности»[1]. Мы полагаем, что это суждение излишне категорично, но по сути с ним нельзя не согласиться.

Рассказов Олег Леонидович,
доктор юридических наук, профессор
кафедры международного частного и
предпринимательского права
Кубанского государственного
аграрного университета;
Рассказов Вячеслав Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории
государства и права Кубанского
государственного аграрного
университета

РОЛЬ АРБИТРАЖНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКСА РФ 1995 Г. В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В постсоветской Росси в начале 90-х гг. XX в. начал претворяться в жизнь принцип разделения властей, что, в частности, выразилось в образовании Конституционного Суда[2]. Одновременно новое российское законодательство заменяет советское путем принятия новых нормативных актов[3]. После принятия Конституции России 1993 г. в нашей стране заметно акти-

[1] Зиновьева Л.Г. Государственное регулирование промышленности СССР в 1965-1991 годы. Дис. … канд. юрид. наук. Чебоксары, 2006. с 17; Лазарева Л.Н. Экономическая реформа А.Н. Косыгина: предпосылки, причины, результаты, следствия. Дис. … канд. ист. наук. М., 2011.

[2] Рассказов Л.П. Теория государства и права. Четвертое издание. М.:РИОР: ИНФРА-М.: 2013. С.163.

[3] Агафонов Ю.А., Рассказов Л.П., Упоров И.В. Становление и особенности развития современного российского права. Краснодар, 2000. С.29.

визировался законодательный процесс, это касается и сферы экономического правосудия. Так, 5 мая 1995 г. был принят новый АПК РФ[1] (вместо доконституционного АПК РФ 1992 г.[2]). Рассмотрим основные его новеллы. Прежде всего нужно отметить, что если в АПК РФ 1992 г., процедура разрешения хозяйственных споров была отрегулирована как относительно простая, если не сказать упрощенная (в общей сложности 157 статей), то в АПК РФ 1995 г. содержалось уже 215 статей, а указанная процедура значительно детализировалась и, по существу, эта процедура приобрела вид обычного гражданского процесса, включая те гарантии прав собственников, которые предусматриваются в обычных гражданско-правовых процессах[3], что, на наш взгляд, можно объяснить во многом продолжавшимся расширением и углублением рыночных отношений в российской экономике

Говоря о новеллах в АПК РФ 1995 г. следует заметить, что их было немало, и они нашли отражение уже в самой структуре АПК РФ, в частности, речь идет о выделении в отдельных главах таких институтов, как «Приостановление производства по делу» (гл. 8 АПК РФ); «Производство в апелляционной инстанции» (гл. 20 АПК РФ); «Исполнение судебных актов» (ст. 197 - 209); «Производство по делам с участием иностранных лиц» (ст. 210 - 215). Значительно изменилось законодательное регулирование норм о доказательствах по делу. Если, например, по ст. 40 АПК РФ 1992 г. доказывать обстоятельства должна была каждая спорящая сторона (истец и ответчик), то в ст. 53 АПК РФ 1995 г. существенно расширен состав участников арбитражного процесса, обязанных представлять доказательства тех обстоятельств, на которые лицо ссылается как на основание своих требований и возражений – таковым являлось «каждое лицо, участвующее в деле». Кроме того, указывается, что арбитражный суд получил полномочие предлагать участникам процесса представить дополнительные доказательства – в том случае, если сочтет невозможным недостаточными имеющиеся доказательств. Тем самым подтверждалось, что арбитражный суд не мог самостоятельно по своей инициативе представлять доказательства, что свидетельствовало о сохранении прежних демократических принципов и их развитии. Так, была усилена ответственность за уклонение от обязанности по представлению в суд истребуемых доказательств по причинам, не являющимися уважительными, доведя сумму штрафа до двухсот минимальных размеров оплаты труда, что должно было дисциплинировать участников арбитражного процесса.

---

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 05.05.1995 N 70-ФЗ // Российская газета. 1995. 16 мая.

[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (утвержд. Верховным Советом Российской Федерации от 05.03.1992 N 2447-1) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. N 16. Ст. 836.

[3] Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство в арбитражных судах // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. N 1. С. 9 - 13.

Вместе с тем, в АПК РФ 1995 г. не был прояснен вопрос о том, кто должен быть субъектом первичного доказывания. По общему правилу первоначальная обязанность по представлению доказательств лежит на истце[1], а в случаях, когда, например, ответчик признает основание иска, но ссылается на ранее не представленные обстоятельства с целью отклонения требований, на него переходит обязанность первичного доказывания[2]. Но этим дело не заканчивается, поскольку обязанность по доказыванию может вновь перейти к первой стороне, так как вторая сторона смогла представить арбитражному суду достаточный объем доказательств[3]. И вот такого рода юридические качели так и не нашли достаточного правового регулирования с точки зрения прежде всего того, чтобы уловить критический момент, когда количество доказательственного материала создает новое качество, то есть доставленная информация останавливает сомнение судей и они признают доказанность того или ионного утверждения[4]. На этот счет в литературе ведется дискуссия, делаются некоторые предположения. Например, О. Баулин считает, что при дальнейшем законодательном или прецедентном развитии доказательственного права вероятно появление правил, которые устанавливают перемещение доказательственного бремени, в частности, при представлении стороной письменного доказательства, характеристики которого специально определяются в материальном праве для подтверждения определенного факта[5]. Но в целом данная проблема, заметим, не будет преодолена и в новом АПК РФ 2002 г., несмотря на то, что в отечественной литературе уже давно на этот счет делаются ссылки на соответствующий зарубежный опыт[6]. Можно предположить, что данная проблема пока не под силу российским теоретикам в сфере гражданского (арбитражного) процесса и соответственно законодателю.

Но под силу оказалось решение другого вопроса, который, правда, не вызывал каких-либо организационно-правовых сложностей. Речь идет о

---

[1] Рожкова М. Некоторые аспекты процесса доказывания по делам о возмещении вреда (на основе анализа практики разрешения споров арбитражными судами) // Хозяйство и право. 2000. N 9. С. 16.

[2] Зубович М.М. Правомерны ли "юридические качели" в механизме процессуального взаимодействия? (приглашение к дискуссии) // Российская юстиция. 2008. N 9. С. 34.

[3] Занкин Д.Б. О соотношении понятий "недобросовестность", "злоупотребление правом" и "нарушение налогового законодательства" // Налоговед. 2006. N 4; Цветков И.В. Налогоплательщик в судебном процессе: Практическое пособие по судебной защите. М., 2004. С. 26 – 27.

[4] Зубович М.М. Процессуальное взаимодействие субъектов арбитражного доказывания. М., 2007. С. 68 - 77.

[5] Баулин О. Изменение бремени доказывания и фактической ситуации в доказывании при разбирательстве гражданских дел // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. N 8. С. 4 - 6.

[6] Пучинский В.К. Гражданский процесс США. М., 1985; Шак Х. Международное гражданское процессуальное право. М., 2001 и др.

том, что в АПК РФ 1992 г. право на обжалование признавалось только за лицами, участвующими в деле, несмотря на то, что в результате действий участвующих в деле лиц могли претерпеть имущественные убытки третьи лица. И вот в АПК РФ 1995 г. (п. 4 ч. 3 ст. 158, п. 5 ч. 3 ст. 176) законодатель сделал поправку, расширив круг лиц, обладающих полномочиями обжаловать решение арбитражного суда. В литературе отмечается важность этого шага, направленного на расширение гарантий имущественных прав собственников[1]. Речь идет о том, что решение арбитражного суда, не вступившее в силу, могло быть обжаловано лицами, участвующими в деле, а также лицами, не участвующими в деле, но в том случае, если арбитражный суд примет решение по поводу их прав и обязанностей.

Другой новеллой было введение протокола судебного разбирательства, что предусмотрено ст. 123 АПК РФ 1995 г. Важность этой нормы заключалась в том, что фиксирование свидетельских показаний, объяснений экспертов, заявлений, ходатайств в процессе разбирательства представляет собой само по себе дополнительный источник доказательств и соответственно введение протокола способствует законности и обоснованности решения арбитражного суда. В этом же контексте следует отметить и введение для лиц, присутствующих на судебном заседании, полномочия делать письменные заметки, вести звукозапись и стенограмму, а с разрешения суда - осуществлять видеозапись, кино- и фотосъемку, трансляцию судебного заседания по радио и телевидению (п. 3 ст. 115 АПК РФ 1995 г.).

Принципиальным новым стала отмена обязательного претензионного порядка перед рассмотрением дела в арбитражном суде (за некоторым исключением)[2]. В данном случае законодатель посчитал, что отмена обязательный предварительных претензий ускорит получение судебной защиты, а также повысит ее эффективность, в том числе по причине лишения недобросовестного ответчика возможности искусственного затягивания арбитражного судебного процесса, что, в частности, давало возможность такому ответчику перевести денежные средства другим лицам или иным образом распорядиться спорным имуществом, в то время как меры обеспечения иска могут применяться только при его предъявлении, а не в претензионный период.

Из новшеств, появившихся в АПК РФ 1995 г. следует назвать также закрепление института мирового соглашения (ст. 121), что свидетельствует

---

[1] Ковтков Д.И. О праве лиц, не участвовавших в деле, на кассационное обжалование // Журнал российского права. 2013. N 11. С. 104 – 110; Рехтина И.В. К вопросу о соответствии механизма защиты прав не участвующих в деле лиц в гражданском и арбитражном процессах России стандартам Европейской конвенции // Современное право. 2013. N 10. С. 105 – 112.

[2] Костина С.Е. Развитие принципов диспозитивности и состязательности в арбитражном процессуальном праве. Дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 44.

о расширении диспозитивных начала в арбитражном процессе. Мировое соглашение заключается только по делам искового производства, и оно могло быть утверждено в любой инстанции. С достижением мирового соглашения, суд прекращает производство по делу, вынося определение, на которое заинтересованная сторона могла подать жалобу. Важно подчеркнуть, что определение об утверждении мирового соглашения по процессуальной значимости означало полноценное судебное решение и в случае неисполнения его сторонами оно подлежало принудительному исполнению.

Другой новый институт, введенный в АПК РФ 1995 г. – это производство дела в апелляционной инстанции. Апелляционная жалоба подается только на решение суда, не вступившее в законную силу (за исключением решением ВАС РФ, пересмотр которого возможен только в порядке надзора.). При апелляции дело подлежит полному пересмотру, то есть не только с точки зрения права, как это имеет место в кассационной инстанции, но также и с фактической стороны, чего нет в кассационной инстанции). Следует заметить, что данная инстанция активно используется субъектами хозяйственной деятельностью. Так, в 2000 г. из 50450 дел, рассмотренных в апелляционной инстанции, было отменено 2508 определений, 6346 решений, изменено 9829 решений арбитражных судов субъектов Федерации, то есть актов, оставшихся без изменений, было 65%[1], что несравнимо с пересмотрами дел в судах общей юрисдикции.

Важнейшая новелла арбитражного процесса, нашедшая отражение в связи с принятием АПК РФ 1995 г., связана с внедрение новых методов собственно судейской работы арбитражных судов. Речь идет об инициативе ВАС РФ о проведении эксперимента с арбитражными заседателями. Так, согласно ст. 8 ФЗ «О введении в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»[2] ВАС РФ должен был провести эксперимент по рассмотрению дел с участием арбитражных заседателей. Пленум ВАС РФ от 5 сентября 1996 г.[3] отрегулировал порядок проведения этого эксперимента, определил арбитражные суды, в которых он проводится, а также утвердил пофамильный список арбитражных заседателей. Указанный эксперимент в дальнейшем был признан успешным и арбитражные заседатели были узаконены в специальном федеральном законе[4], и тем самым

---

[1] Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2001. № 5. С. 11.

[2] Федеральный закон от 05.05.1995 N 71-ФЗ "О введении в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации" // Российская газета. 1995. 16 мая.

[3] Постановление Пленума ВАС РФ от 05.09.1996 N 10 "Об утверждении Положения об эксперименте по рассмотрению дел с привлечением арбитражных заседателей, Перечня арбитражных судов, в которых проводится эксперимент, и Списка арбитражных заседателей" // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1996. № 11.

[4] Федеральный закон от 30.05.2001 N 70-ФЗ (ред. от 02.07.2013) "Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации" // Справочно-правовая система «Консультант +» (дата обращения – 25. 10. 2014 г.).

в определенной степени был реанимирован институт заседателей в коммерческих судах дореволюционной России. Вместе с тем институт арбитражных заседателей подвергается критике, и его будущее рядом специалистов ставится под сомнение.

Вместе с тем при всех позитивных аспектах АПК РФ 1995 г. по сравнению с АПК РФ 1992 г., в новом арбитражно-процессуальном законе не удалось избежать ряда неоднозначных положений. Так, в АПК РФ 1992 г. закреплялось право арбитражного судьи, не согласного с решением суда, изложить в письменном виде свое особое мнение. При этом в одном из своих писем-разъяснений ВАС РФ указывал на то, что АПК РФ не предусматривает, что при подписании арбитражным судом решения делается оговорка о том, что у одного из судей имеется особое мнение и что оно рассылается лицам, которые участвовали в деле, то есть законодатель требовал только, чтобы оно приобщалось к делу[1]. Такой подход почти в точности повторял правило, которое действовало еще в дореволюционном гражданском процессе, где в отношении особого мнения судьи устанавливалось, что подача судьями особых мнений допускается только до момента подписания судебного решения суда, а сами особые мнения не должны были объявляться на публике, и также была запрещена выдача копий с особых мнений[2] (такое совпадение с одной стороны можно считать случайностью, поскольку опыт правового регулирования деятельности коммерческих судов Российской империи не использовался при разработке арбитражно-процессуального законодательства в постсоветской России, а с другой стороны это показывает преемственность определенного менталитета законодателя, не желавшего выносить на публичность противоречия между судьями арбитражного суда).

Указанные нормы АПК РФ 1992 г. сужали возможности для сторон процесса в ознакомлении с особым мнением и тем самым снижалась значимость особого мнения судьи как мнения, не совпадающего с точкой зрения большинства судей. То же можно говорить и о норме, согласно которой особое мнение судьи не должно было подлежать направлению участвующим в арбитражно-процессуальном деле. При этом, как нам представляется, не учитывалось, что, хотя особое мнение судьи арбитражного суда не является судебным актом с соответствующими правовыми последствиями, оно все же было официальным актом в рамках судебного арбитражного процесса, и в этом смысле спорящие стороны, равно как и в целом общество,

---

[1] Информационное письмо ВАС РФ от 31.12.1992 N С-13/ОП-278 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1993. № 12. С. 70-74.

[2] Верещагин А.Особые мнения в российских судах // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N4. С. 12-16. См. также: Ултургашев П.Ю. Особые мнения судей в сравнительно-правовом контексте // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. N 6. С. 75 - 87.

имеет право знать содержание особого мнения арбитражного судьи. И, казалось бы, тренд социально-экономического развития России (вектор в сторону дальнейшего либерализма российского предпринимательства) предполагал, что данное правило будет изменено в соответствии с этим трендом.

Однако этого не произошло и, более того, в АПК РФ 1995 г. значительно ужесточил это правило, указав в ч. 2 ст. 15, что судья, не согласный с решением большинства участвующих в деле судей, обязан подписать данное решение и одновременно вправе изложить в письменном виде особое мнение, которое приобщается к делу, но не *объявляется, а лиц, участвующих в деле, с особым мнением не знакомят*. И далее в развитие данного положения в Регламент арбитражных судов, утвержденный Постановлением Пленума ВАС РФ в середине 1996 г.[1], была включена норма (п. 44), где, в частности, указывалось, что судья, который не согласен с мнением большинства судей, обязан подписать решение суда и может письменно изложить свое мнение, которое приобщается к материалам дела и хранится в запечатанном конверте. С данным мнением *обязаны* ознакомиться судьи, которые принимали участие в разрешении спора, причем во всех судебных инстанциях, но при этом «иные лица об особом мнении судьи и его содержании не информируются». Это был типичный запретительный подход[2], и такая секретность особого мнения арбитражного судьи в хозяйственном споре, который по определению не может быть секретным с точки зрения итогового решения, конечно, вызывала недоумение. В этой связи в литературе обосновывается несогласие с таким законодательным подходом[3], с чем нельзя не согласиться.

Другая арбитражно-процессуальная проблема, в отношении которой в новом АПК РФ 1995 г. не только не было достигнуто дальнейшего правового разрешения, но и допущено явное ухудшение ситуации, заключалась в вопросе о рассмотрении арбитражными судами дел, связанных с деятельностью государственных органов с регистрацией каких-либо прав. Так, в АПК РФ 1992 г. согласно ст. 108 при удовлетворении арбитражным судом внесенного иска о признании недействительным отказа регистрации либо признании необоснованным уклонения госоргана от госрегистрации юр лицо или индивидуальный предприниматель считались зарегистрированными с той даты, которая указывалась в резолютивной части решения арбитражного суда. В этом случае само по себе решение арбитражного суда

---

[1] Постановление Пленума ВАС РФ от 05.06.1996 N 7 (ред. от 30.12.2002) "Об утверждении Регламента арбитражных судов" // Справочно-правовая система «Консультант +» (дата обращения – 13. 09. 2014 г.).

[2] Рожкова М.А. Особое мнение судьи арбитражного суда // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2008. N 3. С. 14.

[3] Практика рассмотрения коммерческих споров: Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации / А.А. Арифулин и др. М.: Статут, 2008. С. 154.

уже порождало правовые последствия, которые были идентичные последствиям акта госрегистрации. И такой подход вполне отвечал принципу социальной справедливости, равно как и способствовал большей динамике хозяйственной деятельности. Однако в АПК РФ 1995 г. указанных нормативных положений не оказалось, и в данном конкретном аспекте общественных экономических отношений административная составляющая вернулась на свое место, что выглядит диссонансом в характере тенденций развития экономического правосудия в России после распада СССР. Указанные обстоятельства показывают непростой и противоречивый ход развития института экономического правосудия в России.

В целом же, обобщая нововведения, предусмотренные АПК РФ 1995 г., следует отметить, что они имели цель завершить трансформацию бывших советских госарбитражей в полноценные органы экономического правосудия - арбитражные суды, которые путем разрешения экономических споров должны были более эффективно защищать права и законные интересы российских предпринимателей, а равно иностранных, международных организаций, а также отдельных граждан и лиц без гражданства, которые осуществляют экономическую деятельность без образования юр лица и соответственно имеющих статус предпринимателя.

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права Кубанского
государственного университета

ФУНКЦИИ ПРАВА И ФУНКЦИИ ЮРИСТОВ КАК АГЕНТОВ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Под функцией чего-либо можно понимать направления действия данного явления. Функция права – это проявление его специфических свойств, которое вытекает из его сущности, порождает необходимость существования права как социального явления, выражает существенные черты права.

Когда мы говорим о функциях права, то имеем в виду прежде всего его социальное назначение, направления правового воздействия на общественные отношения.

Право выполняет определенные набор функций, которые присущи ему всегда как средству упорядочивания отношений в государстве, поддержания правового порядка. В отрыве от этих функций право потеряет свою

сущность. Однако механизм и формы осуществления этих функций подвержены изменениям. Они развиваются в соответствии с потребностями практики[1], с развитием общества и государства.

Понятие «функция права» неразрывно связано с такими понятиями, как «роль права», «задача права», «функционирование права». Под «ролью права» предполагается прежде всего значение права в жизни общества, государства вообще либо на определенном историческом этапе. «Роль права» – более общее по отношению к функции понятие.

Задача права указывает на конечную цель, достижению которой оно должно содействовать. Без функций не может решаться ни одна из задач, стоящих перед правом. Задачи права могут вытекать из экономических и политических потребностей общества, определяться общесоциальными закономерностями развития государства и права, особенностями социально-экономических условий отдельных этапов развития общества, исторической обстановкой, соотношением политических сил, национальными факторами и т.п.

Задачи, во-первых, обусловливают само осуществление функций, во-вторых, определяют их содержание и, в-третьих, влияют на формы и методы их реализации, предопределяют конкретные пути действия права.

Понятия «функционирование права» и «функция права» нередко используют как синонимы, однако они отражают несколько не совпадающие правовые явления. В более точном смысле понятием «функционирование права» обозначают действие права как одного из социальных регуляторов, наряду с моралью, обычаями, религией. Таким образом, функционирование – это действие права в социальной системе, это реализация его функций, воплощение их в общественных отношениях[2].

Все функции права можно разграничить по двум основным критериям: внутреннему (находящемуся в рамках самого права) и внешнему (находящемуся за его пределами).

По внутреннему критерию традиционно выделяют такие собственно юридические (специально-юридические) функции, как регулятивная и охранительная. Это имманентные праву функции, которые характеризуют его как специфическое, качественно самостоятельное явление. Данные функции уже давно сформулированы в юридической науке.

По внешнему критерию классификации функций права Т.Я. Радько выделяет три функции: *экономическую, политическую* и *воспитательную,*

---

[1] Радько Т.Я. Функции права // Общая теория права: курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 270.

[2] Радько Т.Я. Указ. соч. С. 270.

которые связаны с тремя основными сферами или системами – экономической, политической и духовной. Эти функции права автор называет социальными.

Экономическая функция представляет собой правовое воздействие на экономическую сферу, политическая – на политическую, воспитательная – на духовную (способствует формированию уважительного отношения к праву). При этом следует иметь в виду, что социальные функции – это специфический ракурс права, где регулятивная и охранительная функции «соединяются» в обособленной, но однородной сфере социальных отношений[1].

Для современной социологии права характерно выделение и иных социальных функций права (не связанных с отдельными сферами жизни общества). Это функция интеграции, транслирующая и коммуникативная функции.

Функция интеграции состоит в сплочении социальных групп, общностей, всего общества. Взаимодействуя с иными социальными регуляторами и выступая главным инструментом в современных обществах, право направлено на гармонизацию интересов, на поддержание равновесия социальной системы.

Суть транслирующей функции заключается в передаче соответствующего социального опыта.

Еще одна функция права – это коммуникативная функция. Социальная жизнедеятельность индивидов органически связана с получением, восприятием, усвоением (переработкой), хранением и использованием социальной информации (разновидностью которой является правовая информация). С помощью правовых норм до сведения участников общественных отношений доводится позиция государства и информация о требуемом, дозволенном или запрещенном поведении[2].

Юрист – это лицо, сведущее в области юриспруденции. Мы предполагаем, что это лицо, имеющее юридическое образование, обладающее юридическими знаниями, причем, как отмечает С.С. Алексеев, знаниями «профессиональными, т.е. фундаментальными и специализированными, знаниями»[3].

Но наличия юридических знаний недостаточно. Юрист должен уметь применять свои знания в практической деятельности, решать юридические вопросы, разрешать юридические конфликты. Умение – это не только знание, это обладание навыками работы, опыта применения юридических знаний. С.С. Алексеев пишет о «живой» практике, которая формирует специалиста-юриста. В настоящее время при подготовке юристов устанавливаются требования компетентностного подхода, при котором в процессе обучения,

---

[1] Радько Т.Я. Функции права. С. 273–275.

[2] Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н. Современная социология права: учеб. для вузов. М., 1995. С. 71.

[3] Алексеев С.С. Введение в юридическую специальность. М., 1976. С.73.

приобретения юридического образования должны формировать профессиональные компетенции, которые выражении в формировании определенных знаний, умений и навыков. Данная триада выведена на первый план и именно комплексное формирование всех элементов каждой из компетенций должно привести к воспитанию профессионального юриста.

Но независимо от того, какой подход применяется в подготовке юриста, его результатом должно стать «высокоразвитое чувство права и законности»[1], а не умение механически, узко-направленно применять право, иным образом его реализовывать или создавать нормы права.

Основная задача юриста, по С.С. Алексееву, – это служение правовой системе, государству. На наш взгляд, это не совсем верно, так как юрист – это часть общества, а право его порождение, поэтому право призвано служить в конечном итоге обществу и его отдельным членам, в рамках существующего государства, которым общество себя окружило. Как подчеркивал, Р. Паунд, первоочередной задачей права является гармонизация индивидуальных, общественных и государственных интересов. И если право – это средство, инструмент такой гармонизации, то юристы – это те люди, в чьих руках прежде всего данный инструмент находится.

С.С. Алексеев, отмечая классово-политическое содержание деятельности юристов, писал, что социальная роль юристов в эксплуататорском государстве противоречит интересам общественного прогресса. Среди юристов в таком обществе больше узких специалистов (криминалистов, знатоков правовой «догмы», юридической техники), которые отличаются продажностью, бюрократизмом, консервативным образом мышления и краснобайством[2]. Одновременно автор утверждает, что право - это фактор духовной жизни общества. В условиях, когда государство пытается сделать акцент на умениях и навыках юристов, об этом особенно стоит помнить. Так же необходимо помнить и о том, что профессия юриста «жизненная», так как юрист охватывает все стороны жизни общества и человека (семью, быт, хозяйство, воспитание и др.), затрагивает тонкие душевные струны, человеческие взаимоотношения, вторгается в конфликтные ситуации.

О роли юриста в современном обществе и государстве можно говорить бесконечно. Главным является то, что профессия юриста имеет особое значение в обществе, где право – главное средство социального контроля. По мнению Т. Парсонса, юристы – посредники между обществом и государством[3]. При этом юристы доводят до государства (в лице государственных

---

[1] Алексеев С.С. Указ. соч. С.75.

[2] Алексеев С.С. Введение в юридическую специальность. М., 1976. С.75-77.

[3] Адыгезалова Г.Э. Социология права: учебное пособие. Краснодар, 2009; Адыгезалова Г.Э. Социологическая юриспруденция США в XX в.: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка: автореф. дис. … доктора юрид. наук. Краснодар, 2017.

органов) информацию о потребностях общества, о необходимости изменения соотношения интересов, обеспечиваемых государством, а до общества – волю государства, которая закреплена в нормах права (путем разъяснения права, толкования права, применения права и т.д.). Соответственно, можно говорить о том, что юристы выполняют следующие функции:

- интегративную, которая выражается в поддержании социального взаимодействия, в сплочении общества;
- информационную, которая состоит в том, юристы являются носителями правовой информации;
- транслирующую функцию, так как юристы накапливают не только юридические знания, но и опыт, которые передают в процессе правового воспитания, образования и обучения новому поколению юристов, а также иным индивидам;
- коммуникативную функцию, которая состоит в том, что юристы способствуют коммуникации, обмену информацией между членами общества.

Это далеко не все функции, которые выполняют юристы, но, как мы видим, они совпадают с социальными функциями, которые выполняет право. Таким образом, функции права и юриста совпадают, но юрист – это агент правовой социализации, то есть субъект, способствующий юридическому формированию личности, а главным инструментом в осуществлении деятельности юриста выступает право.

Амиров Искандер Маратович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры истории и теории
государства и права Уфимского
юридического института МВД РФ

ОЛИМПИЙСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ

Победа на Олимпийских играх всегда являлась заветной мечтой любого спортсмена. Это, безусловно, главный спортивный форум, который с нетерпением ждет вся планета. Вместе с тем, специалисты в сфере международного спортивного движения характеризуют современный этап его раз-

вития, как период подверженный процессам чрезмерной политизации, коммерциализации, профессионализации[1], а также сокращению гуманистических начал философии Олимпизма[2]. Безусловно, все это в первую очередь относится к олимпийскому движению.

Дело в том, что изначально согласно Олимпийской Хартии к участию в Олимпийских играх допускались только спортсмены-любители. В свою очередь это влекло за собой ряд сложностей в их подготовке. Кроме того нередко сами организация и проведение Олимпийских игр для страны участницы становилось делом убыточным. Так, например, по этой причине американский город Денвер отказался от проведения зимних игр 1976 года, и австрийский город Инсбрук спас положение, согласившись провести вторые зимние Игры в своей истории, и только это сохранило репутацию Международного олимпийского комитета (МОК). По сути дела это и стало первым в истории возрожденных Олимпийских игр кризисом – финансово-экономическим.

После того как в 1980 году к руководству МОК пришел Хуан Антонио Самаранч в Олимпиадах начали принимать участие спортсмены-профессионалы. Являясь крупным бизнесменом и политиком, новый президент МОК сразу же уловил, что успех выхода из сложившегося кризиса и будущее Олимпийского движения зависят от эффективности привлечения крупных спонсоров. В результате в 1985 году была разработана программа ТОП, по которой такие компании как Кока-кола, МакДональдс, Панасоник, Виза и ряд других получали большие маркетинговые права. Вследствие чего, Международный олимпийский комитет стал превращаться в мощнейшую финансовую организацию. В СМИ приводится примерная стоимость проведения летних Олимпийских игр. Так, к примеру, в Сиднее, Афинах, Пекине, Лондоне, Рио было потрачено от 5,7 до 43 миллиардов долларов, а в ходе зимних Олимпийских игр в Солт-Лейт-Сити, Турине, Ванкувере и Сочи – от 2,1 до 50 миллиардов долларов[3].

Вместе с тем, процесс чрезмерной коммерциализации спорта породил рост целого ряда негативных социальных явлений, таких как употребление допинга, договорные матчи, подкуп спортсменов и судей, беспорядки с участием спортивных фанатов и тому подобные.

Кроме того постепенно стало понятно, что спорт имеет потенциал стать оружием и в политической борьбе, доказательством превосходства одного политического строя над другим, тогда все означенные проблемы ак-

---

[1] Гаврилов Д.Н., Пухов Д.Н. Кризис олимпийского движения // Научный журнал «Дискурс» - 2016 – 2 (2) Педагогические науки, С. 27

[2] Греблева М.В. Развитие Олимпийского движения, проблемы гуманизации спорта высших достижений / М.В.Греблева // Гуманитарные научные исследования. №10(50). - 2015. - С. 167-169.

[3] По материалам электронной газеты «Спорт-эксперсс» / www.sport-express.ru

туализировались многократно. И это, несмотря на принцип строгого разграничения политики от олимпизма, провозглашенного в Олимпийской Хартии[1]. Неслучайно Рональда Рейгана президент США считал, что: «спорт – наиболее близкая к войне область человеческой деятельности». Можно привести целый ряд примеров кризисных явлений олимпийского движения политического характера.

Так первый политический бойкот со стороны руководства МОК произошёл в преддверии VII Олимпиады в Антверпене в 1920 году. Согласно официальной версии по политическим мотивам, а именно за начало Первой мировой войны, в Играх не смогли принять участие немецкие спортсмены, а также представители её стран-союзниц.

Организаторы этих же Игр проигнорировали и существование молодого советского государства в России. Вплоть до середины 1930-х годов МОК охотней взаимодействовал с российскими представителями в МОК эмигрантов прежнего царского режима.

В 1972 года весь мир потряс первый террористический акт на Олимпиаде в Мюнхене, который был совершен членами террористической палестинской организации «Чёрный сентябрь» в период проведения Олимпийских игр в Мюнхене в 1972 году. Их жертвами стали 11 членов израильской олимпийской сборной и западногерманский полицейский.

В 1976 году двадцатью африканскими странами были бойкотированы Олимпийские игры в Монреале (Канада). Участники бойкота выразили таким образом протест против матча сборной Новой Зеландии по регби в Южной Африке, так как Новая Зеландия, санкционировавшая игры с южноафриканцами, нарушила, таким образом, изоляцию режима апартеида.

Череда бойкотов продолжилась на московской Олимпиаде 1980 года. 64 страны своим неучастием в Играх выразили политический протест против ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 года.

Уже следующие Игры в 1984 году в Лос-Анджелесе также были проигнорированы со стороны практически всех стран социалистического лагеря (кроме Румынии, Югославии и КНР). По мнению специалистов это была ответная мера на бойкот московских Игр со стороны западных стран. Согласно же официальной версии причинами этого бойкота стал отказ организаторов Олимпиады-84 предоставить письменные гарантии безопасности спортсменам из СССР и других стран Варшавского договора.

Все упомянутые выше бойкоты были инициированы самими странами, по тем или иным причинам не желающими принимать участие в Олимпийских играх. В отличие от них, на наш взгляд, больший с точки зрения юриспруденции интерес представляют те байкоты, когда некоторые

[1] Олимпийская Хартия (в действии со 2 августа 2015 года). Швейцария: Международный олимпийский комитет, 2015. - 51 с.

страны не допускались к Олимпиаде по инициативе уже международных неправительстенных спортивных организаций. Таким образом, речь идет о применении международных санкций, хотя причины этих наказаний лежат в плоскости подчас совершенно далекой от спорта.

Так в 1920 году в Антверпене были дисквалифицированы сборные Германии, а также ее союзников в Первой мировой войне (Австрии, Венгрии, Болгарии и Турции). А уже в 1948 году по окончанию Второй мировой войны к лондонской Олимпиаде не были допущены Германия и Япония.

Рекордное по продолжительности 26-летнее отстранение от участия в Олимпийских играх с 1964 года за режим апартеида у сборной Южной-Африканской Республики. На Олимпиаде в Барселоне в 1992 году Югославия была лишена права выступать под своим флагом и со своим гимном, по причине того, что в отношении этой страны действовали санкции Организации Объединенных Наций.

На сиднейскую Олимпиаду в 2000 году не была допущена сборная Афганистана из-за того, что режим правящего в то время в стране движения «Талибан» запрещал женщинам участвовать в спортивных состязаниях.

По решению МОК Индия на сочинской Олимпиаде была лишена права выступать под своим флагом, так как чиновники этой страны якобы вмешивались в деятельность национального олимпийского комитета. Хотя позже уже во время Игр право поднять свой флаг было возвращено.

В 2015 году из олимпийского движения за аналогичное вмешательство со стороны государства в сферу спорта был исключен Кувейт, сборная которого не попала на Игры в Бразилии. После чего Кувейт даже судился с МОК, оценив свой ущерб в 886 миллионов евро. Тем не менее, исковое заявление было оставлено судом без удовлетворения.

К сожалению, по решению МОК подавляющее большинство наших олимпийцев и вся паралимпийская сборная России также не смогли выступить на Олимпиаде в Бразилии в 2016 году, а на Играх 2018 года в Пхенчхане наши спортсмены выступали под нейтральным флагом и без гимна страны.

Представляется, что применение такого рода мер «коллективной» ответственности не только подрывают престиж той или иной страны, но и серьезным образом ущемляют права огромного количества людей, абсоюлютно невиновных (спортсменов, тренеров и, конечно же, зрителей, болельщиков). И даже если конкретный атлет был допущен к участию в Играх под нейтральным флагом и без гимна своей страны, это существенно умаляет его чувство гордости и собственного достоинства. На наш взгляд, это противоречит изначальным олимпийским принципам. В частности Олимпийская хартия провозглашает, что «любая форма дискриминации в отношении страны или лица расового, религиозного, политического характера, или по признаку пола - несовместимы с принадлежностью к Олимпийскому

движению». Вместе с тем, на наш взгляд имеет место определенная дискриминация по признаку принадлежности к той или иной стране.

Все это повышает актуальность исследований, направленных на анализ специфики сложившегося в олимпийском спорте правопорядка и на выработку предложений по его усовершенствованию.

Особенностью международного олимпийского движения является то, что большой массив связанных с ним отношений, как на международном, так и на национальном уровне, урегулирован правилами, закрепленными во всевозможных нормативных актах неправительственных (общественных) спортивных организаций (уставах, регламентах, положениях и т.п.). Применительно к олимпийскому правопорядку среди них отдельно следует выделить нормативные акты Международного олимпийского комитета (далее МОК). Так в Олимпийской хартии закрепляется положение о том, что МОК осуществляет «организацию, развитие координацию спорта и спортивных соревнований, в том числе Олимпийских игр»[1]. Кроме МОК, в международном спортивном движении существуют такие неправительственные организации как Международные спортивные федерации по видам спорта, национальные и международные ассоциации, клубы и лиги. Все они также принимают и руководствуются в своей работе большим массивом нормативных актов, направленным на урегулирование спортивных отношений.

В 1894 году под эгидой МОК появился международный Спортивный арбитражный суд (CAC) в швейцарском городе Лозанна. Причем примечательно, что согласно Олимпийской хартии участники международного олимпийского движения должны рассматривать споры, возникающие между ними исключительно в данном органе. Таким образом, по сути дела, имеет место косвенный запрет на обращение в суды общей юрисдикции, т.е. на реализацию своего конституционного права. Как нам представляется, именно это обстоятельство во многом обеспечивает реализацию идеи «автономности» спорта. Хотя тот факт, что этот суд был учрежден, а главное финансируется преимущественно МОК, заставляет сомневаться уже в автономности самого CAC. К тому же в истории спортивного движения уже имеет место целый ряд ситуаций, когда этот запрет был преодолен, когда спортсмены обращались в государственные суды. О необходимости реформирования CAC высказалось и само руководство МОК. Правда это произошло в начале мая 2018 года того как тот удовлетворил иски 29 российских спортсменов и отменил их пожизненные дисквалификации за якобы нарушение антидопинговых правил.

Все нормы, национальных и международных неправительтсвенных спортивных организаций Олимпийского движения, принято называть – lex sportiva. А уже в рамках общего lex sportiva имеет место его центральная часть, ядро - совокупность норм регулирующих Олимпийское движение –

[1] Бюллетень международных договоров РФ. № 1. 2010.

lex olimpica. Вопрос о том является ли lex sportive (lex olimpica) источником международного спортивного права или же она образует «автономный» внеправовой порядок является до конца нерешенным.

Категрия «автономия» в сфере спорта впервые была закреплена в Олимпийской Хартии в 1949 году, и касалась, во-первых, национальных олимпийских комитетов. В ст. 25 было обозначено что, независимость и автономность определялись в качестве ключевых требований к организации национальных олимпийских комитетов[1]. Далее и по настоящее время этот принцип неизменно отражается во всех без исключения нормативных актах международных спортивный неправительственных организаций.

Тем не менее, ряд авторов, как в России, так и за рубежом критически относятся к институту «автономности» спорта. Так, по мнению Жана Корнелу: «никакой автономности не существует, что это лишь риторическое прикрытие бизнес-интересов в зрелищной индустрии спорта» [2]. В.В. Сараев также высказывает точку зрения «надуманности» автономности спорта[3]. Линкольн Эллисон говорит о том, что это «присущий спортивной политике миф, вызванный меркантильностью и влиянием постмодернизма[4].

А.И. Понкина в своих работах предлагает отнести спортивный порядок к разновидности внеправового «автономного» порядка[5]. По ее мнению «автономный внеправовой нормативный порядок в области спорта – это основанный на субстантивности, самореферентности и самоорганизации субъектов спортивных отношений, независимый от системы публичной власти и от международных межгосударственных организаций, резистентный к их вмешательству, децентрализованный, корреально упорядоченный комплекс фундаментальных начал (основ и принципов) организации отношений в области спорта и спортивной деятельности, определенных специфическим и природой и содержанием отношений в области спорта основополагающих начал построения, функционирования и воспроизводства системы (систем) негосударственных/немуниципальных органов управления в области спорта и построения системы (систем) внеправового норматив-

---

[1] Олимпийская хартия от 11 февраля 2010 года // www.olimpic.ru

[2] Corneloup J. Les theories sociologiques de la pratique sportive. – Paris: Presses Universitaeres de France, 2002. P. 155 / Цитировано по Понкина А.И. Автономность спорта: Теоретико-правовое исследование. М., 2013. С. 18-20.

[3] Сараев В.В. Об уголовной ответственности за незаконное предпринимательство в профессиональном спорте // Спорт: экономика, право, управление. - М.: Юрист, 2011, № 4.

[4] Allison L. The Changing Politics of Sport. Manchester: Manchester University Press, 1993. P. 5-6, 13.

[5] Понкина А.И. Государственное управление и самоуправление в области спорта: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.14 Москва, 2013. С. 217

ного регулирования в этой области, основополагающих принципов и ценностей общественной нравственности в спорте (комплекс принципов «Фэйр плэй»)[1].

Маргулис М.А. считает, что принимаемые общественными (неправительственными) спортивными организациями нормы, по сути, являются корпоративными, т.е. неправовыми[2], следовательно, образуемый на их основе порядок также является неправовым.

С точки зрения Майкла Дж. Белофф, Тима Керр и Мари Деметриу lex sportiva обладает следующими характеристиками:

– lex sportiva состоит из транснациональных норм, порожденных правилами и практикой международных спортивных федераций;

– lex sportiva обладает собственной уникальной спортивной судебной практикой, реализуемой судебными инстанциями, отличными от национальных государственных судов;

– lex sportiva по своей природе и статусу независим от национального законодательства[3].

По мнению А.А. Соловьева структура lex sportiva состоит из:

1) системы актов "мягкого международного права" в области спорта - документов международных (глобальных и региональных) неправительственных (негосударственных некоммерческих) организаций в области спорта, их соглашения с межгосударственными организациями, государствами и между собой, политических и рекомендательных документов глобальных или региональных международных конференций по спорту;

2) комплексов документов национальной (в рамках конкретных стран) неправовой спортивной регламентации - актов и корпоративных норм саморегулируемых и иных организаций в области спорта и спортивных объединений (регламентов, кодексов, правил, соглашений, уставов), а также обычаев (неписаных правил)»[4].

По мнению Захаровой Л.И. «lex sportiva – это совокупность правил поведения, выработанных национальными и международными неправи-

---

[1] Понкина А.И. К вопросу о понятии и особенностях автономного внеправового нормативного порядка области спорта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. № 1. 2012. С. 30

[2] Маргулис М. А. Нормотворчество корпоративных объединений в области спорта: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005

[3] Beloff M., Kerr T., Demetriou M.Sports law. — Oxford: Hart, 1999.

[4] Соловьев А.А. Российский и зарубежный опыт систематизации законодательства о спорте: Монография / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. - М., 2011. С. 99-100

тельственными организациями Олимпийского движения, которые получают широкое признание, по крайней мере, среди тех, кто демонстрирует намерение участвовать в спортивной деятельности»[1].

Таким образом, большинство отечественных и зарубежных специалистов придерживаются точки зрения, согласно которой имеют место два относительно обособленных, хотя и взаимосвязанных, взаимовлияющих порядков в сфере спорта: спортивного правопорядка и lex sportive (lex olimpica). Именно вокруг соотношения этих порядков и разворачивается весь «театр» современной спортивной юриспруденции, как на национальном, так и на международном уровнях.

Особого накала, на наш взгляд, это соотношение достигло в сфере борьбы с употреблением допинга в спорте. Дело в том, что Всемирное антидопинговое агенство (ВАДА) является в своем роде уникальной «гибридной» организацией, которая была учреждена неправительственными организациями - субъектами Олимпийского движения, правительствами 18 стан, 2 межправительственными организациями (совет Европы и Европейский Союз), а также еще рядом публичных и частных организаций[2]. Аналогично осуществляется и процесс управления и финансирования как субъектами Олимпийского движения, так и отдельными государствами. В связи с чем, ВАДА нельзя в полной мере отнести к неправительственным организациям, следовательно, и образуемый ею порядок нельзя всецело относить к неправовым.

Предлагаем тезисно рассмотреть основные проблемные аспекты в данной сфере:

1) Порядок формирования антидопинговых правил определяется исключительно ВАДА. Причем критерии включения того или иного препарата или метода в список запрещенных не определены. Например, не были приданы огласке результаты научных исследований (если таковые вообще проводились), на основании которых поставлен вне закона препарат мельдоний. Большинство специалистов сходятся во мнении, что он является кардиопротектором, защищает сердце спортсмена от перегрузок, т.е. несет не вред, а, наоборот, способен уберечь здоровье олимпийцев.

2) Террапевтические исключения (ТИ). Под этим терминов понимается процедура выдачи спортсменам со стороны ВАДА разрешения использовать запрещенные препараты и методы по причине необходимости лечения каких-либо заболеваний. Примечательно, что некоторые из них запрещены не только спортивными правилами, но и даже уголовным законодательством многих стран. Причем процедура выдачи ТИ проходит в обста-

---

[1] Захарова, Л. И. О спорт, ты мир! Роль международного права, lex sportiva и lex olympica в регулировании международных спортивных отношений. – М.: ГИ «Центральная типография», 2013. С. 63.

[2] Там же. С. 179

новке строгой секретности. Руководство спортивных организаций обосновывают неразглашение этой информации необходимостью соблюдения врачебной тайны. То насколько большое количество таких ТИ было выдано стало известно лишь благодаря хакерской группировке Fancy Bears. Например, только в 2015 году США было выдано 583, а в Норвегии 58 таких исключения[1]. В список спортсменов, которым позволяется употреблять запрещенные препараты вошли и звезды большого тенниса сестры Уильямс, и легенда плавания - 23-кратный олимпийский чемпион Майкл Фелпс, и 14-кратный чемпион турниров «Большого шлема» Рафаэль Надаль. А легенда американского велоспорта Лэнс Армстронг, лишенный семи титулов победителя "Тур де Франс" за употребление допинга, также был обвинен в манипуляциях с сертификатом на терапевтическое исключение. Спортсмен признался, что разрешение на крем, содержащий запрещенные кортикостероиды, было оформлено задним числом.

3) Презумпция виновности в сфере противодействия допингу в спорте. Для таких серьезных наказаний как временная и даже пожизненная дисквалификация достаточно всего лишь того, чтобы в пробе, взятой у спортсмена, было обнаружено запрещенное вещество. На молодежном чемпионате мира по гандболу, на котором сборная России стала серебряным призером, анализы трех наших гандболисток Антонины Скоробогатченко, Марии Дувакиной и Марии Дудиной дали положительный результат на содержание все того же мельдония. Согласно авторитетнейшему мнению руководителя Независимой общественной антидопинговой комиссии России Виталия Смирнова «мельдоний содержится в разных субстанциях, не имеет вкуса и цвета, его легко добавить, при этом он не дает никаких преимуществ в этом виде спорта. Кому это надо было? Мы не делаем поспешных заявлений, ситуация нуждается в серьезном расследовании»[2]. Этот же препарат был обнаружен Александра Крушельницкого, который вместе со своей партнершей Анастасией Брызгаловой завоевали первую в истории России бронзовую медаль Олимпийских игр 2018 года в Пхенчхане. Как нам представляется, учитывая сложившуюся в спорте конкурентную среду, нельзя исключать ситуации, когда, к примеру, кто-то мог попросту подсыпать запрещенное вещество в еду или напитки соперников. Это своего рода допинг-терроризм.

4)Двойные стандарты в процессе доказывания виновности нарушителей антидопинговых правил. Так американский бегун Гил Робертс и канадский прыгун в высоту Шон Барбер не были наказаны за выявленное в их пробах запрещенное вещество. Оба спортсмена рассказали истории о том, как запрещенное вещество попало в их пробы через поцелуи девушек, которые в свою очередь употребляли их[3]. Причем на Олимпиаде в Бразилии 2016

[1] По материалам электронной газеты «Спорт-эксперсс» / www.sport-express.ru

[2] Там же.

[3] Там же.

году Робертс завоевал золотую медаль в составе сборной США в эстафете 4х400.

5) Коллективная ответственность за нарушение антидопинговых правил. Как было показано выше в результате бойкотов, инициаторами которых выступали международные неправительственные спортивные организации, ущемлялись права и ни в чем неповинных спортсменов. Так подавляющее большинство российских олимпийцев, а затем и вся паралимпийская сборная России были отстранены от участия в Играх в Бразилии в 2016 году всего лишь на основании заключений, содержащихся в докладе комиссии с неопределенным с юридической точки зрения статусом. Вследствии чего пострадали российские спортсмены, которые не нарушали антидопинговых правил. Кроме этого наша страна была лишена возможности организовать и провести несколько международных соревнований. Таким образом, были умалены права зрителей, граждан нашей страны.

6) Опора на костенные доказательства в процессе доказывания факта совершения нарушений антидопинговых правил. Во многих случаях «доказательством» являются даже не положительные пробы на наличие запрещенных препаратов, а, например, устные обвинения или сообщения в средствах массовой информации, причем нередко позже они оказывались голословными.

В сентябре 2017 года Международный олимпийский комитет официально снял обвинения с 95 из 96 олимпийцев из России, фигурирующих в докладе Ричарда Макларена[1].

Представляется, что российским спортсменам, федерациям по видам спорта, Паралимпийскому комитету России, а может и в целом Российской Федерации следует обратиться в суд на господина Макларена, на ВАДА и на Международный паралимпийский комитет с целью возмещения финансовых издержек на подготовку такого количества спортсменов, соревнований, не говоря уже о моральном вреде и о репутационных потерях. Тем более для этого складываются объективные причины.

Первый громкимкий прецедент в этом направлении могут создать российские велогонщики Дмитрий Соколов, Кирилл Свешников и Дмитрий Страхов. Спортсмены подали иск к WADA и к Ричарду Макларену лично в Верховный суд канадского Онтарио, по причине недопуска к Олимпиаде в Бразилии в 2016 году. Примечательно, что их интересы вместе с российскими юристами будет представлять одна из крупнейших канадских юридических фирм McCarthy Tetrault. По некоторым данным сумма исковых требований достигает порядка 6 миллионов долларов.

Вслед за велосипедистами преодолели костенный запрет на обращение в суды общей юрисдикции пожизненно отстраненные от участия в Олимпиадах российские биатлонистки Ольга Зайцева, Яна Романова и

[1] По материалам электронной газеты «Спорт-эксперсс» / www.sport-express.ru

Ольга Вилухина. Они подали в верховный суд штата Нью-Йорк иск к бывшему руководителю московской антидопинговой лаборатории Григорию Родченкову. Спортсменки требуют от Родченкова по 10 миллионов долларов в качестве компенсации, а также компенсации морального ущерба и принятия мер, которые бы защитили их от дальнейших "лживых заявлений" со стороны ответчика.

Как представляется, все рассмотренные проблемные аспекты современного олимпийского правопорядка нуждаются в дальнейших более детальных исследованиях. Это в свою очередь будет способствовать усилению положительной роли международного олимпийского движения в деле укрепления мира на Земле и поддержании других обчеловеческих ценностей.

Андрейцо Сергей Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры
конституционного и международного
права Санкт-Петербургский
университет МВД России

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КОНТЕКСТЕ ПОЛНОМОЧИЙ МВД РОССИИ

Миграционная функция государства[1] носит комплексный и синтезирующий характер, что «соответствует» тем критериям, которые предъявляются в теории права к функциям государства[2].

Из вышеизложенного следует, что миграция населения представляет собой достаточно сложное и неоднозначное общественное явление и как правовой институт находится на стадии законодательного генезиса[3].

Пятого апреля 2016 года Президент Российской Федерации подписал Указ «О совершенствовании государственного управления в сфере кон-

[1] Кириллов П.В. Миграционная функция современного российского государства: теоретико-правовое обоснование // Аграрное и земельное право. 2010. № 3. С. 61.

[2] Ефремова Л.П. Миграционно-правовая политика и миграционная функция государства: вопросы соотношения // Юристъ - Правоведъ. 2008. № 6. С. 98.

[3] Хуринов Г.А. К вопросу о теоретико-правовом аспекте понятия и сущности миграции // Юристъ - Правоведъ. 2007. № 6. С. 79.

троля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции»[1], в соответствии с которым (п.1) Федеральная миграционная служба упраздняется, а ее функции возвращаются Министерству внутренних дел.

Практическое обеспечение режима пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства и организация миграционного учёта с 2016 года возлагаются на МВД России.

При этом ранее в ходе исследования проведённого Санкт-Петербургским университетом МВД России[2] выявлено недостаточное знание сотрудниками органов внутренних дел, соответствующего опыта, что вызывает необходимость разработки и реализации специальных курсов.

Проблем, связанных с миграцией, существует множество[3]. Следует отметить, что в целом изучение миграционных процессов характеризуется междисциплинарностью применяемых подходов[4]. Много исследований проводится на стыке демографии, этнологии и политологии.[5]

Исследование миграционной политики предполагает обращение к ключевым, в известной степени, методологическим вопросам: уточнению категориального аппарата и исследованию состояния правового регулирования в указанной сфере[6]. особое значение приобретает реформирование законодательства. Так, следует согласиться с мнением законодателей о назревшей необходимости кодификации российского миграционного законодательства[7].

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. N 156 г. Москва "О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции" // официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 05.04.2016.

[2] Малышев Е.А., Федоров П.А. Результаты социологического исследования административно-правового регулирования в сфере миграции: на примере органов внутренних дел. СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013.

3 Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 27 ноября 2012 г. № 1229 «О Программе «Миграция. Комплексные меры по реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в Санкт-Петербурге на 2012–2015 годы» // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: http://www.gov.spb.ru (дата обращения 20.11.2017).

[4] Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие. М., 2007.

[5] Западный населенческий дрейф локального и глобального масштаба. Градировский С., Межуев Б. Развитие государственности в ситуации демографической трансформации мира. М., 2004.

[6] См.: Малышев Е.А., Федоров П.А. Результаты социологического исследования административно-правового регулирования в сфере миграции: на примере органов внутренних дел. СПб., 2013.

[7] Москалькова, Т. Н. Восстановить хрупкий баланс // Журнал Полиция. – № 6. – 2013. – С. 12

Эксперты отмечают что существенным изменением качественной характеристики миграции является ее феминизация, то есть увеличение доли женщин и детей в общей численности мигрантов. Наконец, еще одной существенной характеристикой миграции является ее временный или циркулярный характер[1].

В решении проблем миграции традиционно вовлечены неправительственные (некоммерческие) организации (НПО/НКО). Общая беда российских НПО — неумение работать с прессой, отсутствие элементарных навыков в области пиара, непонимание важности работы со СМИ для будущего организации и продвижения основной темы своей работы. В то же время мигрантские организации — очевидный ресурс для повышения образовательного уровня (в том числе и освоения русского языка) для мигрантов и их семей[2].

В России существует довольно значительный опыт по оказанию мигрантам информационной, правовой, психологической и иных видов помощи. Однако этот опыт нуждается в систематизации и выделении наилучших практик и консолидации усилий гражданского общества и государства. В частности, в качестве основных направлений работы можно упомянуть следующие меры:

- опыт использования площадки Общественной Палаты Российской Федерации для обсуждения миграционных вопросов;
- переговоры с заинтересованными органами государственной власти по вопросам внесения изменений и дополнений в законодательство РФ, касающееся правового статуса мигрантов и их медико-социального обеспечения, а также по обсуждению рекомендаций настоящей конференции;
- активное вовлечение партнерских организаций по обеспечению защиты мигрантов и улучшения их доступа к социальным услугам и услугам здравоохранения. [3]

Если в начале 90-х годов двадцатого века в основном преобладала внешняя и вынужденная миграция, то реалии сегодняшнего дня говорят о том, что основным миграционным потоком в структуре миграции населения становится внешняя трудовая миграция, которая оказывает непосредственное влияние на развитие ситуации на региональном рынке труда.

Не вызывает сомнения тот факт, что миграционная ситуация в субъектах Российской Федерации имеет свою специфику и особенности. Неслучайно, в субъектах Федерации разрабатываются и принимаются региональные целевые программы, направленные на регулирование миграционных процессов.

---

[1] Трудовая миграция в России: медико-социальные и тендерные аспекты. Материалы международной конференции. Бюро Международной организации по миграции (Бюро МОМ) в Москве - М.: 2012

[2] Образование для всех и миграция. Сборник материалов. — Москва, 2012.

[3] Трудовая миграция в России: медико-социальные и тендерные аспекты. Материалы международной конференции. Бюро Международной организации по миграции (Бюро МОМ) в Москве - М.: 2012

Современная система государственного регулирования миграции населения нуждается в дальнейшей доработке, поскольку существующая не обеспечивает в полной мере достижения целей государственной миграционной политики[1].

На МВД необходимо возложить обязанности по обеспечению права на информацию закрепив их в ведомственном нормативно-правовом акте. Также необходимо совершенствование взаимодействия с международными организациями и НКО в сфере обеспечения права на информацию беженцев и лиц, ищущих убежище.

Необходимо построение системы правового информирования беженцев и лиц, ищущих убежище на территории России, Система, координируемая Федеральной миграционной службой, должна включать региональные управления, подразделения информации и общественных связей МВД, создаваемые при них общественные советы из лидеров национальных общин, некоммерческие организации, консультирующие беженцев и лиц, ищущих убежище.

Необходимо отметить, что нарушение трудовых прав мигрантов допускается не только из-за недобросовестности работодателей, но и из-за некомпетентности самих работников, не владеющих знаниями действующего законодательства, регулирующего миграционные и трудовые отношения.

Ведь порой они не только не знают, куда можно обратиться за защитой своих прав, но и как составить жалобу, собрать нужные доказательства, и, как следствие, их доводы о нарушении прав, при проверке зачастую не находят своего подтверждения.

Защита прав мигрантов должна начинаться на территории государства исхода. Представляется целесообразным оказывать консультативно-методическую помощь иностранным гражданам, собирающимся осуществлять трудовую деятельность на территории иного государства, до того, как они пересекли границу этого государства.

Действенным механизмом государственного регулирования трудовой миграцией иностранных граждан могло бы явиться функционирование лицензированного и контролируемого государственными органами института посредничества по трудоустройству на работу за границу (например, биржа труда) на территории страны исхода, где можно будет предоставлять целостный рынок посреднических услуг по трудоустройству, в том числе – изучение языка и законодательства страны въезда, где будет осуществляться трудовая деятельность, а также выполнение других формальностей, связанных с трудоустройством за границей.

Кроме того, классика рынка труда требует приведения в сбалансированность спроса и предложения рабочей силы. Это значит,

[1]Концепция Государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 13.06.2012). // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.kremlin.ru/news/15635 (дата обращения 15.01.2018).

что, если на рынке государства въезда нет рабочих мест для специалистов каких-то специальностей, то они должны быть переподготовлены по другим востребованным на рынке труда профессиям и специальностям для дальнейшего трудоустройства на существующие вакансии и рабочие места (т.е. государство исхода должно провести подготовку по данному направлению в соответствии с потребностями национального рынка труда).

Важной составляющей могло бы явиться и предоставление развернутой информации, связанной с трудоустройством мигрантов, так как недостаток информации порождает споры и нечеткое выполнение миграционного законодательства.

Диаспора играет важную роль в профилактике межэтнических конфликтов, укреплении национального единства и национального согласия в регионе, проводя разъяснительную работу по предупреждению конфликтных ситуаций. Подобное сотрудничество может не только способствовать обеспечению безопасности в крае, но и эффективной интеграции иностранных граждан в российское общество. Ведь независимо от идеологических и религиозных взглядов, конечной целью для всех являются благополучие, социальная защищенность и безопасность граждан, стабильное развитие и процветание.

Бесплатный рабский труд обеспечивает сверхприбыли работодателей, который этот труд используют. И вот эти сверхприбыли, из которых значительная часть идет на коррумпирование и без того уже не слабо коррумпированных местных властей и силовых структур, делает решение ряда проблем практически невозможным.

Бугаевская Наталья Валентиновна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса Тульского государственного
университета

ТЕРМИНЫ «КОРРУПЦИЯ» И «КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» В ТЕОРИИ ПРАВА И СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ

Определение понятия «коррупционные преступления» требует обращения к пониманию сущности коррупции, так как множественность и дискуссионность мнений относительно этих терминов связаны с широкой дифференциацией ее проявлений в современной действительности[1].

Несмотря на наличие нормативного закрепления понятия «коррупция» в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии

[1] См.: Алферовская Е.О. О значении понятия «преступление коррупционной направленности» // Закон и право. 2016. № 2. С. 107.

коррупции», а также многообразие представленных в современной юридической литературе дефиниций коррупции, большинство авторов рассматривают ее как явление, имеющее комплексный характер. Однако для отграничения коррупции от иных негативных социальных и правовых явлений представляется необходимым выделить ее сущностные признаки, заключающиеся, прежде всего, в содержании отношений, которым причиняется вред в результате коррупционных проявлений, особенностях указанных проявлений и признаках их субъектов. Очевидно, что отсутствие единого научно обоснованного подхода к содержанию понятия «коррупция» препятствует правильному формированию государственной стратегии и политики противодействия коррупции в России.

В современной российской юридической науке сложились два подхода к трактовке данного термина. Согласно узкому пониманию коррупции, она представляет собой взяточничество и любые виды подкупа; более широкий подход к толкованию данного термина под коррупцией понимает любое корыстное злоупотребление своим служебным положением[1].

Последний подход представляется наиболее приемлемым, так как более соответствует законодательному определению и международно-правовым требованиям. Также он позволяет объяснить комплексный характер коррупции и направить правоохранительные органы на выявление и противодействие различных проявлений данного негативного явления. С точки зрения теории права коррупция – это системное негативное социально-правовое явление, сущностью которого является разложение власти в виду использования субъектом, имеющим управленческий ресурс как в государственной, так и в частной сферах, своих служебных полномочий вопреки целям и задачам деятельности властной структуры, направленное на извлечение имущественной выгоды, а также предоставление такой выгоды со стороны заинтересованных лиц. Системность коррупции состоит именно в наличии взаимообусловленности действий коррупционера и коррупктера, в их взаимодоговоренности, взаимовыгодности, а также в том, что коррупция дает основу для существования лоббизма, фаворитизма, легализации преступных доходов и проч.

Коррупция как сложное социально-правовое явление имеет внутреннюю структурированность, определение которой имеет немаловажное значение для совершенствования уголовно-правовых средств противодействия ей. Необходимость исследования понятия коррупционных преступлений предопределяет необходимость решение проблемы законодательной регламентации преступлений, имеющих коррупционную направленность, и установление их классификационных признаков.

---

[1] Подробнее см.: Ромашина Е.В. Классификация научных подходов к определению коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 7. С. 32-34.

В целом, подход к выделению признаков коррупционных преступлений, который изложен в Указании Генпрокуратуры России и МВД России от 1.02. 2016 № 65/11/1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» заслуживает поддержки. В нем указаны ключевые признаки преступлений коррупционной направленности (наличие надлежащих субъектов – должностного лица и лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой и иной организации; связь деяния со служебным положением лица; наличие корыстного мотива; прямой умысел). Вместе с тем, он нуждается в определённом дополнении: во-первых в разграничении понятий «коррупционные преступления» и «преступления коррупционной направленности»; во-вторых в установлении более четких критериев данных видов преступлений; в-третьих, закрепления перечня двух данных видов преступлений. При этом все эти дополнения должны коррелировать с понятием коррупции. Таким образом, необходимо привести в единство понимание коррупции в теории права и в статистическом учете преступлений.

Дополнение перечня коррупционных преступлений указанием на признаки, обусловливающие их коррупционное содержание, представляется чрезвычайно важным, поскольку в отличие от «классических» коррупционных деяний, таких как взяточничество и злоупотребление должностными полномочиями, большинство посягательств для признания их коррупционными должны характеризоваться определенными элементами.

Е.И. Спектор высказывает небезосновательное суждение о том, «что выделение самостоятельных составов коррупционных правонарушений (преступлений) для каждой сферы деятельности и объединение имеющихся составов правонарушений (преступлений) в самостоятельные «коррупционные» перечни или главы отраслевых кодексов невозможны ввиду разнородности родового объекта коррупционных правонарушений (собственность, экономическая деятельность, государственная власть, военная служба и т.п.) и, соответственно, их рассредоточения как в разных нормативных правовых актах, так и в главах отраслевых кодексов даже при наличии общих коррупционных критериев и признаков»[1].

Обоснованным, с оговорками на новейшие дополнения антикоррупционного законодательства, представляется подход В.А. Авдеева и О.А. Авдеевой, которым многообразие составов, образующих категорию преступлений коррупционной направленности, позволило разработать следующую внутреннюю классификацию. Среди преступлений коррупционной направленности выделяют две классификационных группы: 1) безусловные пре-

[1] Спектор Е.И. Коррупционные правонарушения: проблемные вопросы юридической квалификации // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 45.

ступления коррупционной направленности; 2) преступления коррупционной направленности – иные преступления при соблюдении условий, выступающих в качестве признаков коррупционных преступлений.[1].

В целом, под коррупционным преступлением следует понимать общественно опасное деяние участника коррупционных отношений, складывающихся между должностными лицами, лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих организациях, с одной стороны, и иными лицами, с другой стороны, в целях извлечения незаконной имущественной и иной выгоды в результате использования должностных (служебных) полномочий вопреки интересам личности, общества и государства.

Таким образом, не формальное заполнение статистической карточки и отнесение преступлений к категории преступлений коррупционной направленности[2] должно становиться критерием для понимания коррупционных преступлений, необходимо четко обозначить признаки коррупционных преступлений, единых для теории права, уголовного права и статистического учета.

Грицай Владимир Викторович,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
права и государства Краснодарского
университета МВД России

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА КАК НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Аграрная реформа в Российской Империи в начале XX века явилась событием определившим будущее развитие страны на долгое время. Последствия этой модернизации в известной степени ощущаются и в настоящее время.

До сих пор в отечественной и зарубежной историографии не утихают споры как по поводу глобальных по своему масштабу и последствиям действиям Российского правительства во главе с П.А. Столыпиным, так и по поводу личности самого творца реформ и его гибели от рук наемного убийцы.

[1] См.: Авдеев В.А., Авдеева О.А. Стратегические направления противодействия коррупции в РФ // Российская юстиция. 2016. № 7. С. 20.

[2] Щепотин А.В. Отнесение преступлений к категории коррупционной направленности // Законность. 2016. № 1. С. 59.

Столыпинская аграрная реформа, это комплекс мер направленный на решение аграрного вопроса в Российской Империи, как одного из самых проблемных и негативно влияющих на стабильное развитие государства.

Дореволюционная историография, оценивая результаты и значение проведенных преобразований особое внимание уделяли проблемам перераспределения земельного фонда в государстве и уничтожения крестьянской общины как основного жизненного уклада сельского населения.[1]

По мнению представителей Советской историографии, царское правительство пыталось снизить социальную напряженность в деревне, сбить волну массовых крестьянских выступлений.[2]

Современная отечественная историография возвращает нас к переосмыслению идей П.А. Столыпина. К вопросам об обустройстве государства и созданию Великой России.[3]

С предлагаемой работе мы рассмотрим лишь один аспект темы связанной с аграрными преобразованиями в России начала XX века, а именно переселенческую политику царского правительства. Поскольку реализация ее положений позволяет нам проанализировать состояние миграционных отношений в указанный период, определить их направленность, интенсивность, степень нормативно правового регулирования.

Уже со второй половины XIX века, фактически сразу после отмены крепостного права в 1861 году, в России начала складывалась очень сложная миграционная обстановка. Как справедливо заметил в начале прошлого века А.А. Кауфман «…всё переселенческое движение 60-х и 70-х годов было самовольным, нелегальным».[4] Это особенно справедливо для черноземных губерний России, где малоземелье ощущалось особенно остро. Крестьяне покидали эти территории с многочисленными нарушениями имевшегося порядка, как правило, за всеми числилась неуплата различных недоимок, и, как следствие, отсутствие документов разрешающих перемещение – паспортов. По Уставу о Паспортах 1846 года – внутренний паспорт (вид на жительство) являлся не столько документом удостоверяющим личность,

---

[1] Алексеев Г. Очерки новой аграрной политики // Современный мир. 1911. № 4. С. 193 – 221; № 8. С. 239 – 260; № 9. С. 203 – 238. Кофод А.А. Русское землеустройство. СПб., 1913. Билимович Землеустроительные задачи и землеустроительное законодательство в России. Киев, 1907. Бруцкус Б.Д. Землеустроительство и расселение. Пб., 1909. и др. Цит. по: Степанов С.А Великий Столыпин. «Не великие потрясения, а Великая Россия». М., 2012

[2] Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа: мифы и реальность // История СССР. 1991. № 2. Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. Василевский Е.Г. Идейная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. М., 1960.

[3] Степанов С.А Великий Столыпин. «Не великие потрясения, а Великая Россия». М., 2012.

[4] Кауфман А. А. Переселение и колонизация. Спб.,- Типография товарищества «Общественная польза», 1905. С. – 81.

сколько документом подтверждающим право его владельца на свободное перемещение в пределах империи.[1] В такой ситуации интенсификация миграционных потоков неизбежно приводила бы к осложнению криминогенной обстановки, расту преступности, и, в конечном итоге потере контроля государства над окраинами обширной империи. Допустить этого было нельзя. Необходима была структура, способная поставить под контроль государства и упорядочить всеми имеющимися средствами миграционные отношения – то есть, отношения, возникающие по поводу переселения на новые места все возрастающего количества людей. Такая структура было создана в лице переселенческого управления в составе Министерства внутренних дел в 1896 году.[2]

В наше задачу не входит подробная характеристика данного органа государственного управления, отметим лишь тот факт, что его наличие и определенный опыт работы, который имелся к началу реформ, оказал значительное положительное влияние на промежуточные итоги правительственных преобразований в аграрной сфере. Мы намеренно называем итоги промежуточными. Поскольку, не смотря на различные подходы к осмыслению реформаторской деятельности столыпинского кабинета, реформы традиционно принято считать незавершенными. И бесспорной заслугой Переселенческого управления и его руководителей, на наш взгляд, является то, что из более 3 миллионов переселенцев вернулось назад всего около 500 тысяч, то есть всего 17 процентов.

Что касается направлений миграционных потоков то в период XIX – начало XX века они имели и разный характер, и разное направление. Но в интересующий нас пери переселение в Сибирь и на Дальний восток являлось основным миграционным потоком, призванным обеспечить решение не только агарный вопрос, но некоторые политические вопросы. По разным оценкам в это период в этом направлений мигрировало около 4.5 миллионов человек из чуть более 8 миллионов мигрантов в целом по стране.[3]

Говоря о нормативном и правовом обеспечении миграционного процесса, необходимо отметить две тенденции его развития. Если в период со второй четверти XIX века наибольшее распространение получали меры ограничивающие миграционные процессы, то в интересующий нас период мы говорим о поощрительных мерах правительства в отношении переселения.

Ограничительные меры четко обозначены 13 июля 1889 года принятием закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан

---

[1] Устав о паспортах. Раздел первый. СЗРИ том XIV Изд. 1903 С.- 1

[2] Дикарева О. А., Касило М. Г., Хромых А. В. Переселенческое управление в Российской империи (1896–1917 гг.) // Молодой ученый. – 2015. – № 11. – С. 1151-1153. URL https://moluch.ru/archive/91/19866/ (дата обращения: 29.08.2018).

[3] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) В 2 т. – СПб. – 2003. С. – 23.

на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время».[1]

С начала XX века политика царского правительства отказалось от политики сдерживания переселенческого движения. Это объясняется как минимум двумя причинами.

Во-первых, ограничительные меры оказались неэффективными, известный советский историк Зайончковский писал «...Если переселение крестьян, казалось бы, должно было ослабить земельный голод путем организации массовой колонизации, то закон 1889 г. ставил своей задачей елико возможно, сдержать это движение, ставя многочисленные рогатки тем, кто хотел уйти на новые земли. Однако действительность показала, что практически этот закон не приостанавливал колонизационного потока…».[2]

Во-вторых, статус переселенца становился все более привлекательным как в моральном (ощущение свободы) так и материальном (получение ссуды на обзаведение хозяйством) отношении.

Еще одним мощным стимулом к развитию миграции в Сибирь и на Дальний Восток было решение о строительстве Великого Сибирского Пути - 25 февраля (9 марта) 1891 года Александр III подписал соответствующий указ. Направление транссибирской магистрали полностью совпадало с вектором миграционной активности населения.

Да и само решение правительства о создании специального органа регулирующего миграцию говорит о том, что время ограничений миграционной активности прошло. Наступила эпоха ее поощрения и всяческой активизации.

Таким образом, можем заключить, что переселенческая политика в ходе аграрных реформ столыпинского правительства имела по собой прочную основу и была вполне успешно реализована.

В дальнейшем, рассуждая о незавершенности реформ, можем не сомневаться в том, что столыпинская аграрная реформа послужила толчком к развитию миграционных отношений в новом аспекте правового регулирования – разрешительном.

---

[1] ПСЗ. № 6198. Собрание третье. Т. 9

[2] Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1964. С. 203

Дыжова Анна Анатольевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент, профессор кафедры правовых
дисциплин Могилевского института
МВД Республики Беларусь

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ О ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВОМ

Правовую основу регулирования прав молодых граждан, детей в Республике Беларусь составляют Конституция Республики Беларусь, международные договоры Республики Беларусь, ряд Законов и иные акты законодательства Республики Беларусь, регламентирующие порядок и условия реализации прав и законных интересов указанной категории граждан. Молодежи гарантируется право на ее духовное, нравственное и физическое развитие. Государство создает необходимые условия для свободного и эффективного участия молодых граждан в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии. Основополагающим нормативным правовым актом в сфере государственной молодежной политики являлся Закон Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики» от 7 декабря 2009 г. № 65-З[1].

Для того, чтобы эффективно реализовывать все права и возможности, молодым людям необходимо обладать хотя бы элементарными знаниями в области гражданского, конституционного, уголовного и процессуального права. Уровень правовых знаний молодых людей на прямую определяет возможность юношей и девушек защитить свои права и законные интересы в обществе. В проводимых нами исследованиях были заданы вопросы о степени защиты прав и законных интересов молодых людей[2].

Молодым людям был задан вопрос: «Попадали ли Вы в ситуацию, когда нарушались Ваши законные права и интересы?», результаты анализа ответов респондентов отражены на рисунке 1.

---

[1] См.: Об основах государственной молодежной политики [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, от 7 декабря 2009 г. № 65-З. Доступ из спра.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Дыжова А. А. Защита прав молодежи в Республике Беларусь / А. А. Дыжова // Запорізькі правові читання: матеріали Щорічної міжнародної науково-практичної конференції, м. Запоріжжя, 20 травня 2016 року / за заг. ред. Т.О. Коломоєць. – Запоріжжя: ЗНУ, 2016. С. 18-20.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: *«Попадали ли Вы в ситуацию, когда нарушались Ваши законные права и интересы?»,* в процентах.

Как видно, на диаграмме отражена информация за период проведения научных исследований за 2016-2017 гг. Число респондентов, чьи права и законные интересы нарушаются достаточно часто, составило 6,2 %. В свою очередь 64,3 % молодых людей указали о том, что их права не часто (иногда) нарушаются. И, исходя из этого, число юношей и девушек, которые считают, что их права не нарушались, составило 28,9 %.

Одним из показателей качественного уровня взаимодействия граждан и государственных органов является «уровень защищенности» граждан, который также может использоваться для измерения степени доверия к ним, а также говорить о действенности правовых и социальных норм в различных сферах функционирования общества. Для того чтобы определить специфику взаимодействия молодых жителей нашего региона с социальными институтами, функционирующими в различных сферах общества, мы обратились к респондентам с просьбой назвать сферы, в которых нарушались их права. Ранжированный список в таблице 1 выглядит следующим образом.

Таблица 1 – Распределение мнений на вопрос: «*В какой сфере нарушались Ваши законные права и интересы?»,* в процентах.

Сферы	*Мужчины*	*Женщины*	*Общее распределение*
Торговли	29,5	37,4	34,8
Медицинского обслуживания	19,4	26,2	23,3
Трудовых отношений	19,4	30,6	26,8
Образования	20,9	8,7	13,3
Социального обслуживания	17,8	13,6	15,3
Во взаимоотношениях с правоохранительными органами	14,7	5,3	8,8
Семейно-бытовых отношений	8,5	8,7	8,6
Государственного управления	4,7	1,0	2,4
В судебной сфере	0,8	1,0	0,9
Политики	3,9	1,9	2,7

Примечание – В вопросе можно было отметить несколько вариантов, поэтому сумма по столбцам может составлять более 100%.

Как видно из таблицы общее количество нарушений прав в сфере торговли составило 34,8 %, о чем свидетельствуют данные результатов проведенного анализа научных исследований. Медицинского обслуживания с 23,3 % молодых людей, из них 19,4 % составили мужчины, 26,2 % женщины. Между тем отметим рост по сравнению с данными результатов анализа научных исследований прошлых лет, нарушений в сфере трудовых правоотношений (с 25,5 до 26,8 %).

Однако этот факт, не означает, что в государстве не осуществляется охрана и регулирование правового положения молодежи в трудовых правоотношениях. В законодательстве Республики Беларусь регулированию правового положения молодежи в трудовой сфере посвящена отдельная Глава 20 Трудового кодекса Республики Беларусь , которая регламентирует труд лиц, не достигших возраста 18 лет[1].

По мнению молодых людей, нарушений их прав во взаимоотношениях с правоохранительными органами составило 8,8 %, образовании – 13,3%, семейно-бытовых – 8,6 %, государственного управления – 2,4 %, судебной сфере – 0,9 %, социального обслуживания – 15,3 %.

Как уже было сказано нами ранее, государство реализует систему мер, направленных на содействие в профессиональной ориентации и трудоустройстве молодежи, в том числе по их экономической, организационной, правовой поддержке. В национальном законодательстве оговаривается, что в целях защиты трудовых и социально-экономических прав молодежи в коллективные договоры могут включаться положения о предоставлении молодежи дополнительных гарантий в области охраны труда, рабочего времени, отпусков и других трудовых и социально-экономических условий в соответствии с законодательством о труде. При проведении нами научных исследований мы решили в свою очередь узнать считают ли себя молодые люди, защищенными на рабочем месте. Анализируя результаты анкетного опроса за 2016-2017 гг. полностью защищенными на рабочем месте считают себя 27% молодых людей (см. рисунок 2).

[1] См.: Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г. № 296-З. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

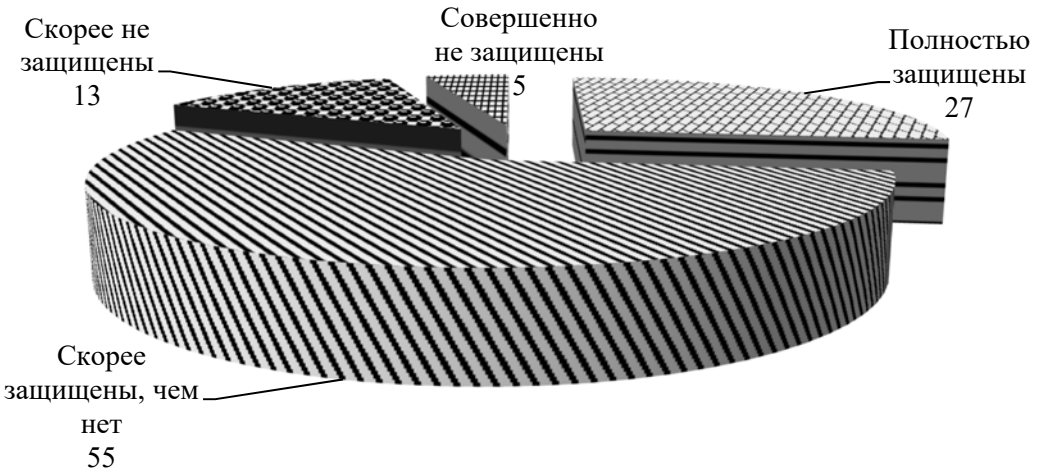

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос *«Считаете ли Вы себя защищенными на рабочем месте?»*, в процентах

Однако при анализе анкетного опроса было выявлено, что с полной уверенностью считают себя не защищенными на рабочем месте 5 % юношей и девушек и скорее не защищенными – 13 % молодых людей. При этом напомним, что трудовая сфера, именно та, которую в первую очередь, на ряду с торговлей и медициной, молодые люди указали, как сферу, где нарушались их права и законные интересы.

Конечно же, и это достаточно закономерно, наиболее защищенными молодые люди чувствуют себя рядом с близкими и родными, т.е. в семье. Этот вопрос, также был задан молодым людям.

Рисунок 3 – Распределение ответов на вопрос *«Считаете ли Вы себя защищенными в семье?»*, в процентах

Как видно на диаграмме, более семидесяти пяти процентов опрошенных считают себя полностью защищенными в семье и порядка двадцати процентов скорее защищенными, чем нет. Около трех процентов не ощущают себя полностью защищенными в кругу родственников и близких, 19,8% по их мнению скорее защищены чем нет и 0,9 % считают себя не защищенными.

В заключении хотелось бы отметить, что молодежь – это главный ресурс общества, это его будущее. Но свое предназначение она выполнить не сможет, если ей не будут предоставлены определенные гарантии со стороны общества. Прежде всего, она нуждается в гарантиях приобретения знаний, соответствующих общественным потребностям профессиональной подготовки и возможностей для вхождения в самостоятельную жизнь, создания условий для образования и создания семьи.

Успешное реформирование государства возможно только при активном участии молодежи, что требует новых подходов к разработке и осуществлению молодежной политики. В связи с этим возникает необходимость периодического исследования молодежи, сбора достоверной информации о ее жизни, потребностях и интересах. Только на основе объективных данных о положении молодежи может быть осуществлена охрана и защита их прав и законных интересов.

Егоров Андрей Михайлович,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин Псковского
филиала Академии ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПСКОВСКОЙ МИЛИЦИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ НЭПА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1920-Х ГОДОВ)

Вновь принятое в 1927 году Положение о НКВД РСФСР практически не изменило базовые принципы правоохранительной деятельности, закрепленные еще Положением о службе рабоче-крестьянской милиции 1925 года. Однако вопрос о наиболее приемлемых формах их реализации оставался открытым. В 1927 году коллегия НКВД РСФСР озвучила решение о преобразовании отделов милиции и уголовного розыска в самостоятельные подразделения. Во исполнение этого указания в 1928-1929 гг. были последовательно созданы Управление милиции и Управление уголовного розыска

НКВД РСФСР. Одновременно осуществлялась реорганизация органов внутренних дел на местах, которая была связана с произошедшими изменениями в государственно-территориальном устройстве страны.

В 1927 году Псковская губерния вошла в состав укрупненной Ленинградской области. В ее рамках были выделены Псковский и Великолукский округа, включавшие соответственно 18 и 23 района.

Новое районирование не могло не отразиться на территориальной организации псковской милиции. Еще в середине 1920-х годов губернское и уездные управления милиции были преобразованы в административные отделы при исполкомах местных Советов. В их состав входили следующие подотделы: общий, милиции и уголовного розыска. После ликвидации Псковской губернии на базе данных органов создаются окружной административный отдел и районные административные отделения (РАО), подчинявшиеся по команде начальнику административного отдела Ленинградской области. Начиная с этого момента и вплоть до 1944 года, милиция Псковщины организационно являлась частью ленинградской милиции.

Вместе с тем, изменения затронули не только внешние формы милицейской организации. Они были тесно связаны с поиском новых методов работы, подготовки квалифицированных кадров, материального обеспечения милиции.

Осенью 1927 года псковская милиция торжественно отпраздновала десятую годовщину своей деятельности. В связи с юбилеем наряды милиционеров внешней службы и агентов угрозыска были сокращены до минимума, а милицейские посты заменены красноармейцами. Торжества проходили 12-13 ноября. В первый день состоялись торжественное собрание, вручение наград личному составу и спектакль. Программа второго дня включала парад, праздничный обед и киносеанс[1].

В период празднования впервые было проведено награждение сотрудников милиции почетным ведомственным знаком «Х лет рабоче-крестьянской милиции. 1917-1927», образец и порядок вручения которого были разработаны Центральным административным управлением (ЦАУ) НКВД РСФСР. Почетный знак имел бронзовый и серебряный варианты расцветки. Первый вручался милиционерам, прослужившим в органах внутренних дел от 5 до 7 лет, а второй – имевшим более длительный стаж службы.

Псковским подразделениям РКМ было чем заслуженно гордиться в своей недолгой десятилетней истории. Она вместила и трагические события гражданской войны, и героическую борьбу с криминальной анархией в послевоенные годы. Однако жизнь не стояла на месте и требовала приведения организации милицейской службы в соответствие с усложняющейся систе-

[1] ГАПО. Ф. Р-755. оп. 1. д. 10. Л.4.

мой общественных отношений и новыми проблемами, затруднявшими эффективное поддержание правопорядка методами, сложившимися еще в условиях чрезвычайного положения.

Учитывая аграрный характер округа, работники псковской милиции были ориентированы, прежде всего, на охрану экономических основ жизнедеятельности деревни, что объективно отвечало интересам самых широких слоев псковского крестьянства. Особую значимость в этой связи имела борьба со скотокрадством и воровством сельскохозяйственного инвентаря. Реальной помощью крестьянам являлось и участие милиции в ликвидации последствий стихийных бедствий. Кроме того, при поддержке милицейских органов действовали специальные трудовые инспекции, призванные препятствовать кабальным сделкам среди сельских обывателей.

На милицию возлагалась обязанность информировать население о целях и задачах государственной политики. По инициативе начальника Псковского административного отдела Зимина особое внимание уделялось подготовке сельских милиционеров к соответствующим докладам на собраниях сельсоветов и сходах[1]. Начиная с весны 1927 года, широко практиковались отчеты псковской милиции перед представителями общественности о проделанной ею работе.

В городах Псковщины деятельность милиции была связана с несением постовой службы, обеспечением порядка торговли и уличного движения, борьбой с нарушителями общественного порядка, притоносодержателями и хулиганами. Особое место занимала деятельность по пресечению уголовных преступлений. Эту работу возглавлял начальник псковского уголовного розыска Рувимский. Поощрявшееся им скрытное патрулирование и другие инновационные методы оперативно-розыскной деятельности позволяли порой задерживать правонарушителей не только по «горячим следам», но и прямо на месте преступления. Так, например, 18 июля 1928 года активной группой агентов псковского угрозыска при обходе города в 2 часа ночи были задержаны А. Широков и А. Рутницкий, пытавшиеся совершить кражу из лавки гражданина Шлосберга[2].

Иногда подчиненным Рувимского приходилось выполнять и обычно несвойственные им функции. В частности, они помогали местным властям в поиске архивных материалов бывшего Губисполкома, которые были утрачены в процессе его реорганизации. В январе 1929 года эти документы каким-то образом оказались на псковском рынке, где использовались то ли как упаковочная бумага, то ли в другом схожем качестве. Просьбу принять меры по их изъятию президиум Окрисполкома направил именно в уголовный розыск г. Пскова[3].

---

[1] См.: История псковской милиции. Псков, 1979. С. 38.

[2] ГАПО. Ф. 324. оп. 1. д. 223. л.50.

[3] Там же. Д. 134. л. 50.

Работники уголовного розыска хорошо владели оперативной обстановкой, имели устойчивые связи среди городского населения и умели наладить диалог с рядовыми гражданами. Накопленный опыт практической работы позволял псковской милиции пресекать и гораздо более опасные правонарушения: вооруженные грабежи, кражи, преступления против личности.

Следует особо отметить, что во второй половине 1920-х годов псковской милиции удалось сбить волну организованной преступности, захлестнувшую губернию после гражданской войны. В конце 1920-х годов сводки уголовного розыска постоянно обращали внимание на отсутствие устойчивых банд на Псковщине. Они подтверждались и данными начальника окружного отдела ОГПУ, в обязанности которого входило осуществление параллельного учета всех проявлений бандитизма на территории округа[1].

Несколько сложнее обстояло дело в сельской местности. Значительные масштабы в крестьянской среде приобрело хулиганство. Массовость данного явления, учитывая в целом аграрный характер Псковщины, серьезно подрывала общественный порядок на местах. Представители власти всерьез заговорили о явно выраженном классовом характере хулиганства в деревне[2]. И некоторые основания для такой оценки ситуации действительно имелись.

Сложная социально-экономическая и политическая обстановка на Псковщине создавала благоприятные условия для активной деятельности различных антисоветских элементов. Сказывалась и близость Прибалтики, являвшейся частью так называемого «санитарного кордона».

Информационные сводки Псковского губотдела ГПУ фиксировали сложное политическое состояние деревни: «Настроение крестьянства губернии понижено в силу тяжелого их материального положения, которое с каждым днем все более ухудшается… В данное время уже есть такие крестьянские семьи, которые хлеба не имеют и питаются одним картофелем. К сельхозналогу крестьянство относится хотя и сознательно, но все то тяжелое их материальное положение, коим одержимы они в настоящий период, принуждает их вспомнить о тех временах, когда разные налоги не были так чувствительны для их разоренного хозяйства, как теперь. Последнее обстоятельство вызывает у крестьян пассивность к Соввласти и РКП(б), которая используется антисоветским элементом в смысле распространения среди населения нелепых небылиц и ложного истолкования того или иного политического момента»[3].

Поражение и отступление в Прибалтику белогвардейских сил не сразу привели к прекращению вооруженных столкновений на Псковской земле. Псковская губерния оказалась охвачена разветвленной сетью вооруженных

---

[1] ГАПО. Ф. 324. оп. 1. Д. 223. л. 64.

[2] История псковской милиции. С. 37.

[3] Сборник документов и материалов по истории Псковского края (IX-XX вв.). Псков, 2000. С. 475.

групп эсеровского толка, полностью ликвидировать которые советским властям удалось лишь к середине 1920-х годов. Их позиция («ни с белыми, ни с красными») отчасти совпадала с лозунгами полковника С.Н. Булак-Балаховича, действовавшего в западных районах Псковщины в период гражданской войны. Часть примкнувших к нему псковских добровольцев ушла вместе с белыми в Прибалтику, а часть – в связи с объявленной амнистией ВЦИК – вернулась в родные места и составила значительную долю местного населения. Показательно в этом плане письмо председателя Сумецкого сельсовета, отмечавшего, что со всей округи в Красной Армии воевали – включая его самого – только три человека (из них двое погибли). «Остальные были у Балаховича, и вот мне сейчас чрезвычайно тяжело работать…» - доносил он в центр в 1928 году[1].

Отмечаемые официальными лицами «белобандитское» прошлое и религиозность значительной части псковского населения способствовали дополнительной напряженности общественных отношений и затрудняли работу правоохранительных органов. В конце 1920-х гг. подобная ситуация сохранялась еще во многих местах. Но наиболее неблагополучными являлись районы, находившиеся некоторое время под контролем Булак-Балаховича. Именно здесь чаще всего регистрировались факты активного неповиновения советским властям и нарушения общественного порядка. Положение усугублялось наличием на руках у населения большого количества огнестрельного оружия.

Проблема борьбы с хулиганством несколько раз обсуждалась в рамках межведомственных совещаний по борьбе с преступностью под руководством губпрокурора Витбаума. В 1927 году постановлениями местных Советов против нарушителей общественного порядка были введены штрафы на сумму до 100 рублей или обязательные работы сроком на 1 месяц[2]. К наиболее злостным хулиганам в качестве санкций применялась принудительная высылка за пределы округа.

Однако вышеуказанные меры помогали далеко не всегда. Масштабы противоправных действий ставили порой в тупик, как милицию, так и прокуратуру. В исходивших от них сводках в качестве субъектов хулиганских действий иногда упоминались целые деревни. В подобных случаях правоохранительным органам приходилось констатировать: «Что же касается выселения или ареста целой деревни, то ни первое, ни второе в силу закона в данном случае применено быть не может»[3].

Иногда обеспечение правопорядка было сопряжено с немалым риском и перерастало в вооруженные стычки. Так, в мае 1928 года во время религиозного праздника пять милиционеров задержали в деревне Заполье

[1] ГАНИПО. Ф. 3. оп. 1. д. 155. л. 81.
[2] История псковской милиции. С. 37.
[3] ГАПО. Ф. 324. оп. 1. д. 2235. л. 18.

Новосельского района нескольких пьяных мужчин, нарушивших общественный порядок. За неимением более подходящего помещения их временно заперли в погреб. Но односельчане попытались освободить задержанных. Сотрудники милиции пытались уговорить толпу разойтись. Однако она продолжала напирать. Тогда милиционер Ефимов применил личное оружие, произведя выстрел вверх. В этот момент стоявшие рядом крестьяне схватили его за руки, в результате чего он случайно ранил 20-летнюю девушку и малолетнего ребенка. В ответ из толпы также последовали выстрелы. В руках деревенской молодежи появились кинжалы и обрезы, а сотрудникам милиции пришлось с боем прорываться из деревни в поле. В погоню за ними бросились несколько десятков пьяных граждан. Поэтому милиционерам пришлось еще раз разделиться и двое из них направились на полустанок Лапино для вызова помощи из войсковой части. Выйдя на полотно железной дороги, они получили от прохожих предупреждение о том, что вблизи полустанка их ждет засада. В результате милиционеры вынуждены были повернуть и идти на станцию Новоселье[1].

Подобные инциденты доказывали необходимость более тесного взаимодействия милиции с общественностью. С этой целью среди городского и деревенского населения была развернута разъяснительная кампания под лозунгом «Хулиганство – нож в спину революции». На сходках и собраниях велась агитация за создание дружин, которые должны были содействовать представителям власти в борьбе с хулиганами. Прежде всего, принимались меры по формированию общественного актива для помощи сотрудникам милиции в сельской местности.

Одновременно общества содействия милиции создавались в городах округа. Однако и здесь оперативная обстановка оставалась еще достаточно сложной вплоть до начала 1930-х гг. При этом советские власти хорошо представляли себе причины, затруднявшие их контакт с определенной частью горожан в сфере охраны общественного порядка. В спецдонесении ОГПУ осенью 1930 года они обозначены очень конкретно: «В дореволюционное время город Псков являлся крупным торговым центром с купеческо-мещанским населением, до фанатизма религиозным. Последнее чувствуется и до сих пор. В период оккупации немецкими войсками, Балаховичем города Пскова и затем уходом их, значительная часть населения поддерживала белых, оказывала им всяческое содействие вплоть до активного участия в рядах банд Балаховича, с коим они также ушли за границу и впоследствии возвратились на жительство в город Псков»[2].

Налаживание взаимопонимания между органами правопорядка и лицами, замешенными в активном или пассивном противодействии той власти, которую они представляли, было чрезвычайно сложной задачей. Она

[1] ГАПО. Ф. 324. оп. 1 Д. 223. л. 33.
[2] ГАНИПО. Ф. 7. оп. 1. д. 54. л.19.

требовала от сотрудников милиции умения гибко сочетать методы административного убеждения и принуждения.

Другой насущной задачей во второй половине 1920-х годов являлось количественное и качественное укрепление рядов самой милиции, так как одним из серьезных препятствий для повышения ее профессионализма оставалась ранее сложившаяся схема финансирования правоохранительной деятельности за счет средств местных органов власти.

Дефицит местных бюджетов не позволял в достаточном объеме удовлетворить материальные потребности работников милиции, что крайне негативно отражалось на качестве их служебной деятельности. Должностные оклады в органах внутренних дел оставались очень скромными и были ниже средней заработной платы, как большинства квалифицированных рабочих, так и служащих других государственных учреждений. Финансирование милиции по остаточному принципу обуславливало, с одной стороны, сокращение ее штатов, а с другой – увеличение нагрузки и текучесть кадров, что, в свою очередь, плохо сказывалось на состоянии охраны правопорядка.

Неудовлетворительное обеспечение личного состава денежным и вещевым довольствием правительство пыталось компенсировать с помощью введения процентных надбавок за продолжительную добросовестную службу, премирования за раскрытие и пресечение наиболее опасных либо распространенных преступлений, освобождения строевого и оперативного состава от подоходного налога и т.п. Однако реальное улучшение ситуации в массовом порядке могло быть достигнуто только при наличии централизованного снабжения милиции всеми видами довольствия, вооружением, боеприпасами и обмундированием.

В октябре 1927 года вышло специальное постановление ВЦИК и СНК РСФСР, предусматривавшее увеличение минимальных ставок заработной платы милиционеров[1]. Одновременно с окладом была установлена надбавка к основному окладу за выслугу лет. Для сотрудников милиции и уголовного розыска имевшим 3-х летний стаж работы в органах она составляла 10 процентов, за 6 лет выслуги полагалось 20 процентов, за 9 лет – 30 процентов, за 12 лет и выше – 50 процентов[2].

Правда, реализовывать данное решение на практике должны были все те же местные советские органы, в распоряжении которых и находился личный состав милиции и уголовного розыска.

В свете указанного решения с 10 по 13 января 1928 года в Пскове прошло I-е окружное совещание представителей районных ревизионных комиссий РИКов при подотделе госфинконтроля Псковского окружного финансового отдела. На совещании, в частности, отмечалось, что «до сих пор еще

[1] История псковской милиции. С. 39.

[2] Халиуллина Л.Г. Летопись кадровых служб органов внутренних дел: «Личное дело». Исторический очерк/Под общ. ред. В.Ю. Попкова, Ф.К. Зиннурова. М., 2004. С.135.

обслуживание сельской местности милиционным составом недостаточно, благодаря чему развивались с каждым годом воровство, бандитизм, хулиганство, поножовщина» и т.п.[1].

Участники совещания предложили для улучшения существующего положения два неотложных мероприятия:

1) расширить штаты личного состава милиции;
2) увеличить заработную плату сотрудникам милиции.

Некоторое увеличение штатной численности и денежного содержания псковской милиции проводилось и раньше (см. таблицу 1). Однако оно всегда сдерживалось ограниченностью финансовых средств в местном бюджете.

Таблица 1

Динамика изменений штатной численности
и финансирования псковской милиции

	1924/25 год	1925/26 год	1926/27 год
Общая численность строевого состава милиционеров и агентов угрозыска	634 человека	761 человек	773 человека
Расходы на одного милиционера	-	444 руб.	495 руб.
Расходы на одного агента угрозыска	-	845 руб.	861 руб.

Таким образом, в конце 1920-х гг. на содержание одного патрульного милиционера в среднем отчислялся 41 руб. 40 коп. в месяц, а на одного оперативного работника уголовного розыска – 71 руб. 75 коп. В эту сумму входили, по-видимому, все расходы, связанные, в том числе, с приобретением обмундирования, снаряжения и т.п. Должностные оклады, которые выдавались на руки, зависели не только от занимаемой должности, но и от места службы. К 1930 году агенты уголовного розыска в пограничных районах получали оклад в размере 60 руб. (в остальных районах – 55 руб.), участковый милиционер – 50 руб. (в остальных районах – 45 руб.), младший сельский милиционер – 43 руб. (в остальных районах - 39 руб.)[2].

Однако, как показала практика, окончательно решить проблему денежного и вещевого довольствия личного состава можно было только при наличии отлаженной системы централизованного финансирования.

Осенью 1928 года приказом НКВД РСФСР № 190 от 6.11.1928 для сотрудников милиции и уголовного розыска вводится единообразная форма одежды. Нововведением являлся, в частности, зимний головной убор типа папахи из черного искусственного меха. При этом верх папахи у милиционеров наружной службы имел канты желтого цвета, а у работников УГРО

[1] ГАПО. Ф. 324. оп. 1. д. 53. л. 67.
[2] Там же. Ф. 324. оп. 5. д. 315. л. 18.

они были зеленого цвета[1]. В начале следующего 1929 года для всех работников НКВД устанавливается единая форма служебных удостоверений личности.

В принципе, необходимость преодоления «ополченческого» характера милицейских органов и увеличения доли специалистов в их составе понималась многими. Начальник окружного административного отдела Зимин не раз выступал с предложениями о совершенствовании организации псковской милиции в плане ее дальнейшей профессионализации и централизованного обеспечения правоохранительной деятельности на местах. Проекты поддержки органов милиции, выдвигаемые окружным административным отделом, встречали одобрение в президиуме окрисполкома. Вместе с тем их реализация на практике тормозилась ограниченностью финансовых ресурсов округа. Каждая дополнительная единица в штатном расписании сразу пробивала существенную брешь в местном бюджете. Так, введение в штат Бежаницкого районного адмотделения должности второго агента уголовного розыска решалось в августе 1928 года на уровне совещания председателей райисполкомов. При этом положительное решение по данному вопросу было принято лишь в связи со сложной криминальной обстановкой в районе. А вот централизованная заготовка снаряжения, обмундирования и гужевого транспорта для милиции тогда же была признана нецелесообразной[2].

Описанные выше трудности развертывались на фоне усложнявшихся служебных задач, которые дополнительно возлагались на милицию. В подчинение окрадмотдела переходили новые подразделения правоохранительной системы. Особенно ответственным было расширение обязанностей милиции в сфере исполнения судебных решений. В праздновании XI годовщины РКМ, например, приняли участие уже не только сотрудники милиции и уголовного розыска, но и на работники исправтруддома[3].

В связи с совместным распоряжением областного суда и управления милиции Ленинградской области за № 4/33 псковские милиционеры обязаны были с 1 февраля 1929 года взять на себя часть обязанностей судебных исполнителей. В развитие данного указания 25 января 1929 года псковским окружным судом и окружным административным отделом был издан циркуляр «О распределении обязанностей по исполнению судебных решений и приговоров между судисполнителями и милицией». Согласно ему местная милиция обязывалась принять к своему производству для последующего исполнения:

- во-первых, определения народных судов по гражданским и уголовным делам о наложении штрафов на участвовавших в процессе лиц (включая судебные издержки в порядке статьи 459 УПК РСФСР);

---

[1] Токарь Л.Н. Советская милиция. 1918-1991. СПб., 1995. С. 30.

[2] ГАПО. Ф. 324. оп. 1. д. 53. л. 252.

[3] Там же. Д. 134. л. 52.

- во-вторых, постановления следственных органов о принятии мер против сокрытия имущества лицами, обвинявшимися в совершении преступлений, за которые в качестве санкции могло быть назначено наказание в виде конфискации имущества (согласно статье 121-а УПК РФСР);
- в-третьих, постановления о принятии мер к обеспечению заявленных гражданских исков;
- в-четвертых, решения земельных комиссий и третейских судов;
- в-пятых, судебные приказы, а так же исполнительные листы народных судов, райисполкомов и нотариусов по взысканию в пользу сельскохозяйственных кредитных товариществ ссуд и других задолженностей[1].

При проведении вышеперечисленных взысканий органам милиции следовало руководствоваться инструкцией, изложенной в приказе уполномоченного НКВД РСФСР по Ленинградской области от 16 сентября 1927 года за № 26/XVIII.

Взыскание ссуд в пользу сельскохозяйственных товариществ производилось милицией самостоятельно, в общем, для исполнения судебных решений по гражданским делам, порядке. При необходимости такого рода взыскания могли осуществляться с участием представителей товарищества. Данная процедура допускала элементы хозрасчетных отношений между милицией и ее клиентами. Начальникам районных административных отделений разрешалось получать от сельскохозяйственных товариществ авансы для покрытия расходов, связанных с осуществлением взысканий, которые затем возвращались из взысканных средств. Подобные исполнительные предписания милиция принимала от кредитных товариществ без каких-либо ограничений и без специального поручения суда.

Основу псковской милиции в этот период составляли штатные сотрудники, прием которых на службу регламентировался ведомственными приказами Главного управления милиции и Центрального административного управления НКВД (Пр. ГУМ № 139 – 1923 г., Пр. ГУМ № 204 – 1923 г., Пр. ЦАУ № 79 – 1926 г.). Согласно ведомственным нормативным актам к кандидатам на службу в милицию предъявлялся ряд стандартных требований:
- возраст не менее 21 года;
- наличие избирательных прав;
- отсутствие противопоказаний по здоровью;
- безупречное поведение;
- отсутствие судимостей;
- грамотность и достаточный уровень политической подготовки[2].

Лицам, которые отвечали вышеизложенным требованиям, назначался испытательный срок. После его истечения будущие сотрудники давали подписку с обязательством прослужить в милиции не меньше одного года (за

[1] ГАПО. Ф. 324. оп. 1. Л. 159.
[2] ГАПО. Ф. Р-755. оп. 1. д.10. л. 6.

исключением случаев дискредитирования власти). Далее служебные взаимоотношения между ними определялись дисциплинарными нормами.

Процедура зачисления на службу дополнялась приказом Окружного административного отдела № 5 от 7 октября 1927 года. Согласно § 3 данного приказа младший начсостав псковской милиции проходил приемные испытания в комиссиях районных адмотделений и утверждался начальником окрадмотдела. В состав этой категории сотрудников входили: квартальные надзиратели, старшие милиционеры государственной и ведомственной милиции, старшие милиционеры и агенты уголовного розыска районных адмотделений. Зачисление среднего начсостава милиции проводилось окружной приемно-испытательной комиссией. Через нее проходили кандидаты на следующие должности: начальники районных административных отделений и городской милиции, их заместители, агенты подотдела уголовного розыска окружного административного отдела[1]. Аналогичная процедура, только на областном уровне, использовалась при назначении старшего начальствующего состава милиции.

Зайцева Екатерина Сергеевна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
права и государства Омская академия
МВД России

ПРЕДЕЛЫ СФЕРЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Проблема пределов правового регулирования длительное время привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей. Тем не менее, многие ее аспекты не нашли окончательного разрешения и нуждаются в дальнейшем осмыслении.

Определение пределов правового регулирования невозможно без обращения к понятиям «сфера правового регулирования» и «предмет правового регулирования». В свою очередь, в научной литературе можно найти примеры где понятия «предмет правового регулирования» и «сфера правового регулирования» рассматриваются как синонимы[2], так и те где эти понятия разводятся[3], что усложняет понимание того о каких пределах в той

[1] ГАПО. Ф. Р-755. оп. 1. д.10. л. 6.

[2] Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1996. С. 51-52.

[3] Лазарев В.В. Определение сферы правового регулирования // Правоведение.1980. № 5. С. 66.

или иной ситуации идет речь. На наш взгляд, понятие сфера правового регулирования необходимо отличать от понятия «предмет правового регулирования».

Понятие «сфера правового регулирования» наиболее обстоятельно проанализировано профессором В.В. Лазаревым. По его мнению, сфера правового регулирования – это «совокупность отношений, складывающихся между людьми, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые объективно могут и с точки зрения современных задач государства должны быть или уже подвергнуты правовой регламентации»[1]. Как видим в сферу правового регулирования включаются как отношения, которые могут и должны быть подвергнуты правовой регламентации, так и те, которые уже подвергнуты правовой регламентации. В дальнейшем указанное определение уточняется при классификации событий, обстоятельств, действий и связей в их отношении к праву, в соответствии с которой В.В. Лазарев включает в сферу правового регулирования два вида общественных отношений: те, которые могут, должны и урегулированы, и те, которые могут, должны, но не урегулированы[2].

Это уточнение имеет существенное значение, поскольку исходя из определения, в сферу правового регулирования входят общественные отношения, которые объективно нуждаются в правовом регулирования или уже подвергнуты правовой регламентации. При этом не учитывается, что те отношения, которые уже подвергнуты правовой регламентации, могут в ней и не нуждаться, а соответственно не входить в сферу правового регулирования. Неслучайно определяя два вида общественных отношений, входящих в сферу правового регулирования В.В. Лазарев рассматривает их в совокупности трех основных составляющих *могут*, *должны* и *урегулированы*. Если же характеристики *должны* и *урегулированы* рассматривать не в совокупности, а самостоятельно, как это делается при формулировки определения, выпадает важный аспект, связанный с отношениями которые не должны, но, тем не менее, подвергнуты правовой регламентации. Более того в процессе дальнейших рассуждений В.В. Лазарев также отмечает что не все отношения, которые подвергнуты законодательной регламентации, автоматически включаются в сферу правового регулирования, в связи с возможными «ошибками законодателя», отсутствием оперативности в отмене устаревших актов и пр.[3].

В свою очередь, характеристика *могут,* на наш взгляд является избыточной, поскольку гипотетически правом можно урегулировать любые общественные отношения. Но следует различать возможность абстрактную (формальную) и реальную. Для того чтобы при регулировании обществен-

[1] Лазарев В.В. Указ. соч. С. 65.
[2] Там же.
[3] Там же.

ного поведения при помощи права возможность могла перейти в действительность, необходимо ориентироваться на реальную возможность, превращающуюся в необходимость[1].

Итак, понятие «сфера правового регулирования» как категория отражающая должное, представляет собой совокупность отношений, складывающихся между людьми, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые объективно должны быть подвергнуты правовой регламентации. Именно сфера правового регулирования выступает той идеальной моделью на которую должны ориентироваться субъекты правотворчества, подвергая те или иные общественные отношения правовому регулирования и тем самым определяя его предмет. Сфера правового регулирования обусловлена свойствами общественных отношений, имеющих правовую природу. Эти свойства и являются критериями установления пределов сферы правового регулирования.

Предмет правового регулирования – это совокупность отношений, складывающихся между людьми, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые уже подвергнуты правовой регламентации. Различение понятий предмет правового регулирования и сфера правового регулирования обуславливает потребность в различении понятий пределы сферы правового регулирования как категории, отражающей «должное», и пределы предмета правового регулирования как категории, отражающей «сущее». В противном случае, получится, что субъекты правотворчества, отражая действительность в нормативных правовых актах, всегда безошибочно определяют пределы сферы правового регулирования. В то же время анализ современного российского законодательства показывает, что реальные границы правового регулирования, установленные субъектами правотворчества, как правило, не соответствуют этим пределам. При этом возможны ситуации как их сужения, выражающиеся в наличии пробелов, так и неоправданного расширения, когда правовое регулирование приобретает избыточный характер.

Таким образом, пределы сферы правового регулирования – это обусловленные объективными факторами границы, в рамках которых должно осуществляться правовое регулирование общественных отношений.

[1] Быстржина И. Лакатош М. Некоторые вопросы правового регулирования в социалистическом обществе // Советское государство и права. 1964. № 2. С. 18

Курдюк Галина Петровна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории
права и государства Краснодарского
университета МВД России

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

К одним из проблемных вопросов теории права справедливо относят вопросы правовой регламентации финансового контроля в России. Дело в том, что категория контроля, в том числе и финансового, затрагивает практически все сферы жизнедеятельности человека. Трудно представить себе процессы управления обществом без контроля. Процессы же организации финансового контроля выступают неотъемлемой частью системы управления общественными финансами[1]. Категория контроля достаточно точно определяет пределы дозволенного и выступает сдерживающим фактором для общества. При этом качественный контроль можно считать одним из факторов эффективности управления обществом.

Финансовый контроль – это урегулированная нормами права деятельность органов и организаций, цель которой – обеспечение финансовой, бюджетной, кредитной, расчетной и кассовой дисциплины в процессе выполнения планов и выражающаяся в проверке законности, обоснованности, рациональности денежных затрат[2]. Он является одним из основных действенных правовых средств обеспечения дисциплины и законности в сфере финансов. Однако финансовый контроль не функционален без должного правового обеспечения, которое в России выражено множеством нормативных правовых актов, причем как федерального, так и регионального, и муниципального, и локального характера. Традиционно к основным документам, регламентирующим вопросы финансового контроля, относят: Конституцию РФ, Бюджетный кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, Федеральные законы «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов РФ и муниципальных образований», «О Счетной палате Российской Федерации». Что касается остальных правовых актов, то их перечень достаточно обширен и разрознен, что подчас порождает коллизии в вопросах понимания финансового контроля и процессах его реализации. При этом данные проблемы присущи практически всем видам финансового контроля.

---

[1] См.: Лимская Декларация руководящих принципов контроля // http://www.ach.gov.ru/pdf/declaration/Лимская%20декларация%20руководщих%20принципов%20контроля.pdf

[2] Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы: монография / Л.Л. Арзуманова, О.В. Болтинова, О. Ю. Бубнова [и др.]; отв. ред. Е. Ю. Грачева. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2013. – 384 с.

Так например, в монографии «Региональное финансовое право» указывается, что «процедурные моменты, связанные с осуществлением бюджетного контроля, не получили должного правового обеспечения как на федеральном, так и на региональном уровне, что часто делает процесс осуществления контрольных мероприятий непонятным для участников контрольных отношений и значительно влияет на результат их проведения»[1].

Данные проблемы, уже на протяжении многих лет, связывают с отсутствием единого нормативного правового акта, регулирующего вопросы финансового контроля, который четко определил бы дефиницию финансового контроля и процедуру его реализации, положив конец спорам о сущности финансового контроля, его значении и процессе осуществления. Следует отметить, что еще в 2005 году был разработан модельный закон «О государственном финансовом контроле», который «устанавливал единые правовые и методологические основы осуществления государственного финансового контроля на территории государства, систему органов государственного финансового контроля и механизм их взаимодействия» [2]. Однако данный закон так до сих пор и не был принят.

Кроме того проблемы правового регулирования обусловлены сложным строением предмета отрасли финансового права. Природа финансового права уникальна. Несмотря на ее раннюю историю формирования и традиционность представления, наличие конкретного, казалось бы достаточно простого, предмета правового регулирования, строение данной отрасли своеобразно, так как затрагивает общественные отношения во всех сферах жизни общества.

Также на вопросы правовой регламентации влияет множественность субъектов, реализующих финансовый контроль. Контрольные функции в сфере финансов реализуют как государственные органы, так и негосударственные организации. При этом среди государственных органов контрольными функциями, а также правом принятия правовых актов, определяющих процедуру контроля, обладают как органы законодательной, так и исполнительной власти.

Кроме того многоуровневость системы правового регулирования в сфере финансового контроля с одной стороны позволяет конкретизировать процедуру контроля для конкретной структуры, локальной, муниципальной, региональной или федеральной, с учетом разграничения полномочий, а с другой порождает возможность коллизий.

---

[1] Региональное финансовое право: Монография /отв. ред. И.Б. Лагутин. М.: Юстицинформ, 2017 // СПС КонсультантПлюс.

[2] См.: О государственном финансовом контроле: Модельный закон // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2005. № 35 (ч.2). С. 183 // http://iacis.ru/documents/?PAGEN_1=3

Однако, несмотря на достаточное количество проблем в сфере правового регулирования вопросов финансового контроля следует констатировать, что финансовый контроль это универсальная правовая категория присущая всем субъектам права. Поэтому правовая регламентация вопросов финансового контроля должна осуществляться с учетом принципов системности и унификации понятия финансового контроля, его структурных элементов и процесса его реализации. Применение данных принципов позволит устранить коллизионность и пробельность в сфере финансового контроля.

Миронова Оксана Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин
Крымского филиала Краснодарского
университета МВД России

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Образование - основа развития личности, общества, нации и государства, залог будущего страны. Оно является определяющим фактором политической, социально-экономической, культурной и научной жизнедеятельности общества. Образование воспроизводит и наращивает интеллектуальный, духовный и экономический потенциал общества, является стратегическим ресурсом улучшения благосостояния людей, обеспечения национальных интересов, укрепления авторитета и конкурентоспособности государства на международной арене.

Необходимость образования неразрывно связано с зарождением государства. В III тыс. до н. э. в Египте и Месопотамии были открыты первые учреждения для обучения детей письму. Точное время появления первого ВУЗа не известно. Греческие историки первым называют Константинопольский университет, а составители «Книги рекордов Гиннесса» — марокканский университет Аль-Карауин. Сегодня за звание старейшего университета борются Болонский и Парижский, основанные в 1088 и 1215 годах соответственно.

Важное место в истории образования занимает чешский педагог Ян Коменский (1592-1670). Ему приписывают множество нововведений в системе образования, которые актуальны до сих пор: вместо индивидуального обучения — классы, учебники, приближенные к современному образцу, начало обучения с 6-7 лет и другие. Учитель, по его мнению, должен владеть

педагогическим мастерством и любить свое дело, пробуждать самостоятельную мысль учащихся, готовить из них деятельных людей, заботящихся о всеобщем благе[1].

В XXI веке образование играет исключительную роль в развитии государств. Не исключением стала и Россия.

В своем послании к Федеральному собранию Президент Российской Федерации отметил необходимость изменения самого подхода к образованию, а также и то, «…что в эпоху глобализации и новых технологий, образование – это не просто социальная сфера, это – вложение средств в будущее страны, в котором участвуют государство и общество, предприятия, организации, граждане – все заинтересованные в качественном образовании»[2].

Изменение отношения государства и общества к образованию должно выразиться в конкретных шагах: в увеличении объемов его финансовой поддержки, в особой заботе о работниках образования, в создании условий для использования интеллектуального потенциала образованных людей и формировании общественного мнения о ценности образования.

В современном мире увеличивается значение образования как важнейшего условия формирования развитого общества. Образование является фундаментом постиндустриального, информационного общества. Сегодня оно – важнейшее средство и ресурс преодоления технического отставания государства, которое в свою очередь сказывается на снижении безопасности, экономических возможностях страны и как крайняя точка-потеря суверенитета. Техническое отставание неизбежно ведет к ослаблению государства, к потере обществом жизнеспособности и энергии развития.

Роль и позицию государства в современном мире определяют не только природные ресурсы и производственные мощности, а прежде всего люди и условия, созданные государством для их развития, самореализации и творчества каждого человека.

При рассмотрении тенденций развития образования большое внимание сегодня уделяется роли педагога. На встрече с работниками образования Президент России Владимир Путин сказал, что «…ответственно, и сильно тяжело с ребятишками, но очень интересно чувствовать, как под силой вашего интеллекта и силой вашей воли формируется человек». Он подчеркнул, что для педагога важно ориентироваться в огромном информационном потоке и «уметь правильно подсказать молодому человеку, что является

[1] Эволюция системы образования (8 моментов в истории, которые изменили подход к обучению) [Электронный ресурс] URL.: https://mel.fm/istoriya_obrazovaniya/5283674-history. дата обращения 01.05.2018

[2] Послание Президента РФ к Федеральному собранию 01 марта 2018 г.-[Электронный ресурс]-URL.: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957 - дата обращения 01 марта 2018 г.

настоящими ценностями, а что является пеной какой-то, на которую внимания обращать не стоит»[1].

Советский педагог Василий Александрович Сухомлинский акцентировал внимание на том, что важнейшим условием духовного роста педагога- является прежде всего время- его свободное время. Он говорил: «Пора понять, что чем меньше у педагога свободного времени, чем больше он загружен всевозможными планами, отчетами, заседаниями, тем больше опустошается его духовный мир, тем скорее наступит та фаза его жизни, когда учителю уже нечего будет отдавать воспитанникам… Педагогическое творчество – сложный труд, требующий огромной затраты сил, и, если силы не будут восстанавливаться, педагог выдохнется и не сможет работать»[2].

Сегодня, преподаватель перестал быть обычным источником передачи информации. В связи с развитием телекоммуникационных технологий к нему предъявляются повышенные требования. Соответственно у педагога должна быть возможность для своевременного повышения своей квалификации, духовного и профессионального роста. Важно помнить, что педагог не имеющий возможности творчески развиваться, соответственно готовит и нетворческих учеников. Всем давно известно, что от качества образования зависит качество гражданина.

Приоритетными направлениями государственной политики в области развития образования на сегодня являются:

· Личностная ориентация высшего образования;

· Формирование национальных и общечеловеческих ценностей;

· Постоянное повышение качества образования;

· Внедрение образовательных инноваций и информационных технологий;

· Повышение социального статуса и профессионализма работников образования;

· Развитие образования как открытой государственно-общественной системы;

· Интеграция отечественного высшего образования к мировым пространствам.

Таким образом, можно сделать вывод, что:

- образование – это важнейший фактор укрепления демократического общества и правового государства;

---

[1] Встреча с победителями всероссийского конкурса «Учитель года России – 2016» - [Электронный ресурс]- URL.: http://www.kremlin.ru/events/president/news/53031 - дата обращения 03.05.2018.

[2] Фразы известных педагогов.- [Электронный ресурс]- URL.: http://semideluhi.com/frazy-izvestnyx-pedagogov.html - дата обращения 03.05.2018.

- образование способствует укреплению национальной безопасности, экологической безопасности, укрепляет экономическую безопасность и военно-технический потенциал государства.

Неоспоримым является тот факт, что благосостояние нации определяет исключительно ее интеллектуальный потенциал, а состояние государства – это одновременно и причина, и следствие работы системы образования.

Мурадян Манук Оганесович, кандидат юридических наук, доцент,
начальник юридического факультета
Академии образовательного комплекса полиции Республики Армения

ТЕРМИН «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫМ ПРАВОМ» В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

О методологии исследования. Для полного понимания сущности институтов права, необходимо, в отдельных случаях, подвергнуть их этимологическому анализу. Понятие «злоупотребление субъективным правом» не является исключением, что приводит к возникновению в правовой плоскости множества противоречащих дискуссий. Такой методологический подход обусловлен возможным несоответствием терминологии, используемой юристами, истинному содержанию данного понятия. То, что по сей день в отношении данной проблемы существуют разные мнения, более того, множество ученых вообще отрицают необходимость института злоупотребления субъективным правом[1], также является результатом различных подходов к терминологической определенности. Вышеизложенная позиция касается рассматриваемого института как ненужного не только с точки зрения права, но так же и с точки зрения недопустимости или нецелесообразности одновременного использования понятий «субъективное право» и «злоупотребление».

Некоторые авторы, принимая правовое значение рассматриваемого института, высказываются против общепринятого терминологического применения данной проблемы (т.е. злоупотребления субъективным правом). Подобные высказывания обосновываются тем, что применение таких понятий, как «добро» и «зло», имеющих морально-этическое и философ-

[1] См. Малиновский А А. Злоупотребление правом: теоретические аспекты//Журнал российского права 1998. №7. С.70. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве//Известия АН СССР. Отделение экономики и права 1946. №6. С. 427.

ское значения, выводит исследование данной проблемы за пределы правовых рамок, вследствие чего формируются представления о неюридической сущности данной проблемы[1]. Так, например, Э. А.Гатаулин, говоря о злоупотреблении правом, применял понятие «маргинальная юриспруденция»[2]. Здесь необходимо отметить мнение И. А. Покровского, который справедливо отмечал, что развитие науки о праве необходимо рассматривать с позиций морального и философского анализа, что, по его мнению, неоднократно упоминалось разными авторами[3].

По нашему мнению, целесообразнее сначала оценить терминологическую неопределенность вокруг термина «злоупотребление субъективным правом» путем самостоятельного исследования понятий «субъективное право» и «злоупотребление», а уже потом оценивать возможности их одновременного применения. Другими словами, возникает вопрос: нужно ли перегружать понятие «субъективное право» термином «злоупотребление». Подобный методический подход, по нашему мнению, даст возможность понять, имеют ли под собой серьезные основания спорные позиции касательно того, что, в языковом смысле, одновременное использование терминов «субъективное право» и «злоупотребление» нецелесообразно. И правда ли, что действительно существует необходимость в новых терминологических поисках, которые можно будет считать оправданными только в том случае, если будет обосновано, что существующее понятие не достаточно для понятия и представления сути проблемы. В противном случае, может сформироваться представление, что мы имеем дело не с уточнением вопроса права, а с «игрой слов», которая, в свою очередь, может еще больше осложнить и без того достаточно относительный и спорный институт.

Подобный методический подход не означает необходимости владения юристом глубокими познаниями в языковой области. Тут очень важно отметить позицию Э. Канта касательно того, что, если мы не можем высказываться, анализировать, оценивать понятия, то мы не можем их сделать понятными ни для нас, ни для других. Если подобную позицию оценивать глазами юриста, тогда очевидно, что речь в ней идет о восприятии языкового смысла юридических понятий, имеющиеся в которых пробелы могут существенно навредить результативности исследования[4].

Языковой компонент исследования (1) и о жизнеспособности термина «злоупотребление субъективным правом» (2).

(1) То, что в отечественной юридической литературе и, в отдельных случаях, на позитивном уровне термины «злоупотребление субъективным

---

[1] Аболонин В. О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии. Монография. изд. Wolters Kluwer 2009, С. 56-57.

[2] См. Гатауллин Э.А. Маргинальная юриспруденция. Постановка проблемы на примере манипуляций с подсудностью// Корпоративные споры. №А. 2005.

[3] Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 354.

[4] Катков В.Д. К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков, 1903. С. 72.

правом» и «запрет на злоупотребление» взяты из западных доктринальных и положительных (позитивных) источников, не вызывает сомнений. Обсуждаемый термин широко используется в правовых системах разных западных государств. В частности, в англо-саксонской правовой системе он используется термин abuse of right, misuse of right[1], а в государствах романо-германский правовой системы обсуждаемое понятие представляется с учитом языковых особенностей данного государства, используя терминами Rechtsmissbrauch (немецкий)[2], abus du droit[3], abuso del derecho[4], abuso de

[1] H. Lauterpacht, The Function of Law in the International Community (Hamden, Conn.: Archon Books, 1966) at 286 [hereinafter Lauterpacht, Function of Law] (эл. ресурс https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.am/&httpsredir=1&article=5574&context=faculty_scholarship (20.11.17)).

[2] См. подробнее http://www.interglot.com/dictionary/de/en/translate/Rechtsmissbrauch (20.11.17)

[3] Перевод с французского, означает реализацию такого права, в результате которого нарушаются права других. https://www.dictionnaire-juridique.com/definition/abus.php` (20.11.17): Примечательно, что в юридической литературе главным источником возникновения идеи злоупотребления субъективным правом считается французская Декларация Прав человека. В частности, ст. 4 и ст. 5, провозглашают идею субъективного права на общую свободу, которая в современных конституциях более известна как право человека свободу действия (ст. 39 Конституции РА) или право личности на свободу развития (ч. 1 ст. 2 Основного закона Германии, ст.19 Конституции Эстонии). Ситаем, что конституционное право на общую свободу, имея антипозитивистическое содержание, по сути рассматривается, как норма-принцип запрета на о злоупотребление субъективным правом. Если абстрагироваться от мысли, что корни института происходят от римского права (а конкретно в рамках казуальных случаев), тогда имеет место нопровержимое доказательство того, что такой институт как «злоупотребление субъективным правом» впервые был использован в трудах бельгийского юриста Ф. Лорана. См. в Albuquerque P. Responsabilidade Processual por Litigancia de Ma Fe, Abuso de Direito e Responsabilidade Civil em Virtude de Actos Praticados no Processo. Coimbra,2006. P.82. Согласно бытующим в юридической литературе мнениям обсуждаемый термин имеет немецкое происхождение (Уложение Прусской земли 1796 года, нормы которого определяли санкции за намеренное приченение вреда лицу в реализации его прав. После этого, подобный подход укоренился в 1896 году во всегерманском гражданском Уложении, с которым связывается термин «шикана» как самостоятельный вид злоупотребления субъективным правом. См. подробнее Матанцев Д. А. Категория злоупотребления правом в гражданском и семейном законодательстве и доктрине российской федерации. авт. дисс. … канд. юр. наук. М. 2012. С. 12.

[4] В языковом смысле эквивалентое содержание дается также в испанских юридических энциклопедиях. В частности, в правовой системе Испании под обсуждаемым термином принято понимать искажение цели реализуемого права со стороны носителя права. Говорится, что в данном случае существенно сохранять границы добросовестности http://www.enciclopedia-juridica.biz14.com/d/abuso-del-derecho/abuso-del-derecho.htm` (20.11.17).

direito, abuso di diritto, злоупотребление субъективным правом (соответственно французский, испанский, португальский, итальянский, русский). Если попробовать подвергнуть простому терминологическому анализу сущность вышеупомянутых словосочетаний, и учитывая то обстоятельство, что в под существительным имеется ввиду субъективное право[1], которое имеет своего потенциального носителя (физические и юридические лица)[2], то несложно заметить, что независимо от национально-языковых особенностей, мы имеем дело с механизмом, который характеризуется тем, что носитель субъективного права «что-то» делает с принадлежащим ему правом, а более конкретно – злоупотребляет. В этом смысле, на наш взгляд, можно считать удачной оценку обсуждаемой проблемы, данную В.О. Оболининым, который считает, что в случае злоупотребления субъективным правом мы имеем дело с таким институтом, в плане которого есть наличие насилия над правом – в смысле искажения сути последнего, и таким действием, которое, по сути противоречит воле законодателя[3].

Объяснения языкового содержания термина «злоупотребление» можно встретить во многих толковых словарях. В юридической литературе эталонным принято считать имеющееся в толковом словаре определение В.И. Даля, в котором рассматриваемое слово определяется, как употребление во зло, на худое дело, ко вреду, во вред себе или другому, извращать, обращать хорошее средство на худое дело[4]. Эквивалентные определения встречаются так же в армяноязычных толковых словарях[5]. В армяноязычных (западноармянских) неюридических словарях можно встретить так же попытки представить рассматриваемый термин в плане юридической терминологии . В частности, в некоторых из них, под термином «злоупотребление» наряду с другими объяснительными отзывами, имеет место понятие

[1] Что касается характеристики «субъективного права», то считаем приемлемым подход, согласно которому субъективное право требует от адресатов определенного поведения, с целью создания для носителей субъективного права благоприятных условий. (См. Михаел Загс. Основы общего учения об основных правах. Субъективные общественные права в административном праве./ Ер.; изд. Тигран Мец, 2012, ст. 22). См. подробнее Maurer, Allgenmeines Verwaltungsrecht, S.164, М. Мурадян. Вопросы теории прав человека/ М. Мурадян. – Ер.; И/П Арман Асмангулян 2016 (часть 1-я), С. 26.

[2] Мурадян М. Вопросы теории прав человека/ М. Мурадян. – Ер.; И/П Арман Асмангулян 2016 (часть 1-я), С. 54.

[3] Аболонин В. О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии. Монография. изд. Wolters Kluwer 2009, С. 56-57.

[4] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1989. Т. 1. С. 685.

[5] Малхасеанц С. Армянский толковый словарь. Гос. Издат. Армянская ССР, Ереван, 1945; Том 4. С. 14.

«действия, противоречащие закону»[1]. Следует заметить, что в заключительной части толкования на западноармянском упоминается термин «ваша честность использована, злоупотреблена». Характерно, что в современном толковом словаре армянского языка вторичное значение термина «злоупотребление», «злоупотреблять» объясняется словом «корысть»[2]. В результате анализа приведенных формулировок можно констатировать, что авторы имеют в виду именно злоупотребление правом, поскольку в данных определениях речь идет о запрете на злоупотребление субъективным правом, как условии для необходимости проявления добросовестного поведения, о преследовании корыстных целей и т.д.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что носитель субъективного права имеет положительное преимущество, и это преимущество он использует для злой цели. В свете обсуждаемой проблемы с точки зрения юридического мышления получается, что по словарной терминологии: имеющий “выгодное побуждение”, то есть носитель субъективного права, эту положительную ценность (субъективное право) использует против цели и сути права. Считаем, что если чем-то злоупотребляют, то оно должно быть положительной ценностью. Негативный подтекст термина «злоупотребление» предполагает, что подобному «влиянию» может подвергнуться единица, имеющая положительную энергию[3] (субъективное право). А говорить об использовании так называемой «неположительной ценности» в отрицательных целях нелепо.

С учетом языковых определений обсуждаемого института, можно констатировать, что слово «злоупотреблять» самостоятельно не может оцениваться как правовая категория. Оно получает свою содержательную суть только в сочетании с тем или иным правовым термином. Например, такие понятия, как интересующее нас «субъективное право» или даже, абстрагируясь от предмета исследования данной работы, «публично-правовое полномочие». По мнению О.А. Поратиковой, несмотря на то, что понятия «добро» и «зло» необходимо раскрыть со стороны языкового и философского толкования, нельзя забывать, что в любом случае приоритетной целью является освещение конкретного правового термина - «злоупотребление субъективного права»[4].

---

[1] Архиепископ Гнел Черчерян, Парамаз К. Тоникян и Арташес Тер-Хачатурян; Новый словарь Армянского языка., изд. К Тоникян и сыновя, Бейрут 1992.; С. 613-614.

[2] Институт им. Грачя Ачаряна; Толковый словарь современного армянского языка; изд. Академии Наук Армянской ССР, Ереван 1980; Том 4, С. 129.

[3] Цыбулевская О.И. Моральный аспект злоупотребления правом // Актуальные вопросы частного права: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Ю.С. Поваров, В.Д. Рузанова. Самара, 2004. С. 266. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. - "Волтерс Клувер", 2008 г. С. 70.

[4] Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. - "Волтерс Клувер", 2008 г. С. 70.

В общем, разделяя мнение автора, мы считаем неудовлетворительными обоснования, согласно которым, рассмотрение проблемы в свете понятий «добро» и «зло», выводит его из правового поля. Анализ перечисленных философских терминов, является всего лишь способом для понимания сути интересующего нас правового термина. Более того, сегодня трудно найти правовой термин, имеющий подобный сложный состав, которой не нуждался бы в необходимости разъяснения с философской точки зрения. К месту подчеркнуть наблюдение О.Э. Лейста, согласно которому для понимания сути права недостаточно ни практической юриспруденции, ни общей теории права: оно при необходимости должно оцениваться также и за пределами права[1].

(2) Как мы уже заметили, по одному из имеющихся в юридической литературе мнению, понятие «злоупотребление субъективным правом» (в качестве примера приводится франкоязычный термин «abuse de droit») необходимо переименовать, обосновывая эту необходимость тем аргументом, что для указанного франкоязычного термина основой явился латинский термин «abusus», который, по мнению автора, в действительности является термином «ab-usus», не имеющим ничего общего с употребляющимся в научной и на позитивной платформе содержанием термина «злоупотребление субъективным правом»[2]. Примечательно, что автор связывает термин «ab-usus» с латиноязычными понятиями «usus» и «fructus». Следует заметить, что исследование латиноязычных словарей показывает, одновременно самостоятельно существовали понятия «abusus», «usus» и «fructus», которые имели относительно самостоятельное содержание. В частности, термин «abusus» в латинском использовался в двух значениях - «злоупотребление» (от которого римском частном праве произошла такая формулировка как abusus non tollit usum – «злоупотребление не ликвидирует правильное использование») и «потребление, расходы, расточительство»[3]. Если предположить, что подчеркивая связь понятий «usus» и «fructus», автор имел в виду не «злоупотребление», а понятие «потребление, расходы, расточительство», тогда непонятным становится ответ на вопрос, почему ученые, которые считали термин «abusus» образцом современного понятия «злоупотребление», не могли бы выбрать в качестве основания именно понятие «злоупотребление». Примечательно, что римские юристы считали основным видом собственности частную, которая дает соответствующему компетенту право свободы распоряжаться своей собственностью любым способом. Правовая мысль XII века систематизировала вышеизложенную

[1] Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, 2008.С. 4.

[2] Аболонин В. О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии. Монография. изд. Wolters Kluwer 2009, С. 55.

[3] Смотри подробнее http://linguaeterna.com/vocabula/list.php?letter=A(http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=265), https://ru.wiktionary.org/wiki/abusus (22.11.17).

формулировку, представив ее в виде 3-х основных форм: «usus» (делегирование права пользования имуществом), «fructus» (делегирование права пользования плодами, фруктами) и «abusus» (злоупотребление имеющимся правом пользования плодами и (или) имуществом)[1]. Стараясь не отклоняться от предмета исследования, заметим, что даже если мы примем позицию автора, то адресаты «usus»-а и «fructus»-а (узуария и фруктария) практически могли злоупотреблять своими правами, используя чужое имущество не по назначению, за что даже могла быть приостановлена возможность дальнейшего пользования перечисленными правами. Отсюда вывод: термин «abusus», как злоупотребление чем-то, связанный с понятиями «usus» и «fructus», не является результатом неправильного преемствования и в современном смысле для выяснения языковых корней, целесообразнее использование термина «злоупотребление субъективным правом».

Более того, прогресс любого социального явления предполагает также определенное изменение его вида и содержания, такое обстоятельство недостаточно, чтобы говорить о непригодности и необходимости изменения принятого термина. Так, обсуждаемый институт, берущий свое начало в немецкой правовой системе, расширил свое содержание во франко-бельгийской правовой доктрине. А вот российская дореволюционная доктрина, имея четкое представление об институте «шикана», развивалось в условиях отсутствия термина «злоупотребление субъективного права» (по сути, ощущая на себе воздействие немецкой доктрины). В исламской правовой системе проблема представлялась в свете эквивалентности интереса (выгоды) и вреда, в случае которого вред получает преимущество над выгодой[2]. То, что злоупотребление в целом, а злоупотребление субъективным правом в частности, является субъективной категорией, считаем бесспорным, поскольку оно соприкасается с такими понятиями, как интерес, выгода, вред, которые должны принадлежать «кому-то».

Как уже отмечалось, для полного раскрытия обсуждаемого института, отдельные авторы предлагают заменить его спорным термином «маргинальная юриспруденция». Во-первых, подобный терминологический подход (Э.А. Гатауллин) связывается с единичным случаем злоупотребления субъективным правом – со злоупотреблением правом судебной подсудности, для раскрытия чего предлагается формулировка «маргинальная юриспруденция», под которой понимается множество практических навыков, которые используются одним субъектом по отношению к другому, с целью получения преимущества, которое формально соответствует специальным нормам

[1] Гребер, Дэвид Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 204. Էլ ռեսուրս file:///C:/Users/Manuk/Downloads/Dolg_Pervye_5000_Let_Istorii_devid_Greber_2015.pdf (27.11.17).

[2] См. подробнее Матанцев Д. А. Категория злоупотребления правом в гражданском и семейном законодательстве и доктрине российской федерации. авт. дисс. … канд. юр. наук. М. 2012. С. 12.

права, но противоречит общей норме или общему принципу[1]. Непонятна пригодность термина «маргинальный», когда речь идет о таком правовом поведении, как злоупотребление субъективным правом, учитивая тот факт, что маргинальность целесообразно связывать с правомерным поведением. Маргинальное поведение, как вид самостоятельного правомерного поведения (граничащий, находящийся близко к границе) основан на чувстве страха перед наказанием. Фактически, угроза принуждения может привести действия лиц, имеющих искажённые поведенческие позиции, в соответствие с нормами[2]. Действия лица в данном случае не могут не соответствовать целям закона, поскольку его действия в результате будут правомерным. Лицо может совершить правонарушение, если уверено в безнаказанности, но действует правомерно перед страхом неизбежного наказания. Иначе говоря, использование термина «маргинальный», не может каким-либо образом способствовать характеристике случаев злоупотребления субъективным правом. Более того, использование подобного термина может привести к неразберихе, если уделить внимание использующимся в юридической литературе непонятным толкованиям понятия «маргинальный»[3].

Согласно одному из имеющихся в юридической литературе мнению, понятие «злоупотребление правом» не отражает реального положения вещей, поскольку мы имеем дело с понятиями, противоречащими друг другу, и реализация права не может быть противоправна, а следовательно - злоупотребляться[4].

То, что реализация права не может быть противоправной не вызывает сомнений, поскольку «противоправность» является подходящей терминологией в случае правонарушения. Однако непонятен подход отдельных групп ученых, которые связывают термин «противоправность», прямо с правонарушением, также со злоупотреблением субъективным правом. По нашему мнению, причина кроется в имеющейся концептуальной разнице между подходами к данной проблеме. Более того, как мы видим, авторы широко используют термин «злоупотребление правом», что например, в случае

---

[1] См. Гатауллин Э.А. Маргинальная юриспруденция. Постановка проблемы на примере манипуляций с подсудностью// Корпоративные споры. №А. 2005. С. 92-95.

[2] Теория государства и права. Учебник /Коллектив авторов; Научный редактор А. Гамбарян, М. Мурадян. – 2-е дополненное изд.; Ер. Изд. Лусабац, 2016, С. 537.

[3] В юридической литературе слово “маргинальный” связываетс даже с преступлением, или например, с правом. Об этом смотри подробнее Голодняк А.Ю. Криминологические особенности антиобщественного поведения подростков из маргинальной среды и предупреждение ими преступлений: авт. дисс. … канд. юр. наук. М., 2003. Атоян А. Маргинальность и право // Социально-политический журнал. 1994. N 7-8. С. 158-161.

[4] Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6. С. 427. Рясенцев В.А. Условия и юридические послед ствия отказа в защите гражданских прав // Советская юстиция. 1962. № 9. С. 8-9. Примечательно, что подобные подходы о проблеме встречаются в основном в трудах периуда советских авторов.

злоупотребления публично-правовым полномочием, можно и нужно связывать с противоправностью. Проблема в терминологической неразберихе, и что самое главное, в необходимости различения механизмов квалифицирования поступков, таких как правонарушение и злоупотребление субъективным правом. Использование подобного сборного термина («злоупотребление правом»), для обсуждения непринятия института злоупотребления субъективным права или нецелесообразности их одновременного использования, минимум не достаточно. Указанные авторы, взявшие за основу свои наблюдения, не могут ответить на вопрос, как должно вести себя государство, когда, например, гражданин без какого-либо основания периодически подает однотипные жалобы в отделение полиции, фактически, не совершая, тем самым, какого-либо противоправного поступка. Государство обязано создавть такие правовые механизмы, которые обеспечат лицам защиту не только от противоправных поступков, но также от таких реализаций субъективного права, которые не соответствуют целям права.

Анализ показал, что представление языкового толкования термина «злоупотребление» как «использования чего-то во зло», вполне оправдано. Он позволил констатировать, что проблема имеет философский подтекст, и опасения, касающиеся использования «нечистых» юридических теминов, выводят проблему за рамки права, в результате чего формирующиеся представления о том, что обсуждаемый институт неюридический, не оправданы. Проведенный анализ позволил придти к заключению, что субъективное право может оказаться перегруженным такой терминологией как «злоупотребление», что будет необходимо и достаточно для понимания сути обсуждаемого института, и противоречия между указанными терминами отсутствуют. Обобщая вышесказанное, считаем, что предложенные (другими авторами) в работе новые терминологические форматы не только не в состоянии раскрыть обсуждаемый институт, а также, могут произвести к неразберихе системе юридической терминологии. Таким образом, можно придти к заключению, что в случае злоупотребления субъективным правом, мы будем иметь дело с таким правовым поведением[1], когда лицо (физическое и юридическое – как носитель субъективного права) свои правомочия использует для злой цели, для плохого дела (т.е. злоупотребляет). С точки зрения юридического мышления под последним следует понимать реализацию отклонение от субъективного права и несоответствие его целям функции.

[1] Гребер, Дэвид Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 204. Էլ ռեսուրս file:///C:/Users/Manuk/Downloads/Dolg_Pervye_5000_Let_Istorii_devid_Greber_2015.pdf (27.11.17). С. 534.

Пеструилов Андрей Сергеевич,
кандидат исторических наук, доцент,
начальник кафедры гуманитарных,
социально-экономических
и информационно правовых
дисциплин Новороссийского
филиала Краснодарского
университета МВД России

О КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ

Существуют различные виды социальных норм, это вытекает из все усугубляющегося многообразия человеческих взаимоотношений. Выделяют экономические, политические, моральные, религиозные, обычные, корпоративные и ряд других норм. Строго говоря, выделение таких видов норм происходит при нарушении оснований классификации - отсутствует единое основание (признак) классификации. Но выделение указанных видов является почти общепринятым в отечественной научной и учебной литературе. Большинство учебников избегает классифицировать социальные нормы[1] или описывает различные их виды без указания на основания классификации[2], что мешает пониманию рассматриваемого явления. В связи с изложенным представляется интересным и актуальным выявить наиболее значимые классификации норм права, так как это поможет уяснить место и значение норм права.

Одним из немногих исключений является учебник советского периода под редакцией А.И. Королева и Л.С. Явич. В нем в качестве основного критерия утверждается группа-носитель нормы. Согласно этого критерия, они выделяют:

1.Нормы господствующего класса (юридические нормы).
2.Нормы рабочего класса.
3.Партийные нормы.
4.Нормы иных слоев и групп (студентов, профсоюзов и т.д.).
5.Нормы религиозных объединений.

---

[1] Например, Власенко Н.А. Теория государства и права: учебное пособие (2-е издание, переработанное, дополненное и исправленное). - М.: Проспект, 2011; Чепурнова Н.М., Серёгин А.В. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: Учебное пособие. – М.: ЕАОИ, 2007; Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник. – М.: Маркет ДС корпорейшн, 2007 и др.

[2] Например, Ромашов Р.А. Теория права и государства. Учебник. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. - СПб.: Фонд «Университет», 2003; Теория государства и права : учебное пособие /И.В. Григорьева. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. унта, 2009 и др.

Однако ими выделяются и другие классификации: «Например, по сферам регулируемых ими (нормами) общественных отношений выделяются политические, правовые, моральные, эстетические и иные нормы. По способу образования различаются нормы, складывающиеся стихийно (обычаи, традиции и т. п.) и устанавливаемые сознательно (юридические нормы, нормы общественных организаций и пр.). По способу закрепления выделяются нормы, фиксируемые либо в устной (мораль, обычаи, традиции), либо в письменной форме (юридические и иные нормы). По механизму действия следует различать нормы, реализация которых обеспечивается в случае необходимости мерами государственного принуждения (правовые нормы) либо только авторитетом соответствующего коллектива (иные социальные нормы). Особо следует сказать об обычаях и традициях, осуществление которых опирается на силу привычки»[1].

Согласиться с такой классификацией сложно, хотя и в ней есть зерна истины.

Наиболее близка нам точка зрения, изложенная в учебнике В.В. Лазарева и С.В. Липень[2]. Они предлагают две классификации.

По способам установления и обеспечения ими выделены:

– нормы права — правила поведения, установленные и обеспечиваемые государством. Более полное определение и подробный разбор признаков правовых норм содержатся в последующих темах.

– нормы морали (нравственности) — правила, складывающиеся в соответствии с представлениями людей о добре и зле, справедливости и несправедливости, чести и бесчестии и т.п., т.е. в соответствии с моральными представлениями и обеспечиваемые внутренним убеждением и общественным мнением;

– обычаи (традиции, обряды, ритуалы, деловые обыкновения) — правила, складывающиеся исторически и вследствие многократного разрешения типичной ситуации и выработки наиболее эффективной модели поведения вошедшей в привычку. Обычаи когда-то были либо моральными, либо религиозными нормами, но со временем их истинное значение было забыто. Люди, следуя обычаям, уже не говорят, хорош или плох тот или иной вариант поведения, а поступают определенным образом в силу привычки;

– корпоративные нормы (нормы организаций) — правила поведения, издаваемые организациями или сложившиеся в организациях и распространяющиеся на их членов. Корпоративные нормы создаются членами любой более или менее устойчивой группы в первую очередь под воздействием интересов для реализации которых люди объединились в данную группу, во

[1] Теория государства и права: учебник/ Под ред. А.И.Королева и Л.С.Явич – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1987.- С.323.

[2] Теория государства и права: учебник для бакалавров/ В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – С.214.

вторых на них оказывают сильное влияние формальные и не формальные лидеры группы. В любом случае это акт коллективного творчества. Корпоративные нормы регулируют отношения внутри данной организации, порядок ее деятельности, взаимоотношения лиц, составляющих данную организацию. Они могут быть выражены, например, в уставах, положениях, решениях общественных организаций. Правила, складывающиеся в неформальных общественных организациях, действующие в отдельных социальных группах общества, обычно не рассматриваются в качестве корпоративных норм, но, тем не менее, могут быть отнесены к последним. В механизм обеспечения данных норм прежде всего входит мнение членов группы. В качестве мер воздействия используются повышение или понижение статуса, самой крайней мерой является изгнание из группы.

Далее В.В. Лазарева и С.В. Липень предлагают еще одну классификацию, используя в качестве критерия их содержание. Подобная классификация встречается и в других учебниках, но количество видов разное. В большинстве изданий названы: политические нормы (правила, регулирующие отношения по поводу осуществления политической власти, управления обществом); экономические нормы (правила, регулирующие отношения по поводу производства и распределения материальных благ); нормы культуры (правила, регулирующие поведение людей в непроизводственной сфере общества; здесь прежде всего в виду имеются нормы, регулирующие творческую, спортивную и иную деятельность по реализации интересов человека); эстетические нормы (правила, связанные с представлениями о красоте человеческих поступков); технико-социальные нормы (правила необходимого или целесообразного обращения людей с природными объектами, орудиями труда, различными техническими устройствами) и другие социальные нормы.

По этому же критерию они выделяют и религиозные нормы (правила, регулирующие отношения верующих друг с другом, с религиозными организациями, религиозные обряды и т.п.) с чем вообще согласиться сложно. По нашему мнению, религиозные нормы хорошо вписываются в первую классификацию, так как имеют свой специфический способ создания и свой способ обеспечения, свойственный только им. Так, «религиозные нормы исходят от Бога» - говорят нам представители различных религий и верующие люди. «Религиозные нормы создаются людьми, имеющими непререкаемый духовный авторитет, в связи с их представлениями о воле Бога» - говорим мы, примиряя иррационализм богословов с наукой. Основным же средством обеспечения религиозных норм является неизбежность божьего суда, в том или ином виде присутствующая в любой религии.

Критерий второй классификации предложенный В.В. Лазаревым и С.В. Липень, на наш взгляд, необходимо несколько скорректировать, так как содержание нормы может быть категорией весьма спорной. Нам кажется

правильней говорить о сфере применения нормы, привязывая это к существующим сферам человеческой жизнедеятельности. С учетом предложенных размышлений предлагаем считать основными две классификации социальных норм.

Наиболее сущностная, на наш взгляд, в основе имеет два критерия. Первый – способ формирования нормы. Второй – основное средство ее обеспечения. Здесь необходимо говорить именно об основном средстве, так как механизм обеспечения, например, правовых норм может включать и общественное мнение, и внутреннюю потребность, и привычку, но основным отражающим его суть является именно государственное принуждение или возможность такового. На ранних стадиях, да и сейчас нормы-обычаи могли обеспечиваться и общественным мнением и даже принуждением и давлением отдельных групп и мнением признанных авторитетов, но основным способом их обеспечения оказывающим реальное воздействие в подавляющем большинстве случаев будет все-таки привычка и т.д.

Используя эти критерии можно выделить:

1.Нормы права.

2.Нормы морали.

3. Нормы религии.

4. Корпоративные нормы.

5. Нормы-обычаи.

В качестве критерия второй классификации необходимо выделить сферу применения нормы. И тогда можно выделить:

1.Экономические нормы.

2. Политические нормы.

3.Нормы культура (этикета).

4.Эстетические нормы.

5. Технико-социальный нормы.

6. Экологические нормы (нормы регулирующие обращения человека с техническими средствами).

7. Информационные нормы (нормы регулирующие порядок сбора, охраны и распространения информации).

Безусловно, по содержанию та или иная норма может быть сразу, например, информационной и политической или эстетической и экономической и т.д., но в зависимости от ее использования в конкретном случае она будет определена однозначно.

Попов Виктор Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
права и государства Волгоградской
академии МВД России

ПРАВО: ЗНАК, ЗНАЧЕНИЕ СМЫСЛ

Актуальность вопроса, отраженного в названии данной работы базируется на актуальности такой проблематики, как вопрос о соотношении системы права и системы законодательства. Актуальность же данного соотношения во многом отражает вопрос о соотношении права и закона и может рассматриваться в аспекте качественной характеристики права, приобретая порой очень резонансное идеологическое звучание.

В советской и отечественной юридической науке юриспруденции аксиомой считается идея о том, что структура права имеет объективный характер. Такая характеристика системы права призвана отразить идею о том, что законодатель не произвольно формирует право, а лишь формулирует то, что фактически сложилось, т.е. существует объективно.

Подобная трактовка объективности не является корректной. Она связана с использованием понятий, имеющих позитивный коннотационный оттенок и продиктована идеологическими соображениями. Введение уточняющих оговорок относительно объективности системы права лишает нас оснований разграничивать систему права и систему законодательства на том основании, что система права имеет объективный характер, а система законодательства имеет еще и субъективные элементы.

Вместе с тем, следует учесть, что в юридической науке существует множество подходов к пониманию объективности системы права, отличающиеся от традиционной для отечественной юридической науки интерпретации.

В частности, социальный объективизм Дюркгейма, Спенсера, Конта и др. призван оправдать аксиологическую нейтральность метаязыка и отталкивается от относительной объективности позитивного права, что не позволяет считать данное право более объективным, нежели законодательство.

М. Вебер находил проявление объективности права в рационализации как законодательства, так и практического действия юридических норм. Не вдаваясь в дискуссию о том, насколько это верная идея объективности, отметим лишь, что данный подход не позволяет считать систему права более объективной, нежели законодательство.

Р. Дворкин и его последователи фактически идут по пути морального фундирования права и рассматривают объективность права как наличие в

нем аксиологически наиболее приемлемого ответа[1]. Как видно, подобная трактовка объективности выглядит довольно противоречивой, поскольку аксиологически ценностная характеристика вообще является субъективной по определению.

Кроме того, если уж и находить объективность права как, фактически, единственно верный (с точки зрения морали) вариант толкования законодательства, то в подобном контексте вполне можно говорить о ничуть не меньшей объективности законодательства, поскольку мы имеем дело с единственным текстом (допускающим множественность вариантов толкования).

Е. В. Булыгин, уходя от аксиологической характеристики права, относит к проявлению объективности права вообще наличие юридического ответа на определенную ситуацию. Однако, Е.В. Булыгин утверждает, что те правовые предложения, которые могут быть названы *дескриптивными*, могут быть охарактеризованы как объективные[2]. Условием признания их объективности будет позитивность правового ответа на соответствующую ситуацию – «Ответ позитивен тогда и только тогда, когда право определяет нормативный статус интересующего нас деяния, и негативен, когда оно не определяет его»[3]

В данной связи отметим, что возможность же сформулировать объективно истинное высказывание о системе права относится к метаязыку (науке), но не к объектному языку (праву). Поэтому в данном подходе не вполне верно говорить об объективности права.

Более того, если применять рассуждения Е.В. Булыгина к соотношению системы права и системы законодательства на основании того, в какой системе больше мера объективности, то из общего смысла теории нормативных правовых систем российско-аргентинского ученого следует, что объективной является скорее система законодательства (как совокупность нормативных предложений), нежели система права.

Таким образом, представляются неудачными подходы, предполагающие различие права и законодательства основанным на различие некой меры объективности данных явлений.

Гораздо более конструктивным представляется взгляд на соотношение системы права и системы законодательства как на соотношение формы и содержания. Вместе с тем, думается, что (1) методологический потенциал

---

[1] Dworkin R., Law's Empire. Cambridge, Massachusets / London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 1986. XIV, 471 p; Dworkin R. Taking rights seriously. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1977.

[2] Булыгин Е.В. «К проблеме объективности права»//Філософія права: сучасні інтерпретації : Вибр. праці: статті, аналіт.огляди, переклади (2003–2010) / С. І. Максимов. – Харьків.: Право, 2010. С. 206.

[3] Там же. С. 208.

данного подхода на сегодняшний день в полной мере далеко не раскрыт, а (2) имеющиеся по данному вопросу суждения не всегда корректны.

В частности, некорректным представляется рассмотрение права и законодательства как формы и содержания и одновременное использование производного от отношений подчиненности объемов понятий родо-видового деления при установлении соотношения системы права и системы законодательства. Недопустимо также и установление тождества права и законодательства при сопоставлении их через соотношение формы и содержания.

Корректное раскрытие методологического потенциала философских понятий «форма» и «содержание» предполагает несколько иной подход к сопоставлении права и законодательства. Данный подход основан на использовании особенностей информационной и языковой природы права. Это дает основания к рассмотрению права через модель семантического (семиотического) треугольника Г. Фреге, Ч. К. Огдена, А. А. Ричардса[1].

В рамках этой модели можно выделять знак (референт) права, смысл (десигнат) и значение (денотат) права. Законодательство при этом будет являться референтом (знаком) права, точнее референтом объектного языка права.

Смыслу права дается не семантическая, а лингвистическая интерпретация, идущая к социальному контексту формирования смысла. Это позволяет снимать примат дескриптивной интерпретации языковых выражений и находить, вслед за Дж. Л. Остином смысл именно юридических предписаний. Вместе с тем, здесь можно увидеть проблему единственности и множественности правовых смыслов.

Современные идеи единственности и объективности смысла текста правовой нормы имеют достаточно прочные корни политико-прагматического характера, восходящие ко временам Великой французской революции. В настоящее время данные идеи также имеют широкое распространение как в юридической науке, так и на практике.

Однако, предлагаемые способы ограничения свободы выявления более чем одного смысла текста юридической нормы выглядят скорее как желаемое, но не действительное положение вещей. Говорить о существовании целей, намерений, воли создателя нормы права допустимо. Однако процедура выявления целей, намерений, воли создателя нормы права предполагает большое количество потенциальных проблем, не позволяющих выявить единственность и объективность смысла языка права.

Автор настоящей статьи разделяет пожелание о единственности смысла. Однако, следуя различению желательного и действительного, автор не считает возможным согласиться с тем, что единственность смысла (десигната) языка права имеет место быть в наличной реальности. На настоящий момент, не существует такого метода толкования права, который бы позволил установить единственность смысла объектного языка права.

---

[1] Попов В.В. Соотношение права и законодательства: предпосылки рассмотрения через призму семиотического треугольника // Вестник Волгоградской академии МВД России. № 2, 2017.

Это порождает неизбежную множественность смыслов правового текста. В то же время, абсолютная свобода интерпретации терминов языка вообще не позволяет создать любой словарь в рамках любого языка. Поскольку язык и право связаны, то неограниченная свобода выбора правового смысла делает беспредметным и само рассуждение о праве. Ограниченность свобода выбора правового смысла подтверждается и практически. Таким образом, множественность правовых смыслов несовместима с правовым предписанием.

Ограничение множественности правовых смыслов происходит согласно интерсубъектной либо конвенциональной модели. Интерсубъектная модель может вести к квазиобъективности правового смысла, но и эта модель не всегда работает. Конвенциональная модель будет нести как конвергентные, так и конформные черты. Баланс между ними определяется особенностями социально-юридического контекста и психологии субъекта, вовлеченного в орбиту правового смыслообразования[1].

Несмотря на ограничения множественности правовых смыслов, данная проблема до конца не устраняется, если рассматривать ее в контексте правового лишь правового смысла. Поэтому подчеркнем - потенциальная множественность правовых десигнатов фактически и устраняется правовым денотатом. Можно сказать и так - Реализация права является показателем актуализации одного правового смысла из нескольких потенциальных.

Таким образом, о наличии права можно говорить только при наличии всех трех вершин – знака права (законодательного положения), его смысла и значения (реализации права в соответствии с конвенциональным или доминантным смыслом). Значимость реализации права для признания его бытия вовсе не обязательно связана с системным контекстом конкретного правопонимания, но вполне может быть увязана с гораздо более широким контекстом здравого смысла. Подобный контекст позволяет более органично связать реализуемость права с бытием государства, что может служить теоретическим фундаментом для решения многих довольно сложных политических проблем нашего времени.

[1] Попов В.В. Взгляд на право через призму семиотического треугольника: проблема конвенционального ограничения множественности правовых смыслов // Вестник Волгоградской академии МВД России. № 2, 2017.

Семенова Ольга Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
теории государства и права
Санкт-Петербургского университета
МВД России

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ДЕТЕРМИНАНТА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Несмотря на то, что проблемы правового государства и гражданского общества длительное время находятся в поле зрения ученых, интерес к ним не только не ослабевает, но и из года в год растет. Во многом это объясняется стремительно меняющейся ситуацией в современном мире. Она ставит перед учеными все новые и новые проблемы, касающиеся как самого видения правового государства и гражданского общества, так и специфики их взаимосвязи и взаимодействия.

Актуальность обозначенных проблем объясняется тем, что «взаимоотношения правового государства и гражданского общества являются наиболее серьезным фактором развития социального организма в целом»[1]. Поэтому выявление и глубокое понимание закономерностей взаимосвязей указанных социальных сфер способствует их конструктивному взаимодействию и, в конечном счете, служит залогом прогресса социума.

Как отмечается в литературе, «общим ориентиром развития правового государства может быть такое состояние социума, когда: 1) свобода государства как субъекта сочетается с такой же свободой всех людей, и в этом смысле, все субъекты социального действия, в том числе государство, равны; 2) мера оценки результатов реализации этой свободы является единой и одинаковой в отношении всех субъектов, и положительное социальное действие одобряется и поощряется обществом, а отрицательное не одобряется и запрещается для всех, в том числе и государства»[2].

Практически все современные исследователи отмечают, что первые попытки осмысления идей гражданского общества и правового государства (при отсутствии самих терминов) предпринимались еще в Античности. При этом в данную эпоху общество и государство рассматривались как единое целое. Античной мысли было чуждо деление социума на государство и гражданское общество. Для древних греков вся общественная жизнь была

[1] Хоконов А. А. Правовое государство и гражданское общество: некоторые аспекты взаимодействия // Вестник военного университета. 2009. № 3(19). С. 87.

[2] Смирнов Т. А. Свобода личности и условия ее ограничения в правовом государстве и гражданском обществе // Успехи современной науки и образования. 2016. № 7. Т. 5. С. 31.

государственной, полисной. Город, государство и гражданская община в их сознании не разделялись и обозначались единым понятием «полис»[1].

Последующие поколения мыслителей, концентрируясь на исследовании проблем соотношения общества и государства, места и роли человека в общественной жизни и в государственной системе, начали выделять гражданское общество и государство как относительно самостоятельные феномены. В различное время попытки анализа взаимосвязей гражданского общества и правового государства предпринимались Н. Макиавелли, Г. Гроцием, Т. Гоббсом, Ш. Монтескье, Дж. Локком, Ж.-Ж. Руссо, И. Кантом, Г. Гегелем, А. Грамши, Б. Чичериным, П. Новгородцевым, П. Струве, С. Котляревским и др.

Представления о гражданском обществе как о системе экономических, правовых и других взаимосвязей индивидов получили отражение и в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Благодаря высвобождению частной собственности из античной и средневековой общности, указывали они, «государство приобрело самостоятельное существование наряду с гражданским обществом и вне его»[2].

На тот факт, что гражданское общество – не часть государства, а «самостоятельная область явлений», указывал Б. Н. Чичерин. Находясь в государстве и подчиняясь ему внешним образом, общество состоит с ним в постоянном взаимодействии. Оно влияет на государство так же, как последнее, со своей стороны, влияет на него. При этом общество не поглощается государством[3].

Постепенно идея, в соответствии с которой, гражданское общество – особая внегосударственная сфера социального организма, не только укрепляется в общественном сознании, но и начинает стремительно развиваться. Это приводит к образованию множества научных школ и течений, стимулирующих новые социальные движения и гражданские инициативы, способствующих формированию социокультурных и правовых образцов, определяющих поведение людей и гарантирующих их права и свободы[4].

Современные исследователи также подчеркивают, что гражданское общество представляет собой приватную, неофициальную сферу общественной жизни, где гражданами вырабатываются моральные принципы и

---

[1] См.: Витюк В. В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М.: Институт социологии РАН, 1995. С. 9.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Издательство политической литературы, 1955. С. 20–21.

[3] См.: Чичерин Б. Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 203.

[4] См.: Струсь К. А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России. СПб., 2005. С. 13; Карчевская Н. И., Семенова О. В. Теоретико-правовые закономерности гражданского общества: пособие. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2010. С. 39–49.

нормы для регуляции своих отношений с государством и другими общественными институтами. При этом рамки функционирования гражданского общества формируются государством, его характером и властными отношениями. Однако, несмотря на устанавливаемые государством ограничения, гражданское общество становится тем инструментом, с помощью которого граждане борются против всевластия государства за реализацию своих прав и свобод, за возможность жить по высоким моральным меркам[1].

Более того, практические все исследователи рассматривают гражданское общество как естественно складывающееся состояние социума, формирующееся и развивающееся на основе саморегулирования, которое исключает или крайне ограничивает вмешательство государства[2]. При этом, подчеркивается, что их нельзя создать искусственно там, где отсутствуют реальная свобода и ее адекватное восприятие, где отсутствует понимание ее ценности[3]. Другими словами, гражданское общество и правовое государство представляют собой закономерный результат развития цивилизованного общества[4].

Воззрения мыслителей предшествующих эпох, а также исследования современных ученых, по сути, позволили определить те социальные факторы, которые способствуют, либо препятствуют формированию гражданского общества и правового государства.

Практически все ученые сегодня разделяют позицию, в соответствии с которой гражданское общество обретает свой подлинный расцвет в условиях демократии, правового государства, а правовое государство, в свою очередь, формируется и развивается на базе прочной основы – гражданского общества – системы экономических, политических, духовных, религиозных и других отношений индивидов, объединившихся в гражданские ассоциации для удовлетворения своих материальных и духовных потребностей. В виду этого, вполне закономерен вывод о том, что гражданское общество и правовое государство – спутники[5].

---

[1] См.: Хоконов А. А. Указ. соч. С. 88; Социальная работа и гражданское общество. Коллективная монография / Под ред. И. А. Григорьевой, А.А. Козлова, В.А. Самойловой. СПб.: Скифия-Принт, 2006.

[2] См.: Чиркин В. Е. Государствоведение: Учебник. М.: Юрист, 1999. С. 62.

[3] См.: Карчевская Н. И., Семенова О. В. Указ. соч. С. 15–16; Четвернин В. А. Общество и государство // Феноменология государства. Сборник статей. Вып. 2. Государство и гражданское общество / Руководитель авторского коллектива и ответственный редактор В. А. Четвернин. М.: Институт государства и права РАН. 2003. С. 20.

[4] См.: Семенова О. В. Гражданское общество: от идеи к реальности // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27-28 апреля 2017 г. / под ред. Н. С. Нижник. В 2-х томах. Т. II. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. С. 113.

[5] Семенова О. В. Гражданское общество: от идеи к реальности // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России. Сб. науч. ст. / Под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2017. Вып. 1. С. 68.

Подчеркивая мысль о том, что правовое государство является необходимым атрибутом гражданского общества, призванным обеспечить решение «общих дел» членов гражданского общества, ученые, как правило, отмечают, что государство следует понимать как институт, выполняющий в значительной мере "служебные" функции, обслуживающий потребности общества[1].

Будучи сложным социальным организмом, формой политической организации общества, государство имеет свою структуру, нормативную основу функционирования, специфические интересы. Оно способно привнести в жизнь общества порядок и стабильность, но может и оказывать негативное на его работу воздействие, дезорганизовывать его[2]. Поэтому, от характера взаимосвязи государства и общества во многом зависит сочетание публичных и частных интересов, общественный порядок, стабильность и безопасность общества.

В связи с этим, справедливо утверждение, что взаимодействие современного государства и гражданского общества должно осуществляться в форме их взаимного целенаправленного воздействия друг на друга в определенных пределах вмешательства, в формах взаимной помощи и взаимоконтроля[3], в том числе и касающихся деятельности полиции[4].

Вполне справедливо высказывание о том, что государственная власть должна быть сильнее всякой другой в обществе. Но когда она становится сильнее самого общества – это опасная гипертрофия[5]. Вместе с тем, нельзя согласиться с мнением, что приоритет гражданского общества по отношению к правовому государству должен носить абсолютный характер[6]. Поэтому поиск эффективных принципов взаимодействия государства и общества сегодня можно считать вызовом времени.

Стремительное развитие общества, появление глобальных проблем (международный терроризм, возникновение и распространение эпидемий,

---

[1] См., например: Умиев А. И. К вопросу современного понимания правового государства // История государства и права. 2007. № 1. С. 10.

[2] Нижник Н. С., Меньшикова Н. С. Полиция и гражданское общество в России: взаимодействие и сотрудничество. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. С. 13–15.

[3] Нижник Н. С., Меньшикова Н. С. Государственные органы и институты гражданского общества: формирование модели партнерских взаимоотношений по реализации правоохранительной функции российского государства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(36). С. 62–63.

[4] Nizhnik N. S. Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime // International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. Vol. 2. Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017. S. 241–251.

[5] См.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: учебное пособие. В 2-х т. (по изданию 1910–1912 гг.). Т. 1. Вып 1. М.: Юрид. колледж МГУ, 1995. С. 201.

[6] См.: Худоренко Е. А. Гражданское общество и государство: вместе или порознь? // Национальные интересы. 2009. № 2(61). С. 17.

экологические катастрофы и др.) детерминирует необходимость вмешательства государства в сферу гражданского общества. По мнению исследователей «все меньше остается сфер, которые составляли бы исключительную компетенцию гражданского общества, очищенного от государственного влияния и вмешательства»[1]. Государство и общество вынуждены тесно сотрудничать. При этом вмешательство государства в сферу частных интересов оправдано, когда это служит реализации жизненно важных для человека целей, которые являются для него труднодостижимыми или недостижимыми.

Кроме того, государство, безусловно, должно создавать нормативную основу функционирования общества, поддерживать общественный порядок, организовывать общество, сплачивать и опекать его[2]. При этом, взаимодействуя с гражданским обществом, государство не должно отказываться от традиционных, свойственных любому государству принудительных средств, но должно широко использовать и другие – экономические, организационные и прочие рычаги влияния на общество[3].

Позиционируя себя как правовое, государство не должно вторгаться во все сферы жизнедеятельности общества и регламентировать их детально, поскольку интересы и ценности общества, «именно они, и только они, их защита и гарантии могут служить своего рода оправданием процесса возникновения и смыслом существования государства[4]. В таком государстве власть является правовой постольку, поскольку находится под контролем гражданского общества.

Поэтому гражданское общество должно иметь все возможности воздействовать на государство посредством выражения общественного мнения через референдумы, выборы, демонстрации, митинги, социологические опросы, средства массовой информации и т.п. При этом, взаимодействие гражданского общества и государства должно строиться в соответствии с

---

[1] Радько Т. Н. Теория государства и права: Учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2013. С. 561.

[2] См.: Нижник Н. С., Тагаев М. К. Самоорганизация кыргызского общества: формы, традиции, нормативные основания // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 1. С. 32–36; Nizhnik N. S. Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime // International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. Vol. 2. Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017. S. 246–245.

[3] Семенова О. В. Гражданское общество: от идеи к реальности // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России. Сб. науч. ст. / Под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2017. Вып. 1. С. 70.

[4] Марченко М. Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование): учебное пособие. М.: Проспект, 2015. С. 602-603.

принципом «государство настолько правомочно, насколько обязана личность; и напротив, личность настолько правомочна, насколько обязано государство»[1].

С учетом изложенного, представляется справедливым утверждение о том, что в процессе познания правового государства и гражданского общества следует избегать, с одной стороны, их идеализации или рассмотрения их в плане абсолютной институциональной или функциональной приоритетности одного феномена по отношению к другому, с другой стороны, их не следует противопоставлять друг другу[2]. Между гражданским обществом и правовым государством существует диалектическая взаимосвязь: чем совершеннее гражданское общество, тем менее заметна деятельность государства, связанная с реализацией возложенных на него функций. Это объясняется тем, что структуры гражданского общества выполняют значительную роль в решении важнейших социальных задач. В неразвитом гражданском обществе слабое участие общественных организаций и подобных структур в решении важных социальных проблем, приводит к чрезмерному усилению роли государства.

В связи с этим, в литературе указывается, что «самоорганизация граждан и наличие неконтролируемых государством сфер так называемой гражданской активности … является важным симптомом благополучного развития всей системы, сравнимым с наличием иммунитета в организме. Чем больше возможностей предоставляет государство как управляющий субъект, являющийся частью системы (государство-общество), управляемому объекту (гражданскому обществу) в сфере самоидентификации и самоорганизации, тем меньше риск «заболевания» всей системы как единого организма, части которого могут влиять друг на друга. Именно государство в данном случае может являться как рычагом, так и тормозом всего процесса»[3].

Таким образом, взаимоотношения между правовым государством и гражданским обществом накладывают отпечаток на развитие всего социального организма. Между правовым государством и гражданским обществом существует обоюдная зависимость. Ни одно из них не может существовать изолированно от другого. Поэтому исследование закономерностей существования правового государства и гражданского общества должно осуществляться в контексте их взаимного влияния друг на друга и отказа от позиций приоритетности одного феномена по отношению к другому.

---

[1] Радько Т. Н. Теория государства и права: Учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2012. С. 680.

[2] Марченко М. Н. Указ. соч. С. 621–622.

[3] Грудцына Л. Ю. Народ, гражданское общество и конституция // Государство и право. 2014. № 1. С. 56–57.

Швец Анна Анатольевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории права
и государства Краснодарского университета
МВД России;
Трикоз Елена Николаевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории права
и сравнительного правоведения МГИМО (У) МИД РФ;
доцент кафедры истории права и государства
ЮИ РУДН (г. Москва)

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, В УГОЛОВНЫХ КОДЕКСАХ АВСТРАЛИИ И ИНДИИ

В данном исследовании речь пойдет о становлении института “оснований защиты” (*excuse defences / general exceptions*), или исключающих обстоятельства (в континентально-правовом прочтении этого института) в уголовном праве двух бывших доминионов Британского содружества наций и колоний Великобритании. Оба государства имеют федеративное устройства и признают правовой плюрализм[1], а также прошли одними из первых в Британской империи сложный путь уголовно-правовой кодификации[2].

Среди австралийских и индийских правоведов нет единства позиции по поводу содержательной трактовки института “*excuse defences*”, как оснований или обстоятельств защиты против обвинения в совершении преступления, своего рода аналога “*plea of something*” (заявления о наличии оснований опровержения выдвинутого обвинения и одновременно процессуальная просьба учесть что-либо в свое оправдание). Как писал британский правовед Г.Л. Уильямс, под «защитой от уголовного преследования понимается указанный в законе случай или ситуация, жизненное обстоятельство, аргумент в суде, которые смягчают или отменяют уголовное наказание либо исключают уголовную ответственность»[3]. Другие исследователи поясняют, что институт *criminal defence* используются в ходе уголовного процесса в

[1] См.: Трикоз Е.Н. Политика колониальных властей по отношению к обычному праву австралийских аборигенов в XIX веке // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2006. №1. С. 10-18.

[2] Трикоз Е.Н., Швец А.А. Особенности кодификации права в бывших доминионах Британской империи (на примере Австралии, Канады и Новой Зеландии) // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории. Краснодар, 2017. С. 157-161.

[3] Williams G. The Theory of Excuses // Criminal Law Review. 1982. № 732. P. 163.

качестве возражений обвиняемого, т.е. как “признание с последующим опровержением” (*confession and avoidance*)[1].

Обращаясь ретроспективно к вопросу становления данного уголовно-правового института, стоит искать корни в средневековой английском судебной системе. Здесь, например, издавна признавалась законной такая отсылка, как «слабоумный и безумный не отвечают за преступление» (“*demens et furiosus non per feloniam*”). Такое обстоятельство, исключающее преступность деяния, как самооборона (“*se defendendo*”) получило признание в “общем праве” Англии еще в XIII в. И было довольно рано признано римское правило “*ignorantia juris neminem excusat*”, что обусловило право ссылаться в свое оправдание только на фактическую (а не на юридическую) ошибку.

Позднее в период основания первых колоний в Австралии и Индии была позаимствована апробированная судебной практикой система защит по “общему праву” (*general defences*), в числе которых были важнейшие правовые презумпции (например, незнание закона не освобождает от ответственности (“*ignorance of law is no excuse*”), презумпция вменяемости (“presumption of sanity”) и презумпция “супружеского принуждения” жены своим супругом (“marital coercion”). Английский правовед У. Блэкстон выделили три вида уголовно-правовых исключающих обстоятельств: 1) смягчающие обстоятельства, 2) обстоятельства, исключающие противоправность, и 3) обстоятельства, исключающие виновность[2]. Его последователь в этом учении, британский философ-утилитарист Дж. Бентам в трактате «Основные начала Уголовного кодекса» в отдельной главе XIV «Средства оправдания» разграничивал «общие оправдания» и «частные оправдания». К первым он причислял: самозащиту, крайнюю необходимость, согласие потерпевшего, медицинскую практику (профессиональный риск), семейную и политическую власть (исполнение предписаний закона либо же законного приказа)[3].

Наконец, к концу XIX в. в уголовном праве британских колоний получила признание новая классификация оснований защиты: 1) обстоятельства, приводящие к отсутствию субъективной воли; 2) обстоятельства, вследствие которых воля оказывается подавленной внешним принуждением; 3) обстоятельства, связанные с заблуждением, в результате которого воля не направлена на содеянное.

Первая категория «исключающих обстоятельств» включала «отсылку к психическому состоянию» и невменяемости (*insanity* и *mental abnormality*). В колониальной судебной практике получили признание разработанные английскими судьями «Правила Макнатена» (*M’Naghten Rules*)

---

[1] D’Auria M.M., Helfand C. D., Ryan H. F. Legal terms and concepts in criminal justice. Wayne, 1983. P. 35.

[2] Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. London, 1765. P. 201.

[3] Бентам И. Основные начала уголовного кодекса // Избранные сочинения Иеремии Бентама. СПб., 1867. С. 488-492.

1843 г., согласно которым: 1) нужно было доказать, что обвиняемый пребывал под воздействием дефекта разума (сознания), вызванного душевным заболеванием, и не понимал характера и свойств деяния; и 2) он совершал преступление в «светлый промежуток», если иное не будет доказано им или его защитником[1].

Вторая категория «исключающих обстоятельств» охватывала самооборону (*self-defence*, или «частную защиту»), крайнюю необходимость, исполнение приказа (*plea of superior order*), физическое принуждение (*duress per m*inas) и др. Прецедентный характер получило английское дело "*R. v. Dudley and Stephens*" 1884 г., в котором было описано состояние личной крайней необходимости как фактора, который, не отрицая противоправности деяния, снимал личную ответственность ввиду вынужденности такого деяния[2]. Но положения "общего права" о законности исполнения приказа не распространялись на военнослужащих лиц. Под защитой в виде принуждения к действию понималась угроза немедленного причинения смерти или тяжкого повреждения[3].

Третья категория «исключающих обстоятельств» содержала различные формы заблуждения, в том числе фактическую и юридическую ошибку (*defence of mistake*). Несколько прецедентных решений XIX в. закрепили правило о том, что юридическая ошибка (т.е. в вопросах права) может свидетельствовать об отсутствии "*mens rea*" и, следовательно, состава преступления. Так, в 1897 г. впервые в австралийской судебной практике была использована защита в виде ссылки на разумную ошибку в фактах[4]. В УК Квинсленда 1899 г. была введена уже более четкая формулировка: «Лицо, которое действует или бездействует под влиянием честной и разумной, но ошибочной веры в наличие определенного положения вещей, не несет уголовной ответственности за это деяние в какой бы степени ни было действительное состояние дел близко к тому, которое он себе представлял. Применение этого правила может быть отменено посредством ясного или косвенного предписания права, относящегося к данному деянию» (ст. 24)[5].

В XX веке развитие уголовно-правового института «оснований защиты», или исключающих ответственность обстоятельств в Австралии и Индии было обусловлено дальнейшей детализацией отдельных его положе-

---

[1] R. v. McNaughton (1843) // 10 Cl. and Fin. 200, 8 E.R. 718.

[2] R. v. Dudley and Stephens, (1884) // 14 QBD. 273 (K. S. C. 62).

[3] R. v. McGrowthe (1746) // Foster 13 (K.S.C. 56); R. v. Dudley and Stephens (1884) // 14 QBD 273.

[4] См., например такое австралийское дело, как Bank of New South Wales v. Piper [1897] A.C. 383.

[5] См.: Козочкин И.Д., Трикоз Е.Н. Уголовное законодательство Австралии // Уголовное законодательство России и стран АТР: Компаративное исследование. Владивосток, 2008. С. 158-164.

ний в судебной практике и закреплением их в законодательстве. В частности, появились два новых подхода к классификации этих обстоятельств. Первый подход разграничивал их на: (1) "*excuses*", или "*open defence*" (обстоятельства, исключающие преступность деяния); и (2) "*justifications*" (обстоятельства, смягчающие ответственность, и юридически оправдывающие совершение деяния). Второй подход предполагал различение на: (1) стандартные формальные защиты ("*standard formal defences*"); и (2) специальные, альтернативные защиты ("*suggested" или "special defences*")[1].

Дальнейшей эволюции подвергались в XX веке и отдельные разновидности обстоятельств, в частности, связанных с воздействием внешних факторов (самооборона, крайняя необходимость, физическое принуждение, провокация и случай). Так, в Австралии прецедентный характер получило решение Верховного суда штата Южная Австралия по делу *Witham* 1977 г., в котором были закреплены условия правомерности самообороны: наличность угрозы, необходимость, пропорциональность и намерение отразить нападение[2]. На второй план ушли объективные признаки (грозящая опасность и необходимость), что сделало условными границы между реальной и мнимой самообороной[3]. Верховным судом штата Виктория в 1981 г. было впервые применено такое основание защиты, как ссылка на состояние крайней необходимости (*extraordinary emergency*)[4]. Затем в статутном праве Австралии было закреплено понятия общей крайней необходимости, что обусловлено тенденцией уголовно-правовой защиты коллективных интересов. Кроме того, в австралийском уголовном праве получили детальную регламентацию такие случаи правомерного применения силы, как защита другого лица[5], пресечение преступления[6], защита собственности и задержание преступника[7].

Обращаясь к особенностям института «оснований защит» в уголовном праве Индии, следует сразу подчеркнуть его смешанный (гибридный) характер, где ассимилировались элементы и концепции из трех различных юридических систем – индусского права, шариата и англосаксонского

---

[1] Dressler J. Justifications and Excuses: A Brief Review of the Concept and the Literature // Wayne Law Review. 1987. № 33; Gur-Ayre. Should the Criminal Law Distinguish Between Necessity as a Justification and Necessity as an Excuse? // Law Quarterly Review. 1986. № 102. P. 71.

[2] Witham (1977) // 17 S.A.S.R. 188.

[3] Morgan v. Colman (1981) // 27 S.A.S.R. 334 at 338 (Wells).

[4] Loughnan (1981) V.R. 443.

[5] Saler v. Klingbiel (1945) S.A.S.R. 171 at 172; Spartels (1953) V.L.R. 194 at 196.

[6] McKay (1957) V.R. 560.

[7] Howe v. R. (1980) 32 A.L.R. 478 at 481. См. также: Criminal Code (N.T.) 1983, s. 28.

права[1]. В этой пёстрой с правовой точки зрения стране продолжает действовать колониальный Уголовный кодекс (англ. *Indian Penal Code*) 1860 г.[2], в отличие от Австралийского Союза, где в 90-е гг. XX века был принят новый федеральный УК. К тому же УК Индии не применяется на территории мусульманского штата Джамму и Кашмир, где действует исламский кодекс «*Ranbir Penal Code*» 1932 г.

В уголовном праве Индии детальный список исключающих обстоятельств был впервые закреплен в Общей части УК в виде специальной Главы IV «Общие исключения» (англ. *General Exceptions*). Здесь описаны 18 видов «*генеральных защит*», или общих исключающих обстоятельств. Среди норм данной главы УК Индии как правоустанавливающие (управомочивающие), так и обязывающие (уполномочивающие) нормы. Возникающие на их основе правоотношения могут регламентировать, например, правомерность причинения вреда. Все эти исключающие обстоятельства можно сгруппировать в семь подгрупп: 1) фактическая ошибка (ст. 76 и 79 УК Индии); 2) действия по закону (*judicial acts*), ст. 77 и 78 УК Индии; 3) случай, ст. 80 УК Индии; 4) отсутствие умысла, ст. 81–86, 92–94 УК Индии; 5) согласие, ст. 87–91 УК Индии; 6) малозначительность деяния, ст. 95 УК Индии; 7) частная защита, ст. 96–106 УК Индии.

Наряду с такими «генеральными основаниями защиты», предусмотрены другие обстоятельства в Особенной части УК Индии, а также они встречаются в актах антикриминального законодательства Индии. Важно подчеркнуть, что в индийских судах исходят из презумпции отсутствия исключающих обстоятельств[3], и бремя доказывания их наличия лежит на самом обвиняемом (ст. 105 Закона о доказательствах Индии 1872 г.)[4].

В целом, в рамках традиционной системы защит по “общему праву” в уголовно-правовой системе Австралии Индии происходило постепенное расширение их видов (добавилась доктрина автоматизма и защита в виде невозможности исполнения действия), произошла модификация прежних концепций о невменяемости, крайней необходимости и физическом принуждении. В статутном праве более детально стали регламентироваться положения о фактической и юридической ошибках, провокации и исполнении приказа[5].

---

[1] Денисенко В.В., Трикоз Е.Н. Типология смешанных правовых систем // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43).

[2] См.: Ratanlal R., Dhirajlal K.Th. The Indian Penal Code. 35th ed. LexisNexis, 2017.

[3] Musammat Anandi (1923) // 45 All 329; Babulal (1960) // Cr LJ 437.

[4] Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Типология обстоятельств, исключающих ответственность, в уголовном праве Индии // История государства и права. 2018. № 8.

[5] См.: Трикоз Е.Н. Эволюция системы источников и основных институтов уголовного права Австралии в XIX – XX вв.: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2002. 26 с.

Яблонский Иван Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент, доцент
кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России;
Скрипаль Владимир Константинович,
курсант 2 курса факультета по подготовке
специалистов для подразделений полиции
Краснодарского университета МВД России

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦЕЙСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУБАНСКОГО КРАЯ (1918-1920): К 100-ЛЕТИЮ ЕКАТЕРИНОДАРСКОЙ ГОРОДСКОЙ СТРАЖИ

В марте 1918 года вооруженные силы большевиков заняли Екатеринодар, с этого момента на Кубани временно установилась Советская власть. Вместе с провозглашением новой власти упразднялся старый государственный аппарат, на смену народной милиции, учрежденной в Екатеринодаре годом ранее, пришла советская рабочая милиция. Однако уже спустя полгода Добровольческая армия генерала А.И. Деникина развернула наступление на Кубань, и 4 августа Екатеринодар вновь был возвращен под власть «белых».

Вопрос об охране общественного порядка и борьбы с преступностью еще никогда не стоял так остро, как в годы гражданской войны. Именно поэтому еще 1 августа на заседании Кубанского краевого правительства было принято решение «Об упразднении бывшей милиции и заменения ея городской и станичной стражею и установления временных штатов этой стражи»[1]. Согласно данному постановлению городская и станичная стражи учреждались в Екатеринодаре, Армавире, Ейске, Темрюке, Майкопе, Анапе, Тихорецке и хуторе Романовском. Расходы по содержанию стражи были возложены на тот город или поселение, где учреждалась стража согласно штату.

Городская стража была построена по образу военного подразделения. Об этом свидетельствует один из пунктов Временного положения о городской страже, который гласит: «для всех чинов стражи обязательно применение общих оснований Войсковой дисциплины и общее руководство в этом отношении принадлежит Войсковому Атаману»[2], также о военной организации подразделения говорит порядок обеспечения личного состава вещевым довольствием: «Вещевое, фуражное и приварочное довольствие в нормах, установленных для войсковых частей, выдается чинам городской

[1] Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

[2] ГАКК. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 8. Л. 4-4 об.

стражи из того же источника»[1]. Необходимость в военном прообразе нового правоохранительного органа была продиктована обстоятельствами времени, ведь он мог использоваться не только для охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, но и в политических и даже военных целях.

Временный штат городской стражи, утвержденный 1 августа 1918 года, предусматривал наличие следующих должностных категорий с соответствующими окладами денежного содержания: начальника стражи (содержание в месяц – 600 руб.); помощники начальника стражи – 2 (по 480 руб.); письмоводитель (360 руб.); бухгалтер (300 руб.); столоначальники – 3 (по 300 руб.); регистраторы – 2 (по 300 руб.); писари – 8 (по 200 руб.); начальники участков – 5 (по 300 руб.); помощники их – 8 (по 300 руб.); квартальные надзиратели – 26 (по 250 руб.); пешие стражники: старшие – 21 (по 175 руб.), младшие – 180 (по 150 руб.); конные стражники: старшие – 10 (по 200 руб.), младшие – 140 (по 175 руб.); письмоводители при начальниках участков – 5 (по 300 руб.); писари – 17 (по 200 руб.); начальник уголовного отделения (400 руб.); надзиратели уголовного отделения – 4 (по 300 руб.); писарь (200 руб.).

Стоит отметить, что содержание начальника стражи в Екатеринодаре составляло на треть больше, чем содержание на аналогичной должности в Анапе и Тихорецке, если первый получал 600 руб. в месяц, то содержание вторых составляло лишь 400 руб. Такой разрыв в оплате труда начальников стражи обусловлен различной нагрузкой, ложившейся на их плечи, что в первую очередь было связано с количеством населения, проживавшего на вверенной им территории, уровнем преступности, а также количеством подчиненного личного состава (пеших стражников в Екатеринодаре было почти в 5 раз больше, чем в Анапе и Тихорецке, конная же стража в двух последних поселениях вообще отсутствовала)[2]. Денежное содержание рядовых стражников отличалось незначительно, что совсем не соответствовало разнице службы в городе и поселениях, а также уровню жизни. Об этом в своем рапорте упоминает начальник Екатеринодарской городской стражи Ювеналий Иванович Гапонов, возглавлявший в 1908-1909 гг. Екатеринодарское сыскное отделение и являвшийся его первым руководителем, а затем служивший помощником полицмейстера г. Екатеринодара. Обосновывая необходимость повышения денежного содержания чинам стражи, Гапонов пишет: «Что же касается установленных штатам стражи окладов содержания, я прежде всего должен отметить то обстоятельство, что содержание для чинов Екатеринодарской городской стражи установлено или одинаковое или почти одинаковое с содержанием чинов стражи Темрюка, хутора Романовскаго и др. городских или городского типа поселений Края. Это представляется совершенно не соответствующим ни обстоятельством службы,

[1] ГАКК. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 8. Л. 4-4 об.

[2] Там же. Л. 5-5 об.

ни условиями жизни, так как в городе Екатеринодаре, являющемся административным и торгово-промышленным центром Края, работы для чинов стражи несравненно больше, нежели в уездных городах, и работа сама по себе серьезнее и напряженнее, а сама жизнь в городе Екатеринодаре чуть-ли не 50% дороже против жизни, например, в гор. Темрюке»[1].

Отдельно стоит упомянуть о порядке выплаты денежного содержания. Бюджет Екатеринодара испытывал колоссальные трудности в связи с раздиравшей нашу страну гражданской войной, поэтому удивить кого-либо задержкой жалованья было невозможно, однако вот что пишет начальник Екатеринодарской стражи Ю.И. Гапонов в своем рапорте от 2 декабря 1918г.: «Неполучение жалованья в течение двух месяцев поставило чинов стражи положительно в ужасное положение: у многих нет абсолютно ни копейки денег уже два месяца»[2]. Докладывая Кубанскому правительству о безденежье среди стражников Гапонов снимал с себя ответственность за «непотребное» поведение стражников ввиду отсутствия у них средств к существованию.

После занятия Екатеринодара белогвардейцами 7 августа 1918 г. был издан приказ начальника Екатеринодарской городской стражи Гапонова об увольнении всех служащих в наружной, уголовной милиции, а также управлении ее и участках. Однако Гапонов оставил возможность начальникам участков стражи входить к нему с представлением об оставлении на службе тех из служащих, нравственный облик которых безупречен. Такой приказ являлся скорее формальным, чем реальным административным актом, ведь большинство сотрудников милиции покинуло город вместе с Красной армией, оставшаяся же часть не смогла бы продолжить службу в городской страже по идеологическим причинам.

Отдельно хотелось бы остановиться на политической функции стражи. Приказ начальника Екатеринодарской городской стражи Гапонова от 19 августа 1918 г. о проверочных мероприятиях в отношении лиц, оставивших город вместе с отступавшими большевиками, а затем вернувшихся в Екатеринодар, предписывал участковым начальникам следить за возвращением всех жителей, бежавших из города с большевиками, о каждом случае сообщать в участки стражи. Участковые начальники выясняли степень причастности возвратившихся лиц к большевикам и производили дознание по этому поводу, направляя материал в следственную комиссию о преступлениях, совершенных по политическим мотивам, то есть выполняли функции политической полиции, существовавшей в России до 1917 года в виде губернских жандармских управлений и охранных отделений.

[1] ГАКК. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 8. Л. 28-30.
[2] Там же. Л. 55-55 об.

27 сентября 1918 г. Ю.И. Гапонов обратился к члену кубанского краевого правительства по ведомству внутренних дел с рапортом о необходимости расширения штата и повышения денежного содержания чинам стражи. В своем обращении Гапонов обращает внимание, что за два месяца работы стражи гор. Екатеринодара выявились дефекты, которые необходимо устранить в интересах службы. «Дефекты эти выражаются, с одной стороны, в недостаточности положеннаго штатами числа чинов, а с другой стороны, в крайне низких, при условиях нынешней дороговизны жизни, окладах содержания»[1].

Начальник стражи жаловался на отсутствие в штате адресного стола. Напомним, что все вновь прибывшие в город граждане обязаны были регистрироваться в адресных столах, что оказывало существенное подспорье полиции в розыске и поимке преступников. Подобные учреждения давно существовали в крупных городах Российской империи. Помимо этого не хватало помощников участковых начальников, квартальных надзирателей, стражников и чинов уголовно-розыскного отделения. Заявления Гапонова не были голословны, в обоснование нехватки кадров он приводит циркуляр министра внутренних дел Протопопова, утвержденный еще в 1916 году. Согласно ему проектировавшийся штат полиции был обоснован научно-статистическими данными, что показывает его соответствие потребностям жизни. При сравнении штатов полиции с учрежденными временными штатами стражи, недостаток последних в сотрудниках очевиден, особенно если принимать во внимание тот факт, что «в 1916 году, когда проектировались означенные полицейские штаты, численность народонаселения города Екатеринодара была 160 тысяч человек, а ныне достигает 200 тысяч человек»[2].

Говоря о денежном содержании сотрудников стражи, Гапонов обращает внимание на то, что до начала войны с Германией содержание чинов бывшей Екатеринодарской городской полиции выражалось в суммах от 60, 80 и до 100 рублей в месяц. С начала войны жизнь в Екатеринодаре «с того времени вздорожала не менее, чем в десять раз»[3], на основании этого Гапонов полагал бы установить содержание стражников в десять раз больше прежнего, но входя в тяжелое финансовое положение Края, готов остановиться на минимальных окладах, необходимых для сносного существования стражников.

Отдельно стоит остановиться на работе уголовного отделения Екатеринодарской городской стражи, по сути заменившего собой сыскное отделение третьего разряда, действовавшее в 1908-1917 гг. при Екатеринодарском городском полицейском управлении. В своем рапорте от 3 октября 1918 г. начальник уголовного отделения Колпахчев, возглавлявший ранее в 1914-1917 гг. упомянутое Екатеринодарское сыскное отделение, сетует на

[1] ГАКК. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 8. Л. 28-30.
[2] Там же.
[3] Там же.

недостаток кадров. По штату, составленному еще на тихорецком заседании краевого правительства 1 августа 1918 г., предусматривалось, что уголовное отделение должно состоять из начальника, трех надзирателей и писаря. Такое мизерное количество сотрудников было не в состоянии полноценно и эффективно выполнять задачи по борьбе с уголовной преступностью в городе с многотысячным населением, коим тогда являлся Екатеринодар. Отметим, что сыскное отделение в 1908-1917 гг. состояло из 8 человек. По приказу коменданта города штаты были увеличены, и состав уголовного отделения, по крайней мере, на бумаге с 4-го августа приобрёл следующий вид: начальник отделения, 3 помощника, 7 чиновников для поручений, 10 агентов, секретарь, 3 писаря.

Однако суть жалобы Колпахчева состояла в следующем: «Проэкты этих штатов, представленные мною своевременно Начальнику стражи, до сих пор еще не утверждены и находятся на разсмотрении. Хотя в утверждении их сомневаться не приходится, тем не менее, я вынужден доложить, что для успешнаго продолжения деятельности Уголовнаго Отделения прежде всего нужны средства как на агентуру, так равно и для удовлетворения содержанием служащих, каковых средств мне до сих пор отпущено не было.»[1] Комендант нашел рапорт Колпахчева обоснованным и ходатайствовал перед председателем Кубанского Краевого Правительства Л.Л. Бычем о срочном утверждении штатов отделения и спешном отпуске запрашиваемых денежных средств.

Завершение организационно-правового оформления института городской стражи произошло 5 апреля 1919 года с принятием нового Временного положения о городской страже и утверждением исправленных и дополненных штатов стражи в крупнейших населенных пунктах Кубанского края. Согласно положению стража основывалась на началах воинской дисциплины и являлась войсковой частью Кубанского казачьего войска. Отныне расходы на содержание стражи ложились в равных долях на счет населенного пункта, где стража была учреждена, и на счет Краевой казны. Вещевое, фуражное, провиантское, и проч. довольствия все так же устанавливалось в нормах, предназначенных для войсковых частей.

Пешие стражники вооружались шашками и револьверами системы «Наган», конные шашками и винтовками. Установленная форма одежды представляла собой: «брюки, куртку защитнаго цвета, – отложной воротник коричневаго цвета и коричневые погоны. Головной убор: летом фуражка защитнаго цвета с коричневым околышем, зимой – казачья шапка. Сапоги военнаго образца. Шинель сераго сукна с коричневыми погонами»[2].

[1] ГАКК. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 8. Л. 44-44 об.
[2] (ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 298. Л. 106-107).

Обновленный штат Екатеринодарской городской стражи был существенно расширен, в него включался адресный стол, о необходимости которого ходатайствовал Ю.И. Гапонов. В управлении стражи учреждались должности рассыльных, до того времени не существовавших в штате, а количество стражников было увеличено в два раза с 350 до 700 человек. Уголовное отделение пополнилось фотографом, обязанности которого ранее ложились на надзирателей уголовного отделения и «женщиной для обыска женщин». Так же новый штат пополнился медицинским околодком, состоявшим из врача и двух фельдшеров.

Таким образом, в непродолжительный период своей деятельности, охватывающий 1918-1920 гг., екатеринодарская городская стража представляла собой военизированное подразделение, выполнявшее задачи по охране общественного порядка, борьбе с преступностью, а также отчасти функции политической полиции. Правовой основой организации и деятельности данного местного правоохранительного института послужил ряд нормативных правовых документов, выработанных Кубанским краевым правительством. Однако на протяжении всего времени своего существования городская стража испытывала серьезнейшие проблемы с финансированием и, как следствие, кадровый голод, что было обусловлено тяжёлыми условиями военного времени. Именно эти обстоятельства в конечном итоге не позволили страже эффективно выполнять возложенные на неё обязанности. 17 марта 1920 года Екатеринодар был вновь занят Красной армией. «Старый порядок» окончательно прекратил свое существование в кубанской столице, а вслед за ним эта участь неминуемо постигла и городскую стражу.

Абдулатипов Абдулатип Магомедзагидович,
кандидат юридических наук, начальник Центра
профессиональной подготовки
МВД по Республике Дагестан

ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Противодействие экстремизму и терроризму, в том числе и его религиозно - политической форме, является актуальной задачей всех без исключения органов государственной власти и местного самоуправления, общественности, каждого гражданина. Вместе с тем, до последнего времени эта работа была переложена на правоохранительные органы и, в первую очередь, на органы внутренних дел, которые играют особую роль среди субъектов, осуществляющих противодействие терроризму и экстремизму. Она определяется разнообразием и широтой компетенции, обширным спектром

полномочий по осуществлению оперативно-розыскной, административно-юрисдикционной, уголовно-процессуальной и иных видов деятельности по борьбе с основной массой преступлений, наличием в структуре разных служб и подразделений, включая специализирующиеся на предупреждении преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

Как показывает практика, результативность работы в данной сфере во многом зависит от использования положительного опыта организации взаимодействия и координации деятельности различных органов, служб и подразделений, непосредственно принимающих участие в борьбе с терроризмом.

За последние годы правоохранительными органами Республики Дагестан накоплен огромный опыт борьбы с экстремизмом и терроризмом. Наиболее ощутимо это проявляется в сфере оперативно-разыскного упреждения преступлений экстремистской и террористической направленности, организации профилактической работы в экстремистски настроенной среде, информационного противодействия пропаганде радикальных идей, целенаправленного противодействия вербовке молодежи в ряды террористических организаций и групп, отслеживания внутренней и внешней миграции, конструктивного взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления, образовательными организациями, с представителями различных конфессий и по другим направлениям.

Об этом свидетельствуют приведённые ниже статистические данные, результаты оперативно–разыскной и профилактической работы по противодействию терроризму и экстремизму только за 2015 – 2016 гг. и январь – апрель 2017 года.

Так, в 2016 году выявлено 966 (АППГ-679) преступлений террористической направленности, раскрыто - 371(АППГ–281); зарегистрировано – 70 (АППГ-82) преступлений экстремистской направленности, раскрыто – 38 (АППГ-44).

Кроме того, выявлено и раскрыто совершенные членами террористических групп 14 (АППГ-23) преступлений общеуголовной направленности, в том числе: по три убийства и умышленного уничтожения чужого имущества; два хулиганства; по одному умышленному причинению тяжкого вреда здоровью и вандализму, неправомерному завладению автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, посягательству на жизнь лица, осуществляющего правосудие, незаконному лишению свободы, разбою.

При оказании вооруженного сопротивления в 2016 году ликвидировано 106 (АППГ-106) членов террористических ячеек, в том числе 17 (АППГ-19) главарей террористического подполья. Среди них т.н. «Амир Вилайята Дагестан» Асельдеров Р.М., лидеры террористических ячеек «Кадарская» Мирзаев Г.А., «Шамильская» – Амиров И.М., «Кизилюртовская» – Акамов Э.Н., которые находились в федеральном розыске за совершение преступлений террористической направленности.

Задержано 315 (АППГ-543) и склонено к явке с повинной 6 (АППГ-63) членов бандподполья.

По результатам оперативно-разыскных и оперативно-поисковых мероприятий обнаружено 22 (АППГ-21) блиндажей, 2 (АППГ-6) базы и 80 (АППГ-77) схрона.

В ходе оперативно-разыскных, контртеррористических и специальных мероприятий изъято внушительное количество оружия и боеприпасов: автоматов – 100 (АППГ-87), пулеметов – 6, гранатометов – 27 (АППГ-29), огнеметов РПО «Шмель» - 4 (АППГ-4), пистолетов – 174 (АППГ-149), винтовок – 68 (АППГ-32), обрезов – 11 (АППГ-14), магазинов к автоматам – 565, патронов разного калибра – 68 013 (АППГ– 65 655), гранат – 354 (АППГ-340), выстрелов к РПГ –23, выстрелы ВОГ – 525, взрывателей и электродетонаторов – 345, артиллерийских снарядов (фугасов) – 7 (АППГ-27), минометных снарядов – 86, мин – 7 (АППГ-24), взрывчатых веществ – 17 (АППГ-31) кг, компонентов для ВВ – 1413 (АППГ-910) кг., радиостанций – 35 (АППГ-29), снайперских оптических прицелов - 7. Выявлено и обезврежено 35 (АППГ-56) самодельных взрывных устройств.

За январь-апрель 2017 года в республике зарегистрировано 181 преступление террористической направленности (раскрыто 119); 22 преступления экстремистской направленности (раскрыто 11); 10 преступлений, квалифицируемых по ст. 317 УК РФ (раскрыто 21).

Об успехах правоохранительных органов в сфере противодействия терроризму и экстремизму свидетельствует также сокращение числа посягательств на сотрудников правоохранительных органов и потерь среди них. В 2016 году зарегистрировано 69 (АППГ-73) преступлений, квалифицируемых по ст. 317 УК РФ, раскрыто – 52 (АППГ-70). Необходимо отметить, что в текущем году среди сотрудников правоохранительных органов и жителей республики нет потерь в результате целенаправленных посягательств.

Системное противодействие экстремизму и терроризму, а также постоянное силовое давление подорвали основы террористического подполья и значительно ослабили их боеспособность на территории республики.

Следствием этого является неуклонное сокращение числа террористических ячеек, а также их численный состав. В настоящее время на территории республики действует террористическое подполье, состоящее из 10 ячеек установленной численностью до 25 человек.

Именно успехи сил правопорядка являются основной причиной того, что главари 6 террористических ячеек объявили о своем вхождении в состав МТО «ИГИЛ» (Кадарская», «Губденская», «Махачкалинская», «Хасавюртовская», «Кизилюртовская», «Цумадинская»). Большая часть этих ячеек действуют на равнинной части республики, где значительно сложнее скрываться от силовых структур.

В 2016 году уничтожено 15 членов этих ячеек и 1 - задержан. Главари 5 «проигиловских» ячеек также ликвидированы. Сложная ситуация, в которой эти ячейки оказались, и принудило их войти в состав ИГИЛ в надежде на финансовую и иную помощь с его стороны.

В составе же террористической организации «Имарат Кавказ», которая отказалась войти в состав МТО ИГИЛ, остались 4 ячейки («Харачинская», «Балаханинская», «Шамильская», «Хунзахская») общей численностью 11 человек. Их потери составили 6 человек, а также 1 - задержан.

В 2015 – 2016гг. годы полностью ликвидированы террористические ячейки «Гунибская», «Избербашская», «Махачкалинская» и «Южная».

Вместе с тем в республике всё ещё остаётся пособническая база террористического подполья из числа носителей идеологии салафизма и ваххабизма, так называемых непримиримых радикалов, которая в настоящее время не активна из-за целенаправленной работы правоохранительных органов. Она составляет основу для вербовки лиц в террористические организации. Поэтому её и называют «спящей ячейкой» террористического подполья.

В связи с этим, основная профилактическая работа правоохранительных органов направлена на контроль за членами этих ячеек (т. н. «джамаатов»).

Решение задач по профилактике экстремистских и террористических проявлений правоохранительные органы Республики Дагестан осуществляют в рамках реализации соответствующих государственных программ:

- «Реализация стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации на период до 2025 года в Республике Дагестан на 2015-2017 годы»;

- «Комплексная программа противодействия идеологии терроризма в Республике Дагестан на 2017 год»;

- Указа Президента Республики Дагестан от 5 декабря 2013 года №330 «О создании Комиссии при Президенте Республики Дагестан по культурно-историческому просвещению и воспитанию молодежи, противодействию проявлениям невежества и экстремизма, комплексного плана противодействия идеологии экстремизма и терроризма в Российской Федерации на 2013 - 2018 годы».

Эти мероприятия также предусмотрены в принятых Правительством РД программах: «Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи до 2025 года» и «Патриотическое воспитание молодежи в РД».

С учетом складывающейся ситуации в целях повышения эффективности противодействия преступной деятельности террористических и экстремистских структур, принимаются совместные дополнительные меры:

- на территории республики создана Временная оперативная группа МВД России, силы и средства 3 оперативных групп размещены в Махачкале, еще 7 групп – в городах и районах с наиболее сложной оперативной обстановкой;

- по решению Федерального оперативного штаба (оперативная директива ФОШ №8от 18 августа 2011 г.), из числа сотрудников ФСБ, МВД, ФС ВНГ и временной оперативной группировки органов и подразделений МВД РФ созданы 5 сводных оперативных групп;

- проводятся совместные мероприятия по упорядочиванию ситуации в сфере негосударственного религиозного и общего образования с заведением контрольно-наблюдательных дел на каждое учреждение;

- реализуется комплекс оперативно-профилактических мероприятий в отношении лиц, ранее обучавшихся и обучающихся в зарубежных религиозных образовательных учреждениях;

- создана постоянно действующая Межведомственная координационно-аналитическая, оперативная и следственно-криминалистическая группа по раскрытию и расследованию преступлений террористической и экстремистской направленности.

Повышению эффективности противодействия терроризму способствовала активизация взаимодействия правоохранительных органов с действующей в республике многоуровневой диалоговой системой совещательно-консультативных органов. На региональном уровне в нее входит Совет при Главе Республики Дагестан по межнациональным и внутриконфессиональным отношениям (утвержден Указам Главы Республики Дагестан от 10.11.2014 года № 242), Советы Старейшин (52) и республиканский молодежный Совет.

Также организовано тесное взаимодействие с созданными при администрациях муниципальных образований комиссиями по примирению и согласию, которые предназначены для решения возникающих конфликтов в данной сфере.

Одной из наиболее значимых проблем в борьбе с терроризмом и экстремизмом в республике является противодействие вовлечению молодёжи в террористические и экстремистские организации религиозно-политического толка, проникновению в молодежную среду идеологии национального, расового и религиозного экстремизма, ксенофобии.

В связи с этим правоохранительными органами республики в тесном взаимодействии с органами государственной власти, местного самоуправления, общественными формированиями особое внимание уделяется вопросам совершенствования профилактической работы среди учащихся образовательных учреждений. Проводятся «уроки антитеррора» с учащимися, встречи со студентами, преподавателями и родителями, на которых доводится пагубность экстремизма и терроризма, отсутствие перспектив для тех, кто встал на преступный путь с демонстрацией конкретных примеров.

В 2016 году проведено более 800 (АППГ - 675) мероприятий, направленных на обеспечение консолидации народов Дагестана, поддержку политики по противодействию идеологии терроризма и экстремизма.

Так, в Дагестанском государственном медицинском университете и Дагестанском государственном техническом университете проведены «круглые столы» на тему: «Профилактика экстремизма, недопущение вовлечения студенческой молодежи в экстремистскую деятельность». Тематические встречи проведены практически во всех учебных заведениях высшего и среднего профессионального образования республики.

Широкое распространение, и не только в Дагестане, получили антитеррористические акции под девизом «Работайте, братья», импульсом к которым стал героический поступок сотрудника МВД по РД Магомеда Нурбагандова.

Совместно с представителями Антитеррористической комиссии республики, Комитета по свободе совести, взаимодействию с религиозными организациями, Духовного управления мусульман Дагестана, СМИ в общеобразовательных учреждениях организованы и проведены «круглые столы» и семинары, посвященные гражданскому и патриотическому воспитанию молодежи, единые классные часы, посвящённые Дню солидарности в борьбе с терроризмом.

С учётом возрастных особенностей детей были подобраны темы классных часов с использованием методических материалов, таких как: «Агрессия – что это?», «Экстремизм в Дагестане», «Беслан - 2004», «Кизляр – 1996 год», «Нам нужен мир!», «Террор – угроза обществу», «Беслан – боль моя», «Как это было: Кизляр, Беслан, Каспийск», «Терроризм и его последствия», «Современный мир и терроризм» и др. Эти мероприятия сопровождались демонстрацией видео- и документальных фильмов: «Прерванный урок», «Вся правда об ИГИЛ», «Паутина», «Антология террора» и другие.

В социальных сетях и блогосфере, проведены информационные мероприятия, направленные на дискредитацию идеологии терроризма и религиозного экстремизма, формирование у населения и, в частности, у молодого поколения, ее неприятия, а также по склонению к отказу от противоправной деятельности членов террористического подполья, их пособников. При этом основной упор делается на тот факт, что лица, подверженные экстремистским взглядам, не имеют ничего общего с религией ислама, под прикрытием которого они осуществляют свою противоправную деятельность.

Так, в целях информационно-пропагандистского противодействия идеям терроризма и экстремизма, в сети Интернет размещено более 660 статей и заметок, направленных на дискредитацию террористических организаций и информирование населения о разыскиваемых преступниках и их пособниках, а также о «спящих ячейках». Размещено более 7000 комментариев к 672 материалам.

В ходе мониторинга Интернет-ресурсов в 2016 году выявлено 466 (243) фактов размещения в социальных сетях призывов к осуществлению экстремистской и террористической деятельности, либо оправданию идео-

логии и практики терроризма, а также направленные на возбуждение национальной, религиозной или расовой вражды; выявлено 316 сайтов, 92 страницы и 24 группы, размещающих материалы с такими призывами. По данным фактам возбуждено 12 (АППГ-22) уголовных дел.

В территориальные ОМВД направлено 8 материалов в отношении пользователей сети Интернет, которые размещали на своих страницах, в публичный доступ, материалы, подпадающие под административное наказание в соответствии со ст. ст. 20.3 и 20.29 КоАП РФ).

Для дальнейшей проверки и принятия решения в соответствии с действующим законодательством в ОВД других субъектов РФ направлено 6 материалов, в которых по предварительной оценке содержатся признаки преступлений.

В подразделения Роскомнадзора РФ по Республике Дагестан направлено для ограничения доступа 316 материалов, заблокирован 271 ресурс, из которых 19 сайтов, направлено 11 запросов для выдачи копий решений судов с целью дальнейшего сбора материала по ограничению доступа к данным ресурсам.

В информационно-пропагандистских целях, в сети Интернет размещено 545 статей и заметок, направленных на дискредитацию террористического бандподполья и информирование населения о разыскиваемых преступниках и тех, кто их поддерживает, размещено 7110 комментариев к 620 материалам, направленных на противодействие экстремистской идеологии.

Совместно с Министерством информации Республики Дагестан разработаны стикеры «Работайте, братья», а в г. Махачкала проведена специальная акция, в ходе которой сотрудники полиции и волонтеры информировали жителей столицы о мужественном поступке полицейского М. Нурбагандова.

Подготовлен и размещен на региональном телевидении видеофильм «Унесенные верой». Распространено более 10 000 самоклеящихся баннеров к 71-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне.

В целях недопущения героизации нейтрализованных участников террористического подполья и создания образа «шахидов», погибших «в борьбе за веру», их преступная деятельность широко освещается в СМИ.

Пресс-службой МВД по Республике Дагестан налажена работа по размещению в электронных и печатных средствах массовой информации материалов в отношении лиц, осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности.

Принимаются меры по изъятию религиозно - экстремисткой литературы, распространяемой среди населения, в том числе и среди молодежи. Так, в г. Махачкала изъято 2306 (3254) единиц религиозно-экстремистской литературы, 145 ДВД - дисков. Только в сел. Новосаситли Хасавюртовского района сотрудниками МВД и УФСБ России по Республике Дагестан изъята 551 ед. такой литературы.

Организована работа по контролю за объектами религиозного культа (мечетями, квартальными мечетями, молельными комнатами), в т. ч. путём их оперативного прикрытия.

В целях пресечения фактов пропаганды и распространения среди учащихся идей радикального ислама, совместно с представителями министерства юстиции и прокуратуры Республики Дагестан, духовного управления мусульман Дагестана (далее - ДУМД) проведены проверки законности функционирования религиозных учебных заведений в республике. На территории республики зарегистрировано 36 духовных образовательных организаций, из которых 28 - среднего профессионального образования, 8 - высшего. Из них лицензии на осуществление образовательной деятельности имеют 17 организаций: 8 - высшего и 9 - среднего профессионального образования. Совместно с Управлением Минюста России по Республике Дагестан в адрес всех 36 образовательных организаций направлены предупреждения о недопустимости нарушений закона. Также в 2015 году судами удовлетворено 18 исков о ликвидации заведений, функционировавших без правоустанавливающих документов.

В целях организации работы по контролю за объектами религиозного культа (мечетями, квартальными мечетями, молельными комнатами), МВД по РД подготовлено и направлено в УОМВД России по городам и районам распоряжение от 30.06.2015 № 32/52 «О принятии мер по выявлению экстремистов в среде студенческой молодежи», заведено литерное дело «Мечети».

В 2015-2016 годах в результате проведенных профилактических мероприятий прекращено функционирование 10 салафитских мечетей, осуществлявших противоправную деятельность, в том числе вербовку боевиков для МТО ИГИЛ.

Так, используя инициативу местных жителей, закрыта мечеть «салафитской» направленности в сел. Куруш Хасавюртовского района. В Сулейман-Стальском районе совместно с органами местного самоуправления при поддержке местного населения в 7 мечетях заменены имамы, которые придерживались салафитской идеологии. Также сменен имам района.

Регулярно проводятся оперативно-розыскные и профилактические мероприятия в отношении прихожан мечети, расположенной в г. Махачкала по ул. Генерала Омарова, которую посещают приверженцы салафизма. Уголовной ответственности по ст. 222 УК РФ привлекаются помощник имама данной мечети Ахмедов и будун Наботов.

По материалам проверки правоохранительных органов, Дербентским городским судом вынесено решение о сносе незаконно возведенной салафитской мечети. Такая работа проведена и в других районах республики.

Проведена работа по выявлению и пресечению деятельности проповедников религиозного экстремизма, оказывающих негативное влияние на обстановку в регионе. Так, установлено и задержано 6 (АППГ-44) человек,

в том числе служителей салафитских мечетей, которые занимались вербовочной и агитационной деятельностью.

На базе ЦПЭ МВД по Республике Дагестан создан единый централизованный учет лиц, причастных к экстремистской и террористической деятельности (СУБД «Кронос-Про»), в банк данных внесена соответствующая информация.

С целью проверки адаптации к новым условиям жизни лиц, освободившихся из мест лишения свободы, а также установления несовершеннолетних, проживающих с ними, осуществлено около 1 510 целевых посещений по месту их проживания, в т.ч. в отношении 739 лиц, осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности.

Целенаправленная работа проводится по профилактике экстремизма и вербовке в террористические группы в ВУЗах и ССУЗах республики.

В рамках реализации приказа МВД по РД №464 от 14 марта 2014 г. «О совершенствовании деятельности органов внутренних дел в высших и средних специальных учебных заведениях Республики Дагестан» созданы рабочие группы, которые на постоянной основе осуществляют мониторинг ситуации в этих заведениях, совместно с преподавательским составом проводят профилактическую работу среди студентов, выявляют лиц, распространяющих среди них экстремистскую идеологию.

В результате совместной работы МВД и прокуратуры Республики Дагестан в 2015 – 2016 годах выявлено и закрыто 2 незаконно функционирующего образовательного учреждения в г. Буйнакске и 1 - в г. Махачкале; также закрыты 4 незаконно функционирующих дошкольных образовательных учреждения. За противоправную деятельность по представлениям правоохранительных органов из ВУЗов и ССУЗов исключено 80 студентов.

В образовательных учреждениях также проводятся оперативно-разыскные мероприятия, направленные на получение информации о негативных процессах, происходящих в студенческой среде, идеологах и руководителях радикальных организаций, вовлекающих молодежь в совершение правонарушений экстремисткой направленности.

Проводится работа по исполнению распоряжения МВД по Республике Дагестан от 25.11.2014 № 26/183 «О мерах по предотвращению вовлечения несовершеннолетних детей в террористическую деятельность» и распоряжения МВД по Республике Дагестан от 28.12.2014 № 52/1814 «О проведении профилактической работы с семьями членов диверсионно-террористического подполья».

По инициативе республиканского МВД Министерством образования и науки Республики Дагестан в 2016 году отстранены от занимаемых должностей 16 (28) учителей общеобразовательных учреждений, являющихся активными приверженцами религиозного экстремизма.

Одним из приоритетных направлений работы правоохранительных органов в противодействии терроризму и экстремизму является склонение

террористов, их пособников, а также лиц, придерживающихся и распространяющих террористическую идеологию к отказу от противоправной деятельности.

Данная работа проводится в тесном взаимодействии с Комитетом Республики Дагестан по делам религии, Министерством по национальной политике, информации и внешним связям, ДУМД, представителями Антитеррористических комиссий при администрациях городов и районов, а также видными государственными и общественными деятелями.

В соответствии с Указом Президента РД от 29.04.2013 № 140 во взаимодействии с комиссией по примирению и согласию, в состав которой входит подкомиссия по содействию в возвращении и адаптации к мирной жизни лиц, решивших прекратить террористическую и экстремистскую деятельность, удалось склонить к явке с повинной 6 (63) участников террористического подполья.

В отношении этих лиц оперативными подразделениями МВД и УФСБ РФ по РД проводится тщательная оперативная отработка на предмет установления истинных намерений явки с повинной с целью предупреждения и недопущения их легализации таким путем для дальнейшего совершения преступлений террористического и экстремистского характера, по установлению их возможной причастности к ранее совершённым преступлениям в составе террористических ячеек.

Совместно с руководителями предприятий, организаций и учреждений оказывается содействие религиозным организациям и общественным объединениям в пропаганде антитеррористической идеологии с проведением встреч, круглых столов, конференций на своих объектах с привлечением духовных лидеров и авторитетных общественных деятелей.

Предупреждены случаи использования оппозиционными силами гражданской войны на юго-востоке Украины, как повод для протестных акций на территории республики, а также постоянно проводится работа по выявлению членов «Комитета солидарности с майданом», «Российского антивоенного движения», «РПР-Парнас», ОДД «Солидарность» и др.

В 2015 году прекращена деятельность «лжеправозащитных» региональных общественных организаций «Матери Дагестана за права человека» и «Правозащита», под прикрытием которых родственники членов террористических ячеек и некоторые средства массовой информации республики активно занимались дискредитацией правоохранительных органов и завуалированной поддержкой салафизма и ваххабизма.

В целях осуществления оперативно-розыскных мероприятий в отношении вербовщиков и лиц, принимавших участие в вооруженных конфликтах на территории стран Ближнего Востока, в структуре Центра по противодействию экстремизму МВД создано специализированное подразделение, сотрудники которого совместно с УФСБ России по Республике Дагестан и территориальными органами внутренних дел и безопасности на постоянной

основе проводят комплексные оперативно-профилактические мероприятия по выявлению и пресечению фактов вовлечения граждан республики в международные террористические и экстремистские организации.

В настоящее время наиболее сложной проблемой является участие жителей республики в боевых действиях в составе международных террористических организаций на территории стран Ближнего Востока. Помимо нанесения иных негативных последствий национальной безопасности Российской Федерации, это способствует пополнению террористических ячеек боевиками, подготовленными за рубежом в тренировочных центрах террористов, а также внедрению в них эмиссаров МТО, укреплению ядра вооруженного террористического подполья, налаживанию каналов его финансирования и материального обеспечения.

По данным МВД и УФСБ РФ по РД, в боевых действиях на стороне МТО «ИГИЛ» в 2016 году принимали участие 1229 (в 2015 году-915) выходцев из республики, из которых 1212 были объявлены в федеральный и 385 – в международный розыск. А к концу апреля 2017 года количество этих лиц увеличилось до 1264, из них в федеральный розыск объявлено 1259, в международный - 520. По информации специальных служб 205 (АППГ-180) лиц из вышеуказанной категории уничтожены. За январь-апрель 2017 года задержано и привлекаются к уголовной ответственности по ст. 208 ч. 2 УК РФ 2 (АППГ-8) жителя республики, вернувшихся после участия в боевых действиях на стороне МТО).

Кроме того, в результате проведенных оперативно-разыскных и специальных мероприятий в текущем году пресечены попытки выезда 7 (АППГ-8) лиц в Сирию для участия в боевых действиях в составе МТО.

В целях упорядочения оперативно-розыскных мероприятий в отношении вышеуказанных лиц, а также для своевременного выявления фактов выезда приверженцев религиозного экстремизма в зоны военных конфликтов реализуется распоряжение МВД по Республике Дагестан от 28.12.2016 № 1/159 «Об организации комплекса мероприятий, направленных на выявление лиц, причастных к деятельности МТО», а также план взаимодействия ПУ ФСБ России и МВД по Республике Дагестан от 10.02.2016 № 417.

В рамках выполнения указания МВД России от 05.10.2015 № 392 осуществляется контроль за перемещением лиц, представляющих оперативный интерес, на территорию других субъектов Российской Федерации с незамедлительным уведомлением соответствующего территориального органа МВД России о необходимости организации и проведения проверочных мероприятий по установлению целей прибытия фигуранта и его причастности к преступной деятельности. Для этого используются возможности созданной в республике контрольно-заградительной системы.

Для координации совместных действий регулярно проводятся рабочие встречи с представителями ПУ ФСБ России по РД по выработке мер,

направленных на предупреждение, выявление и пресечение выезда граждан из республики в террористически активные зоны за рубежом и возвращения из таких зон. Осуществляются совместные проверочные и фильтрационные мероприятия на пунктах пропуска через государственную границу РФ.

Все лица, объявленные в федеральный розыск по подозрению в участии в международных террористических организациях, выставлены на сторожевой контроль ПТК «Розыск-Магистраль», а в целях пресечения ими перехода государственной границы Российской Федерации, в Пограничное управление и Управление по вопросам миграции представляются списки лиц, подпадающих под вышеуказанную категорию.

Кроме указанного, налажено сотрудничество с подразделениями УФСБ России по Республике Дагестан, Следственного управления МВД и СУ СК России по Республике Дагестан в вопросах сбора материалов и процессуального закрепления фактов участия лиц в составе международных террористических организаций.

В 2015 - 2016 гг. имелись факты вливания в состав террористических ячеек возвратившихся из стран Ближнего Востока боевиков с опытом ведения диверсионной войны.

В истекшем году задержано 20 (27) таких лиц, и еще 4 преступника ликвидировано при оказании вооруженного сопротивления.

Осуществляется взаимодействие с УФСИН России по Республике Дагестан в целях недопущения распространения идеологии терроризма и экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Организован постоянный обмен информацией в отношении лиц, осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности, участие в НВФ, незаконный оборот оружия и боеприпасов.

Регулярно отрабатываются лица из числа лидеров преступной среды, приверженцев экстремизма, участников боевых действий в составе незаконных вооруженных формирований, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

В целях предупреждения и пресечения рецидива на постоянной основе осуществляется обновление списков лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, осужденных за преступления террористического и экстремистской направленности.

При всей значимости достигнутых успехов в противодействии экстремизму и терроризму, следует отметить необходимость совершенствования системы мер противодействия экстремизму и терроризму в республике.

Как было отмечено, у нас накоплен заслуживающий внимания богатый опыт в противодействии экстремизму и терроризму. Необходимо провести его глубокий анализ и обобщение, чтобы рекомендовать, какие методы, средства и формы использовать на практике деятельности разных служб и подразделений с тем, чтобы система противодействия экстремизму

и терроризму была адекватной сложившейся ситуации. Необходимо обеспечить не только соответствующий анализ современного состояния, но и долгосрочный прогноз развития ситуации. Это важно для того, чтобы противодействие терроризму и экстремизму было адекватно степени его опасности, чтобы определить стратегию минимизации этого зла в будущем.

Особое внимание необходимо уделить предотвращению навязывания молодежи несовместимых с нынешней российской действительностью ценностей и социальных норм так называемого «чистого ислама».

Необходимо использовать наметившуюся в настоящее время некоторую стабилизацию общественно-политической и криминогенной обстановки для проведения эффективной молодежной политики, создания для молодежи нормальных социально-экономических и культурных условий для успешной самореализации.

Также следует целенаправленно обновить существующую систему профилактики противодействия терроризму и экстремизму в республике в соответствии с новым Федеральным законом от 23.06.2016г ФЗ №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Следует четко и ясно определить зону ответственности всех органов власти, установить и определить жесткий спрос с каждого органа за результаты работы.

Важно наладить активную и эффективную работу во всех учебных заведениях в данном направлении. Следует вести непримиримую борьбу с образовательными учреждениями, занимающимися куплей-продажей дипломов, а не образовательным процессом. Таких учебных заведений в республике не должно быть. Их деятельность является одной из причин подверженности молодых людей экстремистским идеям.

Требуется создание эффективной системы просвещения, несущей в сознание людей идеи культурного и конфессионального плюрализма, религиозной терпимости и исторического единства народов Дагестана, обеспечивающей соответствующий общеобразовательный уровень населения.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что эффективное противодействие террористской и экстремистской деятельности возможно только при использовании накопленного практического опыта борьбы с экстремизмом и терроризмом совместными усилиями всего общества и органов государственной власти, в том числе и правоохранительными органами.

Архиреева Анастасия Сергеевна,
преподаватель кафедры теории и истории
права и государства Кубанского
государственного аграрного университета;
Деменишин Демид Олегович,
студент 2 курса юридического факультета
Кубанского государственного аграрного
университета

Проблема рациональности действий «Министерства культуры Российской Федерации» и «Федерального фонда социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии»

Одной из обязанностей гражданина РФ является обязанность уплачивать налоги в пользу государства. Деньги, полученные в ходе сбора налогов, поступают в государственный бюджет, а замет распределяются в различные ведомства и министерства для обеспечения их деятельности. Определённый процент денег идёт, например, на выплаты зарплат учителям, которые в определённой степени ответственны за воспитание подрастающего поколения, в основном в плане их умственного развития. Мы же затрагиваем проблему использования полученных из бюджета денег. Дело состоит в том, что ряд проектов, которые были профинансированными «Министерством культуры Российской Федерации» и «Федеральным фондом социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии». С первого взгляда не особо понятно, как деятельность этих двух государственных структур касается нас, обычных граждан Российской Федерации, и зачем нам вообще задумываться о том, что за проекты они финансируют, но если хоть чуточку вглядеться в эту проблему, то можно заметить много увлекательных и интересных деталей и нюансов, которые помогают увидеть действительный размер этой проблемы.

В настоящее время среди населения России распространено мнение о том, что «Российское кино в небывалом упадке». Это является достаточно ощутимой проблемой государства, так как если уровень кинематографа упадёт, соответственно и может ощутимо упасть уровень культуры населения в целом, что в свою очередь почти со сто процентной вероятностью приведёт к ужасным последствиям, среди которых возможны варианты развития полной анархии в стране, упадок уважения к правоохранительным органам, аппарату управления, президенту, Государственной Думе и Федеральному Собранию. Сама возможность того, что произойдёт что-либо из вышеперечисленного уже ужасна, ведь это приведёт к непоправимым последствиям в работе Правительства. И для того, чтобы не допустить таких событий, было созданы «Министерство культуры Российской Федерации» и «Федераль-

ный фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии». А эти организации уже проводят борьбу с бескультурьем и заботятся о том, чтобы население Российской Федерации имели доступ к качественному отечественному кинематографу. К сожалению, некоторые и проектов, которые были профинансированным «Фондом Кино» и «Министерством культуры» вызывают сомнение: «Действительно ли эти проекты преследуют цель культурного обогащения населения страны, а не наоборот». Такой вопрос возник у меня не случайно, а после просмотра некоторых отечественных кинопроектов, которые в некоторых моментах очень спорны в плане культуры.

Более тщательное рассмотрение этой проблемы начнем с примера фильма, вышедшего в прокат под названием «Взломать блогеров». Данная картина на стадии производства носила название «Волшебники страны ОС», что должно было указать зрителю на то, что этот фильм, в определённой степени является современной экранизацией детской книги американского писателя Лаймена Фрэнка Баума: «Удивительный Волшебник из Страны Оз» и тем самым привлечь к просмотру любителей этой книги. Проблемы у этой картины начались уже на стадии производства, вследствие которых название проекта изменилось с первоначального на итоговый. Сама концепция фильма, как показал прокат, была выбрана неудачно, она не завлекала зрителей и по сути не несла какой бы то ни было культурной ценности. К сожалению, бюджет фильма составил 35 миллионов рублей, а профинансирован фильм был «Фондом кино», который брал деньги для финансирования «Взломать блогеров» из государственного бюджета, а значит на это шли деньги налогоплательщиков. Соответственно, проект с таким большим бюджетом имел высокие амбиции, и видимо зная это, «Федеральный фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии» решил не обременять создателей фильма обязанностью выплачивать эту сумму обратно, или хотя бы часть суммы. Таким образом, «Федеральный фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии» «отдал» 35 миллионов рублей в руки людям для создания фильма, в надежде что у тех получится создать хорошее кино, но при этом не стимулируя этих людей делать действительно хороший фильм. Создатели кинокартины «Взломать блогеров» не были обязаны возвращать деньги государству, и соответственно не были обязаны делать хороший фильм, который должен окупить хотя бы затраты государства. В итоге фильм собрал в прокате 7 179 040 рублей, что естественно даже близко не окупает затрат. Убыток, который принёс фильм государству составляет 27 миллионов рублей, что явно не является маленькой суммой. Не совсем понятно, почему предоставленных денег хватило только на привлечение от силы 10-15 актёров и создание отвратительной анимации. Фильм не выглядит и не ощущается на 35 миллионов рублей, настолько он плохо сделан. Эти деньги могли пойти на финансирование более перспективного проекта,

но к сожалению эти деньги ушли не в те руки, ну а закончилось это огромными убытками. Интересна ситуация с фильмом после его выхода, различные кинокритики и общественность в целом в один голос трубили о той халтурности с которой сделан фильм, о том насколько фильм плох и о том,что деньги ушли точно не на создание фильма. После массовых обвинений «Федеральный фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии» лишь принёс извинения налогоплательщикам и зрителям, за счёт которых был создан сей «Шедевр» и назвал этот огромный просчёт – «неудачным экспериментом». Экспериментом ценой в 35 миллионов рублей налогоплательщиков. Неудачу фильма можно попытаться списать на то, что он был направлен на молодую аудиторию, но ожидания провалились. Впрочем, такого оправдания нельзя приписать следующему моему примеру:

В 2013 году вышел «замечательный» фильм под названием: «Страна хороших деточек». Тут ситуация с бюджетом не менее плоха, бюджет фильма 3,5 миллиона долларов. К этой сумме необходимо добавить ещё 1,5 миллиона долларов, которые потратили на маркетинг. Фильм создавался при финансовой поддержке «Министерства культуры Российской Федерации», а соответственно часть денег была дана создателям проекта из государственного бюджета, то есть из денег налогоплательщиков. Всё было бы не так плохо, если бы не провалы в сборе – фильм собрал лишь 111 056 долларов. По итогу получаются огромные убытки, это даже при том что всё происходило на рубеже 2013 и 2014 годов, ещё до повышения курсов иностранных валют к рублю (стоимость доллара была примерно 34-35 рублей за доллар США), но даже при таком курсе валюты, убытки всё равно огромны. Но фильм выделяется не только своими затратами и окупаемостью, а ещё и тем, что фильм был заявлен как детский, но ему больше подходит характеристика – халтурный. В фильме есть очень странные сцены, актёрская игра детей на нижайшем уровне, даже для детей, все сыграли в этом фильме плохо. В фильме присутствует ряд сцен, явно непредназначенных для детских глаз, а ведь фильм заявлен и продвигался как детский, с уклоном в сторону зрителей детей. Анимация в фильме страдает, она сделана слишком убого и криво, видно насколько наплевательски относились к бюджету фильма создатели, а это при том что часть из этих денег – деньги налогоплательщиков, которые ушли по сути в никуда, а по факту они ушли в «Страну хороших деточек».

Эти два примера прекрасно показали, как актуальна проблема нецелесообразности использования государственного бюджета «Министерством культуры Российской Федерации» и «Федеральным фондом социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии». Очень много примеров фильмов, профинансированных государством посредством этих организаций. Конечно не все финансируемые ими проекты так же бездарны и халтурны как представленные «Взломать блогеров» и «Страна хороших деточек». Есть и примеры фильмов, которые не несут абсолютно никакой

культурной ценности. Это фильмы «Горько» и «Горько 2», а также «Самый лучший день». В каждом из этих фильмов весь сюжет строится вокруг алкоголя. Главные герои вечно пьяные, творящие полный беспредел, аморальные личности. Возможно по началу это и вызывает у кого-то смех, то к концу этих фильмов уже невыносимо терпеть актёров, играющий заядлых алкоголиков. Фильмы наполнены стереотипами и клише. С точки зрения бюджета эти фильмы окупились, но с точки зрения культуры – эти фильмы полный провал. Культурной ценности никакой, герои вызывают отвращение, а ведь это фильмы, которые должны если не увеличивать уровень культуры населения, то хотя бы не снижать, что к сожалению, они и делают. Особенно видно последствие производства таких фильмов на курортах, как на российских, так и на иностранных, дело в том, что образ героев продвигаемый в серии фильмов «Горько» - вечно пьяные, орущие «мужик» и «баба», которые не остановятся ни перед чем, пока не достигнут своей цели – испортить всё что видят, любое имущество, навредить наиболее большему количеству людей, уничтожит какой бы то ни было порядок и нарушить максимально много законов. Насмотревшись на таких героев кинофильмов, рядовые люди примеряют на себя маску их беспечности и хронического алкоголизма, что влечёт за собой общую деградацию нации, вследствие чего деградирует и государство как таковое. Немного не укладывается в голове, как государственные структуры могут спонсировать фильм, главные герои которого стараются нарушать законы, беспросветно пить и вести себя аморально. Видимо, культурная деградация общества кому-то выгодна, раз такие фильмы получают государственное финансирование.

Все вышеперечисленные примеры финансировались «Фондом кино», но «Министерство культуры Российской Федерации» причастно к не менее сомнительным проектам. Таковым является мультфильм «Дети против волшебников» 2016 года выпуска. Данное «произведение искусства» почти и не скрывает своей пропагандистской натуры. Мультфильм открыто заявляет о превосходстве Русской нации над другими, так как «Русские обладают Русской защитой». Так же, этот проект подчеркивает исключительную роль православной веры, даже создаётся впечатление что всё хорошее в этом мире, доступно лишь православным, а остальные – зло! Главные герои фильма – характерные славяне, они обладают славянской внешностью и даже именами, это при том что в России даже в Конституции подчеркивается многонациональность народов населяющих Российскую Федерацию, это уже не говоря о том официальной религии у нас в стране нет, а в этом мультфильме почти в открытую приписывают православию статус государственной религии. Но даже если отбросить то, что мультфильм пропагандирует православие и превосходство Русской нации над другими, у этого проекта есть и другие изъяны, например – финансирование. «Детей против волшебников» профинансировали: «Русская православная церковь, издатель-

ский дом «Фома», суворовские военные училища, министерство обороны и министерство культуры Российской Федерации» (по данным создателей мультфильма). Только вот в чём загвоздка, Русская Православная церковь не коммерческая организация, и деньги, которыми она владеет – добровольные пожертвования верующих людей, которые надеялись, что их деньги пойдут на благое дело, а не на бесстыдную и халтурную пропаганду. Ну ладно, пожертвования в пользу церкви дело добровольное, но вот Министерство обороны и Министерство культуры, что за ситуация с ними. Эти два министерства, как и другие, так же, как и Русская Православная церковь – не коммерческие организации. Только вот в случае этих министерств, деньги которыми она распоряжаются, это не добровольные пожертвования, а общеобязательные налоги, которые уплачивают все граждане Российской Федерации в пользу государства, так как это одна из обязанностей граждан России. Вот уже эти средства было бы хорошо потратить на решение насущных проблем, а не на массовую пропаганду православия. Конечно глупо отрицать, что со времени как Владимир Святославич (по-другому Владимир Святой) провёл крещение Руси в православную веру она являлась одной из опор, на которую опиралось государство как таковое. Вера действительно сыграло большую роль в становлении и сохранении самобытности русской культуры, но вот только приписывать все лавры исключительно вере неправильно. Но на проект, основной целью которого и является восхваление «великой» веры, были выделены средства налогоплательщиков, вместо того что бы хоть чуточку улучшить положение с «вечной» проблемой России – плохими дорогами. Нет, вместо этого лучше профинансировать сомнительный проект, это будет иметь больший резонанс в обществе, чем какая-то глупая рациональная деятельность. На финансирование этого проекта из различных источников суммарно поступило 48 190 000 рублей. Достаточно большие деньги, которых хоть на что-то, но хватило бы. На деле же получилось, что с технической точки зрения, мультфильм отвратителен. Модели персонажей смотрятся убого, часты кадры, на которых герои «говорят» не открывая рта и не двигая губами, видимо с божьей помощью, невооруженным видно, как часть текстуры одного персонажа «проваливается» в другого. Напомню, на момент выхода мультфильма шёл 2016 год, компьютерная анимация уже давно перестала быть чем-то сверхъестественным, но к сожалению, почти 50 миллионов рублей оказалось мало, чтобы нанять достойных мастеров и сделать анимацию хотя бы не противной, ладно уж не «голливудской», но такой, чтобы после просмотра глаза не болели.

На всех примерах видно, что проекты, которые финансируют «Министерство культуры Российской Федерации» и «Федеральный фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии» либо полностью проваливаются в прокате, принося жуткий финансовый убыток в виде «исчезновения» огромных сумм денег налогоплательщиков, либо оку-

паются, но при этом культурной ценности в них никакой. Даже есть примеры, в которых чудесным образом соединились обе эти черты. Конечно трудно спрогнозировать, окупиться ли фильм или нет, всё-таки вкусы потребителей в настоящее время очень быстро меняются, и фильм может просто устареть за время производства, в таком случае особых претензий ни к кому нет. Но вот когда деньги выделяются на заранее провальные проекты, это вызывает вопросы, причем вопросов много. Непонятно, как допустили выделение денег на финансирование пропагандистского мультфильма? Как люди выделили государственные деньги на финансирование проекта. Основной целью которого был «пиар» отечественных блогеров? И почему никто не несёт ответственность за все эти поступки? По факту, происходит растрата государственного имущества, в данном случае денег, в крупных масштабах. Деньги тратятся на непонятные, не амбициозные, абсурдные и даже аморальные проекты.

Но нельзя говорить, что все без исключения проекты, которые финансирует «Министерство культуры Российской Федерации» и «Федеральный фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии» плохи. Как пример хорошего фильма, проспонсированного данными структурами, может выступить лента «Легенда №17», которая рассказывает историю великого русского хоккеиста Валерия Харламова. Так же в центре сюжета фильма находиться «Суперсерия СССР – Канада 1972» В фильме показаны знаковые сцены из жизни великого хоккеиста, прекрасно передана та атмосфера, что царила в СССР во время первого матча из «Суперсерии 1972». Конечно, фильм не идеален: В нём переврали некоторые моменты биографии Харламова, нарушена историчность повествования, но все эти «грехи» не так сильно мешают получать удовольствие от фильма, видно что создатели фильма пошли на это умышленно, для увеличения привлекательности картины для аудитории. «Легенда №17» прекрасно окупился в прокате. Собрав почти 1 миллиард рублей (если быть точным, то кассовые сборы фильма составили 922 622 011 рублей), при бюджете в 10 миллионов Евро (на момент выхода фильма в прокат, курс евро к рублю был меньше чем на момент написания статьи), что несомненно является кассовым успехом. Культурно фильм тоже ценен – «Легенда», восхваляя достижения русских спортсменов, так или иначе, но помогает привлечь в сферу спорта дополнительных людей.

Ещё одним примером «годного» российского фильма может выступить фильм под названием «Духless 2» (достоверной информации он том, была ли проспонсирована первая часть нет). Это не типичный фильм, он мрачен, рассказывает историю плохого человека, совершающего плохие поступки исходя из своих личным целей и соображений. Это фильм о настоящем человека: эгоистичном и жестоком, грубом и отталкивающем, но настоящем. С финансовой точки зрения фильм был так же успешен, 140 000 000 рублей он собрал 490 147 278 рублей. Этот показатель смело можно

назвать кассовым успехом – фильм не только окупился, но и принёс прибыль. В плане культуры всё немного сложнее, главные герой фильма вообще не подходит под слово «герой», он скорее главное действующее лицо. Максим (так зовут главного персонажа фильма) далеко не святой, он совершил много плохих поступков, и продолжает их совершать, так как от него это требуют обстоятельства, которым он противиться как может, и в конце концов побеждает своих врагов, как внутренних, так и внешних. Конечно культура в чистом виде в фильме отсутствует, тут «герои» фильма регулярно используют нецензурную брань, совершают не просто плохие, а даже аморальные поступки, но тем не менее, фильм воспринимается более приятно, чем алкокомедии «Горько!» и им подобный «треш».

На примере фильмов «Легенда №17» и «Духless 2» я хотел показать, что в нашей стране ещё умеют снимать достойное кино, в которое действительно можно вкладывать деньги без риска из потратить в пустую, только проблема в том, что такие фильмы – лишь пятно, на огромной «луже» Российского кинематографа, погрязшего в тупых и однообразных пьяных шуток. Конечно есть ещё несколько хороших фильмов и мультфильмов, но основная масса лишь вызывает слёзы, при виде того, насколько всё плохо с нашим кинематографом. Было бы желание спонсировать хорошие, достойные проекты, а режиссёры и идеи найдутся всегда, да вот только тратить деньги надо, вот их и тратят в пустую, не желая думать об их дальнейшей судьбе.

Хочется верить, что в скором будущем, мы будем смотреть российские фильмы и получать от них удовольствие, понимая, что каждый гражданин Российской Федерации внёс вклад в создание фильма, исправно платя налоги в пользу государства, тем самым выполняя одну из своих основных обязанностей.

Архиреева Анастасия Сергеевна,
преподаватель кафедры теории и истории
права и государства Кубанского
государственного аграрного университета;
Складчиков Сергей Витальевич,
студент 1 курса юридического факультета
Кубанского государственного аграрного
университета

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Низкий уровень правовой культуры несет в себе ряд последствий и вытекающих проблем. Рассмотрим на примере распада СССР и переходе к рыночной экономике. То, что гражданам неоткуда было знать о новой

жизни в новой стране во многом, обусловлено характером прежнего государства и его экономики. Это демонстрирует отрешенность большого количества людей от понимания новой государственности, от понимания правовой действительности. Оценить последствия для населения, после перехода государства в новую формацию, сложно, и нельзя однозначно охарактеризовать последствия и их причины. При этом можно отметить, что значение правовой культуры и грамотности здесь можно отследить, хотя и, как упоминалось прежде, уровень правовых познаний большинства населения был обусловлен характером политики и идеологии прежнего государства. Прежде чем «бросать» страну с социалистической экономикой, плановой экономикой, в «рыночное море», не плохо, было бы ликбез провести, для населения. Что такое рынок, что такое ценная бумага…, но этого никто не стал делать.

Как наше общество может идти по пути прогресса, избегая саморазрушения и самоуничтожения при отсутствии массового понимания гражданами необходимости руководствоваться в своей деятельности правовыми нормами, которые должны регулировать отношения между субъектами?[1] Так же, низкая правовая культура порождает несовершенное законодательство, и тесно связанное с ним отсутствие диалога общества и государства. Законотворчество – является составной частью правотворчества. В процессе правотворчества создаются нормы права, нормативные правовые акты, посредством которых, компетентные органы, в свою очередь, осуществляют правовое регулирование. Одна из школ права, как отмечает в учебнике по теории государства и права Рассказов Л.П. , предполагает, что в праве нет ничего вечного, оно постоянно меняется и развивается в соответствии с влиянием новых внешних факторов. Данное положение о реалистической школе права отмечено Рассказовым Л.П., как положительный момент[2]. Так нормы права должны в максимальной степени соответствовать объективно складывающимся общественным отношениям. Из этого следует: органы, осуществляющие процесс правотворчества должны исполнять свой долг качественно, с опорой на объективную реальность, а издаваемые законы должны быть актуальны, соответствовать интересам людей.

Что касается диалога общества и государства: «согласно результатам опроса, 56% россиян относятся к полиции с доверием, при этом 13% доверяют ей полностью, а 43% — лишь в определенной степени. Представителей органов правопорядка боятся». Встает два вопроса:

-что предпринять правоохранительным органам, чтобы заслужить доверие народа?

---

[1]РИА Новости https://ria.ru/society/20141107/1032140642.html

[2] Рассказов Л.П. Теория государства и права: учебник / Рассказов Л.П. – М., 2012. – Ст. 197-198.

-какие конкретные проблемы, порождающие недоверие, видит народ?

Далее следует устранить такие социальные повестки дня, чтоб хотя бы начать новый этап, хотя бы на некотором уровне запустить процесс полноценного диалога общества и государства.

Повышение уровня правосознания и правовой культуры населения - это способ повысить эффективность правового регулирования. Как путь повышения правового регулирования, данное направление развития является действительно важным, так как за высоким уровнем правосознания следует появление такого института, как гражданское общество. В этой связи следует отметить, что социальной опорой правового государства является именно гражданское общество. Правовое государство не возможно без гражданского общества. Во многом эта связь являет необходимость развития правовой культуры. Доступ к средствам реализации своих прав и соответственно правовой помощи является важным фактором развития правовой культуры. Человек должен иметь возможность пользоваться квалифицированной помощью специалиста. Что для этого делается в России? Российская газета, 4 мая 2017 года сообщила: «Министерство юстиции РФ подготовило законопроект, который расширяет программы бесплатной юридической помощи. Инициатива разрешает подключать адвокатов и нотариусов - за счет казны - к поддержке граждан в административных спорах. Юлия Корухова, специалист по правовым вопросам департамента по адвокатуре федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, считает, что подобные действия со стороны государства являются одним из важнейших критериев обеспечения доступа к правосудию. Так, по данным Федеральной палаты адвокатов, в 2016 году, в государственных программах бесплатной юридической помощи приняли участие более 12 тысяч адвокатов. Помощь получили 81899 малоимущих граждан.

Развитая правовая культура на руку государству, поскольку, вслед за диалогом общества и государства, и прочих явлений, будет совершенствоваться деятельность государственных органов, тесно взаимодействующих с гражданами, например суды. Совершенствование судебной системы также служит путем повышения эффективности правового регулирования. Существует много факторов, которые препятствуют развитию судов, один из которых освещен Медведевым Д.А. в послании Федеральному Собранию от 12.11.2009. Медведев отметил: «квалифицированное правосудие возможно лишь в том случае, когда нагрузка на судей разумна»[1]. Таким образом, открывается одна из проблем, которую следует устранить. В свою очередь, повышение правовой культуры может послужить инструментом разгрузки судов. В привычку, до уровня общеизвестного знания, в течение некоторого

[1] Российская газета. – 2009. – № 5038. – 13 ноября.

времени, можно было бы привить участникам различного рода правоотношений, претензионный порядок разрешения спора, который, доктор юридических наук, профессор, М.Ю. Барщевский считает полезным для разгрузки судебной системы. Этот самый претензионный порядок представляет собой такой порядок начала разбирательства, при котором истец предъявляет претензию ответчику, в которой обосновывается суть требования к нему. В свою очередь, истец может либо без судебного разбирательства удовлетворить требования, указанные в претензии, либо отказать в удовлетворении и выступить ответчиком в суде. Но в последствие, в случае удовлетворения требования требований истца, с ответчика взыскивается штраф в пользу государства, это в свою очередь заставит того, кому предъявляется претензия, подумать, если он действительно не прав, удовлетворить требования предъявителя претензии для того, чтобы не потерпеть большее количество убытков. К тому же, дело в том, что люди, перестанут бояться разбирательств, начнут больше самостоятельно взаимодействовать, сталкиваться с законами и с правом в реальной жизни, и все больше повышать уровень знаний, осведомленности о законах, что в свою очередь послужит повышению уровня правовой культуры. М.Ю. Барщевский является заслуженным юристом Российской Федерации, академиком общественных академий — РАЕН и Российской академии адвокатуры, и еще множеством регалий, подтверждающих его компетентность.

В конце концов, развитие правовой культуры полезно, потому, что она составляет часть общей культуры, занимая в то же время самостоятельное место в социокультурном пространстве. Все народы России дорожат своей культурой.

Повышать уровень правовой культуры, и исполнять все, что для этого требуется, необходимо всегда. Добившись, высокого правосознания, понимания необходимости правовой культуры населением, и ее высокий уровень, государство разрешит проблемы деятельности государственных органов, наладит диалог общества и государства, повысит общую культуру страны, население России начнем понимать, насколько необходимо право, что оно существует во благо, и что блюсти законность в интересах всех членов социума.

Дергилева Светлана Юрьевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Белгородского юридического
института МВД России
имени И.Д. Путилина

РАЗВИТИЕ ПОЛИЦЕЙСКО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В силу важности вопросов организации общественной жизни интерес к проблемам управления и взаимоотношений власти, общества и личности существовал всегда. В XVII–XVIII вв. отечественными учеными Ю. Крижаничем[1] и И. Т. Посошковым[2] осуществлялась постановка и разработка отдельных вопросов, касающихся внутреннего управления и деятельности полицейских учреждений.

В начале XIX в. русская литература не содержит самостоятельных исследований о полиции. С полицейской наукой русское общество знакомилось по переводам сочинений иностранных авторов по полицейскому праву И. Г. Г. фон Юсти[3] и И. фон Зонненфельса[4] и других западных полицеистов[5].

---

[1] См. : Крижанич Ю. 1) Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича / Открыл и издал П. Бессонов. М.: Тип. А. Семена, 1859; 2) О промысле. Сочинение того же автора, как и «Русское государство в половине XVII века» / Сведения об открытой рукописи П. Бессонова. Ч. 2. Изд. В. А. П., М.: Тип. А. Семена, 1860; 3) Собрание сочинений Юрия Крижанича. Вып. 1–3. М.: Унив. тип., 1891–1892; 4) Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву 1641 г. М.: Имп. О-во истории и древностей росс. при Моск. ун-те, 1901; 5) Политика / Пер. и коммент. А. Л. Гольдберга; вступит. ст. Л. Н. Пушкарева. М.: Новый свет, 1997.

[2] См.: Посошков И. Т. Книга о скудости и о богатстве, сие есть изъявление от чего приключается скудость, и от чего гобзовитое богатство умножается // Сочинения Ивана Посошкова / Изд. на иждивении Моск. о-ва истории и древностей рос. М. Погодиным. Ч. 1. М.: Тип. Н. Степанова, 1842. С. 1–259.

[3] Юсти И. Г. Г. Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния / Пер. И. Богаевского: В 4 ч. СПб.: Тип. при Имп. Академии наук, 1772–1778

[4] Зонненфельс И., фон. Начальные основания полиции или благочиния / Пер. М. Гаврилова. М.: Университетск. тип., 1787

[5] На русский язык были переведены произведения: Моль Р., фон. Наука полиции по началам юридического государства: Перевод с 3-го немецкого издания. Вып. 1 / Пер.: Р. Сементковский. СПб.: Печ. В. И. Головина, 1871; Штейн Л., фон. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии / Пер. с нем., под ред. [и с предисл.] И. Е. Андреевского. СПб.: А. С. Гиероглифов, 1874.

В XIX в. в Российской империи началась самостоятельная разработка науки полицейского права. В 1835 г. в русских университетах были учреждены кафедры законов благоустройства и благочиния, которые с 1863 г. стали называться кафедрами полицейского права[1]. Преподавание науки полицейского права предполагало ознакомление студентов с переводами западноевропейских полицеистов.

Первым отечественным самостоятельным исследованием в области науки полицейского права является работа *Петра Николаевича Гуляева* «Права и обязанности градской и земской полиции и всех вообще жителей российского государства, по их состояниям в отношении к полиции» [2], опубликованная в 1824 г. Эта работа является первым в России произведением, в котором получили рассмотрение вопросы организации и деятельности полиции в России.

Определение понятию «полиция» П. Н. Гуляев давал в значении, предложенном И. Г. Г. фон Юсти[3], – «особенное единоначалие, имеющее

---

[1] Елистратов А. И. Основные начала административного права. М.: Изд-во Г. А. Лемана,, 1914. С. 60.

[2] См.: Гуляев П. Н. Права и обязанности градской и земской полиции и всех вообще жителей российского государства, по их состояниям в отношении к полиции. Ч. 1–2. М.: Унив. тип., 1824.

[3] О сочинении П. Н. Гуляева см.: Андреевский И. Е. Полицейское право. 2-е изд., испр. и доп. Т. I. СПб.: Тип. В. В. Пратц, 1874. С. 207; Тарасов И. Т. 1) Учебник науки полицейского права. Вып. 1. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1891. С. 31; 2) Очерк науки полицейского права. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. С. 32; Назимов А. Е. Лекции по полицейскому праву / Под ред. Б. Ф. Лемеша-Лемешинского. Одесса: Тип. и хромо-лит. А. Ф. Соколовского, 1903. С. 22; Белявский Н. Н. Полицейское право (Административное право). Конспект лекций. 3-е изд., доп. Пг.: Тип. т-ва «Екатериногофск. печ. дело», 1915. С. 29; Гундарин О. Т., Мушкет И. И., Хохлов Е. Б. Полицейское (административное) право Российской империи: Опыт юридической библиографии [Справ.] / Под ред. В. П. Сальникова, Е. Б. Хохлова, А. В. Ильина. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1999. Предисловие. С. 16–17; Овсянников Ю. Н. «Полицейское право» в истории правовой мысли Западной Европы и России: Дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 124–125; Аврутин Ю. Е. Истоки формирования института полиции и полицейского права // Полицейское право. Омск, 2005. № 1. С. 91; Сырых В. М. Гуляев Петр Николаевич // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий: В 2 т. Т. 1. / Отв. ред. В. М. Сырых. М.: РАП, 2009. С. 189–190; Нижник Н. С. Российская полицеистика о дискурсивном и институциональном наследии эпохи полицейского государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, 17–18 сентября 2015 г. Краснодар: Издат. дом – Юг, 2015. С. 47–49; Нижник Н. С. Российская полицеистика: основные этапы становления и развития // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 764–786. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.16493. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_16493.html; Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 56–57; Нижник Н. С. Омнипотенция полицейского государства в оценке российской полицеистики // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 67–86. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.11.24883. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_24883.html.

попечение о благочинии, безопасности и устройстве общества»[1]. Н. П. Гуляев предпринял попытку описать права и обязанности полиции и населения, проживающего в Российской империи. Своим сочинением автор преследовал практическую цель – упростить использование чинами полиции и населением норм о полиции, которые имели «цель привести благоденствие гражданина в теснейшую связь с общим благом»[2], но в бессистемном состоянии были закреплены в различных нормативных актах и часто находились в противоречии друг с другом.

По Гуляеву, полицейские органы должны осуществлять «надлежащее благочиние при отправлении службы Божьей; предупреждение нарушения тишины и спокойствия; всеобщее повиновение правительству и законам; предохранение от воров, разбойников и убийц; предостережение от пожаров, наводнений, заразных болезней и прочих несчастных происшествий и т. д.»[3]. П. Н. Гуляев подчеркивал, что чиновники, которые возглавляют и реализуют полицейскую деятельность, играют в государстве важную роль, но население тоже не должно оставаться в стороне от осуществления полицейской деятельности – каждый гражданин должен был выступать «некоторым образом надзирателем действий других людей»[4].

В своем сочинении П. Н. Гуляев представил краткий исторический очерк русской полиции; описал законы, закреплявшие устройство полицейских органов и их компетенцию; права и обязанности граждан в их отношениях с полицией. Охарактеризовав полномочия Министерства полиции и подчиненных ему губернаторов, П. Н. Гуляев определил предметы ведения городской и земской полиции, к которым он относил: 1) благочиние или поддержание общественного порядка; 2) народное продовольствие и торговля припасами; 3) устройство зданий, улиц и дорог; 4) безопасность лиц и вещей; 5) устранение последствий в случае нарушения личных или общественных прав и производство других дел[5].

Во второй части своего сочинения П. Н. Гуляев рассмотрел вопросы, касающиеся прав различных сословий, общих обязанностей граждан (уплата податей и других государственных сборов, участие полиции при ре-

---

[1] Гуляев П. Н. Права и обязанности градской и земской полиции и всех вообще жителей российского государства, по их состояниям в отношении к полиции. 3-е изд., испр. и доп. Ч. I: О полиции. СПб.: А. Ф. Фариков, 1832. § 5. С. 2.

[2] Права и обязанности градской и земской полиции и всех вообще жителей российского государства, по их состояниям в отношении к полиции. 3-е изд., испр. и доп. Ч. I: О полиции. СПб.: А. Ф. Фариков, 1832. § 6. С. 2.

[3] Там же. § 7. С. 2–3.

[4] Там же. § 8–11. С. 3–4.

[5] Там же. § 100. С. 38–39.

крутских наборах); обязанностей граждан в зависимости от места их постоянного жительства[1]. При этом П. Н. Гуляев опирался на нормы законов и уставов, которые излагал кратко, придерживаясь «точного смысла и слова законов», не позволяя себе комментариев при их изложении[2]. Автору удалось точно и верно осуществить выборку норм, касающихся полицейской деятельности, и представить их в определенной системе.

Сочинение П. Н. Гуляева не представляет собой самостоятельного научного исследования вопросов науки о полиции, однако оно вновь обратило внимание российской общественности на значимость полиции и полицейской деятельности и активизировало научную разработку вопросов полицейского права в России. И. Т. Тарасов, оценивая значение сочинения П. Н. Гуляева, справедливо считал его близким по значению трактату Г. Г. фон Берга[3].

Задачу познакомить российскую общественность с теоретическими основами немецкой полицейской науки ставил перед собой адъюнкт Императорского Санкт-Петербургского университета *Николай Федорович Рождественский* (1802–1872)[4]. Его произведение «Основания государственного

---

[1] См.: Гуляев П. Н. Права и обязанности градской и земской полиции и всех вообще жителей российского государства, по их состояниям в отношении к полиции. 3-е изд., испр. и доп. Ч. II: О правах и обязанностях граждан в России. СПб.: А. Ф. Фариков, 1832.

[2] Андреевский И. Е. Полицейское право. 2-е изд., испр. и доп. Т. I. СПб.: Тип. В. В. Пратц, 1874. С. 207.

[3] Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. С. 31.

[4] О взглядах Н. Ф. Рождественского см.: Андреевский И. Е. Полицейское право. 2-е изд., испр. и доп. Т. I. СПб.: Тип. В. В. Пратц, 1874. С. 207–208; Шпилевский М. М. Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения. Одесса: Тип. Ульриха и Шульце, 1875. С. 39; Тарасов И. Т. 1) Учебник науки полицейского права. Вып. 1. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1891. С. 31–32; 2) Очерк науки полицейского права. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. С. 32; Рождественский (Николай Федорович) // Энциклопедический словарь / Издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг) и И. А. Ефрон (Санкт-Петербург). Т. XXVI А. СПб., 1899. С. 940; Назимов А. Е. Лекции по полицейскому праву / Под ред. Б. Ф. Лемеша-Лемешинского. Одесса: Тип. и хромо-лит. А. Ф. Соколовского, 1903. С. 22; Майков П. Рождественский Николай Федорович // Русский биографический словарь / Изд. под набл. А. А. Половцова. Т. 16. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1913. С. 331–333; Ивановский В. В. Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления). 3-е изд. Казань: Типо-лит. Имп. Казанск. ун-та, 1908. С. 37; Белявский Н. Н. Полицейское право (Административное право). Конспект лекций. 3-е изд., доп. Пг.: Тип. т-ва «Екатериногофск. печ. дело», 1915. С. 29; Сырых В. М. Платонов Иван Васильевич // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий: В 2 т. Т. 1. / Отв. ред. В. М. Сырых. М.: РАП, 2009. С. 566–567; Нижник Н. С. Российская полицеистика: основные этапы становления и развития // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 764–786. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.16493. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_16493.html; Нижник Н. С. Российская полицеистика – наука и искусство управления государством // Вопросы государства и права: Сборник научных статей / Под общ. ред. Л. В. Карнаушенко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 12–13; Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 58–60; Нижник Н. С. Омнипотенция полицейского государства в оценке российской полицеистики // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 67–86. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.11.24883. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_24883.html.

благоустройства, с применением к российским законам» (1840 г.)[1] явилось попыткой сопоставления положений теоретических рассуждений Р. фон Моля и норм российского права, закрепленных в Своде законов Российской империи: Рождественский в своей книге представил сокращенный перевод трактата Р. фон Моля и выборку российских нормативных актов, согласовывавшихся с теоретическими воззрениями Р. фон Моля.

Н. Ф. Рождественский отмечал, что наука государственного благоустройства – это «наука, излагающая меры Правительства, имеющие целью удалить внешние препятствия, встречаемые подданными, при стремлении их к благосостоянию, и ими самими без помощи Правительства непреодолимые»[2]. Рождественский акцентировал внимание на том, что правительство должно оказывать помощь гражданину только в том случае, когда достижению его правомерных целей противостоят внешние препятствия, устранение которых силами частных лиц невозможно[3].

Науку государственного благоустройства Н. Ф. Рождественский разделил на три имеющие внутреннее деление на разделы части: 1) попечение правительства о физическом благосостоянии; 2) попечение правительства об умственном и нравственном благосостоянии; 3) попечение правительства о народном имуществе[4]. Особую значимость придавал предупредительной (превентивной) юстиции и ее месту в системе знаний о государственном благоустройстве.

Науку полицейского права Н. Ф. Рождественский, вслед за Р. фон Молем, относил к философско-историческим наукам, основным ее методом считал политико-юридический.

Характеризуя исследования Н. Ф. Рождественского о государственном благоустройстве, И. Т. Тарасов отмечал, что Рождественский разделял взгляды Моля на структурную организацию полицейского права[5], а И. Е. Андреевский подчеркивал, что Рождественский, сыграл важную роль в ознакомлении научной общественности России с теоретическими основами немецкой полицейской науки и обосновал необходимость построения системы русского полицейского права в соответствии с этими основами[6].

---

[1] См.: Рождественский Н. Ф. Основания государственного благоустройства, с применением к российским законам. СПб.: Н. Греча, 1840.

[2] Рождественский Н. Ф. Основания государственного благоустройства, с применением к российским законам. СПб.: Н. Греча, 1840. § 2. С. 8.

[3] Там же. § 3. С. 13–14.

[4] Там же. § 5. С. 15–16.

[5] Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. Вып. 1. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1891. С. 31; Ивановский В. В. Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления). 3-е изд. Казань: Типо-лит. Имп. Казанск. ун-та, 1908. С. 37.

[6] Андреевский И. Е. Полицейское право. 2-е изд., испр. и доп. Т. I. СПб.: Тип. В. В. Пратц, 1874. С. 208.

Первым самостоятельным исследованием по полицейскому праву в отечественной науке явилась работа профессора Императорского Харьковского университета *Ивана Васильевича Платонова* (1805–1890)[1] «Вступительные понятия в учение о благоустройстве и благочинии государственном» (1856 г.)[2].

И. В. Платонов дал общую характеристику науке о государственном благоустройстве и благочинии, определил ее связь с различными отраслями обществоведения и естествознания, охарактеризовал основные этапы развития науки полицейского права и основные подходы к рассмотрению предмета, метода и систематизации полицейского права в науке.

---

[1] О воззрениях И. В. Платонова см.: Андреевский И. Е. Полицейское право. 2-е изд., испр. и доп. Т. I. СПб.: Тип. В. В. Пратц, 1874. С. 208–209; Тарасов И. Т. 1) Учебник науки полицейского права. Вып. 1. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1891. С. 32; 2) Очерк науки полицейского права. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1897. С. 32; Назимов А. Е. Лекции по полицейскому праву / Под ред. Б. Ф. Лемеша-Лемешинского. Одесса: Тип. и хромо-лит. А. Ф. Соколовского, 1903. С. 22–23; Ивановский В. В. Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления). 3-е изд. Казань: Типо-лит. Имп. Казанск. ун-та, 1908. С. 37; Белявский Н. Н. Полицейское право (Административное право). Конспект лекций. 3-е изд., доп. Пг.: Тип. т-ва «Екатериногофск. печ. дело», 1915. С. 29–30; Гундарин О. Т., Мушкет И. И., Хохлов Е. Б. Полицейское (административное) право Российской империи: Опыт юридической библиографии [Справ.] / Под ред. В. П. Сальникова, Е. Б. Хохлова, А. В. Ильина. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1999. Предисловие. С. 17; Старилов Ю. Н. История развития административно-правовой науки (вступительная статья) // Российское полицейское (административное) право: Конец XIX – начало XX в.: Хрестоматия / Сост., авт. вступ. ст. Ю. Н. Старилов. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1999. С. 25; Аврутин Ю. Е. Истоки формирования института полиции и полицейского права // Полицейское право. Омск, 2005. № 1. С. 91; Сырых В. М. Платонов Иван Васильевич // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий: В 2 т. Т. 1. / Отв. ред. В. М. Сырых. М.: РАП, 2009. С. 566–567; Нижник Н. С. Российская полицеистика о дискурсивном и институциональном наследии эпохи полицейского государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, 17–18 сентября 2015 г. Краснодар: Издат. дом – Юг, 2015. С. 51–52; Нижник Н. С. Российская полицеистика: основные этапы становления и развития // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 764–786. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.16493. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_16493.html; Нижник Н. С. Российская полицеистика – наука и искусство управления государством // Вопросы государства и права: Сборник научных статей / Под общ. ред. Л. В. Карнаушенко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 7–8; Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 60–61; Нижник Н. С. Омнипотенция полицейского государства в оценке российской полицеистики // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 67–86. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.11.24883. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_24883.html.

[2] См.: Платонов И. В. Вступительные понятия в учение о благоустройстве и благочинии государственном. Харьков: Унив. тип., 1856.

Чтобы определить сущность и значение государственного благоустройства, рассуждал И. В. Платонов, необходимо знать, как оно связано с целью государства. А так как именно «право и благо (справедливость и благосостояние)» является, по Платонову, целью государственной жизни[1], то наука о государственном благоустройстве и благочинии для организации общественной жизни имеет большое значение.

Предмет этой науки – «часть законодательства, которая имеет целью определение мер к устройству материального и нравственного благосостояния народа путем как положительным (благоустройство), так и отрицательным (благочиние)»[2]. Способы воздействия правительства на народное благосостояние – издание необходимых постановлений и создание учреждений; устранение препятствий к общественному развитию и благосостоянию; невмешательство в общественное развитие в случаях, когда общество само способно успешно решить поставленные задачи[3].

Достоинство работы И. В. Платонова – анализ основных понятий науки полицейского права, исследование теорий западноевропейских полицеистов и критические замечания по отдельным вопросам науки полицейского права[4]. Несмотря на то, что труд И. В. Платонова не представлял собой изложение полной системы полицейской науки[5] и «многие места этого сочинения представляют сокращенный перевод из сочинения Р. фон Моля»[6], работа вызвала большую заинтересованность российских ученых, обративших внимание на актуальность разработки полицейского права[7].

Таким образом, становление в России науки полицейского права в начале XIX в. – середине XIX в. происходило под влиянием западноевропейской политико-правовой мысли. В первой половине XIX в. труды российских ученых в этой области представляли собой, в основном, комментированный перевод работ немецких полицеистов, и лишь во второй половине

---

[1] Платонов И. В. Вступительные понятия в учение о благоустройстве и благочинии государственном. Харьков: Унив. тип., 1856. § 7. С. 21.

[2] Там же. § 15. С. 63–64;

[3] Там же. § 15. С. 66.

[4] См.: Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права. Вып. 1. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1891. С. 32.

[5] Ивановский В. В. Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления). 3-е изд. Казань: Типо-лит. Имп. Казанск. ун-та, 1908. С. 37.

[6] Шпилевский М. М. Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения. Одесса: Тип. Ульриха и Шульце, 1875. С. 39.

[7] См.: Сырых В. М. Платонов И. В. // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий: В 2 т. Т. 1. / Отв. ред. В. М. Сырых. М.: РАП, 2009. С. 566–567; Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 61.

XIX в. самостоятельная разработка отечественными юристами проблем полицейского права приобрела тенденцию устойчивости и развития. В этот период отечественные ученые осуществляют анализ основных понятий науки полицейского права, выделяют основные этапы формирования и развития науки полицейского права и подходы к рассмотрению предмета, метода и систематизации полицейского права, разрабатывают отдельные вопросы организации и деятельности полиции, выявляют права и обязанности полиции и населения.

Долгов Андрей Михайлович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
государственных и гражданско-
правовых дисциплин,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета
МВД России

ЗАКОННОСТЬ – ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ

Принцип законности, как общеправовой принцип, нашел свое отражение в статье 15 Конституции РФ, согласно которой органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы.

Согласно же статьям 118 и 120 Конституции РФ правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом, судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства, а судьи в своей деятельности независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону.

Указанные конституционные нормы свидетельствуют о том, что законность необходимо рассматривать как принцип отправления правосудия в России.

И.А. Пикалов, применительно к уголовному судопроизводству, полагает, что «по смыслу принципа законности любое действие либо решение суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя при производстве по уголовному делу должно строго соответствовать требованиям Конституции, а также требованиям Уголовно-процессуального кодекса»[1].

[1] Пикалов И.А. Принципы отечественного уголовного процесса. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 169.

По мнению А.С. Федина в гражданском процессе принцип законности утверждает верховенство и единство закона, равенство граждан перед законом и судом[1].

Между тем, профессор О.В. Гладышева полагает, что «в науке уголовного процесса, в частности (равно, как и в других правовых науках и в теории права), снизился интерес к категории законности»[2].

Думается, что принцип законности при отправлении правосудия состоит не только в соблюдении закона при вынесении судебного акта и проведении процедуры судопроизводства, но и в дальнейшей судьбе вынесенного в соответствии с законом судебного акта.

Несомненно то, что наличие независимой и самостоятельной, обладающей должной силой и авторитетом, судебной власти является одним из основных признаков правового государства и именно судебная власть способна в полном объеме и наиболее эффективно защитить права и свободы человека и гражданина путем отправления правосудия.

Именно действенные судебные механизмы восстановления нарушенных прав человека являются неотъемлемой частью правового гражданского общества, ведь частью 1 статьи 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.

Всеобщая Декларация прав человека, принятая Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года (далее – Декларация), устанавливает широкое право человека на судебную защиту. Так, в статье 8 Декларации установлено, что «каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституционным законом»[3].

Необходимым условием для установления высокого уровня авторитета судебной власти является не только возможность обратиться в суд за защитой нарушенных прав, но и, впоследствии, фактическое исполнение судебных актов, вынесенных в результате применения судебной процедуры для защиты нарушенных прав.

Можно сказать, что право на исполнение судебного решения гарантируется государством, обеспечивается мерами властного принуждения и законодателем предусмотрен ряд норм, направленных на обеспечение реализации указанного права.

---

[1] Федина А.С. Реализация принципа законности в гражданском процессе. Дисс. … канд. юрид. наук. Тверь, 2002. С. 9, 177.

[2] Гладышева О.В. Принципы законности или как теория разошлась с правом (взгляд представителя отраслевой науки). Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2017, № 1(30). С. 23.

[3] Всеобщая декларация прав человека: Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Международная защита прав и свобод человека : сб. док. – М., 1990.

Так, арбитражными судами субъектов РФ в 2017 году в первой инстанции рассмотрено 1 009 тыс. дел о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по различного рода договорам, из которых по 791,5 тыс. дел заявленные исковые требования удовлетворены на сумму 1 534 590 801 тыс. руб.

Судами общей юрисдикции в первой инстанции в 2017 году рассмотрено с вынесением решения гражданских дел по делам искового производства по искам физических лиц к юридическим лицам - 1 804,1 тыс., по искам юридических лиц к физическим лицам – 9 892,3 тыс., по искам юридических лиц к юридическим лицам – 54,3 тыс.

Работа, проводимая судебными органами, по защите экономических прав и интересов граждан, предпринимателей и юридических лиц, посредством гражданского и арбитражного судопроизводства, значительна и основана в целом на строгом соблюдении законности, как общеправового принципа, так и принципа гражданского и арбитражного судопроизводства.

Принцип законности нашел свое отражение в части 1 статьи 11 ГПК РФ[1] и статье 6 АПК РФ[2].

Между тем, в правоприменительной деятельности постоянно возникают вопросы, связанные с исполнением решений, вынесенных судами.

Процессуальный порядок исполнения судебных актов регламентируется Федеральным законом «Об исполнительном производстве»[3].

Принудительное исполнение судебных актов возложено действующим законодательством на Федеральную службу судебных приставов (далее - ФССП России).

То есть, именно судебные приставы ФССП России и ее территориальных органов осуществляют непосредственное исполнение судебных актов, путем совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения в соответствии с Федеральным законом «Об исполнительном производстве», которым предусмотрены такие конкретные процессуальные действия как розыск имущества (ст. 65), наложение ареста на имущество (ст. 80), на денежные средства должника (ст.81), изъятие имущества (ст.84), оценка имущества (ст.85), реализация имущества должника (ст.87), установление для должника временного ограничения на выезд из РФ (ст.67), а также ограничения на пользование специальным правом, в том числе правом управления транспортными средствами (ст.67.1).

---

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.04.2018). Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2017). Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

[3] Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 23.04.2018). Собрание законодательства РФ. 08.10.2007. № 41. Ст. 4849.

Обращаясь к статистическим данным о работе ФССП России в 2017 году мы видим, что на исполнении у судебных приставов-исполнителей находилось 86 246,5 тыс. исполнительных производств, на сумму 10 150 248 433 тыс. руб., из которых исполнительные производства были возбуждены на основании исполнительных документов, выданных судами общей юрисдикции – 35 067 тыс., на сумму 6 072 902 386 тыс. руб., а арбитражными судами – 1 430,9 тыс., на сумму – 3 044 722 966 тыс. руб. Фактическим исполнением окончено всего 33 691,6 тыс. исполнительных производств, на сумму 478 387 389 тыс. руб., что составляет 39 % от общего количества исполнительных производств и 4,7 % от общей суммы взыскания. Окончено исполнительных производств, возбужденных на основании исполнительных документов, выданных судами общей юрисдикции – 10 160,5 тыс., на сумму 213 890 420 тыс. руб., что составляет 21,3% от общего количества исполнительных производств и 3,5% от общей суммы взыскания. Окончено исполнительных производств, возбужденных на основании исполнительных документов, выданных арбитражными судами – 305 тыс., на сумму 120 652 244 тыс. руб., что составляет 28,9% от общего количества исполнительных производств и 3,9% от общей суммы взыскания[1].

Указанные результаты работы неудовлетворительны как в процентном, так и в численном выражении.

Несомненно то, что ситуация, сложившаяся в настоящий момент в сфере фактического исполнения законных судебных решений, носит катастрофический характер и необходимо принятие срочных для исправления данного положения.

По данному вопросу категорическую точку зрения изложил профессор В.А. Семенцов, который, применительно ко взысканию по приговорам и иным решениям судов с виновных лиц сумм ущерба от преступления, считает, что отсутствие реального взыскания обусловлено не заинтересованностью обвиняемого в возмещении причиненного его преступными деяниями вреда[2].

В качестве итогов исследования сформируем следующий вывод:

Только в том случае, когда вынесенный судом судебный акт будет носить реальный характер обязательности его исполнения, можно говорить о соблюдении принципа законности как основного принципа отправления правосудия.

---

[1] Ведомственная статистическая отчетность ФССП России за 2017 год. Официальный интернет-портал ФССП России. http://fssprus.ru/statistics/ (дата обращения: 07.05.2018).

[2] Семенцов В.А. Избранные статьи по уголовному процессу. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. С. 12.

Затолокин Александр Александрович,
кандидат юридических наук, старший
преподаватель кафедры административной
деятельности ОВД Краснодарского
университета МВД России

МЕСТО И РОЛЬ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В 300-ЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ ПОЛИЦИИ РОССИИ

Сотрудник подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения за всю историю существования соответствующей государственной системы прошел большой исторический путь в своем становлении. Упоминание о наделении функциями в сфере безопасности дорожного движения «стрельцов» встречается в исторических документах XVII века. Так, в Именном Указе с Боярским приговором: «в Кремль извозщиков с седоками и с порожними саньми не пропускать ни которыми дела, и о том сей Их Великих Государей Указ записать на стенном карауле, впредь до ведома»[1]. Несмотря на то, что на стрельцов в то время возлагался широкий перечень обязанностей, они еще выполняли определенные функции в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

Последующий временной промежуток вплоть до 1802 года характеризуется тем, что государственные функции в сфере безопасности дорожного движения осуществляются различными субъектами. Именно в это время (время правления Александра I) становится необходимым упорядочить систему государственного управления[2]. После утверждения Александром I Манифеста о создании министерств образуется Министерство внутренних дел, на которое в числе прочих задач, возлагаются задачи по «сбору сведений о происшествиях и предотвращению ложных слухов»[3]. С разделением «государственных дел по министерствам» и созданием в 1810 году Министерства полиции, функции правоохранительного органа в сфере безопасности дорожного движения были конкретизированы, а именно на полицию возлагалась обязанность по обеспечению «исправности и безопасности путей сообщения» (аналог современной государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения). Дальнейшее реформирование МВД в 1819 году вновь возложила на ведомство административно-полицейские функции, к

[1] Полное собрание законодательства Российской империи с 1649 года. Том II. 1676-1688. СПб., 1830. № 664. С.78.

[2] Алафьев М. К. Образование и реорганизация министерства внутренних дел (1802-1819 гг.) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2003. №2 С.27-29.

[3] Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство. Краткий исторический очерк (1703-1903 гг.). СПб., 1910. С.289.

которым и относилась функция по обеспечению безопасности дорожного движения.

С середины XIX века встает вопрос о качественном составе полиции и следственно о необходимости осуществления подготовки ее сотрудников[1]. Время предъявляет высокие требования к служащим полиции, на полицию возлагаются различные обязанности. Идеи подготовки полицейских были реализованы в создании при резерве Санкт-Петербургской полиции школы для подготовки городских и околоточных надзирателей. К обязательным вопросам, подлежащим изучению в данной школе относилось ознакомление с законодательной базой, инструкциями МВД, решениями и постановлениями местных властей[2]. Таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что с конца 50-х годов XIX века государственная система обеспечения безопасности дорожного движения приобретает не только субъектов управленческой деятельности, но и образовательные учреждения для подготовки данных субъектов. Однако, ввиду неразвитости на тот момент уличного движения в Российской Империи, говорить о специализации подготовки полицейских в сфере безопасности дорожного движения пока рано. Отсталость в развитии автопрома связана с большой протяженностью страны, в связи с чем, развитие получил железнодорожный, а не автомобильный транспорт. Соответственно если нет дорожного движения, то и нет дорожного полицейского.

В последующем, при осуществление полицейской реформы, рассматривается вопрос о необходимости создания расширенной сети специальных учебных заведений для подготовки полицейских. Подобного рода учебные заведения стали бы необходимым условием «повышения их профессионализма и упорядочения системы прохождения службы в полиции»[3].

Однако впервые о специализации сотрудника занимающегося именно надзором за дорожным движением стало возможным говорить с повышением уровня автомобилизации в стране и вытекающими из этого неблагоприятными последствиями. Так, «3 июля 1936 года Совет Народных Комиссаров СССР постановлением № 1182 утверждает Положение о Государ-

[1] Затолокин А.А. Совершенствование государственной политики в сфере безопасности дорожного движения через призму подготовки кадров (40-летию со дня создания Краснодарской школы усовершенствования начальствующего состава милиции посвящается)// В сборнике: Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию доктора юридических наук, профессора Виктора Васильевича Денисенко. 2016. С. 356-366.

[2] URL: https://dgsk.mvd.ru/Dejatelnost/history (дата обращения: 13.03.2018).

[3] Затолокин А.А. Субъект государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения (историко-правовой аспект)//Общество и право № 3 (57), 2016. С. 175.

ственной автомобильной инспекции Главного управления рабоче-крестьянской милиции СССР»[1]. С приобретением специализации на практике, появляется специфика в подготовке кадров и впервые за всю историю правоохранительной системы нашего государства образовательные учреждения получают узкую специализацию. Исходя из предмета настоящего исследования следует выделить, что в целях кадрового обеспечения деятельности Главного управления шоссейных дорог было создано 4 учебных заведения в статусе института и 6 учебных заведений в статусе техникум.

Автомобилизация вносит свои коррективы и в деятельность по подготовке специалистов в сфере безопасности дорожного движения. В стране ощущается кадровый голод в части обеспечения квалифицированными работниками Госавтоинспекции. Ведь в то время формирование подразделений Госавтоинспекции проходило за счет отставных военных и специалистов общемилицейской специализации, которые слабо ориентируются в тонкостях дорожного надзора, технического надзора, контрольно-надзорной деятельности в сфере соблюдения правил дорожного движения и регистрационно-экзаменационных вопросах. Такая ситуация была заметна и руководству страны, реакцией стало принятие Советом Министров в 1976 году Постановления «О мерах по предупреждению дорожно-транспортных происшествий и снижению тяжести их последствий». Именно с этого момента можно говорить о попытках системного решения вопросов безопасности дорожного движения на уровне всего государства. Кроме того, впервые за всю историю нашей страны стали появляться специализированные учебные заведения, обеспечивающие кадрами подразделения Госавтоинспекции.

Усиление роли ГАИ в вопросах обеспечения безопасности дорожного движения обуславливает предание учебным заведениям по подготовки кадров более высокого статуса – специальных средних школ милиции МВД СССР. Образовательные организации СССР стали реализовывать двухлетнюю программу подготовки кадров специального среднего юридического образования для административно-правовой деятельности ГАИ, с сохранением курсов повышения квалификации. По окончании школ выдавался общесоюзный диплом юриста средней квалификации и присваивалось звание лейтенант милиции[2].

Политические преобразования в стране оставили свой негативный отпечаток на вопросах обеспечения безопасности дорожного движения. Снижение внимания вопросам безопасности на дорогах, отсутствие финансирования данной сферы приводит к снижению уровня безопасности дорожного

[1] URL: https://dgsk.mvd.ru/Dejatelnost/history (дата обращения: 13.03.2018)

[2] МВД Краснодарская специальная средняя школа милиции. Редакционно-издательский отдел управления печати и массовой информации Краснодарского крайисполкома. Краснодар, 1990. С.8.

движения, и становится ужасающим в 1994 году. «В 1994 году число пострадавших в дорожно-транспортных происшествиях составило более 225 тысяч человек, из которых свыше 35,5 тысячи погибли…В целом количество пострадавших на дорогах многократно превышает число жертв межнациональных конфликтов, катастроф, землетрясений и других стихийных бедствий»[1]. Результатом чего стало принятие Федерального закона «О безопасности дорожного движения», который определил правовые основы обеспечения безопасности дорожного движения на территории РФ, закрепил основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения, полномочия РФ, субъектов РФ и органов местного самоуправления в данной сфере, а также установил основные требования по обеспечению безопасности дорожного движения.

Спустя более чем четверть века с момента распад СССР, можно с уверенностью констатировать тот факт, что за развалом страны неминуемо рухнули многие государственные системы, в том числе и государственная система обеспечения безопасности дорожного движения. Все предпринятые шаги с начала 90-х годов свидетельствуют об отказе от государственного регулирования дорожного движения, поэтапном переводе систему обеспечения безопасности дорожного движения на самоокупаемость и саморегулируемость. В подтверждении чему можно привести лишь некоторые шаги, предпринятые на государственном уровне:

1. Создание с 2002 года института ОСАГО (которого вызывал и продолжает вызывать недоумение и обоснованные претензии граждан)[2];

2. Массовая ликвидация стационарных постов ДПС на федеральных автомобильных дорогах (что повлекло увеличение транспортных средств, провозящих без соответствующего разрешения тяжеловесный, крупногабаритный груз и, как следствие, привели к увеличению ДТП с большегрузами и значительным повреждениям улично-дорожной сети)[3].

3. Передача функций по проведению периодического технического осмотра от ГИБДД к аккредитованным операторам Российского союза автостраховщиков, что вызывает появление на дорогах транспортных средств с техническими неисправностями и вводит в обиход водителей термин «купить диагностическую карту», приводя к возникновению ДТП по техническим причинам.

---

[1] URL: https:// base.consultant.ru (дата обращения: 20.03.2018).

[2] Затолокин А.А. О наболевшем или в очередной раз об ОСАГО// В сборнике: Актуальные проблемы административной деятельности полиции (материалы II Всероссийской научно-практической конференции). 2017. С. 135.

[3] Затолокин А.А. Актуальные вопросы обеспечения транспортной безопасности//Общество и право № 3 (53), 2015. С. 282.

4. Переход, при оформлении ДТП, на Европротокол (то есть без участия сотрудников ДПС), что в свою очередь влечет возросшие факты мошенничества в сфере страхования, причем большинство из имеющихся случаев остаются латентными.

И последнее меняется узкая специализация в ведомственных ВУЗах с «Государственной инспекции безопасности дорожного движения» на «Сотрудник подразделения по обеспечению безопасности дорожного движения». То есть в самом названии специализации отсутствует упоминание о ГИБДД, а имеется абстрактное «Сотрудник подразделения…». Возникает вполне естественный вопрос: - подразделения чего?

Конечно же в настоящее время к государственной деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения имеются обоснованные нарекания и вопросы. Наиболее интересный вопрос, сохранит ли система обеспечения безопасности дорожного движения государственное участие, будет ли регулироваться посредством применения полицейских функций или перейдет в рыночные отношения и будет полностью самоокупаемой и синергетичной? В этой связи возникают вопросы и к тем лицам, кто непосредственно вовлечен в процесс обеспечения безопасности дорожного движения в качестве субъектов: необходим ли государству узкий специалист в сфере безопасности дорожного движения – сотрудник ГИБДД или необходим «стрелок» с огромным перечнем обязанностей (в том числе и в сфере БДД).

Климова Дарья Викторовна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
государственных и гражданско-
правовых дисциплин Крымского
филиала Краснодарского
университета МВД России

РАЗВИТИЕ НАЦИИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных государств мира. На ее территории, по данным Всероссийской переписи населения, сформированным на основе самоопределения граждан, проживают представители 193 национальностей[1]. На наш взгляд, одним из

[1] О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666// Собрание законодательства Российской Федерации. - 2012 г. - № 52.

главных условий дальнейшего устойчивого и успешного существования России как независимого и суверенного государства является развитие российской нации на основе общности и единства многонационального народа страны, максимальной мобилизации усилий каждого члена нашего общества для решения приоритетных задач.

Идея нации, национальных государств и права, национальной истории присутствует в работах ученых разных стран, и споры о том, что же следует понимать под «нацией» и что является ее основой не утихают до сих пор.

Учитывая многозначность понятий, используемых при рассмотрении национального вопроса, считаем необходимым рассмотреть ключевое понятие – «нация».

Словарь иностранных слов дает несколько определений нации, как исторически сложившуюся устойчивую общность людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры и как синоним словам «страна» и «государство»[1]. Указанное определение является традиционным, и на протяжении длительного времени широко использовалось в государственно-правовой науке. Вместе с тем, сегодня существует иная трактовка, которая определяет нацию как осознанное объединение граждан одного государства независимо от их этнической принадлежности[2].

Наибольшее влияние на современное понимание нации оказали идеи ведущих мировых исследователей Б. Андерсон, Э. Геллнер, К. Дейч, Э.Д. Смит и др. Среди ученых не сложилось единого взгляда и на проблему происхождения наций. Так, Э. Смит рассматривает формирование наций как следствие «тройственной революции» – качественных сдвигов в сферах экономики, политики и культуры[3]. В свою очередь, К. Дейч связывает становление наций прежде всего с появлением экономики обмена, социальной мобильностью, ростом городов, развитием коммуникаций, концентрацией капитала и появлением концепции интереса[4]. Согласно концепции Б. Андерсона, становление наций обусловлено секуляризацией общественной жизни, воздействием «печатного капитализма» и распространением грамотности[5].

---

[1] Блинов А.С. – Национальное государство в условиях глобализации: политико-правовые аспекты: Дис. Кан.юр.наук: 12.00.01. – М., 2003 г. – С. 15.

[2] Тишков В.А. Понимание нациестроительства в России в мировом контексте// От Древней Руси к Российской Федерации. История Российской государственности. Материалы международной научной конференции. Москва, МГУ, 28-29 сентября 2012. – Спб. – 2013. – с. 58-67.

[3] Смит Э.Д. Образование наций // Этнос и политика: Хрестоматия / Авт.- сост. А.А. Празаускас. М.: УРАО, 2000. - С. 88.

[4] Блинов А.С. – Национальное государство в условиях глобализации: политико-правовые аспекты: Дис. Кан.юр.наук: 12.00.01. – М., 2003 г. – С. 95.

[5] Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and the Spread of Nationalism. L, 1983. P. 1–8.

Часть исследователей (например, М. Вебер, Э. Геллнер, Ю.М. Бородай, В.Н. Шевченко) полагают, что определяющая роль в процессе нациообразования принадлежит государству, вне которого мы можем говорить об этносе, о народности, но не о нации[1]. Ю.М. Бородай считает, что «нация есть нечто непременно предполагающее опыт государственно-правового строительства; такой опыт составляют уже не просто нравы и обычаи, но государственное право и систематизированная нравственность»[2].

Анализ научной литературы позволил выделить два основных подхода относительно происхождения нации: примордиализм и конструктивизм. Сторонники указанных концепций занимают противоположные позиции. Так, примордиалисты считают, что нации существовали во все исторические периоды развития общества, они связывают понятие «нация» с концепцией духа народа, подчеркивая его прочную связь с «корнями».

Сторонники конструктивизма противостоят представлениям примордиализма и, наоборот, относят нации до появления определенной эпохи, а именно – до момента возникновения национальных государств, и считают, что понятие «нация» искусственно, нации формируют экономика, войны, телевидение… Приверженцы этого подхода отрицают участие в формировании нации опыта и культуры поколений, они утверждают, что новое общество появилось после периода индустриализации. Согласно концепции теоретика конструктивизма Б. Андерсона «нация – это воображаемое политическое сообщество, которое суверенно по своей природе и ограничено от остального мира» [3].

Считаем, что нация – это явление историческое, которое возникает на определенном этапе развития человечества. А процесс формирования нации и условия ее существования развиваются одновременно с развитием общества.

Развитие российской нации является не самоцелью, а средством для формирования полноценного государства. И сегодня, современная Россия активно проводит национальную политику, направленную на укрепление национального самосознания и чувства национального единства. Развитие общероссийского гражданского самосознания, государственная и общественная поддержка национальной идеологии оказывает реальное влияние на темп и качество практически всех сфер жизнедеятельности, определяет вектор развития государства.

---

[1] Поздняков Э.А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М.: АО Издательская группа «Прогресс-Культура», 1994. – С. 24.

[2] Бородай Ю.М. Этнос, нация, государство / Выступление на «круглом столе»: «Национальное государство: теория, история, политическая практика») // Полис. 1992. № 5–6. - С. 19.

[3] Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and the Spread of Nationalism. L, 1983. P. 1–8.

Вместе с тем, в сфере межнациональных отношений имеются нерешенные проблемы, связанные с проявлениями ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма, терроризма, о чем прямо указано в Стратегии государственной национальной политики до 2025 года. Экстремистская деятельность крайне националистических, религиозных и иных структур является основным источником угроз стране, общественной безопасности, направлена на дестабилизацию ситуации в государстве, нарушение единства и территориальной целостности России.

На сегодняшний день одной из острых проблем российского общества является непонимание значения определенности своей нации. Необходимо, чтобы все люди почувствовали себя единым организмом, чтобы каждый человек уже с детства чувствовал себя гражданином огромной страны. Идентификация себя как принадлежащего к определенной нации определяет общий характер, поведение, мировоззрение, набор морально-этических ценностей, идеалов, а значит и общее видение развития и сохранения российской государственности.

По нашему глубокому убеждению, одним из важнейших способов сохранения национальной идентичности является язык. В подтверждение этому можно привести высказывание Дмитрия Сергеевича Лихачева «Родной язык – душа нации. Нация, которая теряет свой подлинный, свой исторический язык, вместе с ним теряет и свою психологию, культуру, память о предках…»[1]. Именно утрата языка несет за собой гибель нации, поэтому важнейшей задачей на сегодняшний день является сохранение и развитие русского языка, который так неразрывно связан с понятием Родина.

В настоящее время, в условиях глобализационных процессов, протекающих в мире и связанных с этим формированием глобального мирового порядка, задача определения национальной идентичности выходит на первый план. Национальная определенность поможет нашему народу установить собственные национальные приоритеты, что позволит России как великому государству вести собственную политику построения российской государственности на новом уровне. Считаем, что выработка единых принципов гражданско-патриотической работы, воспитания в людях чувства любви к своей Родине и веры в свои силы, и в целом формирование российской идентичности – одна из основ успешного развития нашего государства как независимого, суверенного, демократического государства.

[1] Лихачев Д.С заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет – Л.: Сов.писатель. – 1989. – С. 410.

Кожевникова Анастасия Михайловна,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель-методист
отделения заочного обучения учебного
отдела Новороссийского филиала
Краснодарского университета
МВД России

«КРАСНАЯ» МИЛИЦИЯ И «КРАСНОЕ ЧЕРНОМОРЬЕ» (БУДНИ НОВОРОССИЙСКОЙ МИЛИЦИИ НА СТРАНИЦАХ ГОРОДСКОЙ ПРЕССЫ В 20-Е ГГ. XX В.)

Одна из самых острострящих проблем отечественной правоохранительной системы – это кадровая проблема. Так было в дореволюционные времена, в советское время и частично на современном этапе. Всегда находятся этому объективные и субъективные причины. Но если говорить о 20-х годах XX века, то в эти годы кадровые проблемы были обусловлены рядом как общественных и экономических, так и сугубо ведомственных проблем– по сути, правоохранительная система Советского Союза практически строилась с нуля. При этом в поисках наиболее оптимальной структуры отвергалось «все старое», постоянно менялись штаны, численность, подчиненность. Ситуация ухудшалась постоянной текучкой кадров и отсутствием кадрового резерва, способного более-менее профессионально выполнять служебные функции. Сотрудников царской полиции по понятным причинам на службу не брали, собственно, профессиональный отбор на службу в ОВД был крайне политизирован, упрощенно говоря, исходя из «правильного» - рабоче-крестьянского – происхождения. И этот подход способствовал попаданию в органы людей с низким образовательным и морально-психологическим уровнем развития. Это продуцировало целый ряд негативных последствий - снижение дисциплины, злоупотребление служебным положением, коррумпированность, рост преступности среди сотрудников, чрезвычайную текучесть кадров, хронический некомплект (несмотря на прогрессировавшую безработицу в стране). Не была лишена подобных недостатков и городская милиция Новороссийска.

В июне 1926 года в Новороссийске состоялось заседание специальной комиссии, созданной постановлением Президиума Горсовета от 9 июня 1926 года протокол № 26, для рассмотрения сети учреждений и их штатов.[1]На одном из первых заседаний был рассмотрен вопрос о состоянии городской милиции и планах по ее расширению на 1926-1927 бюджетный год.

[1] Управление архива муниципального образования г. Новороссийска (далее – УА МОГН). Ф. 8. Оп. 1. Д. 115. Л. 3.

В соответствии со штатной расстановкой, структура городской милиции Новороссийска состояла из 12 позиций – от начальника до уборщицы. При этом, на период 1925-1926 год из этих позиций вакантными оставались следующие: заведующий адресным столом, регистратор, конный милиционер. На остальных должностях трудилось 100 человек. Наиболее многочисленной была группа младших милиционеров – 77 сотрудников. Старших милиционеров было всего 9, участковых надзирателей – 6. Одной единицей были представлены такие должности как помощник начальника милиции, секретарь, машинистка, уборщица, а вот делопроизводителей было трое.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 года в Новороссийске насчитывалось 67 955 человек наличного населения (мужчин – 34971 чел., женщин – 32984 чел.), штатных же милиционеров, включая начальника милиции и его помощника – 94 единицы, таким образом, на 1 сотрудника милиции приходилось 722 жителя. Ситуация, с учетом криминогенной обстановки в городе, была достаточно критической, видимо поэтому на следующий бюджетный год планировалось увеличить штатную численность гормилиции до 135 единиц. Вдвое увеличивалось число старших надзирателей, на 13 человек – количество младших милиционеров, а вот старших – всего на 1 единицу. Так же планировалось ввести 3 единицы конных милиционеров. В планах было не только увеличение количества, но и изменения качества, а именно повышение разряда всем, начиная от начальника (с 14 на 15), заканчивая уборщицей (с 4 до 6). Кстати, зарплата уборщицы составляла 23 рубля 75 копеек, младшего милиционера – 33 рубля 25 копеек, в то время как делопроизводителя – 39 рублей 90 копеек.

Однако, в целом по РСФСР на 1 милиционера приходилось около 3500 граждан, таким образом, в Новороссийске дело обстояло не самым худшим образом. Но это если смотреть по чисто формальному признаку.

Если же заглянуть в местные газеты, например, в выпуски «Красного Черноморья» за июнь-июль того же 1926 года, мы увидим, что работа городской милиции была настолько неудовлетворительной, что образ городского стража правопорядка рисовался весьма мрачными красками. И этот образ, пожалуй, довольно точно отражает реальное положение дел – низкий социальный статус милиционера, неудовлетворительное материальное содержание, низкий уровень грамотности, пониженный уровень социальной ответственности и прочее.

Проиллюстрирую вышесказанное примерами из газеты «Красное Черноморье» за июнь-июль 1926 года. На 53 выпуска газеты, вышедших за этот период, приходится 27 заметок, посвященных городской милиции (не считая ежедневную рубрику «Происшествия»), из них 17 носят негативных характер.

Практически в каждом выпуске «Красного Черноморья» так или иначе появлялись статьи и заметки, касающиеся деятельности органов внутренних дел. Чаще всего это были заметки о разного рода происшествиях и

судебных делах по ним. К сожалению, среди происшествий криминального характера немало отметились и сотрудники новороссийской милиции. Достаточно перечислить заголовки: «А милиция спит!», «Вот так милиционеры!», «Милицейские художества», «Милицейские безобразия», «Мицонер-вымогатель», «Ограбление иностранца. Милиционеры ограбили помощника капитана греческого суда», «Милицейские проделки», «Поднять квалификацию милиции», «Любовные похождения милиционера».

Так, из заметки «Вот так милиционеры!»[1], опубликованной 6 июня 1926 года, мы узнаем, что 30 мая того же года в полдень в одном из районов города раздались крики и стоны. Автор заметки, некий Владилен Грустный, поспешил узнать, в чем дело. Придя на шум, он видел следующее «Два пьяных милиционера Хайнов и Вас. Семиков и столько же рабочих открыли между собой кулачный бой. В результате вышло то, что милиционерам разбили «физии», так как они пили вместе, а платить не хотели»[2]. Один из милиционеров, взяв из участка винтовку, стал угрожать убийством своему обидчику. В конце заметки рабочие в лице гражданина Грустного обращаются к административному отделугормилиции с просьбой «расследовать это дело и таких милиционеров, дискредитирующих советскую власть, отдать под суд»[3].

2 июля вышла следующая заметка с говорящим названием - «Милицейские художества». Корреспондент, назвавшийся Случайным, сообщает, что пару дней назад в городские купальни перед закрытием заявилась компания из пяти нетрезвых товарищей. Оскорбив служащего купален не только словом, но и действием («они из служащего сделали «футбол», бросая его из стороны в сторону, а также грозя сбросить в море»), один из компании оповестил всех о своих властных полномочиях: «*Я Фетисов начальник 2-го уч. милиции. Кто мне не разрешит тому я морду побью! Я требую, чтобы двери купальни раскрылись шире.Фетисов уже пытался протянуть руку, чтобы набить морду первому попавшемуся»*[4].Ситуация получила неожиданное разрешение с появлением начальника милиции Васильева, который, будучи сам пьян, беспомощно пытался урезонить буянившего Фетисова. Дело кончилось тем, что окружающие вызвали постового милиционера, который, однако, не смог ничего предпринять в виду того, что перед ним находилось его собственное начальство. Корреспондент завершает свое сообщение обращением к тому же Адмотделу с надеждой, что он немедленно «*вышвырнет из рядов милиции тех, кто ее так позорит»*[5].

---

[1] Вот так милиционеры! [Текст] // КрасноеЧерноморье. – 1926. - 6 июня. – С. 6.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Милицейские художества [Текст] // КрасноеЧерноморье. – 1926. - 2 июля. – С. 5.
[5] Там же.

Милиция и ее действия не просто освещаются в газете, но и частенько высмеиваются. Так в это же период в «Красном Черноморье» опубликованы фельетон «Дневник милиционера» и очерк в жанре трагифарса «Самоубийство».

Показательно, насколько активны и наблюдательны были горожане в своем присмотре за стражами правопорядка! Любой проступок тут же становился достоянием общественности, да еще и освещался в прессе. Однако, стоит отметить, что заметки и статьи оказывали положительное влияние на состояние дел, так, уже 4 июля в газете сообщается, что участники дебоша в купальнях Фетисов и Васильев были сняты с должностей,[1] а 6 июля вышло интервью с председателем новороссийского Горсовета К.И. Ивановым под заголовком «Аппарат милиции будет оздоровлен»[2].

10 июля вышла любопытная заметка под названием «Поднять квалификацию милиции», в которой рассказывалось о докладе народного следователя 2 участка на заседании административно-военной секции. Безымянный автор заметки не только приводит данные из доклада (количество дел, из них законченных, возвращенных для дополнения дознания и т.п.), но и данные газеты по тем же позициям, которые отличаются от цифр в докладе! Далее следует вывод: «… органы дознания (милиция и уголовных розыск) плохо ведут дела, ониплохо знакомы с соответствующими законодательствами. Необходимо поднятие их квалификации, что в значительной мере облегчит работу следователей»[3].

Подводя итог, отметим, что журналисты и корреспонденты «Красного Черноморья» постоянно находились в самой гуще событий, происходящих с местной милицией, отражая в заметках буквально все события, связанные с ОВД – от описания уголовных происшествий до отчетов о проведении партийного дня у милиционеров.[4] И появлялись заметки буквально на следующий день после описываемого события. И уже через пару дней следовала обратная связь в виде сообщений о наказании или увольнении провинившихся сотрудников. Таким образом, можно утверждать, что газета исполняла воспитательную функцию по отношению к городской милиции и способствовала «оздоровлению кадров».

---

[1] Фетисов и Васильев сняты [Текст] // Красное Черноморье. – 1926. - 4 июля. – С. 5.

[2] Аппарат милиции будет оздоровлен [Текст] // Красное Черноморье. – 1926. - 6 июля. – С. 5.

[3] Поднять квалификацию милиции [Текст] // Красное Черноморье. – 1926. - 10 июля. – С. 5.

[4] У милиционеров [Текст] // Красное Черноморье. – 1926. - 1 июля. – С. 2.

Кошкарова Юлия Александровна,
кандидат культурологии,
доцент кафедры гуманитарных,
социально-экономических
и информационно-правовых дисциплин
Новороссийского филиала Краснодарского
университета МВД России

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРОПАГАНДЕ

В зарубежной системе пропаганды образ российского лидера – монарха, советского вождя или Президента - всегда вызывал огромный интерес. И чем более неординарен был данный лидер, чем больше проявлялась его инаковость, отличие во взглядах, мировоззренческих позициях, управленческих методах от типичных представителей европейского или американского истеблишмента, чем значительнее становились военно-политическое влияние и международный авторитет России в период его правления, тем более ярко, жестко и негативно преподносился его образ.

Одним из наиболее эффективных способов конструирования какого-либо образа в системе пропаганды является визуализация. Это обусловлено, прежде всего, особенностями восприятия информации человеком. Так, по мере взросления человека мозговая деятельность, связанная с обработкой, адаптацией и усвоением зрительной информации приобретают приоритетное положение. В силу данной психофизиологической особенности суждения человека об окружающей его природной и материальной среде, социальных явлениях опираются, преимущественно, на визуальную информацию. Более того, любые визуальные образы всегда обращены не к рациональной, а к эмоциональной сфере человека, поэтому такая информация менее подвержена работе «фильтров недоверия» и воспринимается как более правдивая, чем вербальная.[1]

За последние шестьсот лет русофобской истерии в странах Запада методы и технологии пропаганды, скорость и средства доставки информации сделали гигантский шаг вперед. Однако содержательно мало что изменилось: в отношении России и ее лидеров зарубежными пропагандистами до

[1] Крысько, В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) [Текст] / В.Г. Крысько. - Мн., 1999. – С. 103-104.

сих пор используются, или прямо воспроизводятся, перефразируются одни и те же характеристики и клише.[1]

Остановимся более подробно на чертах и характеристиках, используемых современными западными пропагандистами для формирования образа главы нашего государства.

Отметим, что при конструировании образа нынешнего Президента России зарубежные специалисты в области пропаганды отталкиваются, прежде всего, от текущих международных событий, российской политической и экономической конъюнктуры. Поэтому пропагандистские сюжеты, представляющие образ российского лидера на страницах зарубежной прессы и интернет-изданий, в карикатуристке, четко отражают современную историческую канву. Наиболее растиражированными являются следующие события: вопросы поставки газа в Европу и на Украину, российско-грузинский кризис 2008 г., скандал с «Pussy Riot», закон о запрете пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних в России, олимпиада 2014 г., «крымская весна» 2014 г., война на «юго-востоке» Украины, предоставление политического убежища Э. Сноудену, война в Сирии, исключение России из G-8, президентская избирательная кампания в США в 2016 г.

Не смотря на такое многообразие сюжетов отображение образа В.В. Путина укладывается в весьма ограниченный набор схем. Так в иконографии образа Президента России выделяются несколько мотивов.

---

[1] Барабаш, В.В. Образы России в мире [Текст] / В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец. – М, 2010. – 296 с.; Жаковска, М. Изображение России-медведя в немецкой карикатуре 1914-1945 гг. [Текст] / М. Жаковска // Европа. Журнал польского института международных дел. – 2009. - №3 (32). - С.145-154; Журавлева, В.И. Визуализация образа России и США в период первого кризиса российско-американских отношений [Текст] / В.И. Журавлева// Оче-видная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Сборник статей. Редколлегия: И.В. Нарский и др. — Челябинск: Каменный пояс, 2008. — 476 с - С.214-274; Кошкарова, Ю.А. Образ медведя как визуальный маркер России в современной зарубежной пропаганде [Текст] / Ю.А. Кошкарова // Социально-гуманитарное обозрение. Международный журнал- 2017. №1. – С. 81-85; Лазари, А. де, Рябов, О.В. «Русские и поляки глазами друг друга. Сатирическая графика» История образов. До коммунизма [Текст] / А. де Лазари, О.В. Рябов. – Иваново: Издательство «Ивановский государственный университет», 2007; Лабиринт. Медведь и Россия [специальный номер]. – 2013. - №4; Россомахин, А., Хрусталев, Д. Русский медведь в Польше: английские карикатуры, представляющие в образе медведя Россию и Николая Первого [Текст] / А. Россомахин, Д. Хрусталев // Европа. Журнал политического института международных дел. Т. 9. 2009 г. №2(31); Ульянов П.В., Чернышов Ю.Г. Россия в амбивалентном «образе медведя» (на примере европейских карикатур периода Первой мировой войны) [Текст] / П.В. Ульянов, Ю.Г. Чернышов // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. - №4 (88). Т.1; Цыкалов Д.Е. Медведь как доминантный символ России в европейской карикатуре 1853–1914 годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cens.ivanovo.ac.ru/abstracts/tsykalov-2008.html (Дата обращения: 26.06.2014 г.).

Прежде всего, использование для визуализации В. Путина образа животного. Это наиболее распространенный и «долгоиграющий» исторический прием, применяемый в русофобской пропаганде. Так, традиционно образ главы нашего государства наделяется медвежьими чертами. Достаточно распространенным является вариант изображения В.В. Путина одетым в медвежью шкуру, либо медведь изображается с лицом Президента. Еще один распространенный «животный» образ В.В. Путина – хищный спрут с лицом главы государства. Отметим, что в таком облике визуализировали в свое время Николая II и И. Сталина.

Второй распространенный сюжет – это игра с антихристианскими мотивами - изображение Президента в облике различной «нечистой силы». Так, достаточно часто образу В. Путина придаются черты вампира (как правило, Дракулы) или сатаны (в период холодной войны эти же мотивы западные СМИ использовали для создания образа Сталина).

Еще один растиражированный образ Президента – нецивилизованный дикарь. Так в современной карикатуре западному «цивилизованному» обществу противопоставляются образ «Путина-дикаря» или «Путина-варвара». Первый вариант предполагает изображение Президента в звериной шкуре, с дубиной в руке и костью в носу. Второй тип – модернизированный «образ варвара» (наиболее часто эксплуатируемый) характеризуется изображением В. Путина с обнаженным атлетическим торсом в камуфляжных штанах и берцах. Часто это вариант изображения дополняется милитаристской атрибутикой: ракетами, военными самолетами, танками и т.д.

К предыдущему образу близок и вариант изображения В. Путина как асоциального субъекта. Этот прием делает акцент на маргинальность и криминальность России и ее лидера. Здесь, как правило, используются такие вариации: изображение Президента «в наколках» как уголовника-рецидивиста, изображение его в виде вора с мешком, изображение в виде убийцы. Для американской аудитории более понятным и читаемым является образ Путина в виде гангстера 1920-х годов или «дона Карлеоне».

Не менее часто В. Путин представляется западными пропагандистами в виде диктатора.

Данный образ воплощают две линии. Первая – историческая, она апеллирует к ассоциации с тиранами и авторитарными лидерами прошлого: Владом Цепешем, Наполеоном Бонапартом, с Иваном Грозным, Адольфом Гитлером, Иосифом Сталиным и т.д. В частности, образы «Владимира Сталина»[1] или «Адольфа Путина»[2] созданы посредством добавления характерных усов. Для придания сходства с образом Л. Брежнева используются

[1]Семенец, Г. «Лебединое озеро» на экспорт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://maxpark.com/community/2552/content/2153978 (Дата обращения: 10.10 2017 г.)

[2] Wprost. – 2008. - №34 (обложка)

«брови» и китель со звездами героя Советского Союза[1], с В. Лениным – характерная поза[2] и т.п.

Вторая линия сюжета «Путин-диктатор» трактует образ Президента России как «кровавого диктатора современности» («Bloodymir»[3]), решающего все вопросы с позиции силы и ведущего мир к очередному военному противостоянию (или, как минимум, к новой «холодной войне»), изображаемого с окровавленным лицом и руками. Другой вариант позиционирования данной идеи реализуется посредством помещения «образа Путина» в один ряд с диктаторами современности: А. Лукашенко, Ким Чен Ыном, Р. Кастро, Б. Асадом и т.п.

Стереотип о диктаторских, антидемократических политических устремлениях Президента России конструируется также посредством сюжетов, на которых В. Путин «оседлал» медведя-Россию, либо дрессирует российского медведя, либо натравливает его на своих врагов и т.п., отметим, что при этом медведь, как правило, изображен в узде, намордник, либо на привязи.

С рассмотренными выше сюжетами тесно переплетены карикатуры, изображающие Президента в качестве шахматиста (глобального масштаба), кукловода, хитрого манипулятора, управляющего всем и всеми, причем как внутри страны, так и за рубежом. В последнее время это особенно подчеркивается в контексте общения по линии Путин-Трамп.

Образ «Путина-диктатора» и «Путина-варвара» неотделим от образа «Путина-агрессора», выступающего в качестве поджигателя межгосударственных конфликтов, стремящегося к переделу мира, захвату новых территорий (изображение В. Путина в образе палача «отрубающего» топором Крым, «эвакуирующего Аляску» и т.п.).

Образ «Путина-диктатора» западная пропаганда активно дополняет кинематографическими образами антигероя («Путин - злой супермен», «Путин-Дарт Вейдер», «Путин-Терминатор» и т.п.), лжеца (по аналогии с Пиноккио) и «сумасшедшего» (изображение Президента России в смирительной рубашке[4]), что дополнительно подчеркивает угрозу со стороны России, ее непредсказуемость и опасность, формирует представление о необходимости установления над ней внешнего контроля в интересах мирового сообщества.

В целом можно отметить, что эффект «демонизации» главы российского государства, как правило, достигается посредством манипуляций с элементарной идентификационной моделью – бинарной оппозицией «свой -

[1] Courrier international. -2011. – 7 december (обложка)
[2] The week. – 2014. – 8 march (обложка)
[3] Polska Niepodlegla. – 2014. (28.07 – 03.08) (обложка)
[4] Newsweek (Polska). – 2014. - №11 (обложка)

чужой». На практике это обеспечивается посредством вплетения в визуальный образ черт и деталей, традиционно характеризующих «чужого»: зооморфных, хтонических, асоциальных.

Еще одним методом конструирования образа врага в лице Российского Президента является сочетание его изображения: с заведомо опасными для жизни и здоровья человека предметами или символами смерти (различные виды оружия, отравляющие вещества, нарочито гипертрофированные транспортные средства, черепа, кровь и т.п.), с предметами, символизирующими несвободу (тюрьмы, цепи, поводки, намордники, хлысты и др.), в облике или в одном ряду субъектами, однозначно ассоциирующимися с тиранией и преступлениями (диктаторы, тюремщики, палачи, криминальные авторитеты и т.д.).

Анализ современного визуального материала показывает, что образ Президента России зарубежной пропагандой трактуется, как правило, в негативном ключе. Основными ассоциациями с образом российского лидера, внедряемыми в массовое сознание, являются: активность, агрессивность, опасность, военная мощь, жестокость, коварство, диктатура, коррупция, криминал, несвобода, отсталость, непредсказуемость, варварство, нецивилизованность, антидемократизм, нетерпимость, неполиткоррекность, гомофобя, ретроградность. Целью такой пропаганды является через персонифицированный образ главы государства формирование чувства страха и недоверия к России и русским в целом.

Лаппо Егор Александрович,
кандидат юридических наук,
начальник кафедры уголовного
процесса и криминалистики
Могилевского института
Министерства внутренних дел
Республики Беларусь

ПРИМЕНЕНИЕ (ИСПОЛЬЗОВАНИЕ) ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ПРАВА НА ЛЕГИТИМНОЕ НАСИЛИЕ

В Конституции Республики Беларусь закреплено положение о том, что Республика Беларусь обеспечивает законность и правопорядок на своей территории (ч. 3 ст. 1). Из данной конституционной нормы следует, что обеспечение необходимого уровня безопасности личности и общества является одной из приоритетных задач государства.

Значительный общественный резонанс имеют происшествия и преступления, при пресечении которых сотрудники органов внутренних дел (далее – ОВД) вынуждены прибегать к применению (использованию) огнестрельного оружия. В случаях если такое применение (использование) имеет неправомерный характер, то это порождает недоверие граждан к правоохранительной системе государства.

Легитимное насилие является неотъемлемым атрибутом осуществления государственного управления. Реализация такого права может осуществляться в отношении лица или группы лиц, посягающих на безопасность граждан, общества и государства, препятствующих осуществлению установленных законом прав и обязанностей государственных органов и их представителей. В настоящее время общепринятых критериев их оценки не существует. При этом воздействие на правонарушителя может характеризоваться широким объемом средств и методов в зависимости от обстоятельств.

В настоящее время, на наш взгляд, существует объективная необходимость в корректировке некоторых положений Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 года «Об органах внутренних дел» (далее – Закон об ОВД), в частности норм, закрепляющих порядок применения (использования) сотрудниками ОВД огнестрельного оружия. Это обусловлено рядом объективных причин, требующих более углубленного изучения, поскольку проблема восприятия права всегда опосредована его текстуальной формой и выступает в классическом виде как проблема юридического толкования.

Так, в ст. 29 Закона об ОВД предусмотрены два основополагающих понятия – «применение» и «использование», которые обычно употребляются в повседневной деятельности сотрудниками как ОВД, так и иных правоприменительных органов при даче правовой оценки действиям сотрудника ОВД при применении (использовании) им огнестрельного оружия.

Законом «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» закреплена иерархия системы нормативных правовых актов Республики Беларусь, включающая в том числе технические нормативные правовые акты. К последним относится, в частности, и Межгосударственный стандарт СТБ 28653-90 «Оружие стрелковое. Термины и определения» (далее – ГОСТ). Данный стандарт устанавливает термины и определения в области понятий огнестрельного оружия, обязательные при выпуске и эксплуатации ручного стрелкового огнестрельного оружия.

В указанном выше ГОСТе содержатся следующие термины и их определения: «выстрел – процесс выбрасывания метаемого элемента из канала ствола»; «стрельба – осуществление с определенной целью выстрелов (выстрела) из стрелкового оружия в совокупности с подготовительными, сопровождающими и завершающими их процессами и приемами». Из анализа

данных положений вытекает, что термин «стрельба» включает в себя выстрел, ориентированный полет пули по некоторой траектории и поражение цели как завершающий процесс.

Следует отметить, что процесс выстрела, согласно аксиоматичным положениям внутренней баллистики, завершается в момент, когда на пулю перестают действовать пороховые газы, т. е. на расстоянии около 0,5 м от дульного среза ствола огнестрельного оружия. Таким образом, если следовать правилам формальной логики, сотрудник ОВД не имеет права поразить цель, находящуюся далее указанного расстояния. Это, в свою очередь, свидетельствует о некорректности формулировки диспозиции ст. 29 Закона об ОВД с точки зрения технической и военной наук.

В связи с этим возникает вопрос о целесообразности разделения понятий «применение» и «использование», если все действия, предусмотренные нормой статьи 29 Закона об ОВД, охватываются термином «стрельба», формализованное определение которого закреплено в тексте ГОСТа, тем более, что на квалификацию действий сотрудника они фактически не влияют.

Определенные сомнения вызывает также правильность редакционного изложения ч. 5 статьи 26 Закона об ОВД в части соразмерности вреда, причиняемого правонарушителю в результате применения по нему огнестрельного оружия сотрудником ОВД, по своей сути дублирующий принципы института необходимой обороны.

Анализ публикаций российских ученых свидетельствует о том, что применение сотрудниками огнестрельного оружия чаще всего ограничен дистанциями 10–12 м, стрельба ведется в условиях ограниченной видимости и неустойчивых положений в ограниченный промежуток времени по цели, характеризующейся неконтролируемым изменением скорости и направлением движения. Кроме того, в теле человека пуля, ввиду ее стабилизации вращением, движется, как правило, не прямолинейно, а отклоняется от него под углом до 40°, который зависит в том числе от эллипса рассеивания конкретного образца оружия (для пистолета Макарова – 15 см), формы пули, ее скорости, плотности поражаемых биологических тканей, в силу чего спрогнозировать степень и характер повреждений органов и тканей человека по существу также не представляется возможным. Таким образом, вести речь о гарантированном попадании в конкретно определенную точку на цели вряд ли обоснованно.

До настоящего времени в законодательстве Республики Беларусь, как и других странах, не определены критерии поражения цели в результате применения огнестрельного оружия сотрудником милиции (полиции), а именно качественных характеристик и количественных величин, характеризующих поражающую способность пули, необходимую и достаточную при поражения цели при пресечении противоправного деяния, а также *степень*

тяжести телесных повреждений, нанесенных биологической цели, которые следует считать достаточными для признания цели пораженной.

В ст. 29 Закона об ОВД вообще не содержится упоминания и, следовательно, конкретизации понятия «поражение», а используются только словосочетания «в отношении лица», «обезвреживание опасного животного», что не позволяет однозначно воспринять смысл положений данной нормы.

Таким образом, вести речь о 100-процентном попадании в точку прицеливания, «гуманном» характере стрельбы в ту либо иную часть тела правонарушителя, «предугадывания» тяжести возможных повреждений ввиду их технико-биологической природы возникновения и случайности результата как единичного события вряд ли обоснованно.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Из анализа положений нормативных правовых актов, устанавливающих пределы правомерного применения (использования) сотрудником ОВД огнестрельного оружия, следует, что они носят неопределенный характер, не отражают технической сущности рассматриваемых явлений и процессов.

2. Последствия применения (результат стрельбы) огнестрельного оружия сотрудником ОВД в каждом конкретном случае носят в значительной мере случайный (вероятностный) характер, поскольку они обусловлены различными факторами, учесть и повлиять на которые невозможно по объективным причинам. Указанное обстоятельство не позволяет использовать внутреннее убеждение сотрудника, в том числе и при определении соразмерности вреда, причиняемого правонарушителю, при применении ручного стрелкового огнестрельного оружия, поскольку естественно-научные закономерности существуют вне зависимости от социума и отношений внутри его. Предписания норм права, отражающие в своей текстуальной форме технические, физические и иные признаки явлений природы, должны тождественно отражать их сущность и восприниматься правоприменителем в соответствии с их фактическим смыслом во избежание двоякого понимания и разночтений.

Маматов Максим Владимирович,
кандидат юридических наук, заведующий
отделом проблем участия прокурора
в гражданском, арбитражном и административном
процессе НИИ Академии Генеральной
прокуратуры Российской Федерации;
Кремнева Елена Владимировна,
старший научный сотрудник отдела проблем
участия прокурора в гражданском, арбитражном
и административном процессе НИИ Академии
Генеральной прокуратуры Российской Федерации

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ, АРБИТРАЖНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье 8 Конституции Российской Федерации признаются равным образом не только частная, но и государственная, муниципальная и иные формы собственности. Соответствующие положения конкретизированы в пункте 4 статьи 212 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепившем, что права всех собственников одинаково защищаются, в том числе публично-правовых образований, интересы которых зачастую наиболее подвержены противоправным посягательствам.

Реализация этих правовых положений гарантируется, главным образом, механизмом судопринуждения, являющимся наиболее универсализированным, а порой единственно действенным средством реального восстановления нарушенного права. С учетом этого прокуроры первоочередное внимание уделяют качеству исковой работы, апробации новых подходов и, принимая во внимание необходимость процессуальной экономии, исключению фактов преждевременного применения судебных рычагов защиты при отсутствии иных досудебных мер прокурорского реагирования.

Практика показывает, что прокуроры активно реализуют имеющиеся процессуальные полномочия, например, в административном судопроизводстве, в рамках которого в 2017 г. ими направлено в суды 50 251 административное исковое заявление[1] (годовой рост 32,1%, по результатам судебного рассмотрения в 98,1% случаев требования прокуроров удовлетворены). Причем практически каждое второе из них было связано с оспариванием решений, действий (бездействия) органов и должностных лиц, что, на

[1] Здесь и далее по тексту, если не оговорено иное, приведены выборочные данные из формы ГАС «Участие прокурора в гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве» за 2016–2017 гг. (утверждена приказами Генерального прокурора Российской Федерации от 26.06.2015 № 338, от 20.09.2016 № 590).

наш взгляд, в определенной мере отображает масштабы игнорирования положений законов лицами, обязанными по своему статусу напрямую способствовать их реализации. Переломить ситуацию, по нашему мнению, поможет подтверждение практикой неизбежности персонифицированной ответственности каждого виновного посредством универсального правового механизма, предусматривающего одновременно с разрешением спорного вопроса (в том числе во внесудебном порядке) выплату денежной компенсации за причиненные неудобства лицам, пострадавшим от незаконных решений, действий или бездействия (по аналогии с положениями пункта 10 статьи 78 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 236 Трудового кодекса Российской Федерации, пункты 5 и 6 статьи 13 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» и др.).

Важным направлением работы является вступление прокуроров в судебный процесс и дача заключения по административному делу[1]. Во всех судебных инстанциях количество таких дел в 2017 г. составило 161 700 (годовой рост 14,6%) и суды по-прежнему обычно поддерживали позицию прокурора (таких случаев 99,0%). Тем самым по всем категориям дел, по которым в силу закона предусмотрено обязательное участие прокурора, реально гарантировано верховенство закона, единство и укрепление законности, защита прав и свобод человека и гражданина, публичных интересов.

Особо отметим, что прокурорской практикой выявлена проблема, связанная с наличием категорий дел, имеющих ярко выраженный публичный характер, но не названных в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации – например, о признании информации, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети, запрещенной к распространению; о признании информационных материалов экстремистскими; о лишении гражданина специального права, в том числе права на управление транспортным средством. Верховный Суд Российской Федерации достаточно оперативно отреагировал на возникшие в правоприменении сложности, инициировав необходимые законодательные коррективы[2].

В 2017 г. в порядке Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации прокурорами в суды предъявлено 551 875 иска (заявления) на общую сумму почти 45,3 млрд рублей (показатель удовлетворяемости 99,1%). Примечательно, что в 2016 г. сумма таких требований была на 1,9 млрд меньше, тогда как сами иски и заявления предъявлялись чаще

---

[1] Винокуров А.Ю. О некоторых вопросах участия прокурора в административном судопроизводстве // Административное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 178–182.

[2] См.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 03.10.2017 № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

(640 994). В минувшем году для обеспечения законности и обоснованности судебных постановлений прокуроры вступили в гражданский процесс и дали заключения по 578 588 гражданским делам.

В арбитражные суды, несмотря на сохраняющуюся ограниченность выбора способов защиты от нарушений[1], прокурорами в 2017 г. направлено 11 518 обращений, из них почти ¾ – это заявления о привлечении к административной ответственности (общий показатель удовлетворяемости в 2017 г. – 93,0%). С участием прокурора арбитражными судами рассмотрено 11 833 дел.

Решая задачу реального восстановления нарушенного права, прокуроры зачастую получают отказ в удовлетворении заявленных требований в связи с избранием ими ненадлежащего способа судебной защиты[2], тогда как установленный в статье 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации узкий перечень судебного инструментария не оставляет им выбора, что с учетом негативных явлений в сфере экономике требует внимания законодателя к безотлагательному расширению полномочий прокурора в арбитражном процессе, в том числе по делам, по которым прокурор вправе вступить в дело в целях обеспечения законности (особенно это актуально в сфере противодействия незаконным финансовым операциям[3]).

Важно отметить, что непосредственно в интересах Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований прокурорами предъявлено в суды 54 597 исков (в 2016 г. – 57 940), причем в гражданском процессе их доля составляет почти 9,4% от всех обращений прокуроров, а в арбитражном – 24,9% (в 2016 г. – соотносились как 8,6% и 22,6%). Изменение этих пропорций в общей структуре категорий требований стало в определенной мере следствием особого акцента Генеральной прокуратуры Российской Федерации на вопросах возмещения причиненного публично-правовым образованиям ущерба[4], в результате которого прокуроры в том числе

---

[1] См.: Маматов М.В., Кремнева Е.В. Участие прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе: современное состояние и перспективы развития // Государственно-правовой статус прокуратуры: материалы Международной научно-практической конференции. 14 декабря 2016 г. / редкол.: В.И. Торговченков, В.А. Шуняева; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. Гос. Ун-т им. Г.Р. Державина», Прокуратура Тамб. обл. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 104–111.

[2] См., например: постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.02.2017 № А20-3093/2015.

[3] Маматов М.В., Кремнева Е.В. Расширение процессуальных полномочий прокуроров по противодействию незаконным финансовым операциям // Законность. 2017. № 12. С. 13–17.

[4] Этот вопрос на протяжении последних лет регулярно затрагивался в решениях итоговых коллегий Генеральной прокуратуры Российской Федерации, и упомянут в решении состоявшейся 15 декабря 2017 г. отраслевой коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации по вопросам участия прокуроров в гражданском, административном судопроизводстве и арбитражном процессе.

активизировали такую работу в уголовном судопроизводстве (в анализируемом периоде направлено 6859 исков, удовлетворено на сумму почти 7,7 млрд руб., годовой рост 20,3% и 174,6% соответственно). Между тем, проблема реального возмещения ущерба, причиненного государству преступлениями, связана с тем, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации допускает широкое судебное усмотрение при оставлении гражданского иска без рассмотрения в рамках уголовного дела, а это неоправданно затягивает решение вопроса о реальном восстановлении имущественного права и дает заинтересованным лицам возможность принять меры к сокрытию своего имущества и доходов.

Очевидно, что именно результативность защиты государственных интересов формирует базис возможностей в реализации социальной политики, по профилю которой прокурорами традиционно ведется значительная судебная работа. В 2017 г. на этом участке прокуроры уделяли пристальное внимание защите трудовых прав граждан (направлено 297 648 исков и заявлений, а общая сумма материально-правовых требований приближается к 8,6 млрд рублей), прав несовершеннолетних (77 644, более 1,6 млрд рублей), жилищных прав (27 609, свыше 144,2 млн рублей), пенсионных и иных социальных прав граждан (31 206, 351,1 млн рублей).

Между тем реальное восстановление прав граждан во многом зависит от работы судебных приставов-исполнителей, которая, к сожалению, попрежнему недостаточно эффективна. Анализ ведомственной статистики органов Федеральной службы судебных приставов[1] показывает, что, например, размеры сумм заработной платы, подлежащей принудительному взысканию, остаются стабильно высокими: в 2016 г. величина задолженности по соответствующей категории исполнительных производств, возбужденных судебными приставами-исполнителями, превышала 25,1 млрд. рублей, а в 2017 г. – уже около 26,8 млрд рублей. При этом по результатам фактического исполнения реально взыскано менее половины этих сумм (в 2017 г. – почти 41%, в 2016 г. – около 39%). Одна из причин такого положения дел – низкая правовая дисциплина самих приставов-исполнителей, в деятельности которых прокурорами только в 2017 г. выявлено 144 864 нарушения законов (для сравнения в 2016 г. – 172 145), каждое из которых способно обесценить результаты успешной судебной работы[2].

Социальная сфера находится в фокусе особого внимания государства, предусмотревшего в текущем году значительный объем расходов федерального бюджета на соответствующие цели (4 706,1 млрд. руб., или 28,5% всех

[1] Выборочные данные из формы № 1-1 «Основные показатели работы судебных приставов-исполнителей ФССП России» за 2016–2017 гг. (утверждены приказами ФССП России от 07.11.2014 № 636, от 26.10.2016 № 565).

[2] Выборочные данные из формы ОН «Надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» за 2016–2017 гг. (утверждена приказами Генерального прокурора Российской Федерации от 14.12.2012 № 454, от 28.12.2016 № 828).

расходов[1]), что с учетом нуждаемости социально уязвимых групп населения в повышенной защите предопределяет необходимость сохранения соответствующих приоритетов и в прокурорской деятельности.

Таким образом, в настоящее время прокурорами ведется значительная работа в рамках участия в гражданском, арбитражном и административном процессе, а также надзора за исполнением законов судебными приставами, однако ряд моментов еще требуют внимания (в том числе законодателя). Отсутствие унифицированного подхода к процессуальному статусу прокурора во всех вышеуказанных видах судопроизводства, а также единого Гражданского процессуального кодекса негативно отражается на состоянии законности, что требует внимания законодателя.

Жуланов Александр Владимирович,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры
теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России;
Мингес Изабелла Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры теории и истории права
и государства Волгоградской академии МВД Росси

ИСТОРИКО-РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОЛИЦИИ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Не зная прошлого, невозможно понимать смысл настоящего и планировать цели на будущее. С этим высказыванием, когда-то сказанным известным писателем М. Горьким сложно не согласиться. Проявляемый интерес к истории становления и развития полиции в Российском государстве не является случайным, это связано с изменениями социально–экономических и правовых условий, а также со статусом нашего государства в современном мире. Именно это способствует созданию путей совершенствования полиции, наибольший результат которой прослеживается в соединении российской ментальности и опыта истории. Никто кроме России не знал столь ярких периодов взлета и столь катастрофических падений. Поэтому игнорировать исторический опыт недопустимо[2].

Для исследователей современности интерес представляют периоды, которые ознаменованы значительными переменами, когда изменялись

[1] См.: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2017/12/main/BDG_2018_FINAL.pdf (дата обращения: 13.02.2018).

[2] Барабашев, А.Г. Эволюция государственной службы России: итоги десятилетия (2000– 2010). Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» [Текст] / А.Г. Барабашев. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С.5.

функции полиции, корректировалась её деятельность, но при этом полиция продолжала оставаться одним из важных правовых институтов государства, основная цель которого защищать и охранять права и свободы человека и гражданина, поддерживать правопорядок в стране[1].

Первые полицейские функции начинают возникать с появление государства и первоначально возлагаются на княжескую дружину, а в последующем, по мере развития государства возлагаются на посадников, старост, вирников.

Во второй половине XV – первой половине XVI вв. в центре полицейские функции были возложены на органы дворцово-вотчинного управления, а на местах их исполняли наместники и волостели. Разные поручения были возложены на уполномоченных великого князя, в обязанность которых вменялась и борьба с разбоями.

Середина XVI -XVII вв. была ознаменована возросшим крестьянским движением, что не могло не оказать влияние на расширение органов, на которые были возложены полицейские функции. В этот временной период дворцово-вотчинная система управления сменяется приказной. Однако говорить о чётких компетенциях этих органов не приходится – они не определены.

В первой четверти XVII столетия с целью укрепить власть на местах в 146-ти городах с уездами Разрядным приказом назначают воевод, цель функционирования которых охранять общественный порядок.

По мнению Р.С. Герман термин «полиция» применительно к России X–XVII вв. можно использовать условно. Специальные органы полиции в этот период ещё не существовали[2]. В контексте сказанного уместно привести утверждение С.А. Воронцова о том, что «правильно будет говорить об органах, которые решали вопросы, составившие впоследствии особую полицейскую функцию, вычленившуюся из общей охранительной функции государства»[3]. Значимость общеполицейских функций государства начинает осознаваться в тот период, когда в России утверждается абсолютная монархия (вторая половина XVII – нач. XVIII вв.). Именно в этот период начинают происходить ряд изменений, способствующие становлению полиции самостоятельным звеном в государственном аппарате.

---

[1] Харитонов, И.К. Проблемы правового регулирования государственной службы в Российской Федерации [Текст] / И.К. Харитонов // Общество и право. 2015. № 2(52). С. 40.

[2] Герман, Р.С. Развитие полиции России: историко-правовая ретроспектива [Текст] / Р.С. Герман // Юристъ - Правоведъ. – 2011. № 3 С. 43.

[3] Воронцов, С.А. Спецслужбы России: Учебник. 2-е. изд. [Текст] / С.А. Воронцов. - Ростов н/Д, 2008. С.84.

В течение всего XVIII столетия исследователи занимались активным поиском наилучших форм организации полиции. В этот период в Петербурге появляется первая специальная полицейская должность, на которую был назначен генерал-полицмейстер Антон Мануилович Девиер[1].

На полицию возлагались не только функции по охране порядка, но и некоторые другие, к примеру, благоустраивать город также входило в обязанность полиции.

После того, как умирает великий государственный реформатор Петр I. органы городского самоуправления переходят в подчинение губернаторов и воевод.

В 1733 г. большинство полицейских функций продолжали оставаться в ведении губернаторов и воевод, поэтому, когда начали появляться полицмейстерские конторы, их компетенция оставалась узкой: наблюдать за внешним порядком и «благочинием» в городе.

Значительным образом органы общей полиции были реконструированы в период царствования Екатерины II. В Наказе от 14 декабря 1766 г. говорилось, что лучше преступление предупреждать, нежели прибегать к наказанию. Данный документ выдвинул перед органами полиции следующую задачу – предупреждать преступность[2].

Одним из важных событий в корректировке функций полиции стал «Устав благочиния», изданный в апреле 1782 г. Именно этим документом было определено устройство полицейского аппарата в городах. Начинают действовать управы благочиния, возглавляемые в городах полицмейстерами, а в уездах – городничими. Таким образом, во второй половине XVIII столетия в России уже действовал разветвленный аппарат специальных полицейских органов[3].

В 1802 году в Российском государстве было образовано Министерство внутренних дел, которое кроме охранно-карательной функции, было призвано решать разные вопросы по административно-хозяйственной части[4].

Министерство полиции было выделено из ведомства внутренних дел в 1810 г. и функционировало как отдельная структурная единица до 1819 г. пока вновь не была введена в состав МВД.

Вторая половина XIX в. сопровождалась активным ростом преступности, что явилось своего рода катализатором для укрепления полицейского

---

[1] Герман, Р.С. Развитие полиции России: историко-правовая ретроспектива [Текст] / Р.С. Герман // Юристъ - Правоведъ. – 2011. № 3 С. 44.

[2] Елинский, В.И. История уголовного сыска в России (X – начало XX вв.): Учеб. Пособие [Текст] /В.И. Елинский. - М., 2004. С.25-26.

[3] Герман, Р.С. Развитие полиции России: историко-правовая ретроспектива [Текст] / Р.С. Герман // Юристъ - Правоведъ. – 2011. № 3. С. 45.

[4] Харитонов, И.К. Исторические предпосылки формирования полиции в современной России [Текст] / И.К. Харитонов, В.Н. Яшин // Общество и право. 2016. №2(56). С. 41.

аппарата. В 1862 году создаётся единое уездное полицейское управление. Создание данного органа связано с тем, что произошло объединение уездной и городской полиции.

В конце 70-х гг. XIX в. органы власти уже не в силах достойно противостоять продолжающемуся росту преступности. Именно поэтому решением «Особого совещания для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в Империи» создаётся институт полицейских урядников. В обязанность урядников вменялась охрана общественного спокойствия и отслеживание действий имеющих направленность против правительства. Нельзя не отметить, что тот результат, который ожидали от введения данного института получен не был.

В конце XIX в. государственная власть продолжает предпринимать меры направленные на укрепление общей полиции: появляются новые подразделения, расширяется штат полицейских.

Глубокий правительственный кризис, вызванный огромной волной революционного террора способствовал тому, что в 1880 г. общая и политическая полиция были объединены в рамках Департамента полиции МВД.

В начале XX в. правительство всё ещё продолжает предпринимать меры, направленные на усиление аппарата общей полиции: создаётся полицейская стража, подготавливаются документы направленные усиление состава полиции и др. В 1907–1908 гг. начинают активно совершенствовать ведомственные нормативные документы по отдельным направлениям деятельности охранных отделений. Именно в этот период утверждено множество документов, которые регулировали деятельность внутренней агентуры и наружного наблюдения. Однако нельзя не отметить, что общеуголовный сыск царской России в этот период продолжал оставаться в плачевном состоянии, что отражалось на безнаказанности многих преступлений. Данный факт послужил тому, что были созданы особые полицейские органы, которые должны были специализироваться исключительно на уголовно-розыскной деятельности. Сыскная часть из ведения общей полиции была выделена законом от 6 июля 1908 г. Однако реформирование в данной области началось лишь после июньского съезда начальников сыскных отделений в 1913 г. Все предпринимаемые меры не улучшили работу органов уголовного сыска. Преступность возрастала.

Период с 1917 по 1993 г. охарактеризуем отсутствием специальных законов о государственной службе и переходом от добровольной милиции к профессиональной, карательной полиции.

10 ноября (28 октября по старому стилю) 1917 г. НКВД принимает постановление «О рабочей милиции», декларировав, что милиция должна существовать как постоянный штат людей, которые призваны выполнять специальные функции. Однако с течением времени из «народной» милиция переходит в профессиональную. С 1936 г. начинают создаваться разные подразделения милиции - Государственная автомобильная инспекция

(ГАИ), отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС), отряд милиции особого назначения – ОМОН и др. В 1990 г. в России создаётся Национальное центральное бюро Интерпола.

Изначально милиция была подчинена НКВД РСФСР (1917–1930) до того периода, пока не было принято постановление «О ликвидации наркомата внутренних дел союзных и автономных республик». После данной отмены на базе отделов коммунального хозяйства, милиции и уголовного розыска создаются подразделения при СНК РСФСР. Данный порядок продолжает действовать до 1934 г.[1]

С 1991 г. милиция переходит в ведение МВД РСФСР и подразделяется на криминальную и милицию общественной безопасности (МОБ).

С декабря 1991 г. все органы, учреждения и организации на российской территории передаются под юрисдикцию России. В 2004 г. структура МВД России уже насчитывает 37 отделов (управлений), которые с 5 ноября 2004 г. заменяют 15 департаментов.

С 1 марта 2011 г. вступает в силу Федеральный закон «О полиции»[2], который освободил полицию от несвойственных ей функций, закрепил партнерскую модель отношений между полицией и обществом, определил статус, права и обязанности сотрудников полиции.

В рамках статьи не все проблемы историко-ретроспективного анализа становления и развития полиции в Российском государстве охвачены, что подчёркивает сложность и многозначительность данной тематики и говорит о том, что тема требует дальнейших, более углубленных изучений и исследований.

Овчинникова Олеся Дмитриевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории права
и государства Барнаульского юридического
института МВД России

К ВОПРОСУ О СМЕШАННОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ ФОРМЕ ПРАВЛЕНИЯ

Непрерывный процесс социально-правового развития с неизбежностью предполагает поиск новых форм организации политико-правовой жизни общества, что обуславливает необходимость обратиться к истории развития учения о форме правления.

---

[1] Камалова, Г.Т. Советская милиция в борьбе с преступностью в годы НЭПа [Текст] / Г.Т. Камалова, Р.Ф. Зорина // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 43. С. 77.

[2] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О полиции» // Российская газета, № 28, 10.02.2011

Необходимо отметить, что отдельные современные монархии, также как некоторые древние и средневековые не всегда укладываются в рамки классической типологии (абсолютные и ограниченные) и именуются как «смешанные», «гибридные», «нетипичные».

Причиной возникновения смешанных монархических государств является неудовлетворение классических форм современным реалиям и как следствие, перерождение «чистых» монархических видов и образование новых форм.

Первые упоминания о смешанной форме правления встречаются в работах мыслителей-философов древности. Так, Аристотель в работе «Политика», в результате анализа форм государственного управления греческих государств разработал учение о формах правления, выделяя при этом три правильных вида государственного устройства: царская власть, аристократия, полития, и три отклоняющиеся от них: тирания - от царской власти, олигархия – от аристократии, демократия - от политии. Указывается, что государство с наилучшей формой государственного устройства должно представлять собой смешение всех государственных устройств. Наилучший вариант смешения состоит из олигархии, монархии и демократии[1].

По мнению Полибия, «смешанная форма правления» должна включать в себя качества всех форм государственного устройства (демократии, монархии, аристократии).

Цицерон считал наилучшей формой правления «смешанную», образуемую путем слияния положительных свойств всех простых форм правления. Свои суждения он доказывал следующими фактами: «все простые виды государственного устройства легко превращаются в свою порочную противоположность, - вследствие чего царь оказывается властелином, оптиматы кликой, народ изменчивой толпой, - и так как эти виды государственного устройства сменяются новыми, тогда как при этом объединенном и разумно смешанном государственном устройстве этого не случится почти никогда»[2]. Идею о смешенном государственном устройстве он применил к условиям римской жизни, и подтверждал свои взгляды тем, что в Римской империи благополучно соединяются элементы монархии (консулы), аристократии (сенат) и демократии (комиция).

В средние века Томас Мор в произведении «Утопия» моделирует идеальное по своему содержанию и структуре государство со смешанной формой правления, наделяя его следующими чертами: народное собрание, выборный Сенат, пожизненно избираемый глава государства[3].

---

[1] Азаркин Н.М. Всеобщая история юриспруденции: Курс лекций. – М.: Юридическая литература, 2003. – С. 107.

[2] Цицерон Марк Тулий. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. – М.: Мысль, 1999. - С. 78.

[3] Утопический роман XVI-XVII веков. М.: Художественная литература. 1971. – С. 99-105.

Джон Локк в работе «Два трактата о гражданском правлении» рассуждает о такой смешанной форме правления, как выборная монархия. Высказывая точку зрения, что общество само может решать какую форму правления устанавливать смешанную или простую. Это зависит от того, что оно считает лучшим для себя[1].

На сегодняшний день четкой классификации смешанных монархических форм правления нет. В научной литературе выделяют такие ее виды как: коллективная монархия в ОАЭ; теократия в Ватикане; патриархальная монархия в Свазиленде; монархии Британского содружества – Австралия, Канада, Новая Зеландия.

Наиболее распространенным видом смешанной монархии является выборная, представляющая собой особую разновидность монархий, сочетающих элементы монархии и республики. Она не является редкостью для истории и существовала еще в Византии. Из истории государства Российского известно, что «в январе, феврале 1613 года временное правительство Трубецкого и Пожарского созвало в Москву выборных из всех городов и всякого чина людей «для земского совета и государского избрания», 7 февраля 1613 года выборные люди согласились на кандидатуре Михаила Романова»[2]. Таким образом, в России был избран новый царь и начата династия Романовых.

Примером современной «выборной монархии» является Малайзия, конституция которой устанавливает срок осуществления полномочий монархом - 5 лет. Это указывает на то, что пост главы государства выборный, к тому же конституционно предусматривается ответственность монарха перед лицами, избравшими его на этот пост.

Наличие у главы выборной монархии ответственности перед избравшими его лицами означает возможность его отзыва с занимаемого поста. Таким образом, в рассматриваемом государстве отсутствуют такие юридические признаки монархии как бессрочность, переход власти по наследству, отсутствие юридической ответственности монарха. На первый взгляд можно прийти к выводу, что наличие такого признака как «выборность» монарха является основанием для исключения этого государства из списка монархий. Однако с этим вряд ли можно согласиться, так как: во-первых, главой государства может стать не любой гражданин страны, а только один из девяти правителей монархических штатов Малайзии. Во-вторых, в избрании монарха участвует строго ограниченный законом круг лиц. В-третьих, пост главы государства занимает султанами, в соответствии с особым списком. Это значит, что процедуру выбора монарха в данном государстве нельзя сравнивать с аналогичными выборами президента в республике. Сле-

[1] Локк Д. «Два трактата о гражданском правлении» Кн.2 /Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений. - М.: ПРИОР, 2000. - С. 123.

[2] Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. - СПб.: Лань, 2002. – С. 195.

довательно, можно утверждать, что наличие таких признаков как выборность главы государства и срочность его полномочий не роднит «выборную монархию» с республикой.

Схожий порядок сложился и в Объединенных Арабских Эмиратах. Возглавляет государство «коллективный» монарх – совет правителей семи членов федерации, которые выбирают своим председателем на 5-летний срок одного из них[1]. Полномочия главы государства сосредоточены у Совета эмиров, а глава государства по Конституции выполняет лишь представительские функции. На основании этого, можно сделать вывод, что в ОАЭ сложилась «коллективная» монархия.

Данная форма правления существует и в иных странах Ближнего Востока, где ведущая роль отводится «правящей семье», «семейному совету». Так, в ст. 6 Конституции Омана записано: «Совет правящего семейства … определяет наследника трона». Кроме этого, задачей этого органа является выработка консенсуса по наиболее острым проблемам во внутренних или внешних делах[2]. На этом примере видно, что монарх, в своих действиях ограничен таким династическим органом как «семейный совет», который занимается решением всех вопросов государственного управления.

Таким образом, проведенный краткий анализ смешанных форм правления позволяет сделать вывод о том, что смешанная монархическая форма правления - это разновидность нетипичной формы правления, характеризующаяся сочетанием основных юридических признаков различных видов определенной формы правления, в частности монархии.

Очаковский Виктор Александрович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
административного и финансового права
Кубанского государственного аграрного университета;
Архиреева Анастасия Сергеевна,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры
теории и истории государства и права
Кубанского государственного аграрного университета

К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Совершенствование института государственной службы в России обусловлено постоянным изменением отношений между государством и об-

[1] Чиркин В.Е. Основы сравнительного государствоведения. – М.: Артикул, 1997. - С. 123.

[2] Александров И.А. Монархии Персидского залива: этап модернизации. – М.: «Дело и Сервис», 2000. - С.148.

ществом. На разных этапах исторического развития в качестве главной задачи реформирования государственно-служебных отношений было формирование качественно новой модели управления государственной службой. Это вызвано тем, что прежние модели управления переставали отвечать общественным и государственным запросам, не редко были поражены «вирусом бюрократизма», а также становились малоэффективными и корпоративно замкнутыми[1].

Реформа – от латинского «reformo» - изменение правил в сфере человеческой жизни или процедура преобразования государства, начинаемая властью по необходимости[2]. Реформирование – изменение, пересоздание, переустройство, преобразование[3].

Исследуя сущностную характеристику правовой категории «реформа» необходимо подчеркнуть следующее. «Реформы институтов власти – пишет И.Н. Барциц, - глобальное явление, охватывающее и экономически сильные государства, и те, которые только встают на путь самостоятельного государственного развития»[4]. В связи с этим можно отметить, что реформирование – процесс естественный и неотвратимый, обусловленный объективными и субъективными факторами.

Обращая внимание на развитие служебных отношений в Российском государстве не сложно заметить, что для рассматриваемого нами правового явления характерна преемственность в законодательном регулировании. Полагаем, что в самом общем виде реформирование института отечественной государственной службы можно разделить на пять исторических периода:

1) становление и развитие института государственной службы в Древнерусском государстве и Московской Руси;

2) развитие института государственной службы в Российской империи;

3) советский этап развития государственно-служебных отношений (1917 – 1993 годы);

4) развитие института государственной службы в постсоветский период развития Российского государства (1993 год – 2002 годы);

5) реформирование института государственной службы в современных условиях (2002 год - по настоящее время).

---

[1] Огнева В.В. Реформа государственного управления в современной России: в поисках новой модели / В.В. Огнева // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 7 (126). С. 249.

[2] [Электронный ресурс] (дата обращения 3 апреля 2018 года) // https://ru.wikipedia.org/wiki/Реформа.

[3] Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. единиц. — 2-е изд., испр. — М. : АСТ: Астрель, 2005.

[4] Барциц И.Н. Реформа государственного управления в России: правовой аспект. – М.: «Формула права», 2008. С. 12.

Не вдаваясь в подробное исследование вышеопределенных этапов, отметим, что, соответственно, каждый из них характеризовался своим предметом и методом реформирования, что предопределяет уникальность каждого из выделенного нами периодов.

Исследуя содержательную сторону этапов реформирования института государственной службы, обратим внимание на то, что наиболее часто предметом реформирования выступали вопросы повышения уровня служебной дисциплины и борьбы с коррупционными правонарушениями[1]. Следует обратить внимание на то, что в последние годы особую актуальность приобретают проблемы низкой эффективности деятельности государственного аппарата, а также роста коррупционных правонарушений[2].

Полагаем, что будет актуальным и своевременным обратить внимание на исторический опыт реформирования института государственной службы, и, в том числе, статуса государственных служащих. Например, в Московской Руси получил развитие институт юридической ответственности государственных служащих. Так, Соборное Уложение 1649 года устанавливало правило согласно которому судья, вынесший за взятку неправильное решение, подлежал уголовной ответственности[3]. При этом, несмотря на установление данной нормы, взяточничество судей не прекратилось и после принятия Соборного Уложения 1649 года, отмечает Е.И. Голованова[4].

На этапе развития служебного законодательства в Российской империи можно констатировать позитивный рывок в развитии такого элемента правового статуса государственных служащих, как юридическая ответственность (например, легально определена категория «взяточничество» - получение мзды)[5].

В дореволюционной России продолжилась работа законодателей по совершенствованию института юридической ответственности чиновников,

---

[1] См. подробнее: Очаковский В.А. О некоторых проблемах правового регулирования статуса государственных служащих в дореволюционной России / В.А. Очаковский // Общество и право. 2012. № 3 (40). С. 78 – 80; Архиреева А.С. Нормативное обеспечение правового положения государственных служащих гражданского ведомства в Российской Империи в XIX веке / А.С. Архиреева // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 39 – 43.

[2] Добробаба М.Б. Особенности внесудебного дисциплинарного производства по делам об административных правонарушениях / М.Б. Добробаба // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17, № 1. С. 86.

[3] ПСЗ. Т. 1. № 7157.

[4] Голованова Е.И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI – XIX вв. (историко-правовое исследование): дисс. … канд. юрид. наук / Голованова Екатерина Игоревна. - М., 2002. С. 62.

[5] Архиреева А.С. Правовое положение (статус) государственных гражданских служащих в Российской империи (начало XIX века – 1917 год): дисс. … канд. юрид. наук / Архиреева Анастасия Сергеевна. – Краснодар, 2017. С. 49.

в том числе судей. Законом от 20 мая 1885 года «О порядке издания Общего Наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства»[1], существенно изменён алгоритм применения дисциплинарных процедур по привлечению должностных лиц судебного ведомства к дисциплинарной ответственности. Однако, по мнению В.П. Мельникова, реформирование законодательства не помогло ликвидировать недоработки в правовом обеспечении института государственной службы. Сама модель управления государственной службой была маломобильной, она отставала от требований времени, зачастую многие институты носили сугубо формальный характер, влекли, как следствие, волокиту и субъективизм в обеспечении решения государственных задач[2].

Государственно-служебные отношения в советской России также характеризовались особенностями в регулировании. Примечательно отметить, что законодатели не обходили вниманием опосредование отношений, связанных с дисциплинарным производством. 20 марта 1932 года принято Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О дисциплинарной ответственности в порядке подчинённости»[3], действовавшее до 1991 года. Также в период с 1987 по 1990 год принят ряд нормативных актов, регулирующих сферу государственной службы: аттестация государственных служащих, дисциплинарная ответственность и другие вопросы[4].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что на различных этапах реформирования института государственной службы в Российском государстве руководству страны удавалось достичь положительной динамики в развитии служебных отношений. Будем надеяться, что реформирование института государственной службы, в рамках исполнения Указа Президента РФ от 11 августа 2016 года № 403[5], положительно скажется на повышении уровня законности и авторитета государственного аппарата и, в дальнейшем, позволит вывести его на качественно новый уровень развития.

---

[1] ПСЗ III. Т. V. № 2959.

[2] Мельников В.П. Государственная служба России: Ретроспективный анализ / В.П. Мельников // Вестник государственной службы. 1993. № 9. С. 11.

[3] СУ РСФСР. 1932. № 32. Ст. 152.

[4] Старилов Ю.Н. Служебное право: Учебник / Ю.Н. Старилов. – М.: БЕК. 1996. С. 100.

[5] Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016 – 2018 годы: Указ Президента РФ от 11 августа 2016 года № 403 // СЗ РФ. 2016. № 33. Ст. 5165.

Пересадина Ольга Владимировна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и Уральского
юридического института МВД России

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Роль и значение методологии в теории государства и права сложно переоценить, поскольку без нее невозможно объективное понимание сущности государственно-правовых процессов и явлений.

В современной науке, в том числе юридической, к методологии предъявляются серьезные требования: во-первых, она должна быть подлинно научной, то есть вытекать не только из теории, но и из достижений практики; во-вторых, все используемые методы познания должны быть истинными, а именно, способствовать объективному отражению предмета познающим его субъектом.

Несмотря на всю значимость методологии в процессе познания теории государства и права сегодня в российской общетеоретической юридической науке наблюдается методологический плюрализм. Что отражается в существовании большого количества альтернативных, зачастую несопоставимых, подходов к сущности методологии юридического познания.

Как представляется, методологический плюрализм, с одной стороны, дает исследователю обширный арсенал методологического инструментария, тем самым расширяя возможности познания государственно-правовых процессов и явлений, но с другой стороны, существующий разнобой мнений не может не дезориентировать и, в первую очередь, обучающихся, осваивающих науку теорию государства и права в образовательных организациях.

В этой связи необходимым, по нашему мнению, является процесс унификация методологии теории государства и права, то есть приведение всей имеющейся совокупности методов юридического познания к единой системе. Что и попыталась сделать автор данной статьи.

Следует отметить, что методология науки в целом, юридической в частности, рассматривается неоднозначно. Так, проанализировав труды по проблемам понятия и структуры методологии, В. Н. Карташов пришел к следующим принципиальным выводам.

Во-первых, методология – это определенный теоретический и эмпирический инструментарий (техника), то есть совокупность средств (общесоциальных, технических, специально-юридических) познания правовых явлений, процессов и состояний.

Во-вторых, методология – совокупность соответствующих предмету ее исследования приемов, способов, правил и методов умелого и грамотного

использования соответствующего базового (эмпирического и теоретического) материала, а также средств познания (тактика).

В-третьих, в методологию входят методика обобщения, систематизации и обработки полученных знаний, формулирование научных выводов и рекомендаций, процедуры их внедрения в юридические науки, учебно-воспитательные процессы, а также практики модернизации конкретных сфер жизни общества.

В-четвертых, значимым компонентом методологии является мировоззренческая основа науки, то есть система определенных жизненных позиций ученых-юристов, их идеалы и убеждения, ценностные ориентиры и установки, которые играют существенную роль в научном исследовании и практической деятельности.

В-пятых, методология представляет само учение о технике, тактике, стратегии, методике познания окружающей реальности, о структуре научного знания и наиболее перспективных путях и направлениях научного поиска[1].

Следует согласиться с ученым, что вся совокупность указанных компонентов и составляет структуру методологии юридических наук[2]. Полагаем, что теория государства и права не является исключением.

Исследование методологии теории государства и права будет не полным, если не рассмотреть подходы отечественных ученых по вопросам классификации методов познания, используемых в данной науке.

Проанализировав имеющиеся в юридической литературе классификации методов теории государства и права[3], нами были выявлены, как представляется, наиболее удачные с точки зрения эффективности их применения как исследователями государственно-правовых процессов и явлений, так и обучающимися, осваивающими науку теорию государства и права в образовательных организациях.

Так, Т. Н. Радько утверждает, что методология теории государства и права включает в себя некоторые аспекты всеобщего философского метода,

---

[1] Карташов В.Н. Теория государства и права: учебное пособие для бакалавров. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 11-13.

[2] Карташов В.Н. Указ. соч. С. 13.

[3] Тарасов Н.Н. Методологические проблемы современного правоведения: дис. … д-ра юрид. наук. 12.00.01. Екатеринбург, 2002; Радько Т.Н. Теория государства и права: учебник для вузов. М., 2005; Рассказов Л.П. Теория государства и права: учебник. М., 2008; Малахов В.П. Многообразие методологий современной теории государства и права // История государства и права. 2010. № 6; Третьякова О.Д. Юридическая конвергенция: дис. … д-ра юрид. наук. 12.00.01. Владимир, 2012; Самородов В.Н. Методологические основания современной юридической науки: постановка проблемы // Вестник МГТУ. 2014. Т. 17. № 4; Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017 и др.

общенаучных и частноправовых методов[1]. Ученый справедливо подчеркивает, что всеобщий (философский) метод формирует основу понимания общих принципов науки. В свою очередь, общенаучные методы познания, являясь общими для ряда наук, являются специальными по отношению ко всеобщему. К ним Т. Н. Радько относит системный (метод системного анализа), функциональный, структурный, математический (кибернетический) методы[2]. Говоря о частнонаучных методах, Т. Н. Радько поясняет, что они характерны только одной (конкретной) науке. По мнению ученого, в теории государства и права целесообразно применять следующие часнонаучные методы познания: формально-юридический, сравнительно-правовой (сравнительного правоведения) и метод конкретных социально-правовых исследований[3].

В свою очередь, Л. П. Рассказов, взяв за основу сферу распространения, все методы теории государства и права подразделил на следующие группы: а) всеобщие; б) общие; в) специальные и г) частные (частнонаучные) методы.

Ученый считает, что всеобщие методы являются теми средствами познания, которые могут использоваться в различных сферах жизнедеятельности человека. К таковым Л. Н. Рассказов относит метафизический и диалектический методы.

Общие (общенаучные, общелогические) методы, по мнению ученого, также могут использоваться во многих сферах научного познания, однако лишь на отдельных его этапах. К ним ученый относит следующие методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, сравнение, восхождение от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному.

Касательно специальных методов, Л. П. Рассказов полагает, что поскольку они разрабатываются в рамках специальных наук, то могут широко использоваться и для изучения теории государства и права. К ним ученый относит: исторический, системный и сравнительный методы.

И наконец, частнонаучные методы познания Л. Р. Рассказовым трактуются как приемы, использующие системы понятий и технические средства других наук. Таковыми, по мнению ученого, являются: статистический, кибернетический, математический, методы моделирования и социологического исследования[4].

Полагаем, что представленная Л. Р. Рассказовым классификация группы частноправовых методов не является бесспорной. Так, С. С. Алексеев и Н. Н. Тарасов относительно методов познания теории государства и права, формирующих частнонаучную группу, считают, что в нее должны

---

[1] Радько Т.Н. Теория государства и права: учебник для вузов. М., 2005. С. 26.

[2] Там же. С. 26.

[3] Там же. С. 39-42.

[4] Рассказов Л.П. Теория государства и права: учебник. М., 2008. С. 9-13.

входить специально-юридический метод, состоящий в применении специальных юридических понятий и конструкций, и метод сравнительного правоведения – компаративистикий, при котором государство или право одной страны соотносится с государством или правом других стран в плане общих особенностей их организации, функций, конструкции и т. д.[1]

Думается, что представленная С. С. Алексеевым и Н. Н. Тарасовым классификация частноправовых методов, используемых в изучении теории государства и права, является хоть и наиболее точной, однако, на наш взгляд, не совсем полной. Это связано с тем, что на современном этапе государственно-правовые явления и процессы активно развиваются. Следовательно, есть объективная необходимость включения в данную группу новых методов познания.

Исходя из проанализированных подходов, полагаем, что методы теории государства и права целесообразно дифференцировать на следующие группы:

1) всеобщие (философские, или мировоззренческие) – это те методы познания, которые охватывая все сферы научного знания, используются всеми без исключения науками. Данные методы, как правило, задают субъекту познания лишь самые общие регулятивные установки, не определяя тем самым окончательный результат научного познания. К всеобщим (философским) методам познания теории государства и права можно отнести: метафизический, диалектический, герменевтический, синергетический и др.

2) общие методы – это способы и приемы, которые используются во всех или многих сферах научного знания, но только на отдельных стадиях научного познания. По нашему мнению, общие методы целесообразно дифференцировать на следующие две группы: а) общенаучные методы (исторический, системный, структурный, функциональной, сравнительный и др.); б) общелогические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, сравнение, абстрагирование, аналогия, моделирование и др.);

3) частнонаучные (специальные) методы – это методы, которые представляют собой использование теорией государства и права научных достижений технических, естественных и смежных общественных наук, то есть в рамках определенной науки. Данные методы, на наш взгляд, можно дифференцировать на: а) специальные неюридические (статистический, социологический или метод конкретно-социологического исследования (анкетирование (письменный опрос), интервьюирование (устный опрос), тестирование, эксперимент, наблюдение, контент-анализ (анализ документов) и др.), филологический, кибернетический, математический и др.); б) специальные юридические методы, то есть собственные методы, которые вырабатываются самой теорией государства и права и используются только в пределах

[1] Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. 4.е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 23.

юриспруденции (формально-юридический, специально-юридический, технико-юридический, юридико-социологический, сравнительно-юридический (сравнительно-правовой), метод теоретико-правового моделирования, метод теоретико-правового эксперимента и др.).

В заключении следует сказать, что методология теории государства и права не есть навсегда застывшая система. Она должна находиться в постоянном движении (пополняться новыми, современными методами), учитывая как преобразования, происходящие во всех сферах жизни общества, так и изменения, возникающие в процессе научного познания (появление новых научных подходов, развитие технических средств познания и др.).

Рыжкова Ольга Анатольевна,
кандидат юридических наук,
оперуполномоченный по ОВД
организационно-аналитической
группы 1 ОРЧ полиции ГУ МВД
России по СКФО

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Актуальность проблемы преступлений несовершеннолетних сегодня стала неотъемлемой частью проблем развития современного гражданского общества. В России динамику и структуру преступности наряду с традиционными причинами и условиями продолжают определять негативные обстоятельства, вытекающие из проблем социального и экономического развития. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 30 ноября 2010 г. указано, что «ситуация в экономике еще сложная. Не все последствия кризиса преодолены»[1].

Материальные потребности стали главными в жизни современного общества, а социально-культурные ценности, в том числе образованность, культура, оказались отодвинутыми на задний план. За последние годы увеличился разрыв между малоимущими и состоятельными людьми.

Проблемы преступности несовершеннолетних приобретают все большую актуальность в связи с нестабильностью социально-бытовых условий. Во многих семьях это приводит к тому, что преступления несовершеннолетних носят, в основном, корыстный характер. Все это главным образом обуславливается особенностями соматического, психического и нравственного

[1] Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.11.2010 //Российская газета, N 271, 01.12.2010

развития несовершеннолетних, а также их социальной незрелостью. В подростковом, юношеском возрасте в момент нравственного формирования личности происходит накопление опыта, в том числе отрицательного, который может внешне не обнаруживаться или проявиться со значительным запозданием.

Проблемы семейного неблагополучия, матери – одиночки, уклонение родителей от воспитания детей, отсутствие реакции со стороны правоохранительных органов, даже не связанной с привлечением несовершеннолетнего к уголовной ответственности, влечет за собой формирование взрослого преступника.

Рост социальной напряженности и углубление кризиса в обществе в первую очередь затронули детей. Атмосфера насилия, дефицит нравственности, низкая культура порождают ответную реакцию детей: равнодушие, грубость, жестокость и зачастую преступления. В последнее время можно говорить и о проблеме занятости несовершеннолетних. В значительной мере выросли цены на культурный досуг подростков (музыкальные школы, дополнительное образование, спортивные кружки). Достаток семьи, живущий на минимальный размер оплаты труда и имеющей более одного ребенка просто не позволяет этого. Билеты в кинотеатры, другие зрелищные мероприятия также недоступны всем подросткам.

Бесплатный досуг несовершеннолетних либо практически не проводится, либо не пользуются популярностью у молодежи (городские библиотеки, клубы для подростков). В результате чего, дети предоставлены сами себе в свободное от школы время.

Темперамент, характер несовершеннолетних, их несдержанность, сложность, противоречивость, чувство самоуверенности, самолюбия, неуравновешенность в поведении, большая чувствительность к замечаниям со стороны окружающих, недостаточная критическая оценка своего поведения, а также отсутствие правовых воззрений, дополненное в некоторых случаях искаженными нравственными взглядами, частая и резкая смена настроений при конфликтных ситуациях могут выражаться в грубости, дерзости, упрямстве, озорстве, которые часто приводят к правонарушениям несовершеннолетних.

Эту проблему можно решать и с помощью социальных работников, но она начинается уже с того момента, как совершенное подростком правонарушение зафиксировано в правоохранительных органах. Материал, характеризующий несовершеннолетнего и его семью, может быть представлен социальным работником следователю или в суд. Изучение этого материала судьей даст возможность исследовать вопрос о причинах, способствовавших совершению преступления, и позволит суду найти оптимальное решение о применении мер воздействия на нарушителя.

Одним из примеров может являться работа Саратовского областного суда, которым 21 июня 2001 г. совместно с Институтом "Открытое общество - Фонд содействия" и представительством Программы развития ООН в РФ (ПРООН) было подписано соглашение о сотрудничестве.

Проведенная на территории Саратовской области работа в рамках проекта ПРООН "Поддержка осуществления правосудия по делам несовершеннолетних в РФ" свидетельствует об эффективности введения в восьми районных судах должности социального работника.

При областном суде был создан Совет по координации деятельности судей, социальных работников, работников правоохранительных органов, комиссий по делам несовершеннолетних. Помимо Саратовского региона элементы ювенальной юстиции вводятся в судах Волгоградской области, а также некоторых других регионов[1]. Таким образом, изучение личности подростка, уже совершившего преступление, так же будет давать свои положительные плоды с целью недопущения рецидива, а так же применения действенных мер к конкретному несовершеннолетнему.

Изучение уголовных дел показывает, что наиболее типичными обстоятельствами, приводящими несовершеннолетних к совершению преступлений, являются:

- неблагополучная семья (под влиянием асоциального образа жизни старших у несовершеннолетних членов семьи формируются аморальные, противоправные черты личности, т.е. антиобщественная направленность личности) или безразличная семья (пассивность старших членов семьи не только в плане воспитания подростка, но и в корректировке потока информации, получаемой через кино, радио, телевидение, знакомых и т. д.) – в 47,2 % случаев;
- разлагающее влияние в бытовом окружении, по месту учебы или работы – в 38 % случаев;
- подстрекательство со стороны взрослых или ранее судимых несовершеннолетних;
- недостатки всеобщего обучения, а также трудности в устройстве на работу подростков, оставивших по разным причинам учебу;
- значительные виктимологические факторы в механизме преступлений несовершеннолетних;
- низкий уровень индивидуальной воспитательной работы по месту учебы или работы (формальный подход к воспитанию);
- недостатки в деятельности органов, призванных непосредственно заниматься профилактикой правонарушения несовершеннолетних и вести борьбу с преступностью – в 26 % случаев;

[1] Наумов П. Ф. Ювенальные суды в Российской Федерации //Российский судья, 2008, N 2. С. 6.

• негативное влияние низкопробных фильмов (боевики, остросюжетное кино) на формирование личности подростка.

Значительное количество преступлений совершается несовершеннолетними, не нашедшими как организовать свой досуг. В то же время, согласно результатам отдельных криминологических исследований по мере увеличения свободного времени интересы подростков деформируются и приобретают негативный оттенок[1]. Более того, чем больше свободного времени, тем выше вероятность совершения правонарушений:

– дефекты правового сознания выражаются в негативном отношении к нормам права, нежелании следовать предписаниям данных норм.

– ситуативность мотивов;

– больший по сравнению с преступлениями взрослых "веер" мотивов.

Таким образом, обстоятельства субъективного характера, способствующие совершению несовершеннолетними преступлений, обусловлены возрастными особенностями подростка, которые во многом определяют потребности его личности, духовные ценности, мотивацию поведения, психофизиологическое развитие и другие показатели.

Конечно, это глобальная проблема, к решению которой нужно подходить разносторонне. Будущее Российской Федерации – это дети, те, кто станет завтра решать наши судьбы, зависит от нас сегодня. В первую очередь, необходимо культурно обогатить досуг молодежи. Достижения современной культуры и плоды научного развития должны быть доступны современным детям, многодетным семьям. Сегодня несовершеннолетние сами определяют свой круг общения, пути развития, формы самовыражения. При школах должны функционировать бесплатные секции, интересные молодежи (современные единоборства, курсы программирования, иностранные языки).

В свободное от учебы время подростки должны быть заняты культурным досугом, обогащающим их развитие или находиться под присмотром родителей. Во-вторых, нельзя забывать о роли ячейки общества – семье. Неблагополучная семья в 47,2 % случаях служит причиной противоправного поведения подростка. Семейные ценности должны стоять во главе угла развития ребенка. Об этом ребенок должен знать не только от своих родителей, но и видеть в средствах массовой информации, слышать в образовательных учреждениях. В третьих, привлечение общественности к данной проблеме должно предполагать использование как специализированных форм профилактической деятельности (органы опеки и попечительства, шефы и общественные воспитатели, советы общественности подразделений по делам несовершеннолетних, специализированные секции общественных пунктов охраны порядка), так и общих форм (трудовые коллективы, общественные пункты охраны порядка).

---

[1] Криминология: Учебник для вузов / А.Ф. Агапов, Л.В. Баринова, В.Г. Гриб и др.; под ред. В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2006. С. 149.

Самарский Александр Николаевич,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры
теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России

МЕСТО И РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОЗАЩИТНОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

В современном мире проблема прав и свобод человека приобрела общемировое значение. После окончания второй мировой войны стали быстро развиваться правовые институты, основанные на гуманитарных международно-правовых принципах.

Международно-правовые документы регламентируют создание и деятельность целого ряда правозащитных органов, стоящих на защите прав и свобод человека и гражданина. Одним из них является Европейский суд по правам человека, который по своему статусу и структуре обладает широкими возможностями и полномочиями в правозащитной деятельности.

Европейский Суд ведет историю своей деятельности с 1959 г. За это время существования он рассмотрел огромное количество жалоб и вынес свои решения о том, были ли допущены нарушения прав человека в каждом конкретном случае. Свои суждения по конкретному рассматриваемому делу Суд использует как прецеденты при рассмотрении последующих аналогичных дел.

Работа Европейского суда имеет огромное влияние в правовой деятельности, так как является одним из механизмов международно-правовой системе по обеспечению прав и свобод человека, а судебная защита - наиболее эффективным из всех выработанных мировой практикой способов защиты и охраны прав человека.

Принятие и подписание Россией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод означает признание Российской Федерацией с 5 мая 1998 г. юрисдикции Европейского Суда по правам человека. Это означает реальную возможность для лиц, находящихся на территории России обращаться в Европейский Суд по правам человека в Страсбурге с жалобой на действия властей всех уровней, если они каким-либо образом нарушают права и свободы человека, закрепленные в Конвенции.

Правозащитная деятельность Европейского Суда основана на толковании Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Рассматривая жалобы, он анализирует положения Конвенции применительно к конкретному делу, и в ходе толкования эти нормы Европейской конвенции приобретают новый смысл. На современном этапе невозможно рассматривать положения Конвенции без учета многолетней практики Европейского суда. Поэтому некоторые ученые полагают, что международные

договоры водят в правовую систему России, а решения международных судебных инстанций - нет.

Необходимо обратить внимание на то, что Конституция РФ разрабатывалась и принималась еще до вступления России в Совет Европы, поэтому она во многом направлена на европейские стандарты. Европейская конвенция, после ее принятия, стала оказывать влияние на конституционное законодательство стран, которые признали ее прямое действие и главенство по отношению к своим Конституциям, так например, Чехия, Румыния, Польша.

Так же следует обратить внимание на то, что государства входящие в состав Совета Европы не приняли единого решения к определению соотношения юридической силы положений Европейской конвенции и национального законодательства. На современном этапе развития российской правовой науки в ней идет процесс переосмысления взглядов, критериев, подходов на решения Европейского Суда как на судебные акты, так и на их значение и место в правовой системе России.

Анализируя Конституция РФ в ч. 4 ст. 15, мы увидим, что она содержит приоритет международного договора перед внутренним законом. К тому же Конституция РФ имеет указания на соотношение общепризнанных принципов международного права и ее соответствующих положений в ч. 1 ст. 17. Российские ученые-правоведы, истолковывая данные статьи российской Конституции применительно к Европейской конвенция, приходят к противоположным выводам. По мнению одних, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод имеет приоритет над федеральным законодательством и Конституцией РФ в части прав и свобод человека, как часть российской правовой системы, на основании ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». Поэтому, решения Суда применяются как приоритетные для законодателя и правоприменителя Российской Федерации.

Другие правоведы рассматривают Европейскую конвенцию как часть российской правовой системы. Поэтому она имеет преимущество только над федеральным законодательством. Таким образом, российская Конституция и Федеральные конституционные законы РФ стоят по своему статусу выше Европейской конвенции. По мнению В.Д. Зорькина, исходя из ч. 4 ст. 15 Конституции РФ Конвенция включена в российскую правовую систему в качестве международного договора и пользуется приоритетом по отношению к федеральным законам[1].

[1] Зорькин В. Д. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы: материал VIII Международного форума по конституционному правосудию (9-10 декабря 2005 г.). М., 2006.

На этом фоне особого внимания и оценки юристов заслуживает Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. N 21-П г. Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». В Постановлении, в частности, отмечается: «…в ситуации, когда самим содержанием постановления Европейского Суда по правам человека, в том числе в части обращенных к государству-ответчику предписаний, основанных на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод, интерпретированных Европейским Судом по правам человека в рамках конкретного дела, неправомерно - с конституционно-правовой точки зрения - затрагиваются принципы и нормы Конституции Российской Федерации, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции Российской Федерации»[1].

В.А. Канашевский и П. Лаптев, основываясь на Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», думают, что обязательными к исполнению для России являются лишь те решения Европейского суда, которые вынесены в отношении нее, а не вся его практика, несмотря на то, что фактически другие решения российские судьи не могут не учитывать в силу действия правила прецедента[2].

Сравнивая выводы ученых по проблеме решений Европейского суда в системе отечественного права с их взглядами о том, что прецедентами яв-

---

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. N 21-П г. Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2015/07/27/ks-dok.html

[2] Канашевский В. А. Прецедентная практика Европейского суда по правам человека как регулятор гражданских отношений в Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 125; Лаптев П. Роль Постановлений Европейского суда для России // Отечественные записки. 2003. №2(11).

ляются не сами решения, а содержащиеся в них правовые позиции Европейского Суда, мы приходим к выводу о том, что теоретики предлагают на практике применять именно правовые позиции Европейского суда. С другой стороны в отечественном научном сообществе такого вывода не делается, и эта проблема не изучается параллельно с проблемой о месте решений Европейского суда в системе отечественного права.

Таким образом, дискуссия исполнения решений Европейского суда по правам человека в существенной мере связана также с законодательным упорядочением процессов взаимодействия национальных и европейских институтов контроля и правоприменения. По нашему мнению в России отсутствует четкий законодательно закрепленный механизм исполнения решения Европейского суда по правам человека, а значит, в будущем невозможно избежать нарушений Европейской конвенции при рассмотрении новых дел.

Сорокина Елена Анатольевна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института этнологии и антропологии
Российской академии наук

ПОЛИЦЕЙСКАЯ СИСТЕМА ШВЕЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПОЛИЦИИ И ОБЩЕСТВА

Шведское общество имеет достаточно давние и стабильные экономические, социальные и политические устои, сформированные на протяжении многих десятилетий. Современное шведское общество существует в рамках широко известной так называемой «шведской модели». Это общественно-политическое явление подразумевает наличие и существование социальных, экономических, культурных норм и паттернов жизни как самого общества, так и его отдельных членов. За время своего существования «шведская модель» претерпевала различные изменения и воздействия, которые приводили, в свою очередь, и к определенным изменениям общества. Однако существенным и определяющим является то, что и в настоящее время в Швеции в целом удалось сохранить основные социальные завоевания, достигнутые на протяжении многих десятилетий. В число важных достижений входит сохранение и поддержание высокого уровня социального обеспечения населения, что поддерживается как государством (так это было прежде), так и представителями рыночной экономики.

Представляются важными выводы известного ученого-скандинависта Н. С. Плевако об актуальности и востребованности и в современном шведском обществе таких категорий как «справедливость», «равенство», «толерантность», «консенсус». Также существуют и реализуются в жизни общества и экономики другие нормы, характерные для сдержанной шведской морали. Понимание истоков шведских культурных и идеологических традиций помогает более полно понять и современное шведское общество, механизмы его функционирования, в числе которых и полицейская система. На таких понятиях и с помощью методов социальной инженерии во многом и было выстроено шведское общество и экономика в десятилетия правления социал-демократов.[1] Именно нормы справедливости подразумевают равенство всех граждан и жителей страны (в том числе и вновь прибывших мигрантов, которых становится все больше в стране) перед законом, в равном праве на медицинскую помощь, на получение информации и образования[2].

Основные принципы существования так называемой «шведской модели» были заложены еще в 1930-е годы социал-демократами, сформировавшими правительство в результате выборов и бессменно стоявшими у власти более 50 лет. Очевидно, что проблемы современного общества находят свое проявление и отражение в самых разных проявлениях. Это напрямую и в полной мере относится и к системе охраны правопорядка и полицейской системе страны. Понятно, что пристальное внимание шведского общества приковано к деятельности полиции не только как органа охраны правопорядка, но и органа занятого профилактикой и предупреждением разного рода возможных конфликтов и правонарушений в обществе. В повседневной деятельности полиции отражаются острые проблемы современной жизни общества, проблемы с мигрантами, молодежью.

Одной из важных и даже, возможно, ключевых проблем современного шведского общества, является количественный и качественный рост миграционных потоков в Швецию на протяжении последних лет. Это имеет и свои объяснения, связанные с тем, что в последние годы и в связи с известными событиями, Швеция является одной из самых крупных (сразу после Германии) европейских стран, принимающих мигрантов. По различным современным статистическим данным, около 15 % населения Швеции родились за границами страны. Процесс усиления притока мигрантов продолжается и предполагается, что на протяжении текущего года Швеция сможет принять, обустроить около 23 000 мигрантов.[3] Это включает и организацию приема и обустройства жизни вновь прибывших, обучение их языку и посильной адаптации в шведском обществе. Однако, этот процесс может быть успешен

---

[1] Плевако Н. С. Шведская модель: прошлое и настоящее // Институт Европы РАН. Аналитическая записка. 2015. № 11. С. 3.

[2] Vad ar Sverige? Roster om svensk nationell identitet / Red. A.W. Johansson. Stockholm, 2001. S. 11.

[3] www.dn.se/nyheter/politik/svenskarna-har-svangt-4-av-10-vill-ha-betydligt-farre-flyktinga (дата обращения: 25.04.2018).

только при соблюдении важнейшего принципов – желания вновь прибывших полноценно включиться в жизнь шведского общества, успешно работать, соблюдать нормы и традиции как своей культуры, так и принимающего шведского общества.[1]

Необходимо особо отметить, что социокультурная адаптация мигрантов не предполагает полный отказ от привычных мигрантам традиций и норм. Но главным все же является то, что эти «новые граждане» начинают активно участвовать на рынке труда принимающей страны, в системе социальных отношений и в культуре этой страны. Таким образом, происходит непростой процесс постепенного включения вновь прибывших граждан в шведское общество. Нельзя, тем не менее, сказать, что все хорошо удается шведским властям и что все вновь прибывшие энергично вовлекаются в этот процесс. Зачастую мигранты ищут просто легкой и сытой жизни, не считая необходимым при этом самим трудиться и включаться в шведское общество. Об этом все более часто и открыто говорят в обществе.

На протяжении последних десятилетий в Швеции отмечаются серьезные перемены – превращение моноэтничного шведского общества в общество со многими этническими составляющими (полиэтническое мультикультурное общество), в котором реально взаимодействуют и сосуществуют различные культурные и конфессиональные ценности, нормы поведения, традиции, права и обязанности людей. Важным обстоятельством для характеристики современной общественно-политической ситуации, в том числе и деятельности полиции по охране общественного порядка, является и то, что прежде приезжали в страну те, кто реально искал и хотел найти работу и был готов достаточно быстро и активно влиться и адаптироваться в принимающем обществе. На протяжении последних лет в страну прибывают в подавляющем большинстве и в первую очередь – беженцы, которые живут зачастую только на пособия, не выходя на рынок труда и не изучая шведский язык. Отметим и такую важную историческую черту шведского менталитета, которая находит свое проявление в том числе и во взаимоотношениях шведского общества и правоохранительных органов, полиции – как неукоснительное соблюдение «старыми» шведами норм и законов, которые были в свое время созданы и приняты демократическим путем и творцами которых были представителями всех слоев общества[2]. Важным элементом существования правового общества является и то, что и власти и

[1] Подробнее см.: Сорокина Е.А. Некоторые современные реалии повседневной жизни Швеции. // Частное и общественное в повседневной жизни населения России. Т. 3. СПб., 2018. С. 549–554.

[2] Сорокина Е. А. Полицейская система Швеции: особенности функционирования в современном государстве // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 1750–1752.

граждане считают соблюдение законов страны обязательной и непреложной ценностью, которой стараются следовать и на практике.

В таких условиях важным элементом механизма любого современного государства становится полицейская система[1]. В процессе становления правового государства значение деятельности органов по охране прав и свобод личности возрастает[2], расширяется спектр регулятивно-охранительной деятельности полицейских органов[3], все большее значение приобретает взаимодействие полиции и общества[4], отношения полиции и институтов гражданского общества выстраиваются в контексте партнерской модели[5] и направлены на решение широкого спектра социально значимых вопросов, помимо проблем борьбы с преступностью и профилактики преступности[6].

Полицейская система является важной частью государственного механизма Швеции. При этом на протяжении нескольких последних лет довольно острой проблемой для шведской полиции была нехватка персонала – требуется дополнительно до 10 000 полицейских. По этой причине, к примеру, в районе Бергслаген, лен Даларна (север страны) на время летних отпусков даже закрывались некоторые полицейские участки. Аналогичная ситуация складывалась и в некоторых других регионах Востока и Севера страны. В центре страны полицейские участки не закрывались, но сокращались часы приема населения. В то же самое время – в школах полиции от-

---

[1] Нижник Н. С. Полицейская система – структурно-функциональный элемент правоохранительной системы государства // 210 лет МВД России: история и современность: Материалы всероссийской научно-практической конференции 21 сентября 2012 года. Ч. 1. СПб., 2013. С. 10–20.

[2] Нижник Н. С. Полицейская система как элемент механизма реализации правоохранительной функции государства // Совершенствование законодательства о полиции и полицейской деятельности: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 22–23.

[3] Lavrinovich K. I. The specifics of the implementation of the law enforcement function of the modern state based on the rule of law (on the example of the Russian Federation) // International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. Vol. 2. Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017. S. 261–262.

[4] Нижник Н. С., Меньшикова Н. С. Полиция и гражданское общество в России: взаимодействие и сотрудничество. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. С. 54–55.

[5] Nizhnik N. S. Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime // International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. Vol. 2. Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017. 461 str. S. 241–251.

[6] Нижник Н. С. Российская полицеистика об основах регулирования отношений между государством и обществом // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. / под ред. Н. С. Нижник: В 2 т. Т. II. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. С. 56–57.

мечается немало незанятых мест, полицейские учебные заведения в последние годы не были полностью заполнены. Надо отметить, что тема работы полиции привлекает все большее внимание политических партий. Умеренная консервативная партия Швеции (Moderaterna), находящаяся сейчас в оппозиции, использует темы поддержки профессионального полицейского обучения молодежи для привлечения новых сторонников. Так, эта партия собирается выйти с законодательным предложением о реформировании обучения полицейских и списании студенческих займов/studielånet, взятых во время обучения в полицейских учебных заведениях, при условии работы молодого человека или девушки в качестве полицейского на протяжении 5 лет.[1] Надо отметить, что существуют и определенные обстоятельства, способствующие росту популярности профессии полицейского. Так, на фоне увеличения числа появившихся «новых шведов» (из числа вновь прибывших мигрантов), которые далеко не всегда охотно и в достаточной степени знакомятся с историей, бытовой культурой и традициями принявшей их страны, профессия полицейского в последнее время привлекает все больше желающих. Одним из факторов увеличения числа желающих обучаться этой профессии, как признают исследователи, стало и то, что во время теракта в Стокгольм два года назад (январь 2016 г.) успешная и слаженная, четкая работа полицейских по преодолению последствий теракта была на виду граждан и общества. Навыки, которые получают во время обучения в полицейской академии, позволяют оказывать первую медицинскую помощь, бороться с огнем, работать с населением, противодействовать террористически атакам и их последствиям и также дают многие полезные и необходимые практические навыки для повседневной жизни и экстремальных ситуаций.

Изменения общественных запросов влечет за собой некоторые изменения в должностных обязанностях шведских полицейских. Так, достаточно экзотическая, на первый взгляд, обязанность шведской полиции заниматься пострадавшими домашними животными (разыскивать пропавших домашних животных, снимать их с деревьев и спасать в иных ситуациях животных) с середины 2018 г. будет передана в Губернские управления муниципалитетов[2]. Прежде спасением пострадавших животных, их дальнейшим размещением занималась только и исключительно полиция[3]. Такие перемены связаны с тем, что полиция сосредоточивает все большее внимание на

[1] https://sverigesrdio.se/sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=6936741 (дата обращения: 19.04.2018).

[2] http://sverige.se/sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=6862910 (дата обращения: 21.04.2018).

[3] Сорокина Е. А. Полицейская система Швеции: особенности функционирования в современном государстве // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 1754.

решении проблем общественной безопасности. Этому способствует и то, что при изменении функциональных обязанностей полицейских высвобождается и время полицейских. По мнению специалистов, одним из возможных путей успешного решения задач обеспечения общественной безопасности и поддержания правопорядка, является увеличение числа камер видеонаблюдения в «особо беспокойных» пригородах (utsatta områden)»[1]. На протяжении последнего года также произошли некоторые другие изменения в сфере распределения обязанностей полицейских. Так, в связи с тем, что не хватает достаточных сил полиции для инспекции всех рабочих мест (что связано с поисками нелегальной рабочей силы, а также уже возбужденные дела копятся в ожидании рассмотрения), решено временно приостановить такого рода проверки.

Появление новых общественных вызовов делают актуальными новые формы тренировочных мероприятий шведских полицейских. Шведским правительством еще в 2016 г. был разработан документ о том, что необходима единая стратегия как непосредственно для шведских сил быстрого реагирования на террористическую угрозу, так и совместный план с соседними скандинавскими странами в рамках договора по безопасности. Шведские полицейские с 2017 г. стали регулярно проводить специальные учения по борьбе с терроризмом[2]. В частности, эти учения проводились в западных и северных районах Стокгольма. Задачей учений являлось подготовка сотрудников полиции к потенциальным терактам. Так же состоялись учения в одном из заброшенных промышленных помещений пригорода Вэсбю (Upplands Väsby), когда полицейские тренировались по борьбе с насилием и конфликтами. В учебу входит применение различных вспомогательных средств и огнестрельного оружия, знакомство с тактикой, что может помочь сократить время от момента возможного теракта до принятия мер по борьбе с ним. Для того, чтобы излишне не беспокоить население близлежащих районов, для жителей были сделаны специальные объявления о том, что проходят учения и во время учений применяются только холостые патроны и «хлопушки», взрывы которых могут быть восприняты, как настоящие.[3] В конце апреля месяца текущего года полиция безопасности вместе с обычной полиций провела задержания в разных местах Швеции (в городе Стрёмсунд/

[1] http://sverige.se/sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=6862910 (дата обращения: 25.04.2018).

[2] Сорокина Е. А. Полицейская система Швеции: особенности функционирования в современном государстве // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 1754.

[3] http://sverige.se/sida/artikel.aspx?programid=103&artikel=6823214 (дата обращения: 17.04.2018).

Strömsund, в стокгольмском пригороде Акалла/Akalla). Три человека были задержаны по подозрению в подготовке террористического преступления.

Перемены в шведском обществе имеют и такие следствия, как то, что по данным шведской прессы в связи реализацией более строгих наказаний за преступления требуется все больше мест в существующих 50 тюрьмах и камерах предварительного задержания. В этой связи предполагается увеличить число мест в пенитенциарной системе до 5000[1]. (Напомним — современное население Швеции достигает 10 млн человек). Специалисты также отмечают изменения состава преступлений. Все чаще в поле зрения правоохранителей попадают те, кто симпатизирует экстремизму и различным проявлениям насилия. Особую тревогу вызывают и молодые люди, связанные с этническими криминальными группировками. Зачастую такие правонарушения связаны с вновь прибывшими в страну мигрантами.

Одной из важнейших и крайне востребованных в настоящее время форм деятельности шведской полиции является не только предотвращение уголовных и административных преступлений, нарушений закона, но и работа с многочисленными мигрантами, как давно живущими в стране, так и приехавшими в последнее время. Существуют специальные государственные, окружные и муниципальные органы, в чьи задачи входит прием и обустройство мигрантов, осуществление на практике мер социальной адаптации вновь прибывших, оформление различных документов, обучение языку и прочее. Полиция же занимается различными сложными ситуациями (с точки зрения охраны общественного порядка). К сожалению, отмечаются и факты вандализма в ряде городов страны и случаи нарушения общественного порядка, факты агрессивного поведения со стороны мигрантов. В настоящее время прием, размещение и социализация мигрантов представляют важнейшую и серьезную проблему и задачу для шведского общества, для властей страны и полиции, отвечающей за соблюдение общественного порядка.

Шведы, привыкшие к размеренной и спокойной жизни, проявляют определенную обеспокоенность сложившейся ситуацией в связи с ростом потока мигрантов. Это отражается и в данных социологических опросов последнего времени. По результатам опросов отмечается уменьшение ощущения надежности у граждан и, как следствие, уменьшение степени доверия шведов к правовой системе в целом. Таковы результаты ежегодного опроса об вопросам безопасности, которое проводит Brå – шведский Совет по предотвращению преступности. По опросам конца 2016 г. почти треть шведских женщин не чувствует себя в достаточной безопасности по вечерам, выходя из дома, а часть женщин предпочитает вообще оставаться дома. Это связано с участившимися случаями нападения, зачастую мигрантов, на

[1] http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=6890143 (дата обращения: 24.04.2018).

шведок. Тем не менее, большая часть населения Швеции продолжает стабильно доверять правоохранительным органам и полиции.[1]

В связи с многочисленными сложностями, связанными с адаптацией мигрантов в Швеции, отмечается и то, что в некоторых регионах страны все более острой становится проблема распространения наркотиков среди молодежи. Зачастую новыми клиентами для торговцев наркотиками становятся несовершеннолетние подростки из числа тех мигрантов, которые ищут убежище в Швеции. Такие данные приводит в своем репортаже Шведское телевидение. Так, несовершеннолетними беженцами оказались 9 из 10 молодых людей, задержанных полицией за покупку наркотиков в некоторых районах Стокгольма. Эти районы считаются преимущественно иммигрантскими. На протяжении ряда последних лет подавляющее число нарушений закона, по данным прессы, совершили вновь прибывшие в Швецию подростки. И такая ситуация, по мнению шведских профессионалов, представляется достаточно серьезной угрозой для шведского общества. И решение этих задач представляется важным и необходимым для самых разных служб, организаций и структур, занимающихся различными сторонами охраны общественного порядка. И полиция наряду с рядом других организаций, ориентированных на решение проблем адаптации и приема мигрантов, призвана проводить такую работу на практике. Все более пристальное внимание полиции на протяжении последнего времени привлекают и миграционные центры, в которых размещаются вновь прибывшие в Швецию мигранты — соискатели убежища и вида на жительство. В этих центрах нередко отмечаются случаи нарушения законов. Большинство мигрантов, которые надеются найти убежище, прибыли из Сирии, а также из Ирака, Эритреи и Афганистана. Миграционное ведомство Швеции с трудом успевает рассматривать ходатайства. За последние два года Миграционное ведомство было вынуждено принять более 200 000 решений по мигрантам.[2]

В последнее время меняется техническое оснащение шведской полиции. Так, в одном из районов Стокгольма Ерва (Järva) впервые разрешили использовать скрытые микрофоны для обнаружения и предотвращения преступлений. Предполагается, что станет возможным сократить время выезда полиции на место происшествий, т. к. аппаратура будет фиксировать в первую очередь сильные звуки, хлопки, удары и прочее, которые вызывают тревогу жителей. Однако эти скрытые микрофоны никак не предназначены для записи человеческого голоса и разговоров. Таким образом, установка такого рода аппаратуры никоим образом не будет нарушать прав и свобод личности. Предполагается, что такая аппаратура (скрытые микрофоны) будут установлены в первую очередь в северо-западных районах Стокгольма

[1] http://sverige.se/sida/artikel.aspx?programid=103&artikel=6823412 (дата обращения: 15.04.2018).

[2] http://sverige.se/sida/artikel.aspx?programid=83&artikel=6855926 (дата обращения: 25.04.2018).

(пригороды Ринкебю, Тенста и Хюсбю), где живут в основном мигранты. В этих районах, только за прошлый год на полицию многократно совершали нападения (десятки раз забрасывали камнями, жгли машины, были несанкционированные выступления молодежи). Также там отмечались и нападения и на сотрудников Скорой помощи. По этой причине полиция просила разрешить установку камер наружного наблюдения на станциях метро и на центральных улицах этих районов и площадях.

Взаимодействие общества и полиции в Швеции в наши дни направлено на поддержание общественного порядка и решение возникающих конкретных проблем, борьбу с преступлениями. Важной частью работы полиции является профилактика различных нарушений и преступлений как «старыми», так «новыми» гражданами. Успешное решение задач социальной адаптации «новых» шведов будет в конечном итоге способствовать и стабильности общественной жизни и правопорядку.

Стоцкий Александр Петрович,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета
МВД России

ПОЛИЦИЯ ОХТИНСКОЙ ЧАСТИ: АРТЕФАКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИМПЕРСКОМ ПЕТЕРБУРГЕ

В современном Санкт-Петербурге сохранилось более пяти десятков архитектурных артефактов, свидетельствующих о деятельности правоохранительных органов до 1917 г. В их числе съезжие дома и полицейские управления, арестантские дома и тюрьмы, музеи и памятники, а также приюты и загородные колонии для разных чинов полиции[1]. Одним из районов города, который вошел в его состав в XIX в. стал Охтинский район, на территории которого до сих пор сохранились исторические здания дореволюционной полиции.

Ещё в XVIII в. на берегах р. Охты с момента начала строительства Петербурга строились многочисленные заводы, приезжало много работников,

[1] Стоцкий А. П., Нижник Н. С. 300-летняя история полиции России в артефактах: полицейский архив в Санкт-Петербурге // Вестник Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Саратов, 2016. С. 107–109; Нижник Н. С. Стоцкий А. П. Полицейский архив как фактор эффективной профессиональной деятельности полицейских Российской империи // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г. / Под ред. Н. С. Нижник: В 2 т. Т I. СПб., 2016. С. 301–304.

росли деревни, расширялась торговля. Возникала нужда в упорядочении жизни обитателей этих мест и создании пожарной команды. Одно из таких зданий было сооружено в Охтинской части города на Большеохтинском проспекте. Это здание с каланчой, где стоит символический пожарный в специальной одежде — «боевке», привлекая внимание гостей района.

В 1802 г. в Санкт-Петербурге купец Беспалов построил на свои средства в Охтинской части города на берегу р. Охта (в том месте, где она впадает в Неву) одноэтажный каменный дом (богадельня), в котором были размещены призреваемые[1]. 24 июня 1803 г. был опубликован Указ императора Александра I «Об открытии столичной пожарной команды»[2] согласно которому в Санкт-Петербурге было учреждено 11 пожарных частей. Также Указ освободил жителей северной столицы от выделения ночных сторожей, содержания пожарных работников и освещения улиц[3], при этом на службу привлекались солдаты, не способные к фронтовой службе[4].

В 1828 г. призреваемые стали проживать в частных домах, нанимаемых на общественные средства, а с 28 мая 1829 г. освобожденные помещения были переданы Охтинской пожарной части. В ее штат входили: брандмейстер, помощник брандмейстера и 48 рядовых служителей. При пожаре постовые поднимали на вышке сигнал. Днем — определенный набор крестов и кожаных шаров для обозначения места пожара и его категории. Ночью вывешивались фонари: белый фонарь — вместо шара, красный — вместо креста. Красный флаг означал сбор всех частей. В связи с ростом численности населения города и появлением новых построек, в 1838 г. штат пожарной части был увеличен. На вооружении состояли ручные пожарные насосы, бочечные пожарные обозы, линейки для перевозки служителей и повозки с лестницами.

В 1862 г. был составлен проект перестройки здания Охтинской пожарной части (ул. Конторская д. 4, 6), однако 2-е отделение департамента проектов МВД рекомендовало произвести только лишь ремонт здания «с принятием надлежащих мер против дальнейшего прогиба балок в мезонине от тяжести основанной на нем каланчи»[5].

В 1867 г. было построено новое здание богадельни (сохранившееся по сей день (ныне Большеохтинский пр. д. 3). Помимо богадельни в здании

---

[1] Призреваемые – категория людей, неспособных к труду в силу возраста или физического состояния.

[2] Данный Указ является историческим актом пожарной охраны России и определяет учреждение и открытие первой городской пожарной команды Санкт-Петербурга, а сама дата стала денем рождения Петербургской пожарной охраны.

[3] История становления пожарной охраны России // Официальный сайт ГУ МЧС России по Калининградской области [Электронный документ] http://39.mchs.gov.ru/document/1357669 (Дата обращения 31.01.2018)

[4] Абрамов В. А., Глуховенко Ю. М., Сметанин В. Ф. История пожарной охраны. Краткий курс. М., 2005.

[5] Столбова Н. П. Охта. Старейшая окраина Санкт-Петербурга. М., 2008

также были размещены Охтинская пригородная управа и съезжая часть. В 1886 г. богадельня и съезжая часть были выведены из нового здания, а вместо них была размещена пожарная часть, переведенная из старого здания богадельни. Через год Охтинская пожарная часть переехала в здание Охтинской пригородной управы, к которому в 1898 г. была пристроена пожарная каланча, изготовленная по проекту архитектора Оттона Людвиговича Игнатовича[1], сохранившаяся по настоящее время. В это время она была оборудована телефонной связью, в 1904 г. получила механическую лестницу на конном ходу, а в 1907 г. в части появился первый паровой насос. По сравнению с ручным он имел большую производительность, использовался только на крупных и затяжных пожарах, потому что для приведения его в действие требовалось немало времени.

Каждый день на каланче круглосуточно дежурили два каланчовых, их бдительность проверялась каждые четверть часа с помощью сигнала свистком, который давал стоящий у пожарных инструментов часовой. Для своевременного оповещения о пожарах, они использовали веревки с колокольчиками, одна из которых вела в казарму пожарных служителей, другая в комнату брандмейстера. В период несения службы пожарным запрещалось разуваться и отлучаться из части для возможности оперативного реагирования.

«Особое внимание привлекала медно-золотая труба паровой машины, мчавшаяся за «линейкой», и, конечно, мощные, нетерпеливые кони. Всё это волновало и восхищало обывателей. Однажды я наблюдал пожарных «в деле» – во время большого пожара на заводе «Буревестник». Выезжали пожарные и в случаях, довольно частых происходивших на весеннем невском льду, когда ямщики гнали своих лошадей на другой берег по уже размытой весенней дороге и, случалось, проваливались под лёд… Картина жуткая – повозка в воде, торчит голова лошади с обезумевшими глазами и рядом за уздечку придерживает её на плову незадачливый возница, ждущий помощи от пожарных»[2] – так описывали работу пожарных простые обыватели Охтинской части города в 1898 г.

Несмотря на революционные потрясения, произошедшие в 1917 г., здания съезжего дома Охтинской части не утратили своего значения. Советские пожарные продолжили работу дореволюционных служителей, обеспечивая противопожарную безопасность на берегах р. Охты в мирные и военные годы. Сегодня в этом здании, включенном в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) продолжают двухсотлетнюю службу на благо жителей города сотрудники 16 отдела пожарной охраны Красногвардейского района.

---

[1] См.: Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX в. / Сост. В. Г. Исаченко; ред. Ю. Артемьева, С. Прохватилова. СПб., 1998. С. 75.

[2] Охта, Пороховые. Страницы истории / Сост. Е. М. Мухина. СПб., 2003. С. 36.

Урумов Аскер Валерьевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры СТП
Северо-Кавказского института повышения
квалификации (филиала) Краснодарского
университета МВД России

ВЛИЯНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ НА НОРМООБРАЗУЮЩУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ

На протяжении нескольких лет в отечественной юридической науке правосудие рассматривалось как одно из форм применения закона, не связанное с правотворческими полномочиями судов при разрешении конкретных дел. Однако в настоящее время широкое распространение получил взгляд на судебную практику как на источник права, что является нетрадиционным (нетипичным) для российской правовой системы[1].

Если для англосаксонской системы права (common law) ответ на вопрос, может ли суд быть творцом права, является положительным, то для континентальной и (или) романо-германской системы он вызывает плюралистические дискуссии среди научных кругов. Еще советская правовая система не предусматривала правотворческой роли суда, хотя разъяснения Пленума Верховного Суда СССР закреплялись «руководящими» и приобретали значения нормативно-ориентирующего материала для всех судов при анализе отдельных положении закона, действий закона в целом или законодательства, регулирующего определенную сферу общественных отношений. Тем не менее, в советской доктрине высказывались нетрадиционные для тех времен соображения о признании разъяснений Пленума Верховного Суда СССР неким «прецедентом толкования» или «выработкой правоположений на основе раскрытия смысла и содержания правовых норм»[2].

Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в Конституции Российской Федерации (ст. 126) не характеризуются как руководящие, но они все также обеспечивают единообразие правоприменительной практики по конкретным вопросам, а потому одобряются самими судами. Это и ясно, ведь, как утверждал выдающийся юрист Древнего Рима Цельс: «Права не устанавливаются исходя из случаев».

---

[1] См.: Тхабисимова Л.А., Урумов А.В. Нетрадиционные источники гражданского права // Алтайский юридический вестник. 2018. № 22. С. 163-164.

[2] Судебная практика в советской правовой системе / Отв. ред. С.Н. Братусь. М.: Юридическая литература, 1975. С. 16, 58-61, 63-66.

Многообразие и многосторонность общественных отношений в их реальном, наличном бытии существуют как сложное переплетение, во взаимопереходах, динамике, взаимопроникновении. Поэтому законы не могут буквально охватить и учесть все нюансы, их содержание носит общий характер, в абстрактной форме охватывает своим регулированием определенный вид общественных отношений. А ведь жизненные ситуации, с которыми сталкиваются суды, оказываются сложнее, чем правило, которое устанавливает законодатель для регулирования тех или иных общественных отношений. Положение суда осложняется еще и тем, что законодательство содержит законы, регулирующие одни и те же общественные отношения, но они противоречат друг другу целиком или какими-то нормам, многие понятия имеют оценочный характер (законодатель не раскрывает их). Сталкиваясь с пробелом, с правовым вакуумом, суды пытаются рассмотреть ситуацию и разрешить спор, применяя либо аналогию права (исходя из общего смысла и общих начал права – «ratio legis», не только национального права, но и общепризнанных принципов и норм международного права), либо аналогию закона (применение сходной конкретной нормы права при отсутствии нормы, прямо предусматривающей спорный случай). В связи с этим возникает необходимость в толковании правовых норм судебными органами - Конституционным Судом Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации. Следует отметить, что акты официального толкования надо считать не нормами права, а правоположениями, которые имеют юридическое значение. И правоприменительные органы (например, суды) при решении конкретных вопросов должны учитывать содержание правоположений. При этом правоположения не являются юридическими нормами, поэтому не могут составлять основу правоприменительных решений.

Весьма своеобразный нормоконтроль осуществляют суды общей юрисдикции при признании по заявлениям недействительным нормативного правового акта. Нормативный правовой акт может быть призван недействительным в случаях, предусмотренных законом. Из федеральных нормативных актов, проверка конституционности которых отнесена к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, лишь нормативные акты Правительства Российской Федерации в силу ст. 23 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» могут быть обжалованы в суд. В связи с этим, разрешение дел по этому виду федеральных нормативных правовых актов относится также и к компетенции суда общей юрисдикции. В отличие от федеральных все нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации, включая конституции и уставы, по инициативе граждан, организаций и прокуроров могут проверяться судами общей юрисдикции на предмет их соответствия нормативным актам более высокой юридической силы, в том числе и Конституции. Правовым основанием для такого вывода в настоящее

время являются положения ст. 5, 46, 125 Конституции Российской Федерации, ст. 36, 40, 84, 85 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, Федерального закона «О прокуратуре». При этом до вступления решения суда в законную силу нормативный акт юридически считается действующим. Но как только решение вступило в законную силу, нормативный акт юридически становится недействительным, то есть не порождающим правовых последствий с момента его издания. В случае признания судом акта недействительным нарушенное право подлежит восстановлению либо защите. С учетом указанного серьезную ошибку допускают те суды, которые вместо вывода в решении о признании акта недействительным указывают о его отмене, поскольку отмененный акт юридически считается действующим до его отмены субъектом правотворчества.

Особую роль в воздействии на законодательство[1] играет деятельность Конституционного Суда Российской Федерации, разрешающего дела о соответствии Конституции Российской Федерации законов и иных нормативных правовых актов высших органов Российской Федерации, конституций, уставов, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, договоров между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов, договоров между органами государственной власти субъектов Российской Федерации, не вступивших в силу международных договоров России, а также дающего толкование Конституции. При этом акты или *их* отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу, и не подлежат применению; признанные не соответствующими Конституции России не вступившие в силу международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению. Дополнительного решения парламента по вопросу действия неконституционного закона не требуется, так как решения Конституционного Суда Российской Федерации действуют непосредственно и не требуют подтверждения другими органами и должностными лицами. Решения судов, иных органов и должностных лиц, основанные на актах, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях.

Следовательно, если принимать во внимание, что правотворчества - это не только формирование, принятие новых норм права, их изменение, но

[1] О понимании законодательства см.: Курдюк Г.П., Урумов А.В. Законодательство: подходы к пониманию // Общество и право. 2013. № 1 (43). С. 30-35; Курдюк Г.П., Урумов А.В. Российское законодательство: современное состояние и перспективы развития: учебное пособие. Краснодар: КрУ МВД России, 2015.

и их отмена[1], то можно прийти к выводу, что Конституционный Суд Российской Федерации в этом своем качестве выступает своеобразным правотворческим органом с отменительной (отрицательной) функцией. Данный факт характеризует влияние суда на нормообразование, в результате которого законодатель приводит нормы закона в соответствие с постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации.

Учитывая то, что постановления пленумов верховных судебных инстанции принимаются в целях правильного и единого понимания и применения законов (а не в целях их поправки и дополнений), субстанцию механизма правового государства, формирующаяся на принципе разделения властей, судебная власть все-таки в своей основе не может заниматься правотворчеством. Ее функция - осуществление правосудия. Это находит закрепление в Конституции Российской Федерации (ст. 10, 118, 120 и др.). Исключением является Конституционный Суд Российской Федерации, имеющий особый статус, однако он обладает связанной компетенцией (отсутствие собственной инициативы), что означает возможность осуществления судом своих полномочий только по запросам и жалобам лиц, упомянутых в Конституции Российской Федерации (кроме использования права законодательной инициативы). Но то, что суды и судебная практика влияют на нормообразующую деятельность в правотворчестве, сомнений в этом не возникает.

Исходя из суммы положений, судебное влияние на правотворчество заключается в следующем:

1) судебная практика выявляет неурегулированные законодателем отношения, имеющие объективно обусловленные требования социальной жизни, тем самым порой определяет новый предмет правового регулирования;

2) судебная практика является ориентиром, примером, своего рода парадигмой для решения конкретных, аналогичных дел;

3) судебная практика существенно влияет на создание единого правового поля, обогащает и синтезирует его теоретико-эмпирическую базу, вырабатывая конкретизирующие закон правоположения, которые могут служить основой для выработки норм;

4) конституционный контроль Конституционного Суда Российской Федерации, нормоконтроль судов общей юрисдикции относительно прав и свобод человека и гражданина;

5) законодательная инициатива Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации по вопросам их ведения, то есть внесение проектов законов, проектов законов об изменении действующих, а также предложений о принятии новых законов, внесении изменений в действующие законы или их отмене (законодательные предложения).

---

[1] См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 143; Урумов А.В. Правотворчество органов внутренних дел Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. С. 15-17.

Являясь одним из типов (видов) юридической практики, судебная практика сигнализирует правотворческим органам о неполноте законодательства, пробелах, противоречиях и неэффективности, становясь, необходимой основой для создания норм права, а порой и нормативных правовых актов - «опыт, полученный от различных действии, создает закон» (experientia per varios actus legem fecit).

Аккумулируя вышеизложенное, следует отметить, что в теории правотворчества в гносеологическом процессе создания правовых, норм необходимо изучать и обобщать судебную практику. Это поможет законодателю облекать в закон проверенные практикой аспекты общественной жизни, которые требуют правового регулирования, устранять пробелы и недостатки, оборачивающиеся несовершенством законодательства, а порой и трагическими последствиями для общества, его формирований и отдельных членов. Правотворческие органы должны следить за правоприменительной практикой, анализировать её, выявлять свои недочёты, ошибки и оперативно вносить изменения в действующее законодательство, базируясь на сформировавшихся правоположениях. Лишь при тесной взаимосвязи правотворческой и правоприменительной деятельности возможно реализовать цели, которые ставились при создании нормативно-правового акта и эффективно претворять её в жизнь.

Федоринова Елена Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории государства и права
Санкт-Петербургского университета
МВД России

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Концепция правового государства на сегодняшний день представляет теоретическую модель идеального государства, в котором выражены такие правовые ценности западной демократии, как приоритет прав гражданина по отношению к публичным интересам государства, либерализм, разделение властей, рыночная экономика и другие.

Под правовым государством следует понимать государство, в котором обеспечивается господство права над государством. Основной задачей правового государства является ограничение государственного су-

веренитета, недопущение узурпации публичной власти, а также воспрепятствование вмешательству со стороны государства в сферу частных интересов[1].

Важную роль в обеспечении механизма функционирования правового государства играет полиция[2].

Для того, чтоб отнести то или иное государство к числу правовых, следует выделить его некоторые неотъемлемые признаки. Признаки правового государства следует отличать от принципов правового государства.

Принципы правового государства – это основные идеи, начала, в соответствии с которыми формируется правовое государство. Из этого определения следует, что принципы правового государства характеризуют основу его формирования и функционирования.

К основным принципам правового государства относят:

- принцип верховенства права;
- разделения властей;
- взаимной ответственности государства, общества, личности.

Именно на этих принципах базируются современные концепции правового государства, и именно они являются отличительными принципами, характеризующими формирование и функционирование правового государства.

Наиболее важным принципом правового государства, из которого вытекают другие характеристики и взаимосвязи, является принцип верховенство права. Поскольку рассматриваемый принцип характеризует то, каким образом должен функционировать социальный организм, его можно назвать базовым, основополагающим. Только в том случае, когда принцип верховенства права действительно «работает», а не является лишь провозглашением, и при наличии соответствующей правовой среды, можно говорить о реальном осуществлении прав и свобод личности, о разделении властей и о правовой государственности.

Правовое государство есть сложное правовое явление, которое может рассматриваться в формальном, так и в материальном смысле[3]. Следовательно, различают формальный и материальный принципы правового государства. Формальный принцип правового государства распространяет свое

---

[1] Чиркин В. Е. Верховенство права в правовом государстве: терминологические вопросы конституционного права // Право и современные государства. 2016. № 5. С. 9–10.

[2] Нижник Н. С., Меньшикова Н. С. Полиция и гражданское общество в России: взаимодействие и сотрудничество/ СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016; Nizhnik N. S. Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime // International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. Vol. 2. Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017. S. 241–251.

[3] Тищенко А. Г. Образ и форма государства в отечественной и зарубежной политико-правовой мысли: ретроспективный и юридико-компаративистский анализ: Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2005. С. 86–90.

действие на институты разделения властей, институт эффективной судебной защиты, институт связанности законом. Формальное правое государство основано на уважении человеческого достоинства. Если института человеческого достоинства не гарантирован, то и не нужны усилия формального правогосударственного порядка[1].

К материальному принципу правового государства следует отнести институт свобод и равенства, запрета чрезмерности государственного действия, которые, в конечном счете, направлены на разграничение правовой сферы гражданина, свободной от государства. Реализация вышеназванных принципов делает возможным преобразование жизни граждан без государственной опеки.

Организационный и процессуально-правовой порядок делают государственную власть прозрачной, контролируемой и ограничивают возможность чрезмерной концентрации государственной власти[2].

Материальная и формальные аспекты правовой государственности тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. К примеру, принцип связанности законом способствует созданию института свободы (и равенства) по отношению к органам исполнительной власти и правосудию. Однако, это является возможным лишь при наличии действенных гарантий функционирования института судебной и правовой защиты.

Принцип верховенства права, являясь одним из основных принципов правового государства, оказывает большое влияние на правовые и производственные отношения, где отношения собственности представляют собой юридическое выражение отношений, соответствующих характеру и уровню развития производительных сил. В связи с этим, следует согласиться с В. Ф. Халиповым, по мнению которого в этом и заключается объективная предпосылка адекватности имущественных правоотношений экономической возможности, потребности и необходимости примата права в отношениях производства, обмена и потребления, примата, который зиждется на природе регулируемых отношений[3].

В определенный исторический период развития государства официальное признание и закрепление различных форм собственности становится необходимостью и объективной реальностью. Это связано с тем, что материальным истоком, а также предпосылкой развития права является функци-

---

[1] Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974; Лазарев В. В. Пробелы позитивного права: понятие, установление и устранение // Общая теория права и государства / Под ред. В В. Лазарева. М., 1994. С. 210-217; Карташов В. Н. Применение права. Г. 2. Ярославль, 1980.

[2] Федоринова Е. А. Приоритетные направления правовой политики современного российского государства // Ленинградский юридический журнал. 2016. №1(43). С. 78–85.

[3] Халипов В. Ф. Введение в науку о власти. М., 1995.; Халипов В. Ф. Власть. Основы кратологии. М., 1995.

онирование новых отношений собственности, которые будут соответствовать объективно складывающейся структуре производительных сил. Кроме того, для становления новых производственных отношений необходим примат права, а также устойчивый правопорядок, который способствует сохранению экономической стабильности в государстве, росту материального производства, и, как следствие, повышению уровня благосостояния населения, предотвращению различного рода социальных потрясений и экономических кризисов. Материальной основой для установления политической демократии и становления и развития основ правовой государственности служат глубокие преобразования экономических отношений и правовое обеспечение для функционирования различных форм собственности. И, в свою очередь, без демократии, обеспечения гражданских свобод и верховенства права нельзя добиться последовательного осуществления экономической реформы и подъема уровня материального благосостояния граждан.

При рассмотрении принципа верховенства права следует остановиться и на роли личности в государстве. Здесь будет уместно сослаться на В.С. Нерсесянц, который отмечал, что «Свобода ... абсолютна как высшая ценность и принцип и поэтому может служить критерием человеческого прогресса, в том числе и в области государственно-правовых форм»[1]. В государстве, в котором реализуется рассматриваемый принцип, права и свободы человека и гражданина способствуют обеспечению права на самоопределение личности, ее развитие и связь с другими людьми, с обществом. В таком государстве право представляет собой некий масштаб социальной свободы, который стимулирует творческую активность человека, его самосознание, гарантирует общественное признание того, что каждый человек рождается свободным и равным другому. Равные возможности индивидов, справедливость, свобода выбора, слова, самоопределения и совести дарованы человеку наряду с правом на жизнь, они являются общечеловеческими ценностями и составляют основу правового положения личности в гражданском обществе[2]. Исходя из этого, господство права представляет собой социальный феномен, появление которого связано с неотчуждаемыми правами человека и гражданина на свободу, равенство, справедливость, счастье и неприкосновенность, одним словом, - вытекает из социальной природы личности.

Принцип верховенство права должен быть закреплен, а в последующем должен реализовываться в каждом государстве, поскольку последнее

---

[1] Нерсесянц В. С. Право и закон. М., 1983. С. 46.

[2] Федоринова Е. А. Механизм защиты прав и свобод граждан как одно из приоритетных направлений правовой политики государства // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: Материалы ежегодной международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 28 апреля 2016 г. / Под общ. ред. Д. А. Пашенцева. Рязань, 2016. С. 94.

представляет собой политико-правовой союз, в котором обеспечивается необходимый правопорядок, гарантируется незыблемость правового статуса граждан, и лишь общественно-политическое признание примата права над государством и его деятельностью является базисом для формирования подлинного правового государства[1].

Анализ принципа верховенства права в политическом аспекте позволяет выявить, во-первых, подчинение государственной власти обществу, во-вторых, ее общесоциальную сущность, в-третьих, выражает неотъемлемое право граждан на суверенитет, возможность самому определить форму и содержание государства. В этом смысле примат права и политическая демократия неразрывны[2].

Проблему соотношения государства и права можно рассматривать с разных аспектов, и исходя из того, как будет решаться данная проблема, можно определить, каким образом осуществляется организация и деятельность правового государства. К примеру, если в государстве верховенство права не только закреплено, но еще и функционирует, то это будет оказывать влияние на благоприятное решение национальных вопросов, на почве которых могут разгореться трагические события. Исторический опыт функционирования государств свидетельствует о том, что корнем национально-этнических противоречий являются просчеты и ошибки, которые допущены в национальной политике, и их исправление приказными и силовыми методами приводит к ущемлению политических и экономических прав народов, и, напротив, реализация принципа верховенства права позволяет разрешить ситуацию в положительном ключе.

Таким образом, говоря о принципе верховенства права как об одном из основных принципов правового государства, следует отметить, что в правовом государстве право должно стоять выше политики силы и произвола власти, а верховенство общечеловеческих ценностей должно определять устройство правового гражданского общества.

---

[1] См.: Скурко Е. В. Принцип верховенства права: некоторые проблемы теории и практики // Гражданин и право. 2015. № 1. С. 16-22.

[2] Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996. С. 35.

Черепанова Инна Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
общих проблем прокурорского надзора
за исполнением федерального законодательства
и участия прокурора в гражданском
и административном судопроизводстве
и арбитражном процессе Университета
прокуратуры Российской Федерации

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОКУРОРОМ ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В СВЯЗИ С АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ

Согласно Федеральному закону от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) для обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов и соответствием законам правовых актов, издаваемых федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными поднадзорными прокуратуре органами и их должностными лицами.

Надзор за законностью правовых актов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина, предупреждение преступных проявлений отнесены к приоритетным направлениям деятельности прокуроров всех уровней. [1]

Основными задачами осуществляемого прокуратурой Российской Федерации в соответствии со ст. 24.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) надзора за исполнением законов при производстве по делам об административных правонарушениях являются: пресечение незаконного применения к гражданам административного задержания, штрафов и иных мер административной ответственности.

Общие задачи, стоящие перед органами прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законов при производстве по делам об административных правонарушениях, следуют из положений Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдении прав и свобод человека и гражданина» (далее – приказ № 195).

[1] Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195.

В частности при осуществлении надзора прокурорам необходимо: обеспечить, независимо от поступления информации, полное и своевременное выявление законов и иных правовых актов органов государственной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления, противоречащих Конституции РФ, требованиям КоАП РФ и федеральному законодательству; установить постоянный надзор за исполнением действующих на территории Российской Федерации законов, регулирующих отношения в области административной ответственности, включая не противоречащие федеральному законодательству законы субъектов Российской Федерации; обеспечить целенаправленное и эффективное осуществление надзора за реализацией государственными органами и их должностными лицами полномочий по выявлению административных правонарушений и привлечению к административной ответственности виновных лиц; активно использовать предоставленное ст. 22 Закона о прокуратуре право освобождать своим постановлением лиц, необоснованно подвергнутых административному задержанию на основании решений несудебных органов; выявлять причины и условия, способствующие совершению правонарушений, и активно принимать меры к их устранению.

При выборе форм реагирования на выявленные незаконные правовые акты прокуроры всех уровней руководствуются требованиями приказа № 195 в соответствии с которым обязаны безотлагательно опротестовать незаконный правовой акт.

В соответствии с п.3 ст. 25 Закона о прокуратуре, прокурор или его заместитель приносит протест на противоречащий закону правовой акт в орган или должностному лицу, которые издали этот акт, либо в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу, либо обращается в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством Российской Федерации.

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 19.02.2015 № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» прокурорам и заместителям прокуроров прокурорам предписано своевременно реагировать на незаконные и необоснованные постановления (определения) по делам об административных правонарушениях.

В ряде научных публикаций подробному анализу была подвергнута процедурная сторона принесения прокурорами протестов на незаконные постановления по делам об административных правонарушениях, однако вопросы обоснованности их внесения до сих пор не нашли своего отражения

ни в нормативных правовых актах, включая ведомственные, ни в соответствующих научных исследованиях.[1]

Отсутствие должной правовой регламентации в этом вопросе не позволяет обеспечить единый подход, выделить основания не только для прокурорского вмешательства, но и критерии законности правовых актов, издаваемых в рамках процедуры применения мер административного принуждения в связи с административным правонарушением.

Попытки выделить нарушения процедуры применения административной ответственности, влекущие признание незаконными действия должностных лиц, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях, и их возвращение в соответствии с п.4 ч.1 ст. 29.4 КоАП РФ, были сделаны в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». В частности, в п.4 постановления выделены две категории таких нарушений: существенные недостатки протокола об административном правонарушении, влекущие их возвращение в орган, должностному лицу, составившим протокол, и несущественные, восполняемые при рассмотрении дела по существу.

И действительно – отсутствие сведений, прямо перечисленных в ч.2 ст. 28.2 КоАП РФ и иных сведений, в зависимости от их значимости для данного конкретного дела об административном правонарушении, в том числе, отсутствие данных о том, владеет ли лицо, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, языком, на котором ведется производство по делу, а также данных о предоставлении переводчика при составлении протокола и т.п., напрямую нарушает гарантированные Конституцией Российской Федерации права участников производства по делам об административных правонарушениях, и, в первую очередь, права лица, в отношении которого ведется производство по делу. А это противоречит закрепленному в ст. 1.6 КоАП РФ принципу обеспечения законности при применении мер административного принуждения в связи с административным правонарушением.

Как представляется, указанный принцип отличается от принципа законности, закрепленного в основном законе нашей страны,[2] а также принципов производства по делам об административных правонарушениях, не в полной мере нашедших свое отражение в нормах КоАП РФ.

---

[1] См.: Полномочия прокурора по надзору за исполнением законов. Винокуров А.// Законность. 2006. № 4.; Прокурор как участник производства по делам об административных правонарушениях. Кривоносов А.Н.// Административное и муниципальное право. 2009. № 1. Цитируется по ИПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: ст. 15 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). Официальный текст.

С одной стороны это объясняется особым назначением (универсальностью) принципов законодательства об административных правонарушениях, позволяющим применять их не только при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях, но и при применении предоставленных Конституцией Российской Федерации и КоАП РФ полномочий по осуществлению нормативного правового регулирования в рассматриваемой сфере.

А с другой стороны, отсутствие в тексте КоАП РФ четко сформулированных общеправовых принципов, таких, как принцип законности, неотвратимости наказания, гласности и открытости производства по делам об административных правонарушениях, равенства перед законом всех участников производства и других, зачастую не позволяет обеспечить всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, а также выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений.

Серьезным препятствием для выделения критериев незаконности процессуальных действий и решений, принимаемых в рамках производства по делам об административных правонарушениях, является и существенная динамика развития современного законодательства об административных правонарушениях. При этом вносимые в КоАП РФ изменения затрагивают не только нормы устанавливающие ответственность за административные правонарушения, но и нормы, предусматривающие порядок их применения.[1]

В сложившихся условиях прокуроры руководствуются нормами КоАП РФ Закона о прокуратуре, позволяющими, в зависимости от характера и распространенности выявленных нарушений закона, определять наиболее эффективные формы реагирования на выявляемые в ходе проверок нарушения законодательства при производстве по делам об административных правонарушениях.

Основу указанной деятельности составляет, на наш взгляд, рассматриваемый принцип, в соответствии с которым лицо, привлекаемое к административной ответственности, не может быть подвергнуто административному наказанию и мерам обеспечения производства по делу об административном правонарушении иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом.

Указанная норма позволяет ставить вопрос об устранении нарушений закона не только в случае нарушения процедуры применения администра-

[1] Агапов А.Б. Публичное принуждение или общественная санация... // Административное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 743 - 752. Салищева Н.Г. Проблемы правового регулирования института административной ответственности в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 9. С. 9 - 22. и др.

тивной ответственности на всех ее стадиях, но и приносить протест на постановление (решение, определение) по делу об административном правонарушении в случае неправильной квалификации деяния, включая неверное определение субъекта административной ответственности и пр.

Результаты прокурорских проверок органов, обладающих полномочиями в сфере административной юрисдикции, свидетельствуют о ненадлежащей реализации указанными органами своих полномочий в рассматриваемой сфере.

Отчасти причиной этому служит упомянутая ранее динамика изменений законодательства об административных правонарушениях, что не всегда позволяет своевременно сформировать эффективный механизм практической реализации его норм. В качестве причин роста таких нарушений необходимо назвать также недостаточность правовых знаний у лиц, наделенных полномочиями по применению административной ответственности, а также отсутствие надлежащего ведомственного контроля деятельности таких лиц. В связи с этим прокуроры наряду с принесением протестов на незаконные правовые акты по делам об административных правонарушениях, применяют также предоставленные ст. ст. 22 – 25.1 и 27 Закона о прокуратуре, добиваясь выполнения стоящих перед ними задач.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что деятельность прокуроров по надзору за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина, в том числе осуществляемая в рассматриваемой сфере, оценивается исходя из правомерности и своевременности вмешательства, полноты использования предоставленных им правомочий, принципиальности и настойчивости в устранении нарушений закона, восстановлении нарушенных прав, привлечении виновных к ответственности.

Шеуджен Нурдин Асланович,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории права
и государства Краснодарского
университета МВД России

АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ, ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Вероломное нападение 22 июня 1941 г. гитлеровской Германии на Советский Союз резко изменило расстановку сил во Второй мировой войне. Советско-германский фронт стал основным фронтом, от которого зависело будущее большинства людей, живущих на планете Земля. Советский Союз, вступив во Вторую мировую войну, провозгласил, что целью Отечественной войны советского народа против фашистской Германии является не

только ликвидация опасности, нависшей над Советским Союзом, но и помощь всем народам, порабощенным фашизмом, в их борьбе за независимость, за демократические свободы, за избавление от фашистского рабства. Германия стала к тому времени полновластной хозяйкой почти всей континентальной Европы. Великобритания тогда одна противостояла Гитлеру. Естественно, многих людей на Земле волновал вопрос о том, какую позицию займёт кабинет премьер-министра Уинстона Черчилля в отношении начавшейся войны между Германией и СССР. Всем было известно, что Черчилль выступал активным организатором военной интервенции Великобритании против Советской России. В своих публичных выступлениях он постоянно говорил об опасности коммунистических идей. В 1937 г. он заявлял: «Я не буду утверждать, что если бы мне пришлось выбирать между коммунизмом и нацизмом, я выбрал бы коммунизм»[1]. Ответ на вопрос о том, как отреагирует правительство Черчилля на события 22 июня не был очевиден для многих.

Черчилль понимал геополитическую обоснованность действий Сталина 1939-1940 гг. и их потенциальную полезность в сдерживании дальнейшей нацистской экспансии[2]. Он направил в Москву нового посла - левого лейбориста Криппса, а с ним и послание Сталину от 1 июля 1940 г. В нем британский премьер под свежим впечатлением от стремительного разгрома нацистами Франции предлагал забыть былые распри и начать переговоры о совместных действиях по предотвращению «германского господства» над Европой, в том числе путем разделения сфер ответственности на Балканах. Сталин уклонился от предложенного диалога, проинформировав о британском зондаже Берлин. Без ответа осталось и послание Черчилля от 19 апреля 1941 г. с лаконичным предупреждением о переброске германских бронетанковых дивизий из Румынии в Польшу. Сталин продолжал видеть в этом нарочитую дезинформацию. Сталинские подозрения были усилены миссией в Великобританию весной 1941 г. Р. Гесса - заместителя А. Гитлера по НСДАП и его правой руки. Рузвельт также не спешил разрывать отношения с Москвой, видя в ней потенциальный противовес Германии и Японии. Он ограничился введением «морального эмбарго» на СССР в ответ на советско-финскую войну, санкционировал конфиденциальные контакты первого заместителя госсекретаря С. Уэллеса с советским послом К.А. Уманским, а принятый в марте 1941 г. закон о ленд-лизе был сформулирован таким образом, чтобы его можно было распространить и на другие страны, включая Советский Союз. Через посла США в СССР Л. Штейн-гардта в Москву не раз передавалась информация о подготовке германского нападения на Советский Союз.

---

[1] Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. В 2-х т. М., 2015. Т. 1. С. 24–26.

[2] Черчилль У. Вторая мировая война. В 6 т. Т. 3. Великий союз. М., 1955. С. 366.

21 июня 1941 г. Черчилль провел в Чеккерсе (загородной резиденции премьер-министра) встречу с рядом ведущих деятелей Великобритании: министром иностранных дел Э. Иденом, министром снабжения лордом Биверброуком, начальником Генерального штаба фельдмаршалом Дж. Диллом, послом Великобритании в СССР Р. Криппсом, американским послом в Лондоне Дж. Вайнантом и рядом других лиц для совместного обсуждения нового поворота в ходе мировой войны. На совещании было одобрено решение У. Черчилля выступить по радио с заявлением о поддержке СССР. Сходную точку зрения высказал и Вайнант. Уже тогда выявились немалые расхождения в оценке способности СССР к сопротивлению со стороны военных и ряда дипломатов (они считали, что война будет скоротечной - не более 2-3 месяцев). В заявлении Черчилля вечером 22 июня 1941 г. по радио Би-би-си подчеркивалось, что, оставаясь непримиримым противником коммунизма, он рассматривал нападение гитлеровской Германии на Советский Союз как прелюдию попытки вторжения на Британские острова. Уже 27 июня 1941 г. в Москву прибыли члены английской военной и экономической миссий, чтобы согласовать вопросы сотрудничества. В начале июля 1941 г. в Лондон, а затем в США направилась военная миссия во главе с заместителем начальника Генерального штаба РККА, начальником Главного разведывательного управления генерал-лейтенантом Ф.И. Голиковым[1].

Сам факт таких переговоров после кризиса 1939-1940 гг. был знаменательным для Москвы. Здесь после Мюнхена и провала трехсторонних переговоров летом 1939 года, равно как объявления Советского Союза агрессором в связи с войной с Финляндией 1939-1940 гг. и исключения его из Лиги наций в январе 1940 г., накопилось немало предубеждений против западных демократий как таковых. Не менее сложен был поворот в военно-политическом отношении и для руководства США и Великобритании, где в истеблишменте были представлены влиятельные группировки бизнеса, военных, политиков, дипломатов, аристократических кругов, преисполненных антисоветскими и антикоммунистическими предубеждениями, а потому весьма скептически воспринимавших идею сотрудничества с Советским Союзом и рекомендовавших собственным правительствам соблюдать сдержанность во взаимоотношениях с ним.

Отсюда вытекает повышенный интерес к истории складывания в разгар Второй мировой войны антигитлеровской коалиции. При всех метаморфозах советско/российско-американских отношений в XX-XXI вв.[2] этот интерес сохраняется на протяжении всех десятилетий, прошедших с 1941 г. Не меньшее внимание проявляется к взаимоотношениям лидеров «Большой

[1] Внешняя политика СССР. Сборник документов (июнь 1941 – сентябрь 1945). Т. V. М., 1947. С. 6.

[2] Мировые войны XX века. Кн. 3. М., 2005. С. 231.

тройки», представлявших наиболее крупные силы антигитлеровской коалиции и вырабатывавших многие военно-стратегические, политические и межгосударственные решения.

Выступая с докладом «Антигитлеровская коалиция: достижения и пределы возможностей» на международной конференции, посвященной 70-летию окончания Второй мировой войны, д.и.н. проф. МГИМО(У) В.О. Печатнов[1] обратил внимание на то, что в исторической ретроспективе создание антигитлеровской коалиции и ее победа в войне представляются вполне закономерными и даже неизбежными: общая угроза заставила объединиться три великих державы, а их перевес в людских и материальных ресурсах обрек агрессоров на поражение. По его характеристике, антигитлеровская коалиция была основана на «просвещенном эгоизме» - реалистическом понимании руководством «Большой тройки» общности главного стратегического интереса и необходимости подчинения ему всего остального. Это был брак по расчету: Рузвельт, Черчилль и их окружение прекрасно понимали, что без Советского Союза им не справиться со странами «оси». Поэтому помощь Советскому Союзу в виде ленд-лиза и других формах являлась выгодным вложением в дело победы при сбережении американских и британских жизней. Сходным было и отношение советской стороны, не обольщавшейся насчет подлинных мотивов своих западных союзников. «Не может быть двух мнений о том, что наши союзники — тяжелые союзники, в частности, Англия, -телеграфировал Майский Сталину осенью 1942 г. в ответ на резкую критику вождя в адрес Черчилля, - Но, поскольку других союзников нет, надо брать с имеющихся то, что с них можно получить». Только объединение ресурсов и усилий трех великих держав, как хорошо понимали в Кремле, создавало необходимое и явное превосходство союзников над опаснейшим противником». Отсюда меняющийся в прямой зависимости от хода военного противостояния с державами «оси» и прежде всего с Германией уровень коалиционного взаимодействия и доверительных отношений глав трех держав, достигший пика в ходе встречи в Ялте в феврале 1945 г., где были приняты судьбоносные военно-стратегические, политические, международные решения и оговорены важные принципы послевоенного миропорядка. Однако на исходе войны, особенно после кончины Ф. Рузвельта в апреле 1945 г. и вплоть до конца Второй мировой войны в сентябре 1945 г. эти противоречия все более болезненно стали проявляться, а с исчезновением «объединяющего эффекта войны» развитие событий быстро пошло вспять. «Геополитика, которая в годы войны работала на единство союзников, теперь восстанавливала их друг против друга».

[1] Печатнов В.О. Антигитлеровская коалиция: достижения и пределы возможностей // Вторая мировая война в истории человечества, 1939–1945 гг. Научный сборник. Материалы международной научной конференции. М., 2015. С. 374–375.

Тем не менее, именно благодаря согласованным усилиям коалиции в ходе войны, да и по ее окончании были решены многие вопросы взаимодействия и закладывались основы будущего мироустройства, на этот раз в виде биполярной системы во главе с двумя сверхдержавами. Одной из них были США, значительно нарастившие свой военно-стратегический, экономический, финансовый, технологический капитал и ощутившие свое призвание к мировому лидерству. Вторым полюсом стал Советский Союз, который именно в годы войны обрел мощный военный и экономический потенциал и международное влияние, но при этом в складывавшейся обстановке «холодной войны» должен был решать сложные проблемы восстановления страны, одновременно включившись в процесс создания ядерного оружия и обретение серьезных позиций в Центральной и Восточной Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке.

Однако начавшийся в 1941 г. процесс функционирования антигитлеровской коалиции сыграл немалую роль в жизни каждого ее участника, предопределяя вместе с тем многие новации во внешней, военной и дипломатической областях. Учитывая усложнявшуюся военно-политическую обстановку в Европе и мире в целом, наметилась тенденция к укреплению взаимоотношений США и Великобритании. В августе 1941 г. у берегов Ньюфаундленда состоялась встреча У. Черчилля и Ф. Рузвельта, где 14 августа ими была подписана Атлантическая хартия. В ней провозглашались некоторые общие принципы политики и отношений двух стран в условиях войны и в послевоенные годы[1].

В прямой контакт СССР вступил с патриотическим движением «Свободная Франция» (с июня 1942 г. «Сражающаяся Франция»), возглавляемым генералом Ш. де Голлем. Еще 24 июня 1941 г. де Голль выразил готовность к военному сотрудничеству с СССР, а вскоре его представители в Лондоне поставили перед Майским вопрос об установлении официальных отношений с Москвой. 26 сентября советское правительство признало генерала руководителем «всех свободных французов, где бы они ни находились». Де Голль, со своей стороны, обязался «бороться на стороне СССР и его союзников до окончательной победы и оказать СССР всестороннюю поддержку». Эго сделало возможным согласие на образование в СССР для участия в боях эскадрильи французских летчиков Нормандия[2].

7 декабря 1941 г. Япония напала на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор и на владения Британии и Нидерландов в Юго-Восточной Азии. Ранее Япония с согласия правительства Виши во Франции ввела свои

---

[1] Бедарида Ф. Черчилль; пер. с фр. Е.Н. Юдиной. 6-е изд. М.: Молодая гвардия, 2014. 458с.

[2] Смирнов В.П. Голлизм во время войны // Шарль де Голль. М., 2000. С. 27; Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 1. С. 44–47. Ранее такая процедура имела место со стороны английского правительства.

войска в Индокитай, находившийся под протекторатом Франции. Периоду нейтралитета США пришел конец, и на следующий день США вместе с Великобританией объявили войну Японии, а 11 декабря - Германии. Война, начинавшаяся как европейская, а с 1941 - как евроазиатская, теперь в полной мере превращалась в мировую. На повестку дня встал вопрос о более тесном сплочении противников фашистского блока. Правительство СССР, все силы которого, включая половину войск с Дальнего Востока, были брошены на борьбу с Германией, уведомило американское руководство о своем решении соблюдать пакт о нейтралитете с Японией. 11 декабря 1941 г. мотивы этого решения Рузвельту изложил М.М. Литвинов, назначенный послом СССР в США. Президент предложил подписать Общую декларацию о целях войны. Документ под названием Вашингтонская декларация (Декларация Объединенных Наций) был подписан 1 января 1942 г. в американской столице Рузвельтом, Черчиллем, Литвиновым и представителем Китая Сун Цзывэнем. Затем в алфавитном порядке свои подписи поставили представители еще 22 стран, объявивших войну державам «оси», в том числе тогдашних доминионов Великобритании (Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза), ее колонии Индии, девяти латиноамериканских и восьми европейских стран. Правительства всех этих стран обязались употребить свои ресурсы - военные и экономические - против всех членов Тройственного пакта и союзнических с ними сил, сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного мира. Позднее в мае и июне 1942 г. Молотовым и Иденом был подписан договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против Германии, об отказе вступать в какие-либо переговоры с гитлеровским правительством, а также о сотрудничестве в послевоенные годы. 11 июня 1942 г. Литвинов и Холл подписали в Вашингтоне Соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии[1].

Оценивая события, связанные с формированием антигитлеровской коалиции, следует отметить две стороны этого процесса. С одной стороны, невозможно отрицать положительное значение для победы народов над фашизмом позиции, занятой Великобританией и США в самом начале Великой Отечественной войны по отношению к гитлеровскому нападению на Советский Союз. Это, несомненно, способствовало объединению усилий всех антифашистских сил и вселило в народы веру в освобождение от нацизма. Был создан единый антифашистский фронт против Германии и её союзников.

[1] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. В 2-х т. М., 1986. Т. 2. С. 3.

Яловенко Татьяна Васильевна,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры теории
и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

С целью обозначения основных мер, направленных на совершенствование правоприменительной деятельности в области защиты прав и свобод человека необходимо наиболее целесообразно использовать правоприменительную политику, как сравнительно нового для отечественной юридической науки понятие.

В 90-е годы XX века российская правовая наука начала полноценное изучение проблем правоприменительной политики, однако отдельные упоминания о ней можно встретить и ранее. В. Н. Кудрявцев отмечал, что в основе создания новых норм и деятельности правоприменительных органов находится юридическая политика. Автор выделил следующие направления деятельности государства, в которых реализуется правоприменительная политика: применение права и развитие правосознания правовой культуры трудящихся и правотворчество[1].

С 90-х годов XX века по настоящее время, проводимая правовая реформа в России показывает, что при преобразовании правовой системы общества к законотворчеству не сводится. Реформа в юридической науке выступает своеобразным импульсом развития концепции правоприменительной политики. В. А. Рудковский указал: «практика правового регулирования «понуждает» государственную власть вырабатывать определенные приоритеты в сфере реализации принятого законодательства, сосредотачивать политические усилия на тех или иных участках, направлять и координировать правоприменительную деятельность в соответствии со стратегическими целями и текущими задачами государства, иными словами, вырабатывать и проводить в жизнь определенную правоприменительную политику»[2].

Как относительно самостоятельное явление, правоприменительная политика предполагает не случайное применение права, а представляет собой системную деятельность государства.

Стоит отметить, наличие целеполагания является центральным признаком и критерием правоприменительной политики. Поэтому защита прав

---

[1] Кудрявцев В. Н. Право и поведение / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юрид.лит., 1978. – С. 165- 66.

[2] Рудковский В. А. Правовая политика и осуществление права / В.А. Рудковский, под ред. Н. Н. Вопленко. – Волгоград: ВА МВД России, 2009. – С. 265.

и свобод человека необходимо рассматривать как общую цель правоприменительной политики, а не ее отдельное направление, потому как таких органов или функций правоприменения, которые не имели бы отношения к защите прав человека, не существует.

Анализ субъектного состава правоприменительной политики показал, что в нее входят органы законодательной власти и исполнительной власти. Органы законодательной власти определяют основные формы и принципы правоприменительной деятельности в области нормативно-правового регулирования. Органы исполнительной власти путем издания подзаконных актов реализуют аналогичное воздействие. При этом, основные ориентиры правоприменительной политики формируются Президентом Российской Федерации (в форме посланий к Федеральному Собранию) и Правительством Российской Федерации (в виде стратегий, концепций и других документов программно-директивного характера).

Судебные органы играют ведущую роль в правоприменительной политике. Данное положение обусловлено следующими критериями: 1) права граждан на судебную защиту характеризуются универсальностью; 2) существование института судебного контроля за деятельностью иных органов власти; 3) принцип обязательности судебных постановлений дает возможность судам, в особенности высшим, корректировать правоприменительную политику и устранять ее пробелы, используя формулирование «правовых позиций», принятие актов официального толкования права, обобщение судебной практики и т. д.

Приставляет интерес тот фак, что основное направление правоприменительной политики выражается через совершенствование структуры правоприменительных органов. При этом, одним из направлений ее развития выступает специализация, способствующая максимально эффективно осуществить правоприменения и качественно рассмотреть дела.

Идея эффективного средства правовой защиты выступает ориентиром развития правоприменительной деятельности, которая сложилась в практике Европейского суда по правам человека. К показателям эффективности относится доступность средств защиты граждан своих прав, разумный срок производства по любому делу, всесторонность и тщательность исследования обстоятельств дела, а также обеспечение восстановления нарушенных прав.

Решения Европейского суда по правам человека, выносимые в отношении Российской Федерации по сегодняшний день предоставляют многочисленный материал, который, в первую очередь, касается несовершенства существующих правоприменительных процедур а, следовательно, возможных направлений дальнейшего их развития.

Одним из важнейших направлений совершенствования правоприменения является повышение его прозрачности (транспарентности). Согласимся с мнением М.Р. Воскобитова, «прозрачность судебной деятельности

и судебной системы может обеспечить значительное снижение уровня коррупции в сфере как укрепления реальной независимости от политического давления, так и воспрепятствования процессам прямого подкупа судей»[1].

Помимо прочего, транспарентность предполагает открытость правоприменительных органов для граждан и готовность предоставить необходимую им информацию в максимально простом порядке, начать правоприменительную процедуру при минимуме формальностей, в особенности, при защите нарушенного права. Данный факт непосредственным образом вытекает из принципа доступности правовой защиты.

Эффективность легитимности, является важнейшим фактором правоприменительной деятельности по защите прав и свобод человека.

*В современном российском государстве легитимность остается далека от своего идеала. Как верно подметили Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба, Ф. В. Цомартова, «*проблема легитимности заключается не в формально-юридическом аспекте, а в отношении общества к власти в целом. В консервативной модели наблюдается «полуреализованная», «полуосвоенная» легитимность. Данная тенденция проявляется, например, в ограничении представительного характера местного самоуправления, изменении системы выборов на местном уровне. Потеря легитимности характерна для пессимистической модели. Это процессы смены власти, политических режимов, гражданского противостояния»[2].

С целью повышения эффективности и легитимности системы защиты прав человека следует максимально задействовать все возможности органов государственной власти и институтов гражданского общества. При этом, большое значение при формировании культуры прав человека имеет развитие взаимосвязи между вышеуказанными субъектами.

Несомненно, актуальной проблемой остается и организация кадрового обеспечение правоприменения, при которой совершенствование системы зависит от деятельности соответствующих не только органов, но и должностных лиц в частности.

Таким образом, жизнедеятельность правозащитных организаций в современном демократическом государстве должна проявляться с точки зрения органического развития государственной политики, которая будет способна устранить недостатки в фукционировании государства по обеспечению защиты прав и свобод человека.

---

[1] Воскобитова М. Р. Общие стандарты и реалии транспарентности судебной власти / М.Р. Воскобитова // Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т. Г. Морщаковой. – М.: Мысль, 2012. – С. 536.

[2] Тихомиров Ю. А. Социальная концепция права: новый подход / Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба, Ф. В. Цомартова // Журнал российского права. – 2014. – № 8. – С. 35.

Соломоненко Наталья Николаевна,
старший преподаватель кафедры
государственных и гражданско-правовых
дисциплин Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

АБСОЛЮТНЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА – КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ

Права и свободы человека и гражданина, категории, которые на протяжении многих столетий остаются при постоянном исследовании и пристальном рассмотрении до конца неизученными, спорными и актуальными.

Данные понятия всегда вызывали и будут вызывать оживленный интерес и неутихаемые дискуссии ученых-правоведов, правозащитников, государственных деятелей и простых обывателей.

Каждая группа заинтересованных лиц обогащает определение прав и свобод человека своими, присущими и характерными для данного сообщества элементами. Но все рознящиеся друг от друга формулировки объединены тем, что это неотъемлемая часть правового статуса любого индивида, дающая последнему обширные возможности удовлетворять свои физиологические и духовные потребности, быть полноправной частью мира людей, развивать свой творческий потенциал и приносить пользу себе подобным и государству, которое, в свою очередь, является гарантом реализации человеком его законных прав и свобод.

Россия, будучи государством демократическим и правовым, признает примат прав и свобод человека и гражданина в целевых установках своей деятельности, закрепляя в Конституции РФ, то, что они для страны являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту считает своей главной обязанностью.

Многочисленные критерии, используемые для классификации прав и свобод человека и гражданина, свидетельствуют о многогранности и многоаспектности рассматриваемого явления.

Одним из оснований выделения категории прав и свобод по тем или иным показателям, является возможность государства на законных основаниях ограничивать конституционные права, как человека, так и гражданина. Это может быть связано с необходимостью обеспечения сохранности жизни и здоровья самого ограничиваемого в правах, окружающих его лиц, безопасности государства и любых других охраняемых законом благ и законных интересов. Вследствие допустимости, либо недопустимости законного ограничения основных прав и свобод индивида выделяют абсолютные и относительные права и свободы.

Абсолют от латинского absolutes – безусловный, неограниченный. Исходя из этимологии понятия следует, что абсолютные права и свободы, это

те права и свободы, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах. Конституция Российской Федерации в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина вторит «Всеобщей декларации прав человека», принятой ООН, провозглашая неотчуждаемые и неотъемлемые права и свободы человека: право на жизнь, достоинство личности, свободу и личную неприкосновенность, честь, доброе имя, свободу мысли и пр. Достаточно ознакомится с содержанием части 3 статьи 56 Конституции РФ, чтобы увидеть те права и свободы человека, которые само государство признает абсолютными и неограничиваемыми при наличии любых условий.

Однако, проанализировав закрепленные в основном законе страны права и свободы человека, которые заявляются незыблемыми и неумаляемыми, могут возникнуть некоторые сомнения: а так ли эти права абсолютны? Ведь даже рассматривая самое фундаментальное, самое главное право человека на жизнь нельзя утверждать, что это право не может быть ограничено, причем, на законных основаниях. Если мы обратимся к Федеральному закону № 63, именуемому Уголовным кодексом увидим, что ст.44 пункт «н» определяет смертную казнь в качестве одного из 13 видов наказания. В уголовном же законе предусматривается возможность для человека лишить другого человека жизни, например, необходимая оборона, рассматриваемая через призму социальной полезности в случае соблюдения всех условий ее правомерности.

Основополагающим положительным моментом является то, что Конституция Российской Федерации - программный документ, рассчитанный на долгосрочное применение и перспективное демократическое развитие, гуманизацию права и ставит конечной целью отмену смертной казни вообще. По действующей Конституции страна живет уже почти 25 лет, а законодатель «не торопится» исключить данный вид наказания из перечня, предусмотренных Уголовным Кодексом Российской Федерации, так как помимо сторонников отмены смертной казни, остается еще много противников, считающих, что данный вид наказания в России убирать вообще преждевременно, ссылаясь на превентивное ее назначение, как одного из факторов, сдерживающих преступность.

В итоге, несмотря на действующий с мораторий на приведение в исполнение смертных приговоров и определение Конституционного Суда РФ рекомендовавшее воздерживаться от вынесения судами смертных приговоров, ввиду необходимости соблюдения принципа равенства для всех граждан Российской Федерации которое не было обеспечено ввиду отсутствие суда с участием присяжных заседателей во всех субъектах страны, Российская Федерация остается одним из немногочисленных государств на планете, где пусть формально, но существует смертная казнь в качестве одного из видов наказания. На сегодняшний день многие юристы считают смертную казнь правовым атавизмом, более того давно доказано отсутствие зависимости уровня преступности от наличия или отсутствия смертной казни.

Это что касается самого ценного и фундаментального права человека, однако и любые другие абсолютны права и свободы человека и гражданина так же можно ограничить на законных основаниях при тех или иных условиях. Лицо, совершившее противоправное деяние вынужденно, а человек находящийся в местности, где введен режим чрезвычайного или военного положения, либо поступивший на государственную службу осознанно претерпевает ограничения осуществления своих конституционных прав и свобод, являющихся абсолютными.

Проанализировав возможности ограничения абсолютных прав и свобод, представляется, что единственной, действительно абсолютной свободой, остается свобода мысли, предусмотренная частью 1 статьи 29 Конституции РФ. Кстати сказать, она не содержится в ранее упомянутой статье 56 основного закона, видимо потому, что в одной части статьи закреплены и свобода мысли и свобода слова, а уж свобода слова далеко не абсолютная свобода.

Свобода мысли нашла свое закрепление в международных актах: в статье 18 Всеобщей декларации прав человека закреплено, что каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; на основании пункта 1 статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый человек имеет вышеуказанные права; аналогичное содержание имеет статья 9 Конвенции и защите прав человека и основных свобод.

Абсолют свободы мысли связан, как видится, исключительно с тем, что вторгаться в мыслительную деятельность человека не позволяет современное состояние развития науки в мире. То есть думы, помыслы, мечты, замыслы, соображения, убеждения людей, пока они не проявились вовне в виде их реализации остаются категорией, которую невозможно контролировать государству, а то, что не поддается контролю и какому-либо вмешательству, является абсолютным правом и свободой человека, не подверженному возможности ограничении. Уже прошли времена в России, когда за умысел привлекали к ответственности, признания получали исключительно с помощью физического воздействия на предполагаемого преступника, который, возможно или, скорее всего, «что-то удумал».

Российская Федерация, являясь согласно части 1 статьи 2 Конституции РФ демократическим государством, всемерно стремится соответствовать заявленной в основном законе характеристике, поэтапно демократизируя и гуманизируя все институты государственной власти, что в итоге ведет к развитому гражданскому обществу и не вызывающей сомнения демократии.

Резюмируя вышеизложенное можно сделать вывод, что выделение абсолютных и относительных прав и свобод человека и гражданина в системе их классификации является довольно условным и практически любое абсолютное право или свобода могут быть ограничены легитимным принуждением со стороны государства. Причем, надо заметить, что народ, в своем большинстве, не воспринимает такие ограничения как угрозу реализации

своих прав и свобод, поддерживая государство в этой сфере и понимая, что это необходимая и единственно возможная мера, используемая властными структурами для сохранения баланса в обществе, внутренней и внешней безопасности страны, а в итоге, комфортного и свободного использования личностью имеющихся у нее прав и свобод.

Бурданова Наталия Анатольевна,
судья Московского районного суда
Санкт-Петербурга

НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕЙ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ РОДИТЕЛЕЙ К ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ЛИБО НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ ДЕТЕЙ

Центральное место среди всех родительских прав и обязанностей на всех исторических этапах развития отечественного государства занимало и занимает воспитание ребенка[1]. Воспитание – это целенаправленное развитие человека, включающее освоение культуры, ценностей и норм общества[2], оно основано на потребности и способности ребенка к дополнению, а также его стремлению к дополнению[3]. Согласно ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей вне зависимости от способов приобретения статуса родителя[4]. Данное право корреспондирует праву ребенка на воспитание своими родителями, всестороннее развитие (ст. 54 СК РФ). В ходе воспитания родители обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии детей (ст. 63 СК РФ).

---

[1] Нижник Н. С. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в русской истории (IX – начало XX века). СПб.: СПб. Ун-т МВД России, 2002. С. 9–10; Нижник Н. С., Бурданова Н. А. Личные неимущественные родительские права и обязанности: направления эволюции института в российской правовой системе в IX–XX веках // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(62). С. 28–35.

[2] Большой энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 247.

[3] Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. М.: ИНФРА-М., 2012. С. 78.

[4] Нижник Н. С., Бурданова Н. А. Биомедицинские технологии в контексте определения круга субъектов родительских правоотношений // Медицина и право: Материалы конференции «Медицина и право в XXI веке» 1 июля 2010 г. / Под общ. ред. И. М. Акулина. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 127–135.

Конкретные методы и приемы воспитания избираются родителями самостоятельно, но они не должны выходить за рамки, установленные законом, то есть противоречить интересам детей; причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию; способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей (ст. 65 СК РФ).

В ходе воспитания родителями могут применяться меры принуждения, но они не обеспечиваются воздействием государственных органов. Неповиновение родительской воле в соответствии с действующим законодательством также не является правонарушением. Непосредственно не вмешиваясь в процесс воспитания детей, государство оказывает родителям помощь в осуществлении данного права. В соответствии со ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка»[1] одной из целей государственной политики в интересах детей является содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей, воспитанию в них патриотизма и гражданственности, а также реализации личности ребенка в интересах общества и в соответствии с непротиворечащими Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству традициями народов Российской Федерации, достижениями российской и мировой культуры.

Основными направлениями государственной семейной политики являются (п. 18–21 Указа Президента Российской Федерации от 14 мая 1996 г. № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики» (ред. от 5 октября 2002 г.)[2]:

– обеспечение условий для преодоления негативных тенденций и стабилизации материального положения российских семей, уменьшения бедности и увеличения помощи нетрудоспособным членам семьи;

– обеспечение работникам, имеющим детей, благоприятных условий для сочетания трудовой деятельности с выполнением семейных обязанностей;

– кардинальное улучшение охраны здоровья семьи;

– усиление помощи семье в воспитании детей.

Помощь семье в воспитании детей со стороны государства осуществляется путем (п. 21 Указа Президента Российской Федерации «Об основных направлениях государственной семейной политики»):

---

[1] Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка» (ред. от 2 декабря 2013 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802; 2000. № 30. Ст. 3121; 2004. № 35. Ст. 3607; № 52. Ч. I. Ст. 5274; 2007. № 27. Ст. 3213; Ст. 3215; 2008. № 30. Ч. II. Ст. 3616; 2009. № 18. Ч. I. Ст. 2151; № 23. Ст. 2773; № 51. Ст. 6163; 2011. № 49. Ч. 5. Ст. 7056; 2013. № 14. Ст. 1666; № 26. Ст. 3208; № 27. Ст. 3477; № 48. Ст. 6165; № 49. Ч. I. Ст. 6329.

[2] СЗ РФ. 1996. № 21. Ст. 2460; 2002. № 40. Ст. 3905.

а) государственной финансовой поддержки издания массовым тиражом и распространения книг по воспитанию ребенка и уходу за ним, по проблемам семейных отношений;

б) распространения специальной литературы для семьи среди молодежи, молодых родителей, комплектования ею массовых библиотек;

в) запрета на изготовление, распространение и рекламирование печатных изданий, изображений, видеокассет или иных изделий, пропагандирующих порнографию, культ насилия или жестокости;

г) государственной координации и финансовой поддержки нравственного, этического и экологического просвещения населения и введения программ такого просвещения для детей и молодежи в детских дошкольных учреждениях, общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях;

д) формирования и укрепления комиссий по защите прав несовершеннолетних;

е) создания системы специализированных социальных служб для безнадзорных детей и подростков (подкинутых; утративших семейные, родственные и другие социальные связи; отказавшихся жить в семье или в учебно-воспитательных учреждениях; оставшихся без попечения родителей или лиц, их заменяющих; не имеющих постоянного места жительства, средств к существованию; задержанных за бродяжничество; подвергшихся любым формам физического или психического насилия);

ж) совершенствования деятельности органов внутренних дел РФ, органов образования и здравоохранения по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних.

Права и обязанности родителей по воспитанию детей являются, как и все родительские права, неотчуждаемыми. Исключением является дача согласия на усыновление (ст. 129 СК РФ), при которой родители самостоятельно отказываются от своих прав и обязанностей по воспитанию. Возможно принудительное лишение родителя рассматриваемого права через суд в установленных законом случаях (ст. 69, 71, 73, 74 СК РФ)1. В остальных случаях, даже при передаче ребенка на воспитание другим лицам (родственникам, няне) или в детское учреждение (детский сад, пансионат), родители не утрачивают прав и обязанностей по воспитанию детей.

Родители имеют преимущественное право на воспитание своих детей перед всеми другими лицами (ст. 65 СК РФ), однако это не означает, что они вправе отстранить от воспитания всех третьих лиц, включая ближайших

[1] О лишении родительских прав как мере ответственности и защиты см.: Бурданова Н. А. Лишение родительских прав как санкция государства за совершение правонарушений в сфере отношений родителей и детей // Феномен семьи в ракурсе видения социальных и гуманитарных наук: Материалы Международной научной конференции, посвященной завершению Года семьи в Российской Федерации. Ч. 1. Старый Оскол: РОСА, 2008. С. 35–46.

родственников. В ст. 67 СК РФ предусмотрены права на общение с ребенком дедушки, бабушки, братьев, сестер и других родственников, которое в случае отказа родителей (одного из них) от предоставления ребенка может быть обеспечено решением органа опеки и попечительства или суда.

Личные неимущественные права и обязанности родителей на воспитание детей включают общение с ребенком, совместное проживание, религиозное воспитание, образование.

Образование играет важнейшую роль в формировании личности ребенка. Право ребенка на образование закреплено в международных актах и национальном законодательстве России.

Согласно ст. 28 Конвенции о правах ребенка, государства-участники в целях обеспечения права ребенка на образование:

а) вводят бесплатное и обязательное начальное образование;

б) поощряют развитие различных форм среднего образования, как общего, так и профессионального, обеспечивают его доступность для всех детей и принимают такие необходимые меры, как введение бесплатного образования и предоставление в случае необходимости финансовой помощи;

в) обеспечивают доступность высшего образования для всех на основе способностей каждого с помощью всех необходимых средств;

г) обеспечивают доступность информации и материалов в области образования и профессиональной подготовки для всех детей;

д) принимают меры по содействию регулярному посещению школ и снижению числа учащихся, покинувших школу.

Всеобщей декларацией прав человека установлено, что родители имеют право приоритета в выборе вида образования для своих малолетних детей (ст. 26). Аналогичная норма содержится в ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Данные нормы нашли отражение в национальном праве России. Статьей 43 Конституции Российской Федерации гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях; устанавливается обязательность основного общего образования; указывается, что родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования. Согласно ст. 63 СК РФ родители обязаны обеспечить получение детьми общего образования; имеют право выбора образовательной организации, формы получения детьми образования и формы их обучения с учетом мнения детей до получения ими основного общего образования. Данная обязанность родителей является одновременно публично-правовой (перед обществом) и частноправовой (перед ребенком). Препятствия со стороны родителей к посещению ребенком образовательной организации влечет применение к ним санкций вплоть до лишения родительских прав.

Государство уделяет внимание получению детьми образования, что подтверждается при сравнении ныне действующей с предыдущей редакцией указанной статьи Семейного кодекса Российской Федерации, действовавшей до 1 сентября 2007 г., которая не содержала обязанности родителей по созданию условий для получения детьми среднего (полного) общего образования[1]. Требование обязательности общего образования применительно к конкретному обучающемуся сохраняет силу до достижения им возраста 18 лет, если соответствующее образование не было получено обучающимся ранее. Однако при определенных условиях обучающийся, достигший возраста 15 лет, может оставить общеобразовательное учреждение до получения общего образования. В этом случае на родителей совместно с комиссиями по делам несовершеннолетних возлагается обязанность обеспечения трудоустройства несовершеннолетнего и продолжение освоения им образовательной программы основного общего образования по иной форме обучения, что закреплено в ст. 66 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 19 июля 2018 г.)[2]

Согласно ст. 12 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений, обеспечивать развитие способностей каждого человека, формирование и развитие его личности в соответствии с принятыми в семье и обществе духовно-нравственными и социокультурными ценностями. Содержание профессионального образования и профессионального обучения должно обеспечивать получение квалификации.

В Российской Федерации образование может быть получено:

1) в организациях, осуществляющих образовательную деятельность;

2) вне организаций, осуществляющих образовательную деятельность (в форме семейного образования и самообразования).

---

[1] Федеральный закон от 21 июля 2007 г. № 194-ФЗ (ред. от 29 декабря 2012 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с установлением обязательности общего образования» // СЗ РФ. 2007. № 30. Ст. 3808; 2008. № 17. Ст. 1756; 2012. № 53. Ч. 1. Ст. 7598.

[2] СЗ РФ. 2012. № 53. Ч. 1. Ст. 7598; 2013. № 19. Ст. 2326; № 23. Ст. 2878; № 27. Ст. 3462; № 30. Ч. I. Ст. 4036; № 48. Ст. 6165; 2014. № 6. Ст. 562; Ст. 566; № 19. Ст. 2289; № 22. Ст. 2769; № 23. Ст. 2930; № 26. Ч. I. Ст. 338; № 30. Ч. I. Ст. 4217; 2015. № 1. Ч. I. Ст. 42; № 18. Ст. 2625; № 27. Ст. 3951; № 29. Ч. I. Ст. 4339; № 51. Ч. III. Ст. 7241; 2016. № 10. Ст. 1320; № 23. Ст. 3290; № 27. Ч. I. Ст. 4219; 2017. № 18. Ст. 2670; № 31. Ч. I. Ст. 4765; 2018. № 1. Ч. I. Ст. 57; № 9. Ст. 1282; № 11. Ст. 1591; № 27. Ст. 3945; № 32. Ч. II. Ст. 5122.

Обучение в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, с учетом потребностей, возможностей личности и в зависимости от объема обязательных занятий педагогического работника с обучающимися осуществляется в очной, очно-заочной или заочной форме. Обучение в форме семейного образования и самообразования осуществляется с правом последующего прохождения в соответствии с ч. 3 ст. 34 настоящего Федерального закона промежуточной и государственной итоговой аттестации в организациях, осуществляющих образовательную деятельность (ст. 17 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»).

Родительские права и обязанности в области образования детей подробно раскрываются в ст. 44 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Родители имеют право:

1) выбирать до завершения получения ребенком основного общего образования с учетом мнения ребенка, а также с учетом рекомендаций психолого-медико-педагогической комиссии (при их наличии) формы получения образования и формы обучения, организации, осуществляющие образовательную деятельность, язык, языки образования, факультативные и элективные учебные предметы, курсы, дисциплины (модули) из перечня, предлагаемого организацией, осуществляющей образовательную деятельность;

2) дать ребенку дошкольное, начальное общее, основное общее, среднее общее образование в семье. Ребенок, получающий образование в семье, по решению его родителей (законных представителей) с учетом его мнения на любом этапе обучения вправе продолжить образование в образовательной организации;

3) знакомиться с уставом организации, осуществляющей образовательную деятельность, лицензией на осуществление образовательной деятельности, со свидетельством о государственной аккредитации, с учебно-программной документацией и другими документами, регламентирующими организацию и осуществление образовательной деятельности;

4) знакомиться с содержанием образования, используемыми методами обучения и воспитания, образовательными технологиями, а также с оценками успеваемости своих детей;

5) защищать права и законные интересы обучающихся;

6) получать информацию о всех видах планируемых обследований (психологических, психолого-педагогических) обучающихся, давать согласие на проведение таких обследований или участие в таких обследованиях, отказаться от их проведения или участия в них, получать информацию о результатах проведенных обследований обучающихся;

7) принимать участие в управлении организацией, осуществляющей образовательную деятельность, в форме, определяемой уставом этой организации;

8) присутствовать при обследовании детей психолого-медико-педагогической комиссией, обсуждении результатов обследования и рекомендаций, полученных по результатам обследования, высказывать свое мнение относительно предлагаемых условий для организации обучения и воспитания детей.

Родители обязаны:

1) обеспечить получение детьми общего образования;

2) соблюдать правила внутреннего распорядка организации, осуществляющей образовательную деятельность, правила проживания обучающихся в интернатах, требования локальных нормативных актов, которые устанавливают режим занятий обучающихся, порядок регламентации образовательных отношений между образовательной организацией и обучающимися и (или) их родителями (законными представителями) и оформления возникновения, приостановления и прекращения этих отношений;

3) уважать честь и достоинство обучающихся и работников организации, осуществляющей образовательную деятельность[1].

Обучение в форме семейного образования и самообразования (вне организаций, осуществляющих образовательную деятельность) осуществляется с правом последующего прохождения в соответствии с ч. 3 ст. 34 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» промежуточной и государственной итоговой аттестации в организациях, осуществляющих образовательную деятельность. В силу ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» образовательная организация - некоммерческая организация, осуществляющая на основании лицензии образовательную деятельность в качестве основного вида деятельности в соответствии с целями, ради достижения которых такая организация создана. Несовершеннолетние дети, воспитываемые родителями, могут обучаться в следующих типах образовательных организаций, реализующих основные образовательные программы:

1) дошкольные;

2) общеобразовательные (начального общего, основного общего, среднего общего образования);

3) профессиональные;

4) высшего образования,

а также реализующих дополнительные образовательные программы:

1) дополнительного образования (по дополнительным общеобразовательным программам);

---

[1] Об ответственности за невыполнение личных неимущественных прав и обязанностей родителей в сфере образования детей см. подробнее: Бурданова Н. А. Защита прав и законных интересов ребенка в российской правовой системе: законодательное закрепление состава правонарушения, предусматривающего в качестве санкции лишение родительских прав // Международно-правовые механизмы защиты прав человека / Под ред. Гончарова С. А. и др. СПб.: Астерион, 2008. С. 450–458.

2) дополнительного профессионального образования (ст. 23 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»).

Общее число государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений в Российской Федерации на начало 2012–2013 учебного года составило 46 200 учреждений, из них 45 000 учреждений – дневные[1]. По данным Министерства образования и науки Российской Федерации, в 2013 г. число общеобразовательных организаций (без вечерних (сменных) общеобразовательных организаций) сократилось на 4,4 % и составило 44 436 единиц. В то же время увеличилось число государственных и муниципальных гимназий (на 1,2 %), лицеев (на 0,3 %) и численность обучающихся в них (соответственно на 3,7 % и 3,2 %)[2].

Число образовательных организаций в сравнении с предыдущими годами сокращается (в начале XX в., в 1914–1915 гг. – 77 367, в середине XX в., в 1950–1951 гг. – 121 714, в конце XX в., в 1995–1996 гг. – 68 445, в начале XXI в., в 2008–2009 гг. – 53 568). Как показало исследование Федеральной службы государственной статистики, в России недостаточно дошкольных образовательных учреждений: на каждые 100 мест в 2012 г. приходилось 105 детей[3]. Динамика изменения численности детей, приходящихся на 100 мест в дошкольных образовательных учреждениях, по регионам Российской Федерации на конец года, свидетельствует о том, что в 1990 г. на 100 мест приходилось 108 детей, в 2000 г. – 82 ребенка[4].

Проблема недостаточности мест для воспитанников в образовательных организациях дошкольного образования остается актуальной на сегодняшний день. В 2013 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 1 895 822 рождений, естественный прирост составил 24 013 человек (положительный показатель естественного прироста зафиксирован впервые с 1995 г.)[5] Согласно официальному демографическому прогнозу, опубликованному Федеральной службой государственной статистики, дефицит образовательных учреждений может быть скомпенсирован в дальнейшем за счет снижения рождаемости: в 2030 г число родившихся составит от

---

[1] Число государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений // Росстат: Официальный сайт [Электронный ресурс]: / URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/o-obr1.htm (дата обращения: 18 августа 2018 г.)

[2] Образование в 2013 г. // Росстат: Официальный сайт [Электронный ресурс]: / URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_01/IssWWW.exe/Stg/d12/3-5.htm (дата обращения: 18 августа 2018 г.)

[3] В России растет спрос на услуги дошкольных образовательных учреждений // РИА Новости [Электронный ресурс]: http://ria.ru/society/20131011/969313469.html (дата обращения: 18 августа 2018 г.)

[4] Образование в России. 2003: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 83-85.

[5] Рождаемость, смертность и естественный прирост. Росстат: официальный сайт [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo21.xls (дата обращения: 18 августа 2018 г.)

1 038 383 человек (низкий вариант прогноза) до 1 591 949 человек (высокий вариант прогноза)[1].

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение родительских обязанностей по воспитанию детей родители могут быть привлечены к различных видам юридической ответственности:

– семейно-правовой в виде ограничения или лишения родительских прав (ст. 69, 73 СК РФ), отмены усыновления (ст. 140 СК РФ) (в судебном порядке);

– административной в виде предупреждения или наложения штрафа в размере от 100 до 500 руб. (ст. 5.35 КоАП РФ) (к ответственности привлекают комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав);

– уголовной по ст. 156 УК РФ (в судебном порядке) в виде штрафа в размере до 100 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательных работ на срок до 220 часов, либо исправительных работ на срок до двух лет, либо лишения свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового;

– гражданско-правовой (ст. 1073–1075 ГК РФ) в виде возмещения вреда, причиненного несовершеннолетним (в судебном порядке).

Ответственность родителей за воспитание детей может быть предусмотрена и законодательством субъектов Российской Федерации[2].

Таким образом, среди родительских прав в отечественной правовой системе центральное место занимают права и обязанности по воспитанию детей[3]. В Российской Федерации они состоят из ряда правомочий: общение с ребенком, совместное проживание, религиозное воспитание, образование. Государственное вмешательство осуществляется только в установленных законом случаях. Образование ребенка может быть получено в различных

---

[1] Родившиеся, умершие и естественный прирост населения (демографический прогноз до 2030 года). Росстат: официальный сайт [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn5.htm (дата обращения: 18 августа 2018 г.)

[2] Например, Уставом Читинской области от 1 июня 1995 г. № 14-ЗЧО была установлена ответственность родителей за невыполнение обязанностей по содержанию, обучению и воспитанию детей, а также за их моральное и физическое здоровье. См.: Устав Читинской области // Забайкальский рабочий. 1995. 15 июня (утратил силу в связи с принятием Закона Забайкальского края от 11 февраля 2009 г. № 125-ЗЗК «Устав Забайкальского края» (ред. от 28 декабря 2017 г.) // Забайкальский рабочий. 2009. 18 февраля; 2009. 9 декабря; 2010. 14 июня; 2011. 18 июля; 2012. 8 июня; 2013. 4 марта; 12 июля; 29 октября; 2014. 8 апреля; 14 апреля; 24 сентября; Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru. 2015. 1 июля; 22 декабря; 2016. 11 марта; 29 марта; 24 октября; 2017. 2 мая; 28 декабря.

[3] Нижник Н. С., Бурданова Н. А. Личные неимущественные родительские права и обязанности: направления эволюции института в российской правовой системе в IX–XX веках // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(62). С. 29–30.

формах, в том числе в различных видах образовательных организаций. Соблюдение интересов ребенка и реализация законодательных принципов и положений обеспечивается закреплением пределов осуществления родительских прав по воспитанию детей, а также установлением негативных последствий и ответственности за их неосуществление либо ненадлежащее осуществление вплоть до уголовной ответственности. Большая часть отношений по поводу воспитания детей родителями выходит за рамки правового регулирования и государственного воздействия, что отвечает интересам субъектов отношений и принципу невмешательства в личную и семейную жизнь.

Досакаев Алимберди Базарбиевич,
преподаватель кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин
Ставропольского филиала Краснодарского
университета МВД России;
Доронкина Елизавета Алексеевна,
курсант 2 курса Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

ИНФОРМАЦИОННО-КОМУНИКАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ МОЛОДЫХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ: ПРАКТИКА, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

XXI век – век высоких технологий и с этим нельзя не считаться. Активными пользователями достижений науки в сфере информационно-коммуникационной передачи данных является молодежь. С учетом того, что в Российской Федерации около 25 % процентов из общего количества зарегистрированных избирателей составляют молодые граждане в возрасте от 18 лет до 30 лет, игнорирование, а порой их не вовлеченность в общественно-политическую жизнь государства оставляет ряд вопросов открытыми. Так как в некоторой степени индикатором формирования гражданской позиции у российской молодежи к происходящим в стране общественно-политическим и социально-экономическим процессам служит информационно-коммуникационное сопровождение новостного фона, следовательно, считаем, что использование информационных ресурсов, в области информирования молодежи о важности его участия в избирательном процессе, приведет к положительным результатам повышения ее электоральной активности.

Так, информационно-коммуникативные системы передачи данных существуют в различных формах. Массовыми и общедоступными информационными системами, с учетом географической удаленности российских

окраин и телекоммуникационной возможности передачи данных, являются телевидение, газета, радио, телефонная и спутниковая сеть, а также и сеть Интернет.

Следует отметить, что использование по отдельности информационно-коммуникационных средств для формирования гражданской позиции молодых избирателей не может привести к повышению их электоральной активности. Учитывая тот факт, что молодое поколение отдает предпочтение не общественно-политическим блокам новостей, а развлекательным каналам и сообщениям, подчеркиваем, что ее мобилизация в духе выполнения гражданского долга путем участия в избирательном процессе является непростой задачей для государства и общества.

В будущем, по нашему мнению, печатные и телекоммуникационные средства массовой информации будут вынуждены потерять ту часть своей аудитории, которая все активнее начинает пользоваться возможностями глобальной сети Интернет. Данный факт мы не можем игнорировать, следовательно, усилие органов власти, общественных объединений должны быть переориентированы на сеть Интернет.

Верно отмечает В.В. Миронов, что «бурное развитие Интернета и завоевание мира, конечно, обусловлено не только новыми технологическими возможностями, но и рядом социокультурных факторов. Интернет почти идеально ответил на три вызова модернизации: в условиях формирования планетарного сообщества он удовлетворил потребность человека в общении, новых формах взаимодействия, создании новых видов деятельности и занятости»[1].

Полное игнорирование телекоммуникационных возможностей сети Интернет компетентными органами власти по формированию устойчивой гражданской позиции молодых граждан в духе патриотизма и любви к родине, считаем недопустимым. Большая работа в этом направлении проделана Центральной избирательной комиссией России, в том числе и избирательными комиссиями субъектов Российской Федерации. Избирательные комиссии имеют свои официальные сайты, в структуру которых входят специальные разделы, предназначенные для обратной связи и оперативного обмена информацией с посетителями, где также размещаются информации содержательного характера. Мы стали свидетелями такого позитивного и прогрессивного опыта, как Центральная избирательная комиссия России, используя возможности телекоммуникационных операторов «Вымпелком», «Мегафон», «МТС» и др., произвела рассылку информации о проведении 18 марта 2018 года президентских выборов, в том числе довела до населения

[1] Миронов В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии / В.В. Миронов // Вопросы философии. - 2006. - № 2. - С. 27.

России о возможности реализации активного избирательного права по месту нахождения через сайт «Gosuslugi.ru» или «Многофункциональный центр».

Избирательный процесс – это такой процесс, где не только избирательные комиссии принимают участие в организации выборов и повышении электоральной активности избирателей, но и активную роль предпринимают политические партии. Так, осознавая силу Интернета, ее возможность влиять на молодой электорат в рамках предвыборной агитации в пользу своего кандидата, политическая партия «Яблоко» одна из первых в 1996 г. создала свою домашнюю страницу: www.yabloko.ru. Вслед за ней появились сайты других политических партий: www.edinros.ru, www.sps.ru и т.д. [1] Так же известны примеры, когда отдельные кандидаты создают свои сайты, что встречается гораздо реже, возможно из-за ограниченности материальных возможностей, а также недостаточности финансовых средств своего избирательного фонда.

Так, учитывая возможности Интернета (оперативность, быстрота и доступность связи между пользователями на дальних и близких расстояниях), кандидаты на выборную должность более активно стали использовать социальные сети Интернета «Facebook», «ВКонтакте», «Instagram» не только для общения, но и как инструмент предвыборной агитации.

С развитием не только множества социальных сетей, но и Интернет возможностей наблюдается эволюция Интернет интересов современной молодежи - «феномен миграции Интернет интересов». В данном случае речь идет о создании авторских блогов (англ. blog, от web log - интернет-журнал событий, интернетдневник), и появлении специальности контент-менеджера. Так, первой в истории создания Интернет-блога принято считать страницу Тима Бернерса-Ли, опубликовавшем первую информацию в 1992 году[2]. В настоящее время уже выделилась группа активных креативных пользователей (контент-менеджеров), которые ведут свои «блог-дневники» с целью привлечения подписчиков. Увеличение подписчиков позволяет владельцам соответствующих «контентов» заключать гражданско-правовые договора с коммерческими структурами о размещении рекламы по популяризации производимых товаров и услуг.

В свете предложенных рекомендаций очень важным моментом является соблюдение правовой регламентации информационного обеспечения выборов и референдумов. Так, в соответствии с положениями Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав

---

[1] Мошкина (Погодина) Н.А. Роль информационных технологий в вопросах привлечения молодежи к участию в избирательном процессе / Н.А. Мошкина (Погодина) // Государственная власть и местное самоуправление. - 2013. - № 1. - С. 27.

[2] Суханов В.В. Деятельность молодежных центров в развитии политической культуры и социализации личности: дис. канд. культурол. наук : 24.00.01 / Суханов Вячкеслав Владимирович. - Санкт-Петербург, 2015. – С.161.

и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» и Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

На основании выше приведенных примеров представляется возможным сказать, что использование таких площадок Интернет ресурсов, где основными подписчиками и активные пользователями креативных «контентов» является современная молодежь, в дальнейшем размещение видео-роликов или иных наглядных материалов избирательной комиссии в соответствующих популярных страницах блогеров, по нашему мнению позволит повысит электоральную активность молодежи и сформировать чувства гражданского долга о необходимости политической активности на выборах и референдумах.

Кроме того, в последнее время мы наблюдаем как маркетинговые опросы стали привычной интерактивной коммуникацией для современного пользователя Интернета, поэтому в ближайшей перспективе актуализация вопроса по проведению интернет-голосования на выборах или референдуме будет широкообсуждаемой темой. Отрицать такие перспективы в эпоху высоких технологий невозможно, также как отрицать обособленность информационного развития России в отличии от других государств. Осознавая такое прорывное развитие в будущем для избирательного процесса возникает довольно справедливый вопрос: Каковы условия развития законодательной базы Российской Федерации по применению избирательных интернет-технологий? К сожалению, отсутствие степени подготовленности самого российского электората к таким новшествам, оставляют консервативные положения российского законодательства без изменения. Несмотря на это следует отметить, что подобная практика использования интернет ресурсов при голосовании были использованы в 2000 году в предварительных выборах в США, в 2002 году на парламентских выборах Великобритании, а в 2007 году на выборах законодательного органа Эстонии такой возможностью воспользовались 30 275 человек (3 % всех зарегистрированных избирателей)[1]

В завершении отметим, что введение голосования посредством сети Интернет необходимость в будущем. Однако это нововведение требует осторожности, как в техническом плане, так и с юридической точки зрения, открывая много проблемных вопросов, начиная с уровня подготовленности самого российского избирателя, доступности сети Интернет на всей территории России, а также организованности процесса избирательной кампании, включая защиту от хакерских атак и объективность результатов выборов и референдума.

---

[1] Дурнова И.А. Зарубежный опыт проведения интернет-выборов и проблемы для России / И.А. Дурнова // Информационное право. - 2007. - № 2. - С. 26.

Канкулов Анзор Хусенович,
преподаватель кафедры
специально-технической подготовки СКИ(ф)
Краснодарского университета МВД России

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ИЗОЛЯТОРА ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ

Из числа обращений граждан, поступающих в адрес уполномоченных по правам человека, по данным авторского исследования, более 10% составляют жалобы и заявления граждан на несоблюдение органами полиции прав граждан.

Основными темами их обращения является недозволенные методы ведения следствия и дознания, а также административной деятельности (физическое и психологическое воздействие, грубость, хамство); несогласие с отказом в возбуждении уголовного дела, либо его прекращением, либо приостановлением производства; несогласие с уголовным преследованием, задержанием, арестом; нарушение норм УПК РФ, ФЗ РФ «Об оперативно-розыскной деятельности»; нарушение порядка рассмотрения обращений граждан и права на получение необходимой информации; обжалование действий (бездействий) должностных лиц; прочие, включая обращения бывших сотрудников правоохранительных органов.

Достаточно часто в своих заявлениях граждане обращают внимание на имеющие место нарушения порядка рассмотрения обращений.

С целю повышения ответственности должностных лиц Президентом России 11.07.2011 подписан Федеральный закон № 199-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Согласно ст. 5.59 КоАП РФ несоблюдение установленного законодательством Российской Федерации порядка рассмотрения обращений граждан должностными лицами государственных органов и органов местного самоуправления влечет наложение на них административного штрафа в размере от пяти до десяти тысяч рублей.

Особого внимания заслуживают изоляторы временного содержания. В своей диссертации Л.С. Оводкова достаточно убедительно приводит соответствующие факты, выделим два аспекта проблемы: вопросы процессуального плана и проблемы имущественные (условия содержания)[1].

К первой группе вопросов она относит в особенности, применение административного задержания для сбора доказательств обвинения в совершении преступления. Е.В. Быкова и М.А. Парфенова отмечают: «… Проку-

[1] См.: Оводкова Л.С. Деятельность прокуратуры и уполномоченного по правам человека по обеспечению прав и законных интересов лиц в местах принудительного содержания. Дис. канд. юрид. наук. Рязань. 2015. С. 105.

рорами продолжают выявляться факты задержания лиц в качестве подозреваемых по основаниям, предусмотренным административным законодательством, чем грубо нарушаются их конституционные права и требования уголовно-процессуального законодательства»[1].

Протоколы об административном задержании, выполнены без указания данных удостоверяющих личность задержанного. Отсутствуют подписи в графах для доведения прав задержанному, предусмотренных пп. 3, 5, 7 ст. 14 Федерального закона «О полиции», о разъяснении задержанным процессуальных прав в ходе производства по делу об административном правонарушении, предусмотренных ст. 25.1 КоАП РФ, или запись об отказе от подписи в соответствующих графах, выполненная сотрудником органов внутренних дел.

Содержание обвиняемых и подозреваемых, административно задержанных – является немаловажной проблемой, отсутствие должного медицинского и санитарного обеспечения – это начало проблем.

Наиболее характерными нарушениями прав и законных интересов лиц, находящихся в изоляторах временного содержания, факторами, влияющими на их ущемление, из анализа заключений экспертов из числа региональных омбудсменов является:

1) отсутствие улучшенных условий пребывания несовершеннолетних;
2) отсутствие принудительной вентиляции;
3) отсутствие изоляторных туалетов;
4) неудовлетворительное оборудование помещений для сотрудников;
5) отсутствие гигиенических принадлежностей для женщин;
6) содержание несовершеннолетних со взрослыми;
7) отсутствие или необорудование прогулочных дворов;
8) отсутствие видеоконтроля;
9) отсутствие мебели в камерах;
10) плохо организованное оформление информации о правах содержащихся лиц, правилах внутреннего распорядка;
11) отсутствие в камерах радиоприемников.

Отдельным вопросом стоит незаконное применения силы к лицам в изоляторах временного содержания. Факты обращения граждан в европейский суд по правам человека свидетельствуют о важности их выявления и предупреждения.

Так, Европейским судом в мае 2012г. было принято постановление по делу «Ницов (Nitsov)» против Российской Федерации»[2]. Заявитель, в частности утверждал, что со стороны сотрудников полиции подвергся жестокому обращению, но при этом не было эффективного расследование этого обстоятельства. Им также было отмечено, что он под разными предлогами был лишен эффективных средств правовой защиты в отношении указанных нарушений.

---

[1] Быкова Е.В., Парфенова М.В. Современные задачи Российской прокуратуры // Российская юстиция. 2013. № 11 С. 57.

[2] См.: Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2013. № 11. С. 49-58

В жалобах в прокуратуру он указывал и подробно излагал обстоятельства жестокого обращения, которому подвергся и просил допросить ряд свидетелей видевших у него травму. Но органы следствия в возбуждении уголовного дела отказали дважды в связи с его высказываниями.

Европейский суд напомнил практику, что любое использование силы, кроме необходимых в связи с его поведением в отношении лица, лишенного свободы, унижает человеческое достоинство и нарушает статью 3 Конвенции о правах человека.

Европейский суд в данном случае указал, что имеется нарушение данной статьи в части обращения, которому подвергся заявитель в полиции, и не эффективное расследование данного вопроса.

Улучшению деятельности изоляторов временного содержания в последнее время МВД России уделяет определенное внимание. Делается ремонт действующих изоляторов, выделяются необходимые средства на строительство новых. В проекте которых просматриваются оборудование прогулочными дворами, библиотеками, комнаты для подогрева пищи, помещения для свиданий, санитарные узлы в камерах, средства видеонаблюдения, системами вентиляции.

Совершенствование работы с сотрудниками изоляторов необходимо, помимо укрепления материальной базы.

Требуется усиление общетеоретической правовой подготовки, непосредственно направленной на формирование у сотрудников и их руководителей системы, теоретических и практических знаний, использование которых поможет переосмыслить и скорректировать практику обеспечения соблюдения прав и свобод человека и гражданина в условиях принудительной изоляции в рамках профессиональной подготовки личного состава органов внутренних дел. Положительным аспектом в ходе профессиональной подготовки сотрудников также будут систематические встречи с уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации.

Малахова Ксения Валентиновна,
преподаватель кафедры теории и истории
права и государства Волгоградской
академии МВД России

ПРОБЛЕМЫ РАСШИРИТЕЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА В СФЕРЕ ДОРОЖНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В современной России существует проблема, которая, казалось бы, не стоит на переднем плане, но от этого не становится менее значимой. Достаточно остро стоит вопрос глубокого понимания содержания реализуемых норм права в сфере дорожной безопасности. В целом, деятельность по

осмыслению и объяснению смысла нормативно-правовых предписаний для реализации и применения получила название толкования права.

Необходимость толкования права обусловлена тем, что:

▪ норма права, имея общий характер, применяется к конкретным жизненным ситуациям;

▪ правовые нормы содержат много специальных юридических терминов, научных категорий и понятий;

▪ норма права может пониматься слишком узко, не отражая того смысла, который законодатель хотел вложить в нее.

Толкование права имеет универсальное значение, так как осуществляется во всех видах правовой деятельности. Оно обеспечивает правильное, единообразное понимание, применение и реализацию права на всей территории страны. Однако, на наш взгляд, не все правовые нормы толкуются в том объеме, в котором это необходимо. Так происходит и с привычными для нас правилами дорожного движения, которые, казалось бы, каждый из нас знает с малого возраста.

Зачастую обыденное толкование норм права, содержащихся в Постановлении Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 13.02.2018) «О Правилах дорожного движения»[1] приводит к проблемам в правоприменительной деятельности, а также в реализации прав участников дорожного движения.

Некорректное толкование норм права приводит к формированию навыков поведения участников дорожного движения (пешеходов и водителей), ведущих к дорожно-транспортным происшествиям.

Для реализации права управления транспортным средством, водители проходят специальное обучение, включающее в себя изучение нормативно-правовой базы, регулирующей сферу дорожной безопасности.

Пешеходы, как участники дорожного движения, находятся в особой зоне риска. Как правило, знания пешехода о дорожной безопасности ограничиваются информацией, которую транслируют СМИ, а также стереотипами, сложившимися в юном возрасте. В результате мы имеем цифры статистики, которые заставляют задуматься. Каждое третье происшествие в Российской Федерации – это наезд на пешехода. В Волгоградской области за 4 месяца 2018 года произошло 438 происшествий, 40 человек погибли и 573 получили травмы различной степени тяжести. Из общего количества происшествий, с участием пешеходов произошло 147 происшествий, 9 человек погибли и 149 получили травмы[2]. Цифры, как беспристрастный показатель аварийности, не становятся ниже из года в год. Общее количество происшествий в регионе может быть различным, но каждое третье происшествие с участием пешехода, к сожалению, остается неизменным.

---

[1] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/

[2] Информация с официального сайта Госавтоинспекции РФ http://stat.gibdd.ru/

Основными причинами, по которым пешеходы попадают под колеса автомобилей, становятся следующие: переход проезжей части в неустановленном месте; переход проезжей части на запрещающий сигнал светофора; выход на проезжую часть из-за стоящего транспорта. На третьей причине хотелось бы остановиться более подробно.

Сухой язык права не толкует понятие «стоящий транспорт», считая его очевидным.

Согласно п. 1 ст. 29 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 N 196-ФЗ: «Обучение граждан правилам безопасного поведения на автомобильных дорогах осуществляется организациями, осуществляющими образовательную деятельность, в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, предусматривающими такое обучение»[1], т.е. начиная с детского сада, детей должны обучать правилам дорожного движения. Однако, на практике, юные пешеходы получают неверную информацию, начиная с первых занятий по ПДД.

В 90 % дошкольных образовательных и общеобразовательных учреждений ребенка (будущего самостоятельного пешехода) учат «трамвай обходить спереди, а автобус сзади». Подтверждений тому много – от методических пособий, изданий детской художественной литературы до агитационных плакатов и картинок, которыми украшают групповые ячейки. Такое обыденное расширительное толкование нормы права, высказанное воспитателем, педагогом и учителем, ведет к трагическим последствиям – формированию стереотипов поведения на дороге, которые в будущем приводят к реальной угрозе совершения дорожно-транспортных происшествий с участием детей-пешеходов.

Если обратиться к первоисточнику, пункт 4.5 Правил дорожного движения РФ гласит: «При переходе дороги вне пешеходного перехода пешеходы, кроме того, не должны создавать помех для движения транспортных средств и выходить из-за стоящего транспортного средства или иного препятствия, ограничивающего обзорность, не убедившись в отсутствии приближающихся транспортных средств»[2]. В норме права не указано как пешеходы должны обходить транспортное средство, уточняющие указания «спереди-сзади» также отсутствуют. Таким образом, отсутствие официального расширительного толкования приводит к неверной интерпретации норм права в сфере дорожной безопасности. Переход дороги толкуется слишком узко, подразумевая только проезжую часть.

По мнению автора, необходимо дать расширительное толкование вышеуказанной нормы: «**При переходе дороги вне пешеходного перехода**, пешеходы должны пересекать проезжую часть таким образом, чтобы не попасть под колеса любого транспортного средства».

---

[1] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/

[2] Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 13.02.2018) «О Правилах дорожного движения»/ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/

«Переход дороги вне пешеходного перехода» необходимо толковать не только как переход проезжей части, но и как пересечение внутриквартальных дорог, движение пешеходов по парковкам транспортных средств крупных торговых центров, переход улиц, в так называемом, «частном секторе».

Под **«стоящим транспортом»** нужно понимать не только общественный транспорт, на который привыкли ссылаться педагоги, обучающие детей ПДД, но и припаркованные возле подъездов, частных домов/дач и края проезжей части автомобили. Это могут быть автомобили, находящиеся на парковках крупных торговых центров, также закрывающих обзор пешеходам. Пешеход, оказавшись в ситуации, когда стоящее транспортное средство закрывает ему обзор, должен, следуя норме права, убедиться в отсутствии приближающихся транспортных средств. Рекомендация педагогов «обходить» транспортные средства прямо противоречит норме права, так как возможности убедиться в том, приближаются ли транспортные средства или нет, у них отсутствует. Используя сформированные педагогами стереотипы поведения, юные участники дорожного движения выходят на проезжую часть и попадают под колеса проезжающих мимо транспортных средств.

Для того, чтобы избежать подобной ситуации, у пешехода есть два возможных варианта поведения:

- первый вариант - дождаться, пока стоящее транспортное средство (имеется в виду общественный транспорт) уедет, обзор дороги пешеходом не будет затруднен, пешеход, посмотрев по сторонам, убедится, что приближающиеся транспортные средства отсутствуют, значит, переход дороги будет безопасным;

- второй вариант поведения – выглянуть из-за стоящего транспортного средства (имеется в виду припаркованные и оставленные надолго автомобили), убедиться в том, что ничего не угрожает, пересечь проезжую часть/внутриквартальную дорогу/территорию парковки торговых центров).

Таким образом, для соблюдения указанной нормы права, пешеходу нужно либо дождаться, когда стоящее транспортное средство уедет, либо выглянуть из-за стоящего транспортного средства и только потом перейти дорогу. Иного толкования, включающего в себя рекомендации «обойти спереди или сзади» стоящее транспортное средство, нет и быть не может.

В контексте изучения данной проблематики, можно сделать вывод о том, что расширительное толкование норм права в сфере дорожной безопасности, предписывающее пешеходам не выходить из-за стоящего транспорта, может выступать в качестве активного средства правового воспитания, действенного рычага повышения правовой культуры участников дорожного движения и, следовательно, снижению количества дорожно-транспортных происшествий с участием пешеходов.

Правила дорожного движения учат безопасному поведению на дороге. Однако, их неверное толкование может привести к прямо обратному

эффекту. Толковать нормы права – уяснять, а тем более объяснять их смысл должны те, кто, прежде всего, хорошо знаком с первоисточником, реализует или применяет право. Толкование правовых норм предполагает четкое понимание их содержания. Необходимо налаженное взаимодействие правоприменителей и педагогов, что, в свою очередь, требует пересмотра обучающих программ по ПДД, с целью устранения ошибок толкования норм права.

Никифорова Славяна Алексеевна,
преподаватель кафедры теории
государства и права Санкт-
Петербургского университета МВД
России

РОССИЯ – ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ: СПЕЦИФИКА ОТНОШЕНИЙ В ОЦЕНКЕ Э. Н. БЕРЕНДТСА

На протяжении всей своей истории Российская империя оставалась многонациональным государством, где особое место занимали проблемы взаимоотношений имперского центра и присоединенных к Российскому государству национальных окраин.

Финляндский вопрос – вопрос о правовом статусе Финляндии – был одним из самых острых в России. В начале XX в. он порождал бурные дискуссии и вызывал противостояние политических сил. В общественной мысли оформились различные подходы к решению вопроса о месте Финляндии в российском государстве и способах управления ею. Один подход был основан на теории унии, второй – на теории завоевания. Активное участие в обсуждении финляндского вопроса занимал видный юрист начала XX в., государственный и общественный деятель Эдуард Николаевич Берендтс (1860–1930 гг.)[1], который в историю отечественной юридической науки вошел как видный государствовед и крупнейший специалист в области финляндского права[2].

Э. Н. Берендтс родился 9 декабря 1860 г. в Санкт-Петербурге[3]. Окончил немецкую среднюю школу при церкви Св. Петра и Павла в Санкт-Петербурге[4], где при обучении основное внимание уделялось изучению скандинавских

[1] Никифорова С. А. Российская полицеистика в лицах: Эдуард Николаевич Берендтс // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 828–843.

[2] Нижник Н. С. Российская полицеистика – наука и искусство управления государством // Вопросы государства и права: Сборник научных статей / Под общ. ред. Л. В. Карнаушенко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 3–21.

[3] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 740. Оп. 24. Д. 845. Л. 9.

[4] РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 625. Л. 150.

языков. Данные иностранные языки пригодились Э. Н. Берендтсу в будущем как в научно-исследовательской деятельности, так и на государственной службе – позволили познакомиться с литературой и документами на мало известных в России шведском и финском языках[1].

Э. Н. Берендтс, хорошо знакомый с историей и состоянием одной из «окраинных частей» российского государства – Финляндии, в научном мире был признан как ведущий специалист по финляндскому праву. После назначения Э. Н. Берендтса помощником статс-секретаря – министра по делам Великого княжества Финляндского (1900)[2] интерес Берендтса к вопросам взаимоотношений центра и окраин приобрел не только научную, но и практическую направленность.

Проблемы взаимосвязи центра и окраин в имперском государстве, особенности механизма управления окраинами и характеристика одной из окраинных провинций Российской империи – Финляндии нашли *отражение в различных трудах Э. Н. Берендтса.* В их числе работы: «Финансовое право Великого Княжества Финляндского в XIX столетии» (1900); «Краткий обзор финансов и финансового управления Великого Княжества Финляндского» (1900); «Об источниках финляндского права» (1901); «Императорский Александровский университет в Финляндии» (1902); «Лекции по административному праву Великого Княжества Финляндского, читанные в Императорском С.-Петербургском Университете в 1901–1902 учебном году» (1903); «Об автономии Балтийских губерний, Польши и Финляндии» (1906); «Кое-что о современных вопросах» (1907); «Ueber Grenzmarkenpolitik und finnländische Frage insbesondere» (1907); «Краткий очерк бюджетного права Финляндии» (1909); «К финляндскому вопросу» (1910); «По поводу воззваний иностранных ученых относительно прав Финляндии» (1910); «К вопросу о правовом положении Финляндии» (1910); «К вопросу о юридической силе шведских основных законов в Финляндии» (1915).

В своих исследованиях Э. Н. Берендтс исходил из того, что Российская империя, наряду с административно-территориальными единицами, включала в себя разностатусные этнические образования, находившиеся в разной степени политической, административной и правовой зависимости от имперской верховной власти[3].

---

[1] Зиноватный П. С. «Служите правде»: Э. Н. Берендтс (1860–1930). Краткий очерк жизни и творчества // Берендтс Э. Н. Русское финансовое право. М., 2014. С. 308.

[2] РГИА. Ф. 740. Оп. 24. Д. 845. Л. 15.; РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 1060. Л. 3.

[3] Грачев Н. И. Россия как империя: между прошлым и будущим // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3 (26). С. 153–159; Кодан С. В. Местное законодательство в юридической политике Российского государства в XIX веке // Российский юридический журнал. 2003. № 1(37). С. 122–124; Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право Великого княжества Финляндского в правовой системе Российской империи: интеграция, источники, трансформация (1808–1917 г.) // NB: Вопросы права и политики. 2013. № 3. С. 258–259.

Особое положение в составе Российской империи занимали Великое княжество Финляндское и Царство Польское. На этих территориях происходили такие социально-экономические процессы, которые оказывали серьезное воздействие на все стороны общегосударственной жизни и вызывали необходимость придания этим национальным окраинам особого государственно-правового статуса.

Великое княжество Финляндское оказалось в составе Российской империи после победы России в войне со Швецией. По Фридрихсгамскому мирному трактату (1809) и Манифесту о мире между Российской империей и Шведским королевством (1809)[1] завоеванные Россией финские земли вошли в состав Российской империи. Манифестом «О именовании старой и новой Финляндии совокупно Финляндиею» (1811)[2] было закреплено создание в составе Российской империи Великого княжества Финляндского с правами широкой автономии.

В условиях необходимости корректировки внутренней политики в связи с нарастанием социальной напряженности и складыванием в стране революционной ситуации в начале XX в. политика Российской империи в отношении Великого княжества Финляндского была изменена – направлена на ограничение автономии и создание прочной связи «национальной периферии» с центром[3]. Российская администрация стремилась: провести четкую границу между общегосударственным законодательством и теми законами, которые действовали лишь на территории Великого княжества Финляндского; упразднить собственную армию Финляндии, которая не была обязана защищать прочие границы империи и имела реальную возможность направить свое оружие против находящейся в непосредственной близости от Финляндии российской столицы – Санкт-Петербурга; существенно расширить полномочия и власть генерал-губернатора Финляндии; закрепить статус русского языка как языка официального делопроизводства[4].

Национальная политика Российской империи в области ограничения автономии Финляндии породила недовольство финского населения и споры

---

[1] Манифест «О заключении мира между Россией и Швецией. С приложением мирного трактата, заключенного в Фридрихсгайме 5/17 сентября» от 1 октября 1809 г. // Полное собрание законов Российской империи Собрание 1. Т. XXX. № 23883. С. 1186–1194.

[2] Манифест «О именовании старой и новой Финляндии совокупно Финляндиею» от 11 декабря 1811 г. // Полное собрание законов Российской империю. Собрание 1. Т. XXXI. № 24907. С. 1023.

[3] Кэмпбелл Е. И. «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 206–207; Арапов Д. Законная государственная цель – полное объединение, слияние разных племен (Д. А. Милютин и его статья «О разноплеменности в населении государств») // Источник. 2003. № 1. С. 52–67.

[4] Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М., 2008. С. 66.

о пределах вмешательства во внутреннее управление Финляндии[1]. В среде российской и финской общественности определились различные подходы к характеристике статуса Великого княжества Финляндского и оформились либеральные и консервативно-монархические взгляды на систему управления Финляндией[2].

Либеральный подход к решению «финляндского вопроса» демонстрировали и финские ученые (Р. Ф. Германсон, И. Р. Даниельсон-Кальмари, Л. Мехелин, Я. Нордстрём, И. В. Росенборг, Й. В. Снельман), и российские государствоведы (А. В. Романович-Славатинский, Б. Н. Чичерин). Они выступали против объединительной политики имперских властей, рассматривали статус Великого княжества Финляндского как результат оформления модели управления «уния» (или, как они заявляли в своих трудах, «особое государство»), подчеркивали, что Великое княжество Финляндское и Российская империя – два независимых государства, объединенные в союз, но находящееся под властью Российского императора.

Сторонники *консервативно-монархического подхода к рассмотрению «финляндского вопроса»* (С. А. Алексеев, В. Даневский, Н. О. Куплеваский, Н. М. Коркунов, С. А. Котляровский, Ф. Ф. Мартенс, Н. Д. Сергеевский, Н. С. Таганцев и др.) отстаивали оценку правового статуса Великого княжества Финляндского как окраины, в которой сложилась модель управления «инкорпорированная провинция», и рассматривали Великое княжество Финляндское не как отдельное государство, а как имперскую провинцию, наделенную особым статусом и широкими политическими правами.

Поиск Э. Н. Берендтсом путей разрешения «финляндского вопроса» осуществлялся в контексте консервативно-монархического подхода[3]. Э. Н. Берендтс хорошо знал историю Швеции и Финляндии; был знаком с положениями законов, устанавливавшими правила управления территорией и определявшими особенности общественной жизни Финляндии на разных этапах ее исторического развития; имел представления о специфике отношений Финляндии с другими государствами. Результаты комплексных исследований привели Э. Н. Берендтса к выводу: Великое княжество Финляндское – это инкорпорированная провинция Российской империи. В качестве доказательства правильности своей позиции Э. Н. Берендтс использовал различные аргументы:

---

[1] Нижник Н. С., Лавринович К. И. Институты гражданского общества – основа создания правового государства в Финляндии // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 10–11.

[2] Баландин С. Б. Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9–10.

[3] РГИА. Ф. 740. Оп. 24. Д. 845. Л. 9; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 21059. Л. 3; Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. 64. Оп. 50 а. Д. 1. Л. 1–6.

1) *Великое княжество Финляндское не обладало государственным суверенитетом* (государственный суверенитет предполагает верховенство власти на всей территории своего государства и независимость в международных отношениях. Финляндия, по мнению Берендтса, такими характеристиками не обладала. «Я не признаю Финляндии государством, – подчеркивал Э. Н. Берендтс, – потому что я государством считаю только такой территориально-общественный союз, который самостоятельно может решать свою судьбу и во время мира, и во время войны, который, следовательно, является субъектом международного права»[1]);

2) *Финляндия не имела международно-правового признания и не являлась субъектом международного права* (Российская империя, констатировал Берендтс, не принимала никаких международных обязательств, в которых оговаривалось бы сохранение финляндской государственности[2]. В статье 4 Фридрихсгамского мирного трактата (1809) четко было зафиксировано, что Финляндия – провинция, подчиненная Российской Верховной Власти[3]. Манифест «О заключении мира между Россией и Швецией» (1809) также не предусматривал приданию Финляндии статуса самостоятельного государства и субъекта международного права[4]. Данный международно-правовой акт являлся основанием для передачи Великого княжества Финляндского от Шведского королевства в состав Российской империи;

3) *территориальную (этнотерриториальную) автономию Великое княжество Финляндское приобрело по решению императора Александра I* (в ходе включения Финляндии в состав Российской империи, констатировал Берендтс, итоговыми документами являлись Фридрихсгамский мирный трактат от 5/17 сентября 1809 г. и Манифест о мире от 1 октября 1809 г., заключенный между Российской империей и Шведским королевством[5]. Процесс включения завоеванных финских земель в состав Российской империи и их объединение в рамках Российской империи в одно образование – Великое княжество Финляндское – завершил Манифест российского императора от 11 декабря 1811 г. «О именовании старой и новой Финляндии совокупно Финляндиею»[6]. Этими правовыми актами, подчеркивал Берендтс, российская верховная власть предоставила Великому княжеству Финляндскому (исключительно по своей воле!) широчайшую автономию. Российский император, подчеркивал Берендтс, даровал Финляндии автономию

---

[1] Берендтс Э. Н. К вопросу о юридической силе шведских основных законов в Финляндии // Журнал Министерства Юстиции. 1915. № 2. С. 17.

[2] Там же. С. 18.

[3] Там же.

[4] Манифест. «О заключении мира между Россией и Швецией. С приложением мирного трактата, заключенного в Фридрихсгаме 5/17 сентября» от 1 октября 1809 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXX. № 23883. С. 1186–1187.

[5] Там же. С. 1186–1194.

[6] Манифест «О именовании старой и новой Финляндии совокупно Финляндиею» от 11 декабря 1811 г. № 24907. С. 923.

не по предписанию положительного права, а по соображениям справедливости и политической целесообразности[1]);

4) *предметы ведения и полномочия Великого княжества Финляндского как административно-территориальной единицы в составе Российской империи имели четкое внешнее определение* (по решению императора Александра I между органами государственной власти Российской империи и органами государственной власти административно-территориальной единицы Российской империи Великого княжества Финляндского было установлено разграничение предметов ведения и полномочий. «Великое княжество Финляндское, составляя нераздельную часть Государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства», – закреплял Манифест «О именовании старой и новой Финляндии совокупно Финляндиею» (1811)[2];

5) *специфика правового регулирования общественных отношений в Великом княжестве Финляндском была санкционирована монархом Российской империи* (российская верховная власть учитывала, что находившееся ранее под властью Шведского королевства, Финляндия управлялась на основе шведского законодательства, которое значительно отличалось от российского. По причине этого в Великом княжестве Финляндском (то есть внутри конкретной административно-территориальной единицы Российской империи) действовало местное государственное право, которое базировалось на Основных законах Шведского королевства, главными из которых были: Закон о форме правления Швеции 1772 г. и Акт соединения и безопасности 1789 г.[3]).

Утверждение Э. Н. Берендтса о том, что Великое княжество Финляндское в составе Российской империи являлось инкорпорированной провинцией и его аргументы, принимались во внимание научной общественностью и государственными деятелями.

Несмотря на то, что острота «финляндского вопроса» нарастала. Российской империи было необходимо выстроить такие взаимоотношения с окраиной, которые способствовали бы урегулированию конфликтов, в частности, пережитых Великим княжеством Финляндским после русификации финского населения генерал-губернатором Н. И. Бобриковым в 1898–

[1] Берендтс Э. Н. К вопросу о юридической силе шведских основных законов в Финляндии. С. 18; Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII – начало XX в.). С. 128–129.

[2] Манифест «О именовании старой и новой Финляндии совокупно Финляндиею» от 11 декабря 1811 г. № 24907. С. 923.

[3] Губченко М. А. Обзор административных и судебных установлений, законодательства и финансового строя Великого княжества Финляндского. СПб., 1910. С. 128.

1904 гг.[1], правовой статус Финляндии в составе Российской империи так и не получил четкого определения и закрепления в законодательстве[2].

Обдумывая содержание и пути решения «финляндского вопроса», Э. Н. Берендтс пришел к выводу, что «финляндский вопрос» – это искусственно созданный конфликт, в котором каждая сторона стремилась отстоять свои интересы и получить прямую или опосредованную выгоду. Причем и интересы, и выгода, в большинстве случаев самой Финляндии не касались. «В течение четырех лет я принимал активное участие в попытках решить этот вопрос, – писал Берендтс, – и я не угодил никому. Финляндские публицисты различных партий считали меня сторонником русификации, врагом Финляндии. Русские публицисты, ученые и некоторые высокопоставленные государственные деятели, интересовавшиеся финляндским вопросом, считают меня сторонником финского сепаратизма, чуть не изменником»[3]. Причина такой двусторонней вражды была вызвана тем, что взгляды автора, пытающегося объективно оценить положение Великого княжества Финляндского и причины возникновения финляндского вопроса[4], не совпадали с распространенными субъективными воззрениями заинтересованных сторон.

В своих статьях, выступлениях Берендтс утверждал, что вражда между Финляндией и Российской империей созданы искусственно. «Данная проблема являлась средством отвлечения от разрушения неограниченной монархии», – подчеркивал он[5]. В Финляндии действовала своя автономная правовая система и свое законодательное собрание – Сейм, который созывался раз в пять лет, а с 1885 г. – раз в три года и имел право законодательной инициативы; существовала своя финансовая система, свой банк, почта и таможня. Российские полицейские органы на территории Великого Княжества Финляндского свои функции не осуществляли. Именно поэтому на территории Финляндии высокой была активность подпольщиков и революционеров, которые преднамеренно разжигали русско-финский конфликт. Только политика компромисса могла спасти русско-финские отношения, полагал Берендтс.

---

[1] Злобин Ю. П. Институт генерал-губернаторской власти Российской империи в современной зарубежной историографии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 10. С. 8.

[2] Кутафин О. Е. Российская автономия. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 68.

[3] Берендтс Э. Н. Об автономии Балтийских губерний, Польши и Финляндии. (Публичные лекции, читанные 27 января и 2 февраля 1906 г.) Финляндский вопрос (Продолжение) // Северянин. 1906. 29 марта. № 23. С. 2.

[4] Берендтс Э. Н. Об автономии Балтийских губерний, Польши и Финляндии. (Публичные лекции, читанные 27 января и 2 февраля 1906 г.) Финляндский вопрос (Окончание). // Северянин. 1906. 7 апреля. № 29. С. 3.

[5] Берендтс Э. Н. Об автономии Балтийских губерний, Польши и Финляндии. (Публичные лекции, читанные 27 января и 2 февраля 1906 г.) Продолжение. Финляндский вопрос // Северянин. 1906. 25 марта. № 21. С. 2.

Подводя итог, можно констатировать что Финляндия, находящаяся в составе Российской империи с 1808 г, была первым территориальным пространством, которое до начала XX в. сохранило свою автономную государственно-правовую систему в рамках Российского государства[1]. Не удивительно, что такое положение княжества вызывало интерес и споры у российских и финляндских общественных, научных и политических деятелей. Э. Н. Берендтс занял свою обособленную позицию в данном вопросе. Ученый считал Великое княжество Финляндское инкорпорированной провинцией Российского государства, но не ставил его в один ряд с другими губерниями или окраинами, отстаивая политику двустороннего компромисса.

Абдуллоев Абдулло Рахматуллоевич,
адъюнкт кафедры теории государства
и права Санкт-Петербургского
университета МВД России

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ СИСТЕМЫ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ ТАДЖИКИСТАНА

Полицейская система является важнейшим звеном правоохранительной системы государства[2]. Полицейская деятельность в современных государствах направлена прежде всего на решение широкого круга вопросов, касающихся обеспечения внутренней безопасности, борьбы с преступностью и профилактики преступности[3]. Структура полицейской системы и органов полицейской службы, направления их деятельности детерминированы общекультурными и правовыми традициями, множеством социально-экономических и общественно-политических факторов, имеющих место в

[1] Никифорова С. А. Э. Н. Берендтс о государстве и праве в начале XX века // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 323–330.

[2] Нижник Н. С. Полицейская система – структурно-функциональный элемент правоохранительной системы государства // 210 лет МВД России: история и современность: Материалы всероссийской научно-практической конференции 21 сентября 2012 года. Ч. 1. СПб., 2013. С. 10–22.

[3] Нижник Н. С. Полицейская система как элемент механизма реализации правоохранительной функции государства // Совершенствование законодательства о полиции и полицейской деятельности: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 21–27.

конкретных государствах в конкретный исторический период[1]. Несмотря на то, что полицейская служба в различных государствах имеет отдельные общие черты, ее национальная специфика несомненна[2].

Становление полицейской системы Республики Таджикистан имеет свою многолетнюю историю, которая до настоящего времени должного осмысления не получила. Требуют исследования генезис системы полицейской деятельности, определение закономерностей и специфики ее развития на различных этапах.

В историко-правовой литературе до настоящего времени отсутствуют работы, специально посвященные истории полицейской службы в дореволюционном Таджикистане. При этом российские (Н. В. Ханыков[3], А. А. Семенов[4], Л. Ф. Костенко[5], Д. Н Логофет[6], Г. А. Арандаренко[7] и др.) и таджикские (С. Айни[8], Б. Г. Гафуров[9], Б. Искандаров[10], А. Маджлисов[11] и др.) исследователи, освещая административно-политическое устройство дореволюционного Таджикистана, касались и вопросов полицейской службы.

---

[1] Нижник Н. С. Полицейско-правовая теория об институционализации государственного управления и месте полиции в механизме государства // Современные проблемы общей теории права: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 60-летию Алматинской академии МВД Республики Казахстан. Алмата: Алматинская академия МВД Республики Казахстан, 2016. С. 13–26.

[2] Нижник Н. С. Полиция Российской империи в контексте современных историко-правовых исследований // Полицейская деятельность. 2017. № 6. С. 35–78.

[3] Ханыков Н. В. Описание бухарского ханства. СПб: Издательство «Типография Императорской Академии Наук», 1843. 302 с.

[4] Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Сталинабад: Академия наук Таджикской ССР, 1954. 74 с.

[5] Костенко Л. Ф. Путешествие в Бухару Русской миссии в 1870 году: С маршрутом от Ташкента до Бухары. Санкт-Петербург: Бортневский, 1871. 109 с.

[6] Логофет Д. Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3 книгах. Кн. 1: Персидская граница. СПб.: Издательство В. Березовского, 1909. 245 с; Кн. 2: Русско-афганская граница. СПб.: Издательство В. Березовского, 1909. 208 с; Кн. 3: Бухарско-афганская граница. СПб.: Издательство В. Березовского, 1909. 212 с.

[7] Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане 1874-1889 гг. СПб: Типография М. М. Стасюлевича, 1889. 674 с.

[8] Айни С. 1) Рабы. Душанбе: Советский писатель, 1956. 456 с.; 2) Смерть ростовщика. Душанбе: Адиб, 1987. 224 с; 3) Воспоминания. 1949-1959. М: Издательство Академии Наук СССР, 1960. 1039 с.

[9] Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Душанбе: Ирфон, 1989. 379 с.

[10] Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата (восточная Бухара и западный Памир в конце XIX века). М.: Издательство восточной литературы, 1958. 130 с.

[11] Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX – начале XX вв. Душанбе; Алма-Ата: Душанбинский государственный педагогический института им. Т. Г. Шевченко. 1967. 331 с.

Анализ исторической научной литературы дает нам основание утверждать, что корни административно-полицейской службы в Средней Азии имеют давнюю историю, а формирование полицейской службы берет свое начало еще со времен Ахменидской империи (VI–V вв. до н. э.).

В эпоху Средневековья полицейскую службу от других видов государственной службы во всех среднеазиатских феодальных государствах отделить очень сложно: четкого разграничения обязанностей между отдельными институтами государственного управления в это время не существовало. Видимо, в большинстве случаев полицейская служба находилась в ведении военных. И лишь в позднее Средневековье (начиная с XVII в.) в феодальных среднеазиатских государствах начали формироваться специальные формы административно-полицейской службы.

Во второй половине XIX в. центральные и южные территории современного Таджикистана входили в состав Бухарского эмирата. Во главе Бухарского Эмирата стоял эмир – повелитель, властитель. Ему принадлежала вся полнота власти в ханстве, он являлся последней и окончательной инстанцией, к которой апеллировали пострадавшие от несправедливых решений администрации и судей. Эмиру подчинялись все остальные административные чиновники.

В иерархической лестнице чинов государственного управления после эмира находился бек – правитель области, который на своей территории имел вассалов. Как только бек получал назначение, он со своей семьей и родственниками приезжал на место назначения и приступал к выполнению обязанностей. В силу фактического отсутствия системы делопроизводства никакого приема и сдачи дел, за исключением книги закята (закят – «милостыня разговения» - милостыня, которая должна быть выплачена нуждающимся мусульманам до наступления праздника Ураза-байрам), не производилось[1].

При эмире состояли более 100 чиновников, где полицейская деятельность – деятельность по внутреннему управлению государством, в основном, была сосредоточена в руках миршаба (ночного правителя) и раиса (градоначальника), каждый из которых управлял чиновниками (в подчинении миршаба находилось около 70 чиновников, в подчинении раиса – около 100)[2].

Миршаб фактически выполнял функции полицмейстера, в ведении которого находилась борьба с воровством, хулиганством, фальшивомонетчеством и другими правонарушениями в Бухаре. Предметом его ведения была охрана столицы по ночам. В его подчинении были тюрьмы и повето-вые склады.

[1] Маджлисов А. Указ. соч. С. 51.

[2] Там же. С. 33.

Миршаб Бухары являлся начальником не только городской полиции, но и всех миршабов в городах Эмирата. В некоторых бекствах горных районов его называли курбаши (полевой командир)[1]. На территории бекства в его ведение входила охрана и обеспечение порядка в городе (в основном, в крепости – резиденции самого бека), тюрьме, охрана складов с оружием и другие полицейские функции. Он имел при себе ясаулов (помощников) и наукаров (воинов-кавалеристов). По сведениям А. А. Семенова, миршаб назначался (в Бухаре) и увольнялся непосредственно эмиром, казенное помещение принимало каждого нового миршаба и освобождалось от прежнего также с ведома и санкции эмира[2].

Вся полиция вступала полностью в свои права только ночью, вернее, вечером, когда закрывались все базары и все ворота города. После этого жизнь постепенно замирала, никто уже не имел права показаться на улице. Н. А. Кисляков сообщает, что движение в городе прекращалось после последней молитвы, предшествующей наступлению темноты. Объезжая город, миршаб от своих людей получал сведения о том, где происходят пирушка, игра в карты или другие азартные игры. Он отправлялся туда со своими подручными, задерживал провинившихся, штрафовал их, а в случае неуплаты штрафа, грозил тюрьмой. Даже такие торжества, как свадьба, должны были заканчиваться к установленному времени: иначе гостям приходилось оставаться в этом доме до рассвета[3]. По местным представлениям, по ночам на улице могли быть только преступники и вообще темные уголовные элементы, а не мирные граждане. И, поэтому полицейские патрули-шабгарды забирали ночью всех, кто им попадался и отводили в миршабхона, невзирая на статус задержанного. В миршабхона всех задержанных ночью на утренней заре направляли на работу по чистке банных печей, а утром отпускали по домам (не задерживали только лекарей и повивальных бабок)[4].

Каждое бекство (область) в Бухарском ханстве имело административное деление на амлякдарства (районы). При амлякдаре (правителе района) были наукары (воины-кавалерист), число которых колебалось от одного до двух десятков, и другие нижние чины[5]. Во время взимания податей с населения полицейские функции выполняли наукары[6].

---

[1] Маджлисов А. Указ. соч. С. 51

[2] Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Сталинабад: Академия наук Таджикской ССР. 1954. С. 48.

[3] Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX – начале XX века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР [Ленингр. отд-ние], 1962. С. 47.

[4] Семенов А. А. Указ. соч.. С. 48.

[5] Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911. С. 244.

[6] Хамраев М. Очерки истории Хисарского бекства конца XIX – начала XX вв. Сталинабад. 1959. С. 45.

Важное место в системе местного управления занимало духовенство, которое также выполняло судебно-полицейские функции. К духовенству в бекстве относились: кази (судья) (осуществлял шариатское правосудие; в его распоряжении находились муллозимы (курьеры, судоисполнители) и секретари); муфтий (занимался составлением и выдачей справок по шариату; в его распоряжении находились 2–3 мухаррира (редактора-секретаря)); раис (занимался полицейскими делами, касающимися нарушителей исламской религии, торговли, школ, семейных порядков, вопросов наследства и т.д.).

Наибольший объем полицейских функций выполнял раис. По существу, ишан-раис являлся лицом, карающим за нарушения правил использования мер веса и длины, незнание молитв, несоблюдение религиозных обрядов и т. д.

Эмир в своем распоряжении, кроме постоянной армии, имел более 2000 миршабов (полицейских) для обеспечения спокойствия и общественного порядка в городах ханства[1].

Чиновники, находившиеся на административных должностях, имели определенные чины-звания: дотхо – генерал-майор, токсабо – полковник, мирохур – подполковник, караулбеги – капитан, джевачи – лейтенант, юзбоши – поручик, чехраогаси – фельдфебель, дахбоши – ефрейтор[2].

Таким образом, генезис системы полицейской службы в Таджикистане осуществлялся на основе системы управления, во главе которой стоял эмир, а важнейшими элементами были миршабы. После вхождения народов Средней Азии в состав Российской империи система внутреннего управления и реализации полицейских функций претерпела изменения. На территории Туркестанского края, в состав которого входили северные районы Таджикистана, до Февраля 1917 г. действовали органы полиции, структура и основные направления которых определялись Положением «Об управлении Туркестанским краем» (1892 г.). Военно-полицейские силы в Туркестане подчинялись военному губернатору; в уездах были учреждены должности уездных начальников, в обязанности которых входило выполнение полицейской деятельности. Уезды были разделены на участки, во главе которых были поставлены участковые приставы. Города делились на части, во главе которых стояли старшины. Сельские населенные пункты делились на волости, а волости на сельские общества – аксакальства. Полицейский надзор возлагался на полицейские управления, в состав которых входили полицмейстер, полицейские приставы и другие полицейские чины.

Февраль и Октябрь 1917 г. принесли кардинальные перемены и в систему управления Туркестанским краем, и в организацию на его территории

[1] Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская республика. Ташкент, 1969. С. 55.

[2] Тахиров Ф. Т. Присоединение Центральной Азии к России и распространение имперского права // Центральная Азия вчера, сегодня и завтра. Душанбе, «Сино». 1996. С. 32.

полицейской службы[1]. Начался новый этап истории полицейской службы Таджикистана[2].

Базров Асланбек Олегович,
адъюнкт Краснодарского университета
МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Несомненно, правосознание является одним из ключевых категорий при характеристике права с точки зрения комплексного подхода. Проблема правового сознания во все времена была и остается на сегодняшний день под пристальным вниманием историков, социологов, философов и правоведов. Обязательность изучения данного вопроса выливается из того, что сама процедура осмысления действительности представляется неосязаемой и многоплановой, а таким образом, требует комплексного рассмотрения. И это не случайно, потому как правосознание в качестве одной из форм общественного сознания решает значительные задачи, материализует значимые цели в системе общественных отношений.

В исследовании такой теоретической проблемы, как правовое сознание, российская наука продвинулась далеко вперед, а между тем до сих пор отсутствует единое понимание этого феномена. Многие философы не отграничивают правосознание от такого явления общественной жизни, как право, считая последнее одной из форм общественного сознания. Другие не усматривают по сути дела различия, существующие между философией, с одной стороны, и правовым сознанием как формой общественного сознания – с другой.

Представители юридической науки также не имеют единого мнения по данному вопросу. Одни понимают под правовым сознанием часть нравственных идей, другие полагают, что оно является отражением как правовой, так и политической практики, третьи же в данном вопросе не всегда занимают последовательную позицию: в одном месте они утверждают, что правовое сознание как сознание общественной действительности непосредственно входит в состав политических взглядов, а несколько ниже пишут,

---

[1] Нижник Н. С., Абдуллоев А. Р. Правоохранительная система Республики Таджикистан: специфика субъектного состава // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2017. № 2/6. С. 182–188.

[2] Абдуллоев А. Р. О правоохранительной деятельности и правоохранительных органах в Республике Таджикистан // // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 1793–1797.

что общественное моральное сознание включает в себя и правовые взгляды, то есть растворяют правовое сознание в системе нравственного сознания.

Исследованием правосознания занимались многие отечественные ученые, среди которых можно назвать таких авторов, как Б.А. Кистяковский, Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич и др.[1] В трудах, названных ученных превалировали взгляды о том, что правосознание является осознанием правомерного поведения конкретного индивида. Одной из первых попыток изучения понятие правосознание, относящегося к правовому полю, а не к мотивации индивидуального характера, является учение о правосознании П.И. Новгородцева. Но, к сожалению, концептуального определения этого понятия он так и не выработал[2].

По мнению И.А. Ильина, правосознанием является «инстинктивное правочувствие», в котором реализуется собственная духовность и признается духовность других людей. Источниками правосознания могут являться религиозные чувства, совесть, мораль, запреты и дозволения. Без этих категорий правосознание приобретает «черствую форму», которое лишено «дара любви и дара созерцания»[3].

В дальнейшем в отечественной материалистической литературе превалировали немного другие взгляды по поводу рассмотрения понятия правосознания. Основная из них связывалась с процессом изучения правосознания в качестве «классовой категории», в которой находили отражение различные экономические отношения, складывающиеся на конкретном историческом этапе развития общества и государства[4]. Другие же исследователи обращали внимание на то обстоятельство, что основой правосознания является ни что иное, как правопонимание, то есть личное субъективно отношение людей к таким категориям, как право и правопорядок[5].

Е.А. Фролова считает, что под правосознанием необходимо понимать «совокупность воззрений, убеждений, эмоций, настроений, оценок в сфере права и государства»[6].

В современной юридической науке также нет единого определения правосознания. Встречаются крайне сжатые определения его. Так, Ю.К. Краснов считает, что правосознание – это субъективное восприятие правовых явлений людьми[7].

---

[1] См.: Кистяковский Б.А. Философия и социология права. Спб., 1988; Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858; Шершеневич Г.Ф. Определение понятия о праве. Казань, 1896.

[2] Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 23.

[3] Ильин И.А. О сущности правосознания. Москва; Берлин; Директ-Медиа. 2016. С. 6.

[4] Келле В. О форме общественного сознания. М., 1959. С. 69.

[5] Общественное сознание и его формы. М., 1986. С. 45.

[6] Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 17.

[7] Енгибарян Р.В., Краснов Ю.К. Теория государства и права. М., 2015. С. 124.

Согласно Н.М. Марченко, правосознание представляет собой совокупность взглядов, идей, чувств, настроений, относящихся к праву[1].

В.Н. Хропанюк под правосознанием понимает «совокупность идей, принципов и взглядов, чувств, традиций, переживаний, которые выражают отношения людей к правовым явлениям в общественной жизни»[2].

Исследуя такую теоретическую проблему, как правосознание, российская наука значительно продвинулась. В то же время до сих порнет единого понимания этого феномена. Многие философы не отделяют правосознание от такого явления общественной жизни, как право, считая последнее одной из форм общественного сознания. Другие не видят различий между философией, с одной стороны, и правовым сознанием как формой общественного сознания – с другой.

Представители юридической науки также не отличаются единством по данному вопросу. Одни понимают под правовым сознанием часть нравственных идей, другие считают, что оно является отражением как правовой, так и политической практики.

Итак, правосознание носит двойственное структурное строение, которое обусловливает его место и роль при создании и реализации норм права и, как итог, формировании правового государства.

Современная российская действительность требует глубокого переосмысления ценностей и установок сознания, в том числе и правового. Несмотря на это, первоочередная заинтересованность должна принадлежать смене приоритетов: от ранее признанной системы «государство - общество - личность» к абсолютно противоположной системе отношений «личность - общество – государство».

Исходя из этого, краеугольным камнем должна стать личность, осуществление и защита ее прав и свобод. И для этого требуется воспитание таких личностей, которые бы понимали обязательность верховенства права, потребность создания передовой системы законодательства, соотношение правовых ценностей с общечеловеческими.

Правосознанию принадлежит особая роль в системе ценностей современного российского общества. К сожалению, приходится констатировать, что в Российской Федерации в настоящее время сложился неустойчивый тип правосознания. В правосознании переходного периода сохранены черты прежней и отражены реалии новой правовой системы. В силу этого возникают различные трансформации, которые влияют на процессы правотворчества и правоприменения.

Современная разновидность правосознания, как считают многие авторы, объединяет в себе признаки формирующейся общественной активности в многообразных сферах гражданского общества и государства.

---

[1] Марченко М.Н. Теория государства и права. М., 2011. С. 148.

[2] Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 2014. С. 199.

Вместе с динамизмом правосознание характеризуется такими свойствами, как устойчивость и сопротивляемость свежим взглядам и убеждениям. Устойчивость может быть охарактеризована в качестве определившейся мотивации. Для преодоления устойчиво вошедших в сознание людей правовых идей, принципов и взглядов требуется существенное количество времени, иногда может большего, чем для процедуры обновления нормативных правовых актов и системы законодательства в целом.

Правосознание – динамическое явление, что обусловлено способностью претерпевать определенные изменения за счет воздействия соответствующих факторов. Наряду с этим оно может быть охарактеризовано в статике как качественное состояние его структурных элементов. Замеры состояния правосознания имеют важное значение, что позволяет с использованием метода сравнительного анализа дать характеристику состояния правосознания, диагностировать в дальнейшем его изменение, предвосхищать и своевременно нейтрализовать негативные факторы воздействия и активизировать положительные.

Изменение процесса правообразования, системы права и системы законодательства может быть осуществлена в относительно сжатые сроки, в то время как правовое сознание общества, которое было сформировано в течение долгого исторического периода, не может быть подвергнута скорым переменам. Это необходимо учитывать в ходе формирования и реализации государственных программ по повышению уровня правосознания в российском обществе.

Итак, правосознанием можно считать сложную социально-правовую категорию, играющую существенную роль в регулировании поведения лица в ситуациях, имеющих юридическое значение. Правосознание – это одна из форм общественного сознания, выражающая субъективное отношение людей к праву, юридической практике, противоправному и правомерному поведению, к их прошлому, настоящему и будущему.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современное российское общество не может существовать без права и правосознания. Правовосознание позволяет каждому индивиду понять, что представляет из себя право, какие у него есть проблемы, а также способы и методы борьбы с этими проблемами. От содержания, уровня и направленности правосознания во многом зависит то, каким будет поведение человека-гражданина в обществе.

Изучение таких категорий, как содержание, сущность правосознания, факторы, обусловливающие ее качественные характеристики, дают возможность вырабатывать комплексные меры по увеличению ее уровня. В итоге это положительно влияет на быстроту и качество политико-правовых реформ, которые проводятся в российском государстве на сегодняшний день.

Состояние правосознания граждан является одним из определяющих факторов проводимой правовой реформы. В этой связи состояние правосознания может оказывать как позитивное (созидательное), так и негативное (разрушительное) воздействие на правовую действительность в стране.

Волк-Леонович Станислав Олегович,
адъюнкт Омской академии МВД России

ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА

XIX век является важной вехой в истории отечественной юриспруденции. Наравне со многими задачами, решаемыми ею, возникла необходимость тщательного изучения истории русского права. Это направление научных изысканий было обусловлено начавшейся в России широкомасштабной систематизацией отечественного законодательства. Представления о «развитии разума» в рамках естественно-правовой парадигмы к этому времени исчерпали себя, требовался принципиально новый взгляд на право и истоки его формирования. Этот новый подход к пониманию и изучению права предложила немецкая историческая школа права. Разработанные и проиллюстрированные историей римского права идеи были восприняты научным юридическим сообществом вне зависимости от отношения к самой школе. Российские правоведы не были исключением.

Наиболее значимым, стержневым положением в концепции немецкой исторической школы права выступал тезис об историчности государства. Содержание государственно-правовых явлений соотносилось с историческим развитием народа, «сущностью самой нации и ее истории»[1]. Исторический подход позволял всесторонне раскрыть процесс формирования социальной структуры общества, соотнести его с процессом становления государства и государственных институтов. Подход исторической школы способствовал аналитике признаков эволюции государства. Понятие государства, как и понятия других политико-правовых явлений, эволюционировало от «первоначальной простоты к большему разнообразию»[2]. Государство теперь рассматривалось как продукт общественной жизни, возникший под воздействием народного духа, его природа обосновывалась внутренней природой общества и его историческим развитием.

Одним из первых, кто воспринял и пропагандировал в научной и общественной среде имперской России идеи исторической школы, был Константин Дмитриевич Кавелин. Его призыв «освещать фактическую историю теорией» возымел непреходящее значение для развития отечественной историко-правовой науки и теории права[3]. Впервые в истории юридической

[1] Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Т. I. М.: Статут, 2011. С. 214.

[2] Немецкая историческая школа права. Челябинск: Социум, 2010. С. 443.

[3] Кавелин К.Д. Взгляд на русскую литературу по части русской истории на 1846 г. // Соч. - М.,1859. С. 45.

мысли обосновывалась потребность в теоретическом осмыслении природы государства и системности его развития. В этой связи актуализировалась тема о возникновении и формировании Древнерусского государства в контексте исторической жизни русского народа, исследованию придавался системный характер.

Значение этого факта было отмечено многими выдающимися отечественными теоретиками права: Ю.А. Гамбаровым[1], С.А. Муромцевым[2], Л.И. Петражицким[3], Ф.В. Тарановским[4], Е.Н. Трубецким[5] и другими.

В частности, Е.Н. Трубецкой, который сдержанно относился к немецкой исторической школе права, тем не менее, писал: «Неотъемлемая заслуга историзма XIX века состоит в указании на значение элемента исторического опыта, в частности, на значение опыта в развитии права и необходимость для всякого законодателя считаться с конкретными особенностями той исторической среды, в которой ему приходится действовать».

В расширении исследовательского поля Древнерусского государства важную роль сыграл тезис об органическом единстве государства с другими политико-правовыми и культурными явлениями. Государство, полагали теоретики немецкой исторической школы права, не обладает обособленным существованием, а является лишь определенным фактором исторического бытия конкретного народа, представляющим единый социокультурный феномен. Связующим началом, по мнению К.-Ф. Савиньи, одного из основателей исторической школы, выступает «убеждение народа, одинаковое чувство внутренней необходимости, которое исключает любые мысли о случайном и произвольном возникновении». Народ и государство представляют собой неразрывное единство. Основой государства выступает национальная связь, являющаяся содержанием государственной формы. В развитие идей К.-Ф. Савиньи, другой мыслитель этого направления – Г.Ф. Пухта разграничивает данные понятия. По его мнению, государство не представляет собой естественный союз, подобно народу, каждый феномен имеет свое объяснение, но, вместе с тем, связь между ними носит естественный характер.

Данный аспект в полной мере отразился на понимании обусловленности развития Древнерусского государства в соотношении с жизнью конкретного народа в определенный момент времени. Выявлялись взаимосвязи

---

[1] Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. С.-Петербург, 1911 г. С. 142.

[2] Немецкая историческая школа права. Челябинск: Социум, 2010. С. 231.

[3] Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Ч. 2. М., 2016. С. 414.

[4] Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 310.

[5] Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. Москва, 1917 г. С. 81.

юридических и политических факторов с социальными, культурными факторами, определялись место и роль данных факторов на разных этапах развития государства. Изучение фактов внутреннего развития и состояния народной жизни позволило отечественным исследователям Древнерусского государства объяснить эти факты всесторонне, вписать в сложившиеся схемы.

Предметом исследования историка-правоведа становился не сам нарратив, а государственно-правовые явления, угадывающиеся в нем, а также причины, приводящие к изменениям в государственно-правовых явлениях с течением времени[1]. В этой связи по-новому стала рассматриваться проблема о закономерностях развития этих явлений.

В основу доказательств выше изложенных положений был положен вывод о том, что отдельный человек, равно как и механическая совокупность людей, не в состоянии образовать хоть что-то подобное такой органической целостности, как государство. Творцом государства выступает воля всего народа в целом. Следовательно, источником государства, как и права, выступает союз людей. «Народный дух вызывает государство, как и право, ибо он соединяет членов народа в этой воле, в этом желании подчиниться верховной власти, как органу права»[2]. Это позволило исследователям Древнерусского государства изменить представление о влиянии личности на возникновение государства, переместить познавательные акценты с фигуры правителя на народ как источник государственности. Социальная общность в таком контексте приобретала значение не механической совокупности индивидов, а совокупности значимых социальных связей, раскрывающихся и развивающихся во времени. Так, например, И.Ф.Г. фон Эверс предлагал начать изучение русской истории не с призвания варягов, а с 532 г. (с момента первого, известного Эверсу, упоминания о славянах)[3].

Историческая школа права иначе освещала проблему причин возникновения государства. В числе основных – указывалась внешняя опасность[4]. В этом направлении рассуждал и И.Ф.Г. Эверс. Он отмечал естественные потребности народа, в том числе, защиту от «иноплеменников»[5]. Однако причину возникновения Древнерусского государства он видел во внутренней жизни народа как политического союза, который, в свою очередь, возникает из семьи вследствие её разрастания[6]. И хоть сама по себе идея не

---

[1]Эверс Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / Пер. Ив. Платонова. СПб., 1835. С.95.

[2] Немецкая историческая школа права. Челябинск: Социум, 2010. С. 446.

[3] Эверс Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / Пер. Ив. Платонова. СПб., 1835. С. 135.

[4] Там же. С. 444.

[5] Там же. С. 2.

[6] Там же.

являлась новой, она получила новое звучание и нашла живой отклик в работах правоведов и историков, исследовавших Древнерусское государство. В контексте родовой теории объяснялись институты государственной власти, осуществляемые главой семейства на основе патриархального авторитета, монархическая форма правления рассматривалась в причинно-следственной связи с патриархальной властью. Руководствуясь правилами семейного общежития, домовладыка пользовался властью главы семьи, которая не имела никакого юридического характера. Позднее, господство трансформировалось в государственную власть и, соответственно, приобрело юридическую природу. Глава семейства стал главой народа и верховной властью, а «народ вместе с этим стал политическим телом»[1].

Таким образом, историческая школа права в первой четверти XIX века заложила основы принципиально новой методологии. И, несмотря на то, что представители этой школы были подвергнуты жесточайшей критике за возведение «народного духа» в категорию источника права и государства, за одностороннюю трактовку самого исторического процесса, предполагающего только сугубо эволюционный характер, влияние ее на качество исследования Древнерусского государства – бесспорно. Новая методология позволяла выявить и обосновать исторические закономерности государственно-правовых явлений, историческую и юридическую природу государства, отказаться от представлений о государственно-правовых феноменах как проявлении некоего механического разумного поведения людей, опосредующего стремление к благу. Основные положения исторической парадигмы нашли отражение в трудах отечественных историков права И.Д. Беляева, М.Ф. Владимирского-Буданова, Н.П. Загоскина, В.И. Латкина, М.М. Михайлова, Д.Я. Самоквасова, В.И. Сергеевича, А.В. Филиппова[2] и др.

[1] Эверс Г. Указ. соч. С. 465.

[2] См. напр.: Леонтович Ф.И. История русского права. Одесса, 1869; Михайлов М.М. История русского права. СПб., 1871; Самоквасов Д.Я. История русского права. Варшава, 1878; Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879; Сергеевич В.И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1886; Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1888; Ясинский М.Н. Лекции по внешней истории русского права. Вып. 1. Киев, 1898; Загоскин Н.П. История права русского народа. Том 1. Казань, 1899; и др.

Засовенко Александра Юрьевна,
адъюнкт кафедры теории государства
и права Санкт-Петербургского
университета МВД России

О ПРИВЛЕЧЕНИИ ЖЕНЩИН НА СЛУЖБУ В МИЛИЦИЮ В ПЕТРОГРАДЕ В ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Установление советской власти и возникновение РСФСР свидетельствовало о существенной трансформации всех сфер общественной жизни[1], о создании новой системы государственных (в том числе правоохранительных[2]) органов, об изменении положения женщины в обществе[3], семье[4] и на производстве[5].

Серьёзным испытанием для молодой советской Республики стали годы Гражданской войны и иностранной интервенции. В трудной ситуации оказались крупные индустриальные центры, в первую очередь Петроград, который белогвардейцы стремились занять любой ценой. Положение осложнялось тем, что Петроград находился в непосредственной близости к трём боевым фронтам[6].

---

[1] Нижник Н. С. Вербальное отражение трансформации политико-правовой системы российского государства в эпоху социалистической революции // Языки профессиональной коммуникации: сборник статей участников Четвертой международной конференции (Челябинск, 3–5 декабря 2009 г) / Отв. ред.-сост. Е. Н. Квашнина. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2009. С. 300–301.

[2] Нижник Н. С. О неизбежности краха полицейского государства в 1917 году // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI вв.: Материалы международной научной конференции, Витебск–Псков, 27 февраля – 3 марта 2017 г. Витебск, 2017. С. 302-306.

[3] Нижник Н. С. Год 1917: начало революции в семейно-брачных отношениях // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 25–31.

[4] Нижник Н. С. О проблемах «перемены жен» и возможностях правового регулирования семейно-брачных отношений в первые годы советской власти // Проблемы права в современной России: Сборник статей международной межвузовской научно-практической конференции 23 апреля 2012 года. СПб., 2012. С. 148–154.

[5] Засовенко А. Ю. Журнал «Красный милиционер» о работницах-милиционерках первых лет советской власти // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 372–376.

[6] За 8 лет: Материалы по истории советской Рабоче-крестьянской милиции и Уголовного розыска за 1917 г. – 12 ноября 1925 г. Л.: Изд. журн. «На посту», 1925. С. 12.

В сложных условиях военного времени петроградская милиция не только выполняла возложенные на неё обязанности, но и принимала непосредственное участие в боевых действиях: с 1918 г. из числа сотрудников петроградской милиции формировались отряды для участия в боевых действиях; в 1918–1919 гг. на фронт отправились более 1,5 тыс. сотрудников петроградской милиции, в числе которых были милиционерки М. Елесина, А. Кожацай, М. Коступис, М. Лазарева, М. Маркова, Т. Рожкова, Ю. Юрвич[1]. В конце октября 1919 г. ещё 150 милиционеров из Петрограда были направлены на усиление псковской милиции и приняли активное участие в боях с белогвардейцами под Псковом[2].

Характеристиками первых лет советской власти были обострение криминогенной обстановки, рост преступлений, изменение численного состава милиции, находящейся в состоянии становления новой системы, расширение круга стоящих перед милицией задач. В 1918 г. число преступлений достигло рекордно высокого уровня: за второе полугодие 1918 г. в Петрограде было зарегистрировано 5902 хищения, 54 налёта и 153 убийства[3]. С целью повышения оперативной готовности к борьбе с преступностью петроградская милиция в мае 1919 г. была переведена на казарменное положение. В первой половине 1919 г. городской милиции удалось снизить количество преступлений: уменьшилось количество хищений до 3806, налётов - до 19, убийств - до 58[4].

После того, как в петроградской милиции семь раз была произведена мобилизация, ее численность сократилась до пятой части первоначального состава. Нехватка кадров стала серьезной проблемой выполнения задач по охранен правопорядка[5]. «Иной раз, - писали корреспонденты журнала "Красный милиционер", - в последнее время милиционеру приходится бессменно дежурить несколько суток. Трудно это, что и говорить, но другого выхода нет»[6]. В этих условиях требовались меры, направленные на привлечение дополнительных сил в органы милиции. Одной из таких мер стало предложение Петроградского Совета, направленное 2 мая 1919 г. в Наркомат внутренних дел, об организации в Петрограде женской милиции[7].

Был объявлен прием в милицию женщин. Несмотря на то, что информация о возможности женщин стать сотрудником органов милиции не по-

---

[1] Скилягин А. Т., Лесов В. М., Пименов Ю. Ф., Савченко И. К. Дела и люди Ленинградской милиции: Очерки истории. Л.: Лениздат, 1967. С. 62.

[2] Там же. С. 62.

[3] Красный милиционер. 1919. № 2. С. 2.

[4] Красный милиционер. 1919. № 2. С. 2–3.

[5] Скилягин А. Т., Лесов В. М., Пименов Ю. Ф., Савченко И. К. Дела и люди Ленинградской милиции: Очерки истории. С. 66.

[6] Красный милиционер. 1919. № 3. С. 2.

[7] Скилягин А. Т., Лесов В. М., Пименов Ю. Ф., Савченко И. К. Дела и люди Ленинградской милиции: Очерки истории. С. 67.

лучила широкого распространения, в комиссию по записи в милицию в первый день ее работы явились около 100 женщин[1]. В следующие дни работы комиссии число кандидаток, обратившихся с заявлением о приеме на службу в милицию, было в несколько раз больше[2].

Явившиеся на запись заполняли опросные листы, в которых сообщали сведения о своем семейном положении, профессии и партийной принадлежности. Затем работницы писали диктант, по результатам которого делался вывод о степени грамотности кандидатки. Процедура проведения диктанта состояла в диктовании текста членом приемной комиссии в течение всего рабочего дня без перерывов. Прибывающая с заявлением женщина садилась за общий стол, за которым находился и диктующий текст, и кандидаты на службу, начинала писать диктант с первой услышанной фразы и, когда исписывала лист до конца, шла к следующему столу, где диктант проверяли другие члены приемной комиссии. Помимо этого, работницы предоставляли рекомендации партийных организаций или комитетов бедноты, а также отвечали на такие вопросы, как «Куда вы денете, если найдете, утерянную продовольственную карточку?», «Какой строй называется монархическим?».

Малосообразительным сразу отказывали в приеме на службу. Тех, кто справлялся со всеми испытаниями, направляли на медицинский осмотр. После прохождения медицинского осмотра, в случае полной годности по всем параметрам, работница получала удостоверение, свидетельствующее о том, что она стала слушательницей отделения Рабоче-крестьянской советской милиции Крестьянского университета[3].

В университете будущим милиционеркам читали лекции, они посещали практические занятия. В числе изучаемых учебных дисциплин были: «Государственное право и Конституция РСФСР», «Законоведение», «История революционного движения в России», «Теория и практика охраны», «Теория уголовного розыска», «География Петрограда», «Скорая помощь», «Гимнастика». Помимо занятий по специальным и общеобразовательным предметам курсантки проходили строевую подготовку. Всего 13 часов занятий по общеобразовательным предметам и 18 часов строевых занятий в неделю[4].

Во время обучения курсантки обеспечивались бельём, обмундированием и котловым довольствием. Им выплачивалось пособие в размере 300 руб.[5]

---

[1] Красная газета. 1919. 27 мая.

[2] Красная газета. 1919. 29 мая.

[3] Красная газета. 1919. 27 мая.

[4] За 8 лет: Материалы по истории советской Рабоче-крестьянской милиции и Уголовного розыска за 1917 г. – 12 ноября 1925 г. С. 19.

[5] Скилягин А. Т., Лесов В. М., Пименов Ю. Ф., Савченко И. К. Дела и люди Ленинградской милиции: Очерки истории. С. 68.

В июне–июле 1919 г. по путёвкам райкомов РКП(б) на службу в милицию было принято около 600 женщин, 522 из которых закончили курсы и хорошо зарекомендовали себя во время обучения[1].

В первом выпуске женщин-милиционерок были две группы: первая (152 человека) – направлена в районные отделения милиции, вторая (370 человек) – пополнила сводный боевой отряд Управления городской милиции. 40 лучших выпускниц были назначены старшими милиционерами, выполнявшими в то время обязанности участковых уполномоченных[2].

В середине ноября 1919 г. курсы милицейской службы начали функционировать в Петроградском университете имени тов. Зиновьева[3]. И в декабре 1919 г. состоялся выпуск 138 курсантов, из которых 25 мужчин и 113 женщин[4]. 31 декабря 1919 г. из Университета в петроградскую милицию прибыли 84 милиционерки, которые с 1 января 1920 г. были зачислены на все виды довольствия[5]. В это же время участки пополнились ещё 50 милиционерками, переведенными из Управления уголовного розыска[6].

В январе 1920 г. Главное управление милиции по согласованию с Полевым штабом Реввоенсовета и Всероссийским Главным Штабом отменило мобилизацию милиционеров для пополнения рядов действующей армии. Однако ввиду освобождения Сибири, Украины от белогвардейских банд и необходимости организации в этих местах советской милиции, в срочном порядке была объявлена мобилизация пятой части командного состава и пятой части наиболее надёжных милиционеров в 20 губерниях Республики[7].

16 февраля 1920 г. из петроградской милиции в командировку на Украину была отправлена первая группа сотрудников, состоящая из 170 мужчин-милиционеров[8]. А уже 21 февраля 1920 г. в Петроградском университете имени тов. Зиновьева состоялся третий выпуск факультета советской милиции. Несмотря на то, что курс окончили 149 человек, всего было выпущено 92 человека, из которых 43 мужчины и 49 женщин. Для 57 женщин не хватило женского обмундирования и обуви, положение с которыми обстояло очень печально[9]. На следующий день после выпуска 51 милиционерка была зачислена в петроградскую милицию[10].

---

[1] За 8 лет: Материалы по истории советской Рабоче-крестьянской милиции и Уголовного розыска за 1917 г. – 12 ноября 1925 г. С. 19.

[2] Скилягин А. Т., Лесов В. М., Пименов Ю. Ф., Савченко И. К. Дела и люди Ленинградской милиции: Очерки истории. С. 69.

[3] Красный милиционер. 1919. № 4. С. 4.

[4] Красный милиционер. 1919. № 6. С. 4.

[5] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 33. Оп. 1. Д. 67. Л. 75.

[6] ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 1. Д. 67. Л. 70.

[7] ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 1. Д. 67. Л. 5.

[8] ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 1. Д. 67. Л. 75.

[9] Красный милиционер. 1920. № 9. С. 4.

[10] ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 1. Д. 67. Л. 76.

На некоторых участках милиции женщины стали основной рабочей силой. Так, в первом участке, располагавшемся по адресу: Петергофское шоссе, 88, из 92 милиционеров по списку числилось всего лишь 27, из которых 18 были женщины-милиционерки[1]. Численность шестого участка составляла 27 человек, из которых 14 милиционерок[2].

Никаких различий в условиях службы между милиционерками и милиционерами не делалось. Единственное – женщинам предоставлялись некоторые льготы при получении отпусков и при увольнении со службы[3].

В тяжёлых условиях военного времени милиционерки, занимая должности конторщиц, делопроизводителей, караульных, старших милиционеров, на участках выполняли самые разнообразные обязанности: несли постовую службу, охраняли общественные склады и учреждения, охраняли детские приюты и места заключения женщин. Были такие сферы деятельности, где милиционерки, по свидетельствам современников, тщательнее, чем мужчины, выполняли возложенные на них обязанности (например, в работе по борьбе с детской преступностью, борьбе с проституцией)[4].

После заслушивания сообщений о результатах введения женкой милиции в Петрограде 6 сентября 1919 г. коллегия Народного комиссариата внутренних дел признала опыт создания и работы женской милиции вполне удовлетворительным и предложила отделу управления советской Рабоче-крестьянской милиции содействовать введению женской милиции в других городах[5]. Осенью 1919 г. женская милиция существовала уже не только в Петрограде и Москве, но и в других городах Советской Республики. Делегированный с поездом «Октябрьская революция» по линии Москва – Пенза – Самара - Оренбург инструктор НКВД в своём отчёте о работе милиции в указанных городах 27 сентября 1919 г. писал, что женщины-милиционеры вполне справляются со своими обязанностями, удачно заменяя мужчин[6].

В декабре 1919 г. в петроградской милиции по списку состояло 5064 сотрудника (4712 – строевой состав, 352 – нестроевой состав), из них 687 женщин (447 – строевой состав, 240 – нестроевой состав)[7].

Несмотря на то, что опыт создания женской милиции полностью себя оправдал, и милиционерки с успехом заменяли милиционеров-мужчин, ушедших на фронт, широкого распространения практика привлечения женщин на службу в милицию не получила. Окончание Гражданской войны способствовало освобождению женщин от почётной, но, вместе с тем, очень трудной работы. Женская милиция была распущена.

---

[1] Красный милиционер. 1920. № 7. С. 4.

[2] Красный милиционер.1920. № 8. С. 6.

[3] За 8 лет: Материалы по истории советской Рабоче-крестьянской милиции и Уголовного розыска за 1917 г. – 12 ноября 1925 г. С. 19.

[4] Красный милиционер. 1919. № 1. С. 5.

[5] Прокопенко В. Н., Романов В. М. Советская милиция (1917-1920 гг.). М.: «Юридическая литература», 1965. С. 90-91.

[6] Биленко С. В. Советская милиция России: Организация советской рабоче-крестьянской милиции РСФСР и её деятельность по охране революционного порядка (1917–1920 гг.): Учебное пособие. М.: Акад. МВД СССР, 1976. С. 46.

[7] ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 1. Д. 52. Л. 2.

Карпов Игорь Юрьевич,
адъюнкт Санкт-Петербургского
военного института войск
национальной гвардии России

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ФОРМ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Являясь самостоятельным, относительно обособленным правовым образованием в российской системе права, государственное принуждение представляет собой сложную систему, элементы которой находятся в определённых отношениях и связаны между собой. Система представляет собой совокупность элементов, образующих определённую целостность, единство. Первичными элементами системы принуждения являются подсистемы, обладающие основными качествами принуждения как целого, но различающиеся между собой по отдельным характеристикам, в числе которых: виды принуждения (пресечение, восстановление, наказание); формы принуждения (предупреждение, пресечение, восстановление и юридическая ответственность); правовые формы принуждения (предупреждение, пресечение, правовосстановление, юридическая ответственность, процессуальное обеспечение)[1].

Исследователи предполагают именовать первичные элементы системы принуждения, как правило, правовыми формами, понимая под этим «специфически обособленные группы принудительных мер, объединённых общностью целей, оснований, правовых последствий и процедуры их применения»[2]. Правда, при этом следует учитывать справедливость замечания, что дефиниция «форма» для обозначения первичных элементов системы принуждения может использоваться лишь условно[3]. Принимая такое наименование, мы неизбежно будем сталкиваться с проблемой разграничения формы принуждения как «обособленных групп мер принуждения» и формы принуждения, выраженной в его нормативности, правовом закреплении мер принуждения[4].

---

[1] Вершинина. С. И. Государственное принуждение в системе права / Отв. ред. Р. Л. Хачатуров. М.: Nota Bene, 2010. С. 31.

[2] Кожевников С. Н. Социальное назначение, структура и формы государственного принуждения // Проблемы применения советского права: Сборник учёных трудов. Вып. 22. Свердловск, 1973. С. 133.

[3] Балахонский В. В. Феномен «государственное принуждение»: философско-правовой анализ // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 71–74.

[4] Вершинина. С. И. Указ. соч. С. 32.

Рассматривая государственное принуждение как совокупность способов воздействия на лицо в целях совершения им, помимо собственной воли и желания, необходимых для государства действий, можно выявить те элементы, которые образуют непосредственное содержание данного явления.

Принуждение – это воздействие, причем не единичное, а определённое количество, совокупность различных способов воздействия. Следовательно, содержательную сторону принуждения можно раскрыть, уточнив эти способы воздействия. В российской юридической литературе получили освещение такие способы воздействия, как психологические, имущественные, физические, организационные. При этом критерием подобной классификации содержательных элементов принуждения выступает ***направленность принуждения на конкретные элементы правового статуса лица,*** обеспечивающее подавление его воли и как результат надлежащее поведение. Элементами правового статуса, на которые может быть направлено принуждение, выступают: свобода лица; частная собственность; самооценка личности, её честь и достоинство.

Воздействуя на свободу лица, ограничивая её в той или иной мере, можно с максимальной эффективностью добиться его надлежащего поведения. Такое влияние предполагает ограничения в свободе реализации предусмотренных законом общегражданских прав: от права на свободу слова до права на свободу передвижения. Воздействие на свободу лица тогда эффективно, когда в общем правовом режиме реализация этих прав не вызывает затруднений. Лишившись определённых свобод, лицо вынуждено будет исполнить требование государства.

Воздействие на право собственности лица предполагает ограничение трёх его составляющих: владения, пользования, распоряжения. Заставить лицо совершить необходимое действие можно как путём ограничения отдельного полномочия, так и лишения права собственности в целом. Имущественное принуждение наиболее эффективно для обеспечения надлежащего поведения лица в сфере имущественных отношений, экономики, финансов и предпринимательства[1].

Особым своеобразием отличается *воздействие на лицо через его самооценку*, формирование в его сознании представлений о возможных последствиях неисполнения обязанности (так называемое психологическое принуждение). Лицо поставлено перед выбором: не исполнять обязанность и подвергнутся неблагоприятным последствиям, либо исполнить требуемое и не терпеть дополнительных лишений. Однако обозначить границы такого принуждения достаточно трудно. Принуждение, в том числе и в форме психологического воздействия, должны иметь чётко обозначенные пределы и способы осуществления в отношении конкретного субъекта. Применение принуждения всегда находится в непрерывной связи с правоприменитель-

[1] Вершинина. С. И. Указ. соч. С. 33.

ной деятельностью и, кроме того, индивидуализировано. В этом смысле логично в качестве психологического воздействия на поведение лица рассматривать не только наличие в законе норм, предусматривающих применение принуждения, а разъяснение должностным лицом в специальном правоприменительном акте возможности использования принудительных мер в случае неисполнения лицом своей обязанности. Данное разъяснение будет аргументом в формировании дальнейшего поведения.

По цели применения принуждения можно все способы воздействия разделить на группы:

– *предупредительное принуждение* (направленное на предупреждение противоправного поведения);

– *пресекательное принуждение* (применяемое в период совершения противоправных деяний с целью прекращения последних);

– *правовосстановительное принуждение* (используемое для восстановления правового статуса потерпевшего, если противоправное деяние причинило вред правам и свободам личности);

– *наказательное принуждение* (используемое в случаях, когда государство считает необходимым возложить на лицо, виновное в совершении деяния, меру ответственности, наказание).

В своей совокупности они образуют четкую систему, которую можно рассматривать как самостоятельное правовое образование, под названием ***государственно-правовое принуждение***.

Классификация ***видов применяемого принуждения*** была предложена в 1960-х годах Д. Н. Бахрахом, который выделил такие виды государственного принуждения, как *уголовное, административное, гражданско-правовое, служебно-дисциплинарное, процессуальное*[1]. Современные исследователи, анализируя отраслевые виды принуждения, выделяют самостоятельные виды принуждения: *уголовно-процессуальное, гражданское процессуальное, финансовое, уголовное* и другие виды принуждения[2].

Система государственного принуждения как теоретическая конструкция включает в себя не только виды государственного принуждения, но и ***меры принуждения***, являющиеся средством его реализации. Рассматривать категории «принуждения» и «меры принуждения» как тождественные и взаимозаменяемые вряд ли справедливо. Различия между данными понятиями имеют принципиальный характер: государственное принуждение выступает как институциональное образование, определяющее виды, способы и средства государственного воздействия на субъект принуждения; меры принуждения производны от государственного принуждения и выступают

[1] Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969. С. 26–30.

[2] Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. 174 с.; Буланов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003. 320 с.; Кутузов В. В. О мерах финансово-процессуального принуждения принудительного характера // Закон и право. 2007. № 7. С. 97–98.

средством его реализации. Следовательно, определению сущности, содержания, системы и видов мер принуждения обязательно предшествуют исследования в области государственного принуждения. А характеристика каждой меры принуждения проводится, как минимум, по трём позициям: по виду, способу используемого принуждения, по отраслевому закреплению правовой нормы.

Для построения объективной и достаточной системы мер государственного принуждения необходимо выявить связь между составляющими её элементами. Необходима группировка элементов принуждения по различным существенным основаниям с выявлением связей между элементами, образующими классификационные группы. Для выявления всей полноты элементов системы государственного принуждения их целесообразно группировать по различным основаниям: по способу государственно-принудительного воздействия; степени ограничения личных прав и свобод; виду государственного принуждения; различиям в статусе субъекта принуждения; степени зависимости меры принуждения от противоправного деяния.

Таким образом, ***государственное принуждение*** можно понимать как совокупность различных мер принудительного воздействия, предусмотренных на уровне законодательных актов и осуществляемых от имени государства его органами и должностными лицами в отношении частных лиц, направленных на подавление воли последних, с целью обеспечения надлежащего поведения этих лиц в части исполнения ими своих юридических обязанностей, посредством предупреждения либо пресечения противоправных деяний, восстановление прав и интересов пострадавших лиц, а также наказание правонарушителей[1]. Государственное принуждение находит широкое применение в функционировании правоохранительной[2] и полицейской[3] систем, выступает как важный инструмент обеспечения законности и правопорядка в обществе.

---

[1] Вершинина. С. И. Государственное принуждение в системе права / Отв. ред. Р. Л. Хачатуров. С. 43.

[2] Нижник Н. С. Полицейская система как элемент правоохранительной системы современного государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, 19–20 сентября 2013 г. / Под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар, 2013. С. 6–7.

[3] Нижник Н. С. Полицейская система как элемент механизма реализации правоохранительной функции государства // Совершенствование законодательства о полиции и полицейской деятельности: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 21–27; Карпов И. Ю. Социальное принуждение как средство полицейской деятельности // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 75–80.

Конюшихина Наталья Ивановна,
аспирант Кубанского государственного
аграрного университета

ВЕДОМСТВО ЮСТИЦИИ КУБАНСКОГО КРАЕВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Февральская революция 1917 г. не привела к появлению на Кубани единой системы государственных органов[1]. После свержения монархии судебные органы Кубани продолжали свою деятельность практически без изменений вплоть до ноября 1917 г., когда был избран первый состав Кубанского краевого правительства, в который вошел и «Член Правительства по судебным делам» Паша-Бек Султанов[2], ранее занимавший должность члена Екатеринодарского окружного суда[3]. В этот период создается Управление по судебным делам Краевого правительства, одновременно начинают оформляться его функции: производство в качестве апелляционной и кассационной инстанции по делам горских, станичных, сельских и аульных судов; наблюдение за местами заключения региона; проверка договоров учреждений, подведомственных Краевому правительству, и наблюдение за ходом гражданских дел, в которых одной из сторон является Краевое правительство; реформирование местных судов[4]. В целях упорядочения деятельности Управления и создания предпосылок для учреждения Ведомства (Министерства) юстиции, 8 декабря 1917 г. Паша-Бек Султанов составляет «Записку об организации работы Краевого правительства по управлению судебными делами». В ней он предполагает включить в сферу Управления по судебным делам ряд функций 2-го и 3-го отделений ранее упраздненного Кубанского областного правления[5], например, дела о побегах арестантов из сельских арестных помещений, не подведомственных тюремному ведомству, об удалении обществами порочных лиц и освобождении от последствий судимости, по назначению и смещению станичных атаманов, о вручении различных документов, денег, орденов и прочего лицам, проживающим в Кубанской области, о взыскании недоимок и с лиц по требованию различных административных учреждений и проч. С учетом расширения функций, предполагалось увеличить штат Управления по судебным делам[6]. В соответствии со ст. 62 «Временного положения об управлении Кубанским краем», на всей территории Кубани продолжали действовать Судебные

---

[1] Рассказов Л.П. и др. Кубанское казачество: историко-правовое исследование (конец XVIII в. – начало XXI в.): Монография / Под ред. Л.П. Рассказова. – Краснодар, 2013. С. 356.

[2] Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. Р-6. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 61.

[3] Кубанский календарь на 1916 год/ Под ред. Л.Т. Соколова. – Екатеринодар, 1916.– С. 157.

[4] ГАКК. – Ф. Р-6. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 6.

[5] ГАКК. – Ф. Р-8. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 24.

[6] ГАКК. – Ф. Р-6. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 7.

Уставы 1864 г., с изменениями и дополнениями, внесенными в 1917 г. Временным правительством[1]. Следует отметить,что в первое время многие советские органы также использовали ряд положений периода империи[2].

Во второй половине декабря 1917 г. на Дону начинается формирование Добровольческой армии. Кубанское краевое правительство, наделив себя функциями Министерства юстиции по отношению ко всем судебным учреждениям региона, предпринимает попытку вовлечь Новочеркасскую Судебную Палату в структуру судопроизводства Кубани, «с сохранением законом установленных отношений» по делам Екатеринодарского окружного суда и мировых судей Кубанского края и Черноморской губернии[3]. Однако в это время отряды Красной армии начинают наступление на Дон и диалог не получил своего развития.

В начале января 1918 г. было образовано Ведомство юстиции[4], во главе с Членом Правительства по делам юстиции[5] (до 21 февраля 1918 г. им оставался Паша-Бек Султанов, пока не подал в отставку). В этот период разрабатывается проект «Положения об управлении Ведомством юстиции», однако он не был принят и введен в действие, поскольку 1 марта 1918 г. Екатеринодар был занят большевиками[6]. В течение полугода, когда на Кубани существовала советская власть, все прежние суды были упразднены, в некоторых из них (Темрюкский Мировой Съезд, 1-й участок мирового судьи Темрюкского округа, 5-й участок мирового судьи Екатеринодарского округа в ст. Кореновской и проч.) дела были уничтожены и сожжены большевиками. Вместо Екатеринодарского окружного суда в июне 1918 г. был учрежден Окружной Народный суд «в духе тех начал, которые были провозглашены в декретах большевистских властей». Как отмечалось в официальном документе Ведомства юстиции, большевистские суды «комплектовались людьми малограмотными или совершенно безграмотными и невежественными, далеко не отвечающими по своему нравственному уровню тем требованиям, какие должны быть предъявляемы к судьям»[7].

К июлю 1918 г. под натиском Добровольческой армии красноармейские войска вытеснялись за пределы Кубани. Член Краевого правительства по делам юстиции, он же руководитель Ведомства юстиции А.А. Намитоков, в период пребывания правительства на хут. Тихорецком, 4 июля издал приказ № 4, согласно которому в занятых Добровольческой армией местно-

---

[1] ГАКК. – Ф. Р-6. – Оп. 1. – Д. 290. – Л. 53-53об.

[2] Агафонов Ю.А., Рассказов Л.П., Упоров И.В. Становление и особенности развития современного российского права. Краснодар, 2000. – С.129.

[3] ГАКК. – Ф. Р-8. – Оп. 1. – Д. 522. – Л. 14-14об.

[4] ГАКК. – Ф. Р-6. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 5.

[5] ГАКК. – Ф. Р-6. – Оп. 1. – Д. 55. – Л. 5.

[6] ГАКК. – Ф. Р-8. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 41.

[7] ГАКК. – Ф. Р-8. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 42об.-43.

стях Кубани упразднялись все суды, «большевистской властью установленные». Одновременно восстанавливалась деятельность станичных, мировых и других судов, а также органов прокурорского надзора и судебных следователей «по законам и положениям, действовавшим до захвата власти большевиками». Для рассмотрения уголовных и гражданских дел, находящихся в упраздненных большевистских судах, учреждалась особая Судебно-следственная комиссия[1]. Принимая во внимание, что после захвата того или иного населенного пункта Добровольческой армией все документы большевиков передавались в Разведывательное отделение при Штабе Добровольческойармии, А.А. Намитоков просил начальника разведки, в случае обнаружения дел из большевистских судов, содействовать деятельности Комиссии «по собиранию, разборке дел, дальнейшему их направлению»[2]. После освобождения практически всей территории Кубани, 20 августа 1918 г. последовал приказ № 49 Краевого правительства, предписывающий образование Особых комиссий для рассмотрения дел «большевистских судов» (Окружного народного суда, народных судов и трибуналов)[3].

В ходе структурного строительства Ведомства юстиции, одним из первых его подразделений 8 августа 1918 г. был образован Совет при Ведомстве юстиции в составе: председатель Екатеринодарского окружного суда В.Я. Ганнот, товарищ председателя суда И.О. Власнакович, прокурор А.Ф. Богуславский, два члена суда Н.А. Никифоров и К.И. Юрашевский, председатель Съезда мировых судей Екатеринодарского судебно-мирового округа С.А. Оледзинский[4]. Позднее состав Совета расширился, приняв окончательный вид: Член Правительства по делам юстиции (управляющий Ведомством юстиции); товарищ его; 5 членов, назначаемых управляющим; представитель Краевого правительства от заинтересованного ведомства (как правило, глава Ведомства торговли и промышленности); председатель Екатеринодарского окружного суда; товарищ его; прокурор; представитель Мирового Съезда; присяжный поверенный; представитель горского словесного суда[5]. В обязанности Совета входили: предварительное рассмотрение дел, порученных поверенному по делам Краевого правительства и наблюдение за их ходом; разработка вносимых ведомствами Краевого правительства предложений о дополнении, изменении и отмене существующих законов и проектов постановлений, издаваемых правительством; предварительная подготовка докладов Кубанскому краевому правительству по вопросам юстиции[6].

---

[1] ГАКК. – Ф. Р-8. – Оп. 1. – Д. 522. – Л. 20.
[2] ГАКК. – Ф. Р-8. – Оп. 1. – Д. 560. – Л. 2-2об.
[3] ГАКК. – Ф. Р-8. – Оп. 1. – Д. 522. – Л. 11.
[4] ГАКК. – Ф. Р-6. – Оп. 1. – Д. 296. – Л. 68; Ф. Р-8. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 23.
[5] ГАКК. – Ф. Р-8. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 1.
[6] ГАКК. – Ф. Р-5. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 14-15.

Вслед за этим, на заседании Краевого правительства 15 августа 1918 г. А.А. Намитоков представил проект структурно-штатной организации Ведомства юстиции. Во главе его стояли Член Правительства по делам юстиции (управляющий Ведомством) и его товарищ. Представленная структура и штат Ведомства юстиции были одобрены Краевым правительством[1].

Позднее в структуре Ведомства юстиции был образован Кодификационный отдел, на который возлагалось: издание текущего законодательства в «Собрании узаконений и распоряжений Кубанского краевого правительства» и иных официальных сборников узаконений справочного характера; собрание, систематизация, кодификация и опубликование всех узаконений Краевого правительства по распоряжению войскового атамана; представление заключений по вопросам узаконений и хранение подлинных экземпляров законов[2]. В окончательно сформированную структуру Ведомства юстиции вошли: Член Правительства по делам юстиции – управляющий Ведомством; товарищ его; Совет ведомства; «Собственный» аппарат ведомства; Управление местами заключения; Отделение личного состава и хозяйственных дел[3]. К октябрю 1918 г. количество чинов ведомства составляло 22 человека, включая управляющего[4]. Примечательно, что Краевое правительство попыталось заполнить штаты Ведомства юстиции лицами из числа коренного казачества, в связи с чем сделало соответствующее распоряжение. Однако положительный результат не был достигнут, поскольку, по утверждению главы Ведомства, «при отсутствии просьб казаков, многие вакантные места были заняты неказаками»[5].

В течение августа 1918 г. Ведомством юстиции были разработаны и проведены в жизнь ряд законопроектов, «отвечающих потребностям текущего момента». К их числу можно отнести законы о порядке обнародования узаконений и распоряжений Краевого правительства; о повышении норм кормового довольствия для арестантов; об отбывании наказания арестантов, осужденных к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы, в тюрьмах края с привлечением на принудительные работы; о повышении вознаграждения свидетелям, вызываемых в судебные места, а также духовным лицам за привод к присяге; о повышении ставок гербового сбора, судебных и канцелярских пошлин и других сборов; об изменении и дополнении подсудности мировых судей[6]. По докладу А.А. Намитокова Краевым правительством было принято решение, при постановлении и провозглашении приговоров и решений в судах, вместо выражения «по указу Верховной

---

[1] ГАКК. – Ф. Р-8. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 16; Ф. Р-6. – Оп. 1. – Д. 296. – Л. 79, 159.

[2] Положение о Кодификационном отделе при Ведомстве юстиции. Утверждено Советом Кубанского краевого правительства 1 апреля 1919 г. / ГАКК. – Ф. Р-8. – Оп. 1. – Д. 113. – Л. 17, 24.

[3] ГАКК. – Ф. Р-5. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 11.

[4] ГАКК. – Ф. Р-8. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 27-27об.

[5] ГАКК. – Ф. Р-8. – Оп. 1. – Д. 157. – Л. 40.

[6] ГАКК. – Ф. Р-8. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 44; Ф. Р-6. – Оп. 1. – Д. 296. – Л. 79, 83.

власти», употреблять «именем закона»[1]. Помимо этого, глава Ведомства юстиции высказывал мнение о целесообразности иметь в Кубанском крае свою апелляционную и кассационную инстанции вместо Новочеркасской Судебной Палаты. Его поддерживал председатель Краевого правительства Л.Л. Быч, полагавший возможным перебраться в Екатеринодар необходимым чинам Судебной Палаты с Дона, и давший поручение А.А. Намитокову «разработать этот вопрос»[2]. В ходе продолжительных переговоров, связанных с ведением боевых действий Гражданской войны, 23 июня 1919 г. Новочеркасская Судебная Палата определила назначать сессии в пределах Кубанского края до образования Екатеринодарской Судебной Палаты[3].

К осени 1918 г. были оформлены и сформированы все структуры, состоящие в непосредственном ведении Ведомства юстиции – Екатеринодарский окружной суд, 8 судебно-мировых округов, подразделяющихся на 44 участка, горские словесные суды, Тюремная инспекция со всеми местами заключения на территории края[4]. Вся официальная информация судебных органов публиковалась в краевой газете «Вольная Кубань»[5].

Таким образом, Ведомство юстиции Кубанского краевого правительства не изменяя кардинальным образом законодательства в сфере судебных установлений, в годы Гражданской войны оформило собственную цельную судебную систему, органично вписавшуюся в структуру органов власти казачьего региона.

Кравец Иван Алексеевич,
аспирант Кубанского государственного
аграрного университета

СОЗДАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ ШКОЛЫ АВИАЦИИ ПО ПОДГОТОВКЕ ВОЕННЫХ ЛЕТЧИКОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Начало XX в. характеризуется новыми существенными моментами в развитии российского права и государства[6]. В это же время начинают раз-

[1] ГАКК. – Ф. Р-8. – Оп. 1. – Д. 522. – Л. 9.
[2] ГАКК. – Ф. Р-6. – Оп. 1. – Д. 296. – Л. 81об.
[3] ГАКК. – Ф. Р-8. – Оп. 1. – Д. 157. – Л. 247-248.
[4] ГАКК. – Ф. Р-8. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 26; Д. 622. – Л. 4-5.
[5] О порядке обнародования узаконений и распоряжений Кубанского краевого правительства и распубликования объявлений правительственных и судебных мест. Постановление Кубанской Законодательной Рады от 20 мая 1919 г. / ГАКК. – Ф. Р-6. – Оп. 1. – Д. 354. – Л. 25.
[6] Агафонов Ю.А., Рассказов Л.П., Упоров И.В. Становление и особенности развития современного российского права. Краснодар, 2000. С.11.

виваться и новые виды вооружения, в том числе и военная авиация. Организационное строительство русской военной авиации на первоначальном этапе осуществлялось довольно незаурядным способом. Еще 6 февраля 1904 г. императором Николаем II был учрежден «Особый комитет по усилению военного флота на добровольные пожертвования» под председательством великого князя Александра Михайловича. В течение шести лет, вплоть до 6 февраля 1910 г., Комитет собрал посредством добровольных пожертвований от «одной копейки и выше» огромную сумму в 17 млн 100 тыс. руб. на нужды Военно-морского флота[1]. На собранные всем миром деньги было построено 23 боевых корабля, включая 18 эскадренных миноносцев, 4 подводные лодки и турбинный эскадренный миноносец «Новик», ставший по своим тактико-техническим данным лучшим боевым кораблем такого класса в мире[2]. После завершения проекта на балансе Особого комитета оставалось 900 тыс. руб., и на общем собрании его 23 октября 1909 г. великий князь Александр Михайлович внес предложение об использовании неизрасходованных средств на создание Военного воздушного флота (ВВФ) Российской империи. Получив согласие членов Особого комитета, 12 января 1910 г. он опубликовал воззвание ко всем «жертвователем» с просьбой высказать свое мнение на сей предмет. Подавляющее большинство частных лиц, воинских частей, правительственных, общественных и торгово-промышленных учреждений поддержали инициативу великого князя, и 30 января на заседании Особого комитета под председательством Александра Михайловича было принято решение ходатайствовать перед императором о направлении финансовых средств в сумме 900 тыс. руб. на создание ВВФ, и о разрешении Особому Комитету продолжить сбор добровольных пожертвований на эти цели. 6 февраля Николай II поддержал проект, и 6 марта 1910 г. при Особом комитете был учрежден Отдел воздушного флота (ОВФ). К его задачам были отнесены: 1) осуществление обучения армейских и флотских офицеров, а также иных лиц, при достаточном финансирования, «искусству летать на приборах тяжелее воздуха»; 2) создание технического парка самолетов для снабжения ими, на основании соответствующих законоположений Военного и Морского министерств, учреждаемых авиационных отрядов[3].

По ходатайству Александра Михайловича, 25 июня 1912 г. император учредил особый «нагрудный знак» для лиц обоего пола, «оказавшим услуги в деле развития отечественного военного воздухоплавания, для ношения на левой стороне груди»: золотой знак за взнос в 500 руб. и серебряный – в 100

---

[1] Краткие сведения о деятельности Высочайше учрежденного Особого Комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования и его Отдела воздушного флота. – СПб., 1912. – С. 2.

[2] Лебедев В.Д. Вклад великого князя Александра Михайловича в развитие военно-морского флота и авиации России // Вестник архивиста. – 2011. – № 2. – С. 243-245.

[3] Краткие сведения… – С. 4-6.

руб. Кроме того, Особому Комитету предоставлялось право «за выдающиеся пожертвования испрашивать особые награды» у императора[1]. В начале декабря 1912 г., в дополнение к «нагрудному знаку за доброхотные пожертвования на создание военного воздушного флота», Николай II утвердил, «для ношения на цепочке на пуговицах», жетон «Орел с самолетом и Андреевским флагом»[2].

Севастопольская Офицерская школа авиации (ОША) Отдела воздушного флота при Особом комитете стала частью проекта и была открыта 11 ноября 1910 г., ее авиапарк составляли 8 аэропланов[3]. Как вспоминал Александр Михайлович, «осенью 1909 года я приобрел значительный участок земли к западу от Севастополя и заложил первую русскую авиационную школу, которая во время войны снабжала нашу армию летчиками и наблюдателями. …Сознание необходимости аэропланов для военных целей, наконец, проникло в среду закоренелых бюрократов Военного Министерства. Я заслужил великодушное одобрение Государя»[4]. Заметим, что это «одобрение» проявилось не только в моральной стороне вопроса, но и в финансовом аспекте: 9 апреля 1912 г. Николай II повелел ежегодно, начиная с текущего года, отпускать из казны по 100 тыс. руб. Особому комитету на содержание Севастопольской ОША[5].

В числе инструкторов по обучению летного дела в Севастопольской ОША были назначены первый русский летчик М.Н. Ефимов, а также военные летчики полковник М.М. Зеленский, поручики Б.В. Матыевич-Мацеевич и М.С. Комаров, лейтенант Г.В. Пиотровский, получившие летную подготовку в авиашколах Франции, а также поручик Е.В. Руднев, окончивший Офицерскую воздухоплавательную школу. К обучению первого курса, распоряжениями Военного и Морского министерств, были направлены 14 офицеров: 9 армейских и 5 флотских. Помимо них, было принято от морского ведомства 25 нижних чинов для обучения по обслуживанию аэропланов[6].

---

[1] Об учреждении в Особом комитете по усилению военного флота на добровольные пожертвования нагрудного знака для лиц, оказавших услуги в деле развития отечественного военного воздухоплавания. Высочайшее повеление, объявленное Министром Юстиции 25 июня 1912 г. / Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Собр. 3. – Т. 32. – № 37521.

[2] Об учреждении жетона за доброхотные пожертвования на создание военного воздушного флота. Высочайшее повеление, объявленное Министром Юстиции. 3 декабря 1912 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 32. – № 38449.

[3] Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. Р-1559. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 52.

[4] Александр Михайлович. Книга воспоминаний: в 3 т. – Париж, 1933-1934 [Электронный ресурс http://militera.lib.ru/memo/russian/a-m/index.html]

[5] Об отпуске из государственного казначейства средств для выдачи пособия Высочайше учрежденному Особому комитету по усилению военного флота на добровольные пожертвования. Высочайше утвержденный Государственным Советом и Государственною Думою закон. 9 апреля 1912 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 32. – № 36816.

[6] Краткие сведения… – С. 7-8.

В целях обеспечения безопасности учебного процесса и полетов в Севастопольской ОША были разработаны соответствующие регламенты. Так, 21 марта 1911 г. приказом по авиашколе № 19 были объявлены «Правила полетов», которыми устанавливались нормы аэродромной разметки и порядок осуществления учебных полетов, с указанием ответственных за соблюдением их безопасности. Позднее, 11 мая 1911 г., дальнейшее развитие регламента полетов были отображены в «Правилах полетов на аэродроме»[1]. По свидетельству выпускника ОША 1912 г., в последующем полковника советских ВВС К.Ф. Капустян, «в школе не обучали виражам, спиралям, расчетам на точность посадки, полету на разных скоростях, внеаэродромным полетам. Предполагалось, что всему этому летчик научится самостоятельно»[2]. Севастопольская ОША была на виду у властей: когда 26 октября 1911 г. в ней состоялись торжества по случаю первого выпуска военных летчиков, их почтил своим присутствием император Николай II[3].

С увеличением числа обучающихся с 1912 г. до 60 человек, были принято решение перенести аэродром ОША за 12 верст от Севастополя – возле реки Кача, куда авиашкола и была в конце февраля 1912 г. передислоцирована, получив в обиходе наименование Качинской авиашколы[4]. 25 июня 1912 г. из государственной казны было единовременно выделено 150 тыс. руб. Особому комитету великого князя Александра Михайловича для приобретения земельного участка размером 650 десятин под авиашколу и 250 тыс. руб. на сооружение в Каче казарм для 200 нижних чинов, столовой и кухни, бани с прачечной, мастерских и складов, помещений для склада ГСМ и гаража, медпункта и помещений для постоянного состава школы и переменного офицерского состава. На 1913 г. Особому комитету выделялось 650 тыс. руб. на постройку ангаров («сараев для самолетов»), электростанции и прочих объектов, необходимых для функционирования ОША[5]. К 1 января 1913 г. в ней прошли курс обучения 142 офицера, из них 116

---

[1] Александров А. Офицерская школа авиации. Сводная летопись. Часть 1. 1910–1913. – СПб., 2009. – С. 42-44.

[2] Капустян К.Л. Нестеров и авиация его времени / ГАКК. – Ф. Р-1559. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 53.

[3] Иванов А.Н. Первые военные летчики России 1910–1911 гг. // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 11. – С. 48; Краткие сведения… – С. 20-21.

[4] Донина О.И., Синякин К.В. Генезис проблемы создания авиационных военно-учебных заведений в России (1910–1917 гг.) // Проблемы современного педагогического образования. – 2016. – № 53-1. – С. 92.

[5] Об отпуске из средств государственного казначейства пособия Высочайше учрежденному Особому комитету по усилению военного флота на добровольные пожертвования на устройство воздухоплавательной школы на реке Каче, Таврической губернии. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственною Думою закон. 25 июня 1912 г. / ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 32. – № 37477.

успешно ее окончили[1]. Имелся и список потерь: в ходе практических полетов погибли 6 офицеров и один нижний чин – механик[2]. Представляет определенный интерес крайне негативная оценка деятельности Севастопольской ОША советским военным летчиком, генерал-лейтенантом А.З. Каравацким, который утверждал, что «в царской России военные чиновники, которым поручалась подготовка летных кадров, больше заботились о внешнем лоске, чем о том, чтобы создать нормальные условия для обучения летчиков. Так, в Севастопольской авиационной школе не постройку и меблировку офицерского салона затратили около миллиона рублей. Для постройки же ангаров и помещений для дорогостоящего оборудования средств не оказалось. В канун мировой войны вследствие беспечности, на аэродроме на Каче сгорели все легкие ангары вместе с аэропланами. Слабый надзор за состоянием самолетов, небрежный ремонт нередко приводили к авариям и катастрофам»[3]. Полагаем, что необходимо критически подходить к данным выводам, поскольку в советский период идеологический подтекст отрицания всего позитивного в Российской империи был присущ для подобных констатаций. Кроме того, приведенные выше цифры материальных вложений в строительство и развитие ОША сильно разнятся с таковыми, указанными советским генералом. Поразительно, но и сегодня некоторые авторы продолжают безосновательно использовать в своих публикациях стереотипы советской эпохи. Так, О.В. Болотова и Е.И. Воложанина пишут: «Царизм мял и душил проявление народного творчества и всячески осложнял работу зачинателей летного дела в России»[4]. Ничего, кроме недоумения, подобные умозаключения не вызывают.

К началу Первой мировой войны две специальные военно-авиационные школы (Севастопольская и Гатчинская) являлись бесспорными лидерами по подготовке военных летных кадров в России: в 1912 г. ими были выпущены 101 летчик, в 1913 г. – 117, в первой половине 1914 г. – 147, из числа которых 133 получили звание военных летчиков[5].

Таким образом, можно констатировать, что проект создания военной авиации в России, начатый под патронажем великого князя Александра Михайловича как благотворительный, основанный на пожертвованиях частных лиц и учреждений, фактически перерос в государственный институт, финансирующийся из бюджета страны, а Севастопольская Офицерская школа авиации стала первым специальным учебным заведением по подготовке военных летчиков.

---

[1] Изонов В. Флот тяжелее воздуха // Родина. – 2012. – № 8. – С.10.

[2] Краткие сведения… – С. 25.

[3] Каравацкий А.З. Маршрутами мужества. – Минск, 1978. – С. 19-20.

[4] Болотова О.В., Воложанина Е.И. Политика в развитии авиации в дореволюционной России в конце XIX в. – начале XX в. // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2013. – № 9. – С. 387.

[5] Дузь П.Д. История воздухоплавания и авиации в СССР. – М., 1989. – С. 122.

Кудрявцев Иван Владимирович,
адъюнкт кафедры теории и истории
государства и права
Санкт-Петербургского военного
института войск национальной
гвардии Российской Федерации

О СМЫСЛОВОМ НАПОЛНЕНИИ ПОНЯТИЯ «ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Проблема взаимоотношений между личностью и государством является основной в механизме правового регулирования общественных отношений в целом. Направление и темпы развития государства напрямую зависят от того, насколько эффективно государством обеспечиваются соблюдение нормативно закрепленных прав и свобод личности, насколько возможно в нем человеку развить и реализовать свой потенциал, насколько человек добросовестно относится к выполнению возложенных на него государством обязанностей. Для благополучного развития гражданского общества в государстве важным является не только наличие грамотного нормативного закрепления правового статуса личности, но и то, насколько успешно государством решаются проблемы его обеспечения.

Категория «правовой статус» в юридической науке является достаточно новой. До 1960-х годов она, отождествляясь лишь с правоспособностью, вообще не рассматривалась как самостоятельная и обособленная. Как ключевое понятие правоведения категория «правовой статус» сформировалась в 1970-е – 1980-е годы.

«В настоящее время вопросы правового статуса личности составляют важнейшее самостоятельное научное направление в общей теории государства и права, а также в отраслевых юридических дисциплинах»[1].

В научной литературе понятие «правовой статус личности» имеет множество определений. Так, по мнению ученых Н. И. Матузова и А. С. Мордовца, «правовой статус» – это собирательная категория, которая определяется в науке как юридически закрепленное положение личности в обществе. Д. Н. Бахрах и Ц. А. Ямпольская под правовым статусом субъекта понимают его правовое состояние, характеризуемое комплексом юридических прав и обязанностей.

Е. А. Лукашева полагает, что «понятие правового статуса следует ограничить категориями прав, свобод и обязанностей, которые позволяют четко выделить его структуру»[2]. Этой же точки зрения придерживаются и

[1] Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. 5-е изд. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. С. 674.

[2] Лукашева Е. А. Общая теория прав человека. М.: НОРМА, 1996. С. 28.

А. А. Безуглов, С. А. Солдатов и В. В. Оксамытный. Подобным образом трактуется это понятие в словарях и энциклопедиях: «Правовой статус личности – комплекс социально-экономических, политических, культурных и других гражданских прав и свобод, а также обязанностей гражданина»[1].

Н. В. Витрук, расширив понятие «правовой статус личности», полагал, что правовой статус личности – совокупность прав, свобод, обязанностей и законных интересов, признаваемых и гарантированных государством[2]. Л. Д. Воеводин, В. А. Кучинский и А. В. Малько считают, что в структуру этого правового статуса личности входят: юридическая (правовая) ответственность; правоспособность; гражданство; гарантии; правовые принципы; правовые нормы, устанавливающие статус.

В. Д. Перевалов сформулировал простое и удачное определение: «Правовой статус личности – … совокупность прав и обязанностей, принадлежащих конкретному человеку на определенном отрезке его жизненного пути, в конкретной жизненной ситуации»[3]. Основу правового статуса личности, его фундаментальную часть, составляют законодательно закрепленные в конституциях и в признанных мировым сообществом международно-правовых документах права, свободы и обязанности человека. Правовое положение личности, подчеркивает В. Д. Перевалов, характеризует более широкий круг структурных элементов, наличие которых во многом зависит от непосредственно сложившейся для конкретного субъекта правоотношений ситуации в отдельный взятый отрезок времени.

В современной юридической науке сложились различные ***подходы к пониманию структуры и содержания правового статуса***:

– *в широком (системном) плане* правовой статус можно рассматривать как совокупность основных правовых принципов и ценностей, естественных и приобретенных прав, свобод и обязанностей, законных интересов, правосубъектности, отношений гражданства, юридических гарантий, в том числе мер защиты и юридической ответственности;

– *в узком (структурно-функциональном) плане* правовой статус содержит субъективные права, свободы, юридические обязанности конкретного человека и гарантии их осуществления[4].

«Правовой статус личности» – сложная комплексная категория. ***Правовой статус личности состоит из множества структурных элементов***, основными из которых являются следующие:

---

[1] Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / Под ред. М. Ю. Тихомирова: 5-е, доп. и перераб. изд. М.: Юринформцентр, 2001. С. 674.

[2] Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1979. С. 29.

[3] Перевалов В. Д. Теория государства и права: Учебник для бакалавров. 3-е, испр. и доп. изд. М.: Юрайт, 2013. С. 260.

[4] См.: там же, с. 261.

– *права и свободы*, определяющие меры ее должного и возможного правового поведения (личные, гражданские, социальные, экономические, политические, культурные, экологические, информационные);

– *юридические обязанности* (общие, присущие всем гражданам, и конкретные, характерные только для отдельного субъекта, или общностей субъектов права);

– *ответственность* (юридическая (гражданская, уголовная, административная, дисциплинарная, материальная), политическая, общественная (социальная), моральная, профессиональная);

– *правовые нормы*, которые устанавливают правовой статус конкретного лица (содержащиеся как в международных, так и во внутригосударственных нормативных правовых актах);

– *правосубъектность,* указывающая на способность и возможность лица иметь и осуществлять субъективные права, нести юридические обязанности, то есть выступать субъектом правоотношений (правоспособность и дееспособность);

– *законные интересы личности* (возможность (стремление) пользоваться социальными благами и обращаться за защитой в соответствующие органы в целях удовлетворения потребностей, которые не противоречат нормам права);

– *гражданство* (политико-правовая связь с государством или несколькими государствами);

– *гарантии* (общие и юридические, международные и внутригосударственные);

– *правовые принципы* как основополагающие начала права, определяющие содержание и направления его воздействия на личность (приоритет прав и свобод личности в отношениях с государством, презумпция их неотъемлемости и неотчуждаемости, недопустимость ограничения прав и свобод личности, равенство прав и свобод людей, единство прав и обязанностей, гарантированность прав и свобод человека, учредительный характер основ правового статуса личности);

– *правоотношения* как юридическая связь между субъектами права на основе их субъективных прав и юридических обязанностей (с государством, общностью, коллективом, другими субъектами).

Правовой статус личности подвержен постоянному воздействию разного рода внешних факторов, в том числе и неблагоприятных. В результате этого он меняется на протяжении всей жизни его носителя. Кроме этого человек, совершая те или иные действия, способен сам оказывать довольно большое влияние на свой правовой статус, изменять его.

Обеспечение правового статуса личности в современных государствах связано с преодолением острых противоречий, детерминированных нестабильностью политической и правовой систем, кризисами в сфере со-

циального управления. Важным фактором «неустойчивости» правового статуса личности являются растущие различия уровней благосостояния граждан одного государства.

Правовое государство призвано гарантировать личности реализацию ее прав и свобод, обеспечение ее законных интересов. Важную роль в обеспечении правового статуса личности в правовом государстве играют правоохранительные органы[1], сотрудникам которых придается статус специального субъекта права[2].

Правовое государство должно стать сферой сбалансированного сочетания свободы и ответственности, когда человек полностью свободен в моральном и правовом смысле, с одной стороны, при этом, с другой стороны, за совершение им правонарушения неизбежно наступает соразмерная ответственность. Времена правового беспредела прошли. Общество определило оптимальные пути правового обустройства социальной жизни. Главная задача в XXI веке – следить за обеспечением правового статуса личности в каждом государстве, создавая условия для гармоничного и прогрессивного развития мирового сообщества.

Кузьмина Алевтина Викторовна,
аспирант Кубанского государственного аграрного университета

ИНСТИТУТ ВИННОГО ОТКУПА ПРИ АЛЕКСЕЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

В XV веке определяется курс на централизацию Русского государства[3]. В XVI веке этот процесс продолжается. Вместе с ним начинают формироваться и общероссийские правовые институты. Так, в конце XVI – начале

[1] Нижник Н. С., Меньшикова Н. С. Полиция и гражданское общество в России: взаимодействие и сотрудничество. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016; Nizhnik N. S. Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime // International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. Vol. 2. Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017. S. 241–251.

[2] Кудрявцев И. В. Сотрудник правоохранительных органов как специальный субъект права // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 1084–1087.

[3] Рассказов Л.П., Упоров И.В. Развитие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в России. Учебное пособие. Краснодар, 1999. С.17.

XVII вв. в Русском государстве начинает оформляться институт винного откупа, суть которого заключалась в том, что власти на торгах делегировали право торговли спиртным на обусловленный срок и на определенной территории так называемым «откупщикам», которые уплачивали в казну оговоренную сумму в качестве питейного налога, получая право открывать соответствующие заведения и торговать алкогольными напитками, в целях получения дохода. Вести винное дело, с одной стороны, было достаточно сложно, но с другой – оно было весьма прибыльным. Так, вплоть до полной отмены винного откупа 4 июля 1861 г., по мнению отдельных исследователей, доход казны от питейного дела возрос в 335 раз[1].

При первом русском царе из династии Романовых – Михаиле Федоровиче (1613–1645) принимались достаточно жесткие меры, направленные на поддержание государственной винной монополии: все нелегальные частные заведения, продающие алкоголь, изымались из оборота, чтобы кроме «государевых кабаков, никто питье на продажу не держал»[2].

При Алексее Михайловиче «Тишайшем» (1645–1676) возникли два вида кабаков – «на вере» и «на откупе». В первое случае алкогольные напитки продавали от казны и содержали кабаки выборные и «верные» царю казенные целовальники, дававшие клятву (присягу) вести винное дело честно на библии, в присутствии священника, и целовавшие крест. Во втором случае «охочие люди», как правило из купцов, брали кабаки в откуп. Поскольку на начальном этапе желающих иметь кабак на «откупе» было немного, основная роль в винном деле отводилась целовальникам[3]. Характерно, что и в начале XX в., когда в России воцарилась система государственной винной монополии, соблюдалась формальная сторона процесса принесения присяги. Так, например, 21 декабря 1908 г. продавец казенной винной лавки № 54 в станице Имеретинской Майкопского отдела Кубанской области, нестроевой старшего разряда К.Г. Скидан, в присутствии священника о. Алексия принял присягу, оформленную «присяжным листом». В частности, в нем указывалось: «Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред святым Евангелием в том», что все регулирующие продажу алкогольных напитков инструкции и регламенты «надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя весть и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред Богом

---

[1] Киттары М.Я. Публичный курс винокурения, читанный по приглашению Министерства финансов. – СПб., 1862. – С. 3.

[2] Соколов В. Пьянство на Руси в эпоху первых Романовых и меры борьбы с ним // Голос минувшего. – 1915. – № 9. – С. 148.

[3] Гавлин М.Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи XVIII–XIX вв. // Экономическая история: Обозрение / Под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 13 – М., 2007. – С. 128.

и Судом его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь»[1].

Между тем, по инициативе Алексея Михайловича был предпринят и ряд мер, направленных на борьбу с пьянством, прежде всего – с корчемством (незаконным изготовлением и сбытом алкогольной продукции). В «Соборном уложении» 1649 г. главой XXV «Указ о корчмах» предусматривалось уголовное наказание за корчемство в виде штрафа на сумму 5 руб., при рецидиве штраф увеличивался до 10 руб. с наказанием кнутом, «а будет у кого корчемное продажное питье вымутвтретие», тех подвергали штрафу на 20 руб., битьем кнутом и тюремному заключению. В ходе дознания применялись пытки как в отношении корчемников, так и «питухов» (потребителей алкоголя); в случае разноречивых показаний проводились очные ставки («с очей на очи») между ними. Наконец, «которые люди от такова воровства не уймутся, и в таком воровстве объявятся вчетвертые, и им за такое воровство учинити жестокое наказание, бив кнутом по торгом, сосылати в дальние городы, где государь укажет, а животы их все и дворы и поместья и вотчины имати на государя»[2].

В развитие мер по борьбе с пьянством, 9 сентября 1652 г. последовал Именной указ Алексея Михайловича «О непозволении Боярам и приказным людям содержать в вотчинах и по городам кабаки и кружечные дворы, и о содержании оных дворов только в городах». В нем, в частности, подчеркивалось, что «в городах и уездах, в поместьях и вотчинах, и по дорогам, кабакам и кружечным дворам и вину продажному нигде не быть, и те все кабаки и поварни в поместьях и вотчинах снесть, опричь тех поварен, на которых, по указу Великого Государя, сидят подрядные вина уговорщики, а быть одним кружечным дворам в городах»[3]. Указ сконцентрировал изготовление и реализацию алкогольных напитков исключительно в Москве у «уговорщиков», т.е. купцов, специализировавшихся на «винном деле», производящих качественную продукцию по сравнительно не дорогой цене и поставлявших ее по кружечным дворам в другие города. Однако, по мнению И.В. Курукина и Е.А. Никулиной, «поспешно проведенная кабацкая реформа оказалась плохо подготовленной» и ее провал «был ускорен невиданной прежде инфляцией от столь же плохо продуманной денежной реформы», после чего «государево кабацкое дело быстро развернулось в прежних масштабах и с прежними злоупотреблениями»[4].

---

[1] Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 487. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 1, 6.

[2] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Собр. 1. – Т. 1. – № 1.

[3] ПСЗ. – Собр. 1. – Т. 1. – № 82.

[4] Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. – М., 2007. – С. 98-99, 101.

Таким образом, на заре винного откупа в Русском государстве власти принимали все меры, включая карательные, направленные на укрепление государственной монополии в сфере изготовления и реализации алкогольной продукции. Однако результат не всегда был достигаем, поскольку отсутствовали надзорно-контрольные структуры, в ведении которых находились бы вопросы винного откупа в государстве.

Кузьмина Елизавета Алексеевна,
аспирант Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
университета прокуратуры Российской
Федерации

ОБЖАЛОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК ОДНА ИЗ ГАРАНТИЙ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Защита человека, его прав и свобод требует от государства предоставления ему соответствующих гарантий на случай возможных нарушений прав и свобод. Право обжалования процессуальных действий (бездействия) и решений органов предварительного следствия и дознания является одной из важнейших гарантий защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Обеспечение прав, свобод и законных интересов участников российского уголовного судопроизводства предполагает существование целого ряда эффективных процессуальных гарантий. Одной из таких гарантий является обжалование прокурору, руководителю следственного органа и (или) в суд действий (бездействия) и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство[1]. Само понятие «уголовно-процессуальная гарантия» не находит в науке однозначного определения, что как представляется, связано с взаимоотношениями власти и личности в государстве в различные исторические периоды. Рассматривая данный вопрос, невозможно не акцентировать внимание на мнении М.С. Строговича, который писал о том, что процессуальные гарантии являются установленными законом средствами, которыми охраняются и обеспечиваются права и законные интересы участвующих в уголовном процессе лиц[2].

[1] Курышева Н. С. Обжалование действий (бездействия) и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство: моногр. / Н.С. Курышева. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 3.

[2]Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. : Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса / М.С. Строгович. М. : Наука, 1968. С. 56.

Материальный результат реализации идеи (и права) обжалования объективно проявляет себя в виде эффективной и реально действующей процессуальной гарантии, обеспечивающей конституционные права, свободы и законные интересы личности, государства и общества в балансе их проявления, справедливое разрешение социально-правового спора сторон, оптимальное достижение цели уголовного процесса и решение его (непосредственных) процессуальных задач[1].

В каждой обособленной составляющей части уголовного процесса, обжалованию действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, присущи свои неповторимые черты. Ограниченно проявляющееся действие принципа состязательности, а также меры процессуального принуждения, применяющиеся преимущественно в досудебном производстве, показывают особое значение обжалования действий (бездействия) и решений, как гарантии прав и свобод человека и гражданина, вовлекаемого в производство по уголовному делу. Принцип обжалования всегда присутствует в абстрактной системе принципов уголовного судопроизводства (определяет построение действующего уголовно-процессуального законодательства), а в реальной системе (реализованной по конкретному уголовному делу), его реализация зависит от волеизъявления субъектов, наделенных правом на обжалование процессуальных действий и решений[2].

В том случае, когда соответствующие действия и решения не только затрагивают собственно уголовно-процессуальные отношения, но и порождают последствия, выходящие за их рамки, существенно ограничивая при этом конституционные права и свободы личности, отложение проверки законности и обоснованности таких действий до стадии судебного разбирательства может причинить ущерб, восполнение которого в дальнейшем окажется неосуществимым[3].

Право на обжалование действий и решений органов государственной власти, нарушающих права и законные интересы человека и гражданина, относится к числу основополагающих и закреплено международным правом. Рассматриваемое право зарекомендовало себя как одно из наиболее эффективных средств защиты прав и свобод граждан, является компенсацией фактического неравенства с государством и одним из способов защиты прав

---

[1]Белобородов С.В. Принцип обжалования в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность и содержание [Электронный ресурс] / https://wiselawyer.ru/poleznoe/18293-princip-obzhalovaniya-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii-ponyatie-sushhnost

[2]Кадров В.А. Место принципа «право на обжалование процессуальных действий и решений» в системе принципов уголовного судопроизводства / Вестник Удмуртского университета. Вып. 2. 2008. С. 118.

[3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 марта 1999 г. по делу о проверке конституционности положений ст. 133, ч. 1 ст. 218 и ст. 220 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и ООО «Моноком» // Рос. Газета, 1999, 23марта.

и свобод, неотъемлемой составляющей правового статуса личности в государстве[1].

Право на обжалование действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц установлено ст.ст. 46 и 50 Конституции Российской Федерации. В уголовном судопроизводстве Российской Федерации указанное положение является одним из шестнадцати его принципов.

Общие положения рассматриваемого права на обжалование раскрываются и конкретизируются в главе 16 УПК РФ, которая определяет механизм обжалования действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, применительно к конкретной стадии процесса.

Система норм УПК РФ предусматривает возможность использования нескольких вариантов обжалования действий и решений органов предварительного расследования. Таким образом, особого внимания, в рассматриваемых правоотношениях, заслуживает соотношение прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля в аспекте разрешения жалоб в досудебном производстве, в том числе являющееся основанием для злоупотреблений гражданами предоставленным им правом. Участие прокурора, наряду с другими участниками уголовного судопроизводства, в рассмотрении и разрешении жалоб в досудебном производстве, является одним из существенных факторов, способствующих защите прав, свобод и законных интересов гражданина в стадиях возбуждения и предварительного расследования. Исследователями данного вопроса неоднократно подчеркивалась необходимость определения критериев разграничения и исключения дублирования в деятельности указанных органов.

Исходя из имеющихся норм уголовно-процессуального закона, представляется очевидным факт законодательной неопределенности круга лиц, обладающих правом обжалования в рассматриваемой сфере правоотношений. Обжалуя решение лица, осуществляющего производство по делу, в соответствии с ст. 123 УПК РФ заявители должны доказывать свою заинтересованность и относимость к ним данного решения, причем при каждом обращении[2]. В связи с данным обстоятельством в науке уголовного процесса и правоприменительной деятельности постоянно возникает вопрос о необходимости введения и законодательного закрепления понятия «заявитель» либо его альтернативы - «заявитель жалобы». Мнения исследователей не приходят к однозначному выводу, однако определенная необходимость поиска решения выявленной проблемы подчеркивается и актуализируется на постоянной основе.

---

[1] Белобородов С.В. Принцип широкой свободы обжалования в уголовном судопроизводстве России: дис … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006. – С. 65.

[2] Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. – М.: Юрайт, 2015. – С. 366.

Одной из главных гарантий защиты прав участников уголовного процесса выступает возможность обжалования прокурору и руководителю следственного органа действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя и других должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Данный институт позволяет выявить и предупредить нарушения законности в ходе расследования по уголовному делу, привлечь должностных лиц к ответственности, восстановить нарушенные права участников уголовного судопроизводства[1].

Матвеев Антон Владимирович,
адъюнкт кафедры теории государства
и права Санкт-Петербургского
университета МВД России

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ СЛУЖБЫ НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В период подготовки к празднованию 300-летия создания полиции России внимание исследователей сосредоточено на различных аспектах организации и деятельности полицейских органов[2].

---

[1] Курышева Н. С. Указ. соч. С. 13.

[2] Nizhnik N. S. «The legal system of Russia: traditions and innovations»: all-russian scientific-theoretical conference. 25–27 april 2013, St. Petersburg university of mia of Russia // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. Т. 58. № 2 (58). С. 229–240; Нижник Н. С. «Правовая система России: традиции и инновации» всероссийская научно-теоретическая конференция, 25–27 апреля 2013 г., Санкт-Петербургский университет МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3 (59). С. 232–240; Нижник Н. С., Стоцкий А. П., Федоринова Е. А., Карчевская Н. И. Молодые исследователи – юридической науке: об участии слушателей, курсантов и студентов в международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2(70). С. 214–218; Нижник Н. С., Щепкин С. С., Демидов А. В., Семенова О. В. Научный форум, посвящённый 300-летию российской полиции (о международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)». Санкт-Петербургский университет МВД России, 28–29 апреля 2016 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2(70). С. 218–226; Нижник Н. С., Стоцкий А. П., Федоринова Е. А., Карчевская Н. И. Научный форум молодых исследователей, посвященный 300-летию полиции России (часть II) о международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3(71). С. 210–214; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-

Полицейская система, являющаяся важным структурно-функциональным элементом правоохранительной системы государства[1], формируется и функционирует в условиях конкретного исторического времени[2], обеспечивая внутреннюю безопасность государства и охрану установленного правопорядка[3].

Во второй половине XIX в. Российская империя остро нуждалась в надежном и эффективном инструменте противодействия нарастающему революционному движению. В целях противодействия государственным пре-

---

летию российской полиции) // История государства и права. 2016. № 13. С. 3–9; Нижник Н. С., Щепкин С. С., Демидов А. В., Семенова О. В. «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции)» (часть II) (о международной научно-теоретической конференции, состоявшейся в Санкт-Петербургском университете МВД России) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3(71). С. 214–222; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Государство и право: современное состояние, перспективы развития // Государство и право. 2017. № 2. С. 111–117; Нижник Н. С., Бялт В. С., Демидов А. В., Семенова О. В. Полицейская система России: генезис, эволюция, современное состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2(74). С. 216–227; Нижник Н. С., Стоцкий А. П., Федоринова Е. А. «Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2(74). С. 228–239; Нижник Н. С., Бялт В. С., Демидов А. В., Семенова О. В. Полиция России: основные этапы становления и развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 220–228; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Полиция и гражданское общество: проблемы формирования партнерских отношений. Обзор всероссийской конференции // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 36–44; Нижник Н. С., Стоцкий А. П., Федоринова Е. А. Полиция – «фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 229–238; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Становление и развитие полицейской системы имперской России // История государства и права. 2017. № 20. С. 54–56 Нижник Н. С. Полиция Российской империи в контексте современных историко-правовых исследований // Полицейская деятельность. 2017. № 6. С. 35–78; Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Проблемы совершенствования нормативной основы и практики деятельности полиции в России // Государство и право. 2018. № 4. С. 110–117.

[1] Нижник Н. С. Полицейская система – структурно-функциональный элемент правоохранительной системы государства // 210 лет МВД России: история и современность: Материалы всероссийской научно-практической конференции 21 сентября 2012 года. Ч. 1. СПб., 2013. С. 10–22.

[2] Нижник Н. С. Тотальный полицейский режим как детерминанта российской революции // Государство и право в эпоху революционных преобразований (к 100-летию революции в России): Материалы международной научно-практической конференции, СПб., 25–26 мая 2017 г. М: РГУП, 2017. С. 347–348.

[3] Нижник Н. С. О неизбежности краха полицейского государства в 1917 году // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI вв.: Материалы международной научной конференции, Витебск – Псков, 27 февраля – 3 марта 2017 г. Витебск, 2017. С. 304–305.

ступлениям и для сбора информации о деятельности революционеров Департамент полиции использовал наружное наблюдение[1]. Наружное наблюдение осуществлялось специально подготовленными для этого сотрудниками – филёрами, которые, наблюдая на улицах за данными им лицами, выясняли: что те делали, с кем встречались, какие места посещали, собирая подробную информацию об их повседневной деятельности[2]. Служебная деятельность требовала от филёров развития особых навыков негласного наблюдения, освоение которых достигалось путём специальной профессиональной подготовки сотрудников службы наружного наблюдения.

Изначально обязанность по профессиональной подготовке филёров целиком возлагалась на руководителей охранных и розыскных отделений, а также жандармских управлений[3], которые самостоятельно избирали методы и способы обучения и подготовки сотрудников к несению службы. Например, заведующий наружным наблюдением Московского охранного отделения Евстратий Павлович Медников, будучи человеком простым и малограмотным, воспитывал в своих сотрудниках профессионалов, передавал накопленный опыт работы, «раздавая зуботычины»[4] нерасторопным филёрам.

Первая попытка нормативного регулирования профессиональной подготовки филёров была предпринята с утверждением Министром внутренних дел В. К. Плеве 12 августа 1902 г. Положения «О начальниках розыскных отделений»[5]. Согласно § 5 Положения, выбор и обучение наблюдательных агентов является обязанностью начальников розыскных отделений[6]. В развитие утвержденного Положения был разработан «Свод правил»[7], согласно пункту 8 которого, на начальников розыскных отделений возлагалась главным образом обязанность приобретения внутренней агентуры. Пункт 10 освободил начальников розыскных отделений от определения

[1] Щеголев П. Е. Охранники, агенты, палачи. М.: Просвет, 1992. С. 271.

[2] Спиридович А. Записки жандарма. М.: Худож. лит., 1991. С. 52.

[3] Жаров С. Н. Нормативное регулирование деятельности политической полиции Российской империи: Дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 119.

[4] Спиридович А. Записки жандарма. М.: Худож. лит., 1991. С. 53.

[5] Положение «О начальниках розыскных отделений» // Жаров С. Н. Нормативное регулирование деятельности политической полиции Российской империи: Дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 198–202.

[6] Там же. С. 198.

[7] Свод правил, выработанных в развитие утвержденного Господином Министром внутренних дел 12 августа текущего года (1902) Положения «О начальниках розыскных отделений» // Перегудова З. И. Политический сыск России (1880-1917). 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2013. С. 422–425.

способов внешнего наблюдения, возложив данную обязанность на Департамент полиции[1]. Пункт 10 также закрепил обязанность выполнения технической стороны наблюдения за старшими филёрами[2]. Таким образом, законодатель разделил обязанности по подготовке филёров, возложив теоретическую часть на Департамент полиции, а практическую – вменив старшим филёрам на местах. В действительности, подготовка наблюдательных агентов по-прежнему происходила под руководством начальников на местах службы, так как каких-либо рекомендаций и наставлений по ведению наружного наблюдения Департаментом полиции создано не было.

Следующим шагом на пути к созданию четких требований к профессиональной подготовке наблюдательных агентов становится Инструкция «По организации наружного (филёрского) наблюдения»[3] от 20 февраля 1907 г. утвержденная П. А. Столыпиным. § 3 Инструкции устанавливал необходимость разъяснения вновь поступившему филёру следующих сведений: что такое государственное преступление; что такое революционер; как и какими средствами революционные деятели достигают своих целей; несостоятельность учений революционных партий; задачи филёрского наблюдения и связь его с внутренней агентурой; серьезность принятых филёром на себя обязанностей и необходимость безусловно правдивого отношения к службе вообще, а к даваемым сведениям в особенности; вред от утайки и ложных показаний, недопустимость искажения истины[4]. § 5 Инструкции гласит о том, что филёру в первый же день службы должно быть внушено, что все, что он слышал в Отделении составляет служебную тайну и не в коем случае не может быть известно кому бы то ни было[5]. § 5 также предписывает посылать новичка во время испытания для детального изучения города, а именно его частей, улиц, площадей, полицейских участков, проходных дворов, трактиров, пивных, общественных садов, скверов, сколько последние имеют входов, выходов; отход и приход поездов, пути трамвая, конки, места стоянки извозчиков, таксу последних, учебные заведения, государственные и частные учреждения, время занятий в таковых; фабрики, заводы, время начала и окончания в них работы; формы чиновни-

[1] Свод правил, выработанных в развитие утвержденного Господином Министром внутренних дел 12 августа текущего года (1902) Положения «О начальниках розыскных отделений» // Перегудова З. И. Политический сыск России (1880-1917). 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2013. С. 422.

[2] Там же.

[3] Инструкция «По организации наружного (филёрского) наблюдения» // Перегудова З. И. Политический сыск России (1880-1917). 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2013. С. 456-474.

[4] Там же. С. 456.

[5] Там же. С. 457.

ков, служащих в различных учреждениях и заведениях, техников, учащихся[1]. Полученные познания вновь поступивший филёр должен был ежедневно предоставлять в письменном виде начальнику, заведующему наблюдением, который по этим письменным отчетам мог судить о пригодности филёра к службе[2].

Согласно § 6 Инструкции, при удостоверении в наличности требуемых от филёра качеств, его можно посылать в наблюдение за своими служащими, предварительно показав ему некоторые приемы наблюдения[3]. В дальнейшем, для перехода к настоящему наблюдению, новичок назначается в помощь к старому, опытному филёру, который дает ему соответствующие практические указания и поправляет ошибки. До этого, о служебных приемах, составляющих тайну, новичку не сообщается[4].

В § 11 Инструкции подробно описано, как филёр должен учиться приобретать навык запоминания наблюдаемого с первого же взгляда. Для этого, филёр должен практиковаться на лицах ненаблюдаемых. Посмотрев на такое лицо, филёр, отвернувшись в другую сторону или закрыв глаза, должен представить себе все приметы этого лица, и проверить, соответствуют ли его представления действительности[5].

В § 12 изложен четкий порядок описания примет наблюдаемого: лета, рост, телосложение, лицо, растительность на голове, цвет и длина волос, особенности в одежде, походке или манерах. При описании цвета волос, филёров учили не употреблять малопонятных выражений: «брюнет», «шатен», «блондин», а определять цвет следующим образом: черный («брюнет»), темный («шатен»), русый («блондин»), седой и т.д. Для более точного определения цвета волос филёрам демонстрировали приметы на живых лицах[6].

На практике, в каждом розыскном учреждении складывались свои традиции и методы обучения наблюдательных агентов. По мере роста революционного движения, Департамент полиции озаботился созданием централизованной школы для обучения филёров в целях повышения эффективности наружного наблюдения[7]. В этой связи, 5 июля 1907 г. заведующий Особым отделом Департамента полиции обратился к начальникам охранных отделений с циркуляром о необходимости обобщения положительного опыта работы филёров, с приведением конкретных примеров деятельности по наружному наблюдению, способствовавших достижению поставленных

---

[1] Инструкция «По организации наружного (филёрского) наблюдения» // Перегудова З. И. Политический сыск России (1880-1917). 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2013. С. 457.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 457-458.

[5] Там же. С. 458.

[6] Там же. С. 459.

[7] Щеголев П. Е. Охранники, агенты, палачи. М.: Просвет, 1992. С. 272.

целей. Также, циркуляр требовал от начальников охранных отделений сообщить об отрицательных примерах филёрской службы, приведших к провалу наблюдения. На основе исторических примеров планировалось создание сборника, изучение которого способствовало бы эффективному обучению филёров. Ярким примером по обобщению опыта своего охранного отделения по ведению наружного наблюдения являются сообщения начальника Московского охранного отделения – Михаила Фридриховича фон Коттена. В период руководства Московским охранным отделением М. Ф. фон Коттеном данное подразделение по праву приобрело славу своеобразной «кузницы» профессиональных агентов наружного наблюдения. Сам фон Коттен считал, что такой успех был достигнут им благодаря внедрению специальных методов профессиональной подготовки филёров, выработанных со временем на основе практического опыта[1].

Пристальное внимание фон Коттен уделял подбору кадров, стараясь принимать на службу умственно развитых людей, с неброской внешностью, без явных физических недостатков, с хорошим зрением, по возможности в возрасте до 30 лет. Набранных в соответствии с требованиями кандидатов, фон Коттен начинал тренировать в условиях «комнатного обучения»[2]. Теоритическое обучение новоиспеченных филёров начиналось с изучения порядка изложения примет внешности наблюдаемого. Фон Коттен требовал, чтобы приметы излагались в следующем порядке: пол, лета, рост, телосложение, цвет волос, национальность; в дальнейшем изложение происходило по принципу «сверху вниз»: сначала физические приметы, затем приметы одежды (например, длина и волнистость волос, лоб, брови, глаза, нос, усы, подбородок, борода, особые приметы (сутулость, горбатость, хромота, кособокость, беременность и т.д.; одежда – головной убор, верхнее платье, брюки, ботинки или галоши; особые приметы, пенсне, палка, зонтик, муфта, сумочка и пр.)[3]

Для облегчения запоминания фон Коттеном была изготовлена таблица большого формата, на которой вышеприведенный порядок был изображен с помощью наклеенных букв, а для облегчения усвоения – таблицы с характерными носами и ушами. Обучаемым параллельно объяснялась примерная терминология, которой следовало придерживаться при описании примет, например, цвет волос необходимо было обозначать словами: брюнет, шатен, блондин, рыжий, седой; не допускалось употребление слов: каштановый, темно-русый, светло-русый и т.п.[4]

---

[1] Щеголев П. Е. Указ. соч. С. 276.

[2] Фомушкин А. Страницы истории филерской службы политической полиции (1880–1917 г.) // Жандармы России / Сост. В. С. Измозик. СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 379.

[3] Очкур Р., Кудрявцев Д., Пиотровский В. Школа Филёров // Полиция России. Век XVIII – век XX. СПб.: Астрель-СПб, 2010. С. 415.

[4] Щеголев П. Е. Указ. соч. С. 277.

Далее фон Коттен последовательно вызывал каждого из обучаемых на середину комнаты и заставлял остальных описывать письменно его приметы, при этом, добиваясь однообразия в оценке отдельных примет внешности, то есть того, чтобы, если вызванный был, например, шатен, выше среднего роста, то чтобы все обучаемые обозначали его приметы именно этими терминами, а не называли его темным блондином, среднего роста или высокого роста. После письменной практики изложения примет, фон Коттен вызывал двух из обучаемых и заставлял одного из них словесно описывать приметы другого, а затем предлагал кому-нибудь из остальных обучаемых указать на ошибки в сделанном описании. Данный прием всегда вызывал живое и внимательное отношение к делу обучаемых. Далее фон Коттен заставлял обучаемых описывать кого-нибудь из отсутствующих лиц, из числа личного состава охранного отделения, и аналогичными приёмами добивался точного описания его примет[1].

Затем происходило ознакомление обучаемых с различными формами одежды, наиболее часто встречающимися в процессе ведения наружного наблюдения. Особое внимание уделялось формам учащихся в высших учебных заведениях. Для этих целей фон Коттеном были изготовлены особые картонные таблицы, на которых были изображены отличительные части каждой формы, а именно: значки на фуражках, петлицы, наплечные знаки, пуговицы. Далее на той же таблице были написаны цвета околышей, цвета воротников, брюк и кантов[2].

Далее происходило обучение приему «взятия по приметам». Фон Коттен вызывал двух–трех обучаемых в соседнюю комнату и заставлял их описывать приметы кого-либо из оставшихся в общей комнате товарищей (каждому разного). Обучаемые оставались в отдельной комнате, а фон Коттен приносил составленные ими описания в общую комнату, и, прочтя одно из описаний, предлагал одному из обучаемых определить, чьи приметы описаны. Как правило, обучаемым было необходимо пять–шесть занятий, чтобы безошибочно определять лицо, чьи приметы были прочитаны. Далее фон Коттен переходил к описанию примет служащих в отделе, отсутствующих в данное время, при этом не сообщая, здесь это лицо или нет, и вскоре добивался того же результата[3].

После прохождения первоначальной теоретической подготовки начинался блок подготовки практической. Практическую подготовку фон Коттен начинал, посылая обучаемых наблюдать за самим собой, либо за кем-нибудь из опытных филёров. При этом опытный филёр первое время ходил

---

[1] Фомушкин А. Страницы истории филерской службы политической полиции (1880–1917 г.) // Жандармы России / Сост. В. С. Измозик. СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 379-380.

[2] Очкур Р., Кудрявцев Д., Пиотровский В. Школа Филёров // Полиция России. Век XVIII – век XX. С. 416.

[3] Там же.

по улицам спокойно, лишь изредка прибегая к «проверочным действиям», неожиданно поворачиваясь, делая остановки за углами и т. д. После того, как обучаемые приучались следить, не напирая на наблюдаемого, последнему приказывалось замешиваться в толпу, менять конки, ездить на пароходах, пользоваться проходными дворами, тем самым постепенно усложняя применяемые для «сбрасывания слежки» приемы[1].

На первых стадиях практическая подготовка происходила в общих чертах, с целью ознакомления обучаемых с основополагающими, наиболее характерными приемами ведения наблюдения. Далее обучаемые отправлялись в настоящее наблюдение на вокзалы. На вечерних докладах, которые фон Коттен всегда принимал лично, обучаемым разъяснялось, правильно ли они поступили в той или иной ситуации, давались советы и рекомендации по поведению в различных нестандартных ситуациях, например, в каких случаях филёр может оставить объекта без наблюдения, а в каких случаях он обязан это сделать; каковы действия филёра при потере наблюдаемого и т. д. Помимо этого, фон Коттен проверял действия новоиспеченных филёров на их постах лично, либо через заведующего наблюдением или старших филёров, которые наблюдали на молодыми филёрами без их ведома. Данный метод имел также значение для контроля над ежедневно предоставляемыми филёрами счетами на возмещение служебных расходов[2]. Кроме того, полицейские надзиратели, входившие в состав наружного наблюдения, ежедневно при обходе квартир, меблированных комнат и гостиниц проходили мимо постов филёров, обращали внимание на то, кого из филёров и где они видели, при каких обстоятельствах, что в этот момент филёры делали, а именно сидели, стояли, ехали, шли и т. д. Вечером, по приходу в отдел, надзиратели докладывали фон Коттену о своих наблюдениях, который сравнивал данные сведения с докладами самих филёров. Описанный способ также применялся в целях проверки предоставляемых филёрами счетов на возмещение служебных расходов[3].

Для мотивации в процессе обучения фон Коттен широко практиковал систему денежных вознаграждений за проделанные успехи в размере от 1 до 5 руб., а также штрафы за недобросовестность.

Вышеперечисленные приемы обучения не всегда применялись в строгой последовательности. Комнатное обучение зачастую чередовалось с практическим[4].

Анализ методов профессиональной подготовки фон Коттена позволяет сделать вывод о том, что процесс обучения филёров отвечал требованиям Инструкции «По организации наружного (филёрского) наблюдения».

---

[1] Щеголев П. Е. Охранники, агенты, палачи. С. 277.

[2] Там же. С. 279.

[3] Фомушкин А. Страницы истории филерской службы политической полиции (1880–1917 г.). С. 381.

[4] Там же.

Об эффективности методов профессиональной подготовки филёров в Московском охранном отделении можно судить по словам многих деятелей подполья начала XX в., которые признавались в том, что «делать революцию» в Москве было чрезвычайно трудно, почти невозможно[1]. Приведенный опыт организации профессиональной подготовки филёров Московского охранного отделения широко применялся в охранных отделениях других регионов.

Несмотря на все достоинства обобщения опыта наружного наблюдения, многие руководители учреждений политического сыска высказывались против создания школы филёров. Так, начальник Рижского охранного отделения Балабин считал, что «школа филёров, кроме вреда, ничего не принесёт, так как теоретическое преподавание серьезной подготовки не может дать, но воспитает в людях привычку к шаблону и даст почву для непослушания старшим; кроме того, существование школы затруднит порядок увольнения филёров, негодных для службы»[2]. В результате, специальная централизованная школа для подготовки филёров в Российской империи создана так и не была.

Таким образом, Департамент полиции Министерства внутренних дел, осознавая необходимость в четко отлаженном функционировании службы наружного наблюдения в целях эффективного противодействия государственным преступлениям, заботился о повышении уровня профессионализма филёров, нормативно регулируя вопросы их профессиональной подготовки и обучения. В этом и заключается первая особенность профессиональной подготовки сотрудников службы наружного наблюдения Российской империи – в наличии нормативных актов ее регламентировавших. Данными нормативными актами выступили: Положение «О начальниках розыскных отделений», «Свод правил», утвержденный в развитие Положения «О начальниках розыскных отделений» и Инструкция «По организации наружного (филёрского) наблюдения». В качестве второй особенности следует выделить факт того, что, несмотря на наличие нормативной базы, профессиональная подготовка филёров происходила по личному усмотрению начальников розыскных учреждений и не носила характер единоначалия. Невзирая на то, что централизация профессиональной подготовки филёров в виде учреждения специализированных школ так и не состоялась, руководству охранки удалось создать систему подготовки наблюдательных агентов, основанную на богатом практическом опыте, способную обеспечивать учреждения политической полиции квалифицированными кадрами, успешно решавшими задачи по обеспечению государственной безопасности Российской империи.

[1] Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 14.
[2] Щеголев П. Е. Охранники, агенты, палачи. С. 281.

Перлик Максим Игоревич,
адъюнкт Краснодарского
университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ МАССОВЫХ НЕПОВИНОВЕНИЙ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ОСОБЫХ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ ПОСЛЕВОЕННОГО ГУЛАГА

В период функционирования ГУЛАГа (1930-е – вторая половина 1950-х гг.) в исправительно-трудовых лагерях периодически возникали массовые неповиновения заключенных, причем наиболее активно они проявлялись в послевоенные годы, при этом во всех случаях власть применяла меры государственного принуждения[1]. В частности, в 1951 г. в Краслаге был совершен массовый побег заключенных, в том же году в одном из исправительно-трудовых лагерей, расположенном в Коми АССР (Ухтижемлаг) заключенные решились на массовую голодовку. В 1952 г. массовые беспорядки, учиненные заключенными, имели место в Озерлаге (Иркутская область). Наиболее масштабные восстания заключенных произошли опять же в Коми АССР (Воркута, Речлаг, 1953 г.), В Магаданской области (Норильск, Горлаг, 1953 г.) и в Казахстане (Джезказган, Степлаг, 1954 г.)[2].

В последних трех случаях массовыми неповиновениями были охвачены несколько тысяч заключенных, осужденных за преступления против государства («политические» преступники) и содержавшихся в особых лагерях, созданных в 1948 г. Катализатором протестных выступлений заключенных стала смерть Сталина, а также последовавшее после этого предание суду Л. П. Берии, что изменило определенным образом общественно-политическую обстановку в СССР[3]. Заключенные требовали улучшения бытовых условий, пересмотра уголовных дел в сторону смягчения, смягчения режимных требований для содержащихся в особых исправительно-трудовых лагерях, причем ссылались, среди прочего, на Конституцию СССР[4]. Все массовые беспорядки были подавлены, при этом в нескольких лагерных отделениях пришлось применить оружие ввиду отказа заключенных выполнить требования лагерной администрации.

---

[1] Турицын И.В., Упоров И.В. Виды государственного принуждения, применяемого правоохранительными органами, и принципы его реализации // Право и практика. 2013. № 4. С. 21-28.

[2] Система исправительно-трудовых лагерей в СССР / Сост. Смирнов М.Б.). М.: Звенья, 1998. С. 27-31.

[3] Упоров И.В. Правовое регулирование естественных прав человека в местах лишения свободы / Под ред. М.П. Мелентьева. Рязань, 1998. С. 47.

[4] Смоленский М.Б., Звягольский А.Ю., Упоров И.В. Конституционное (государственное) право России. М., 2009. С. 118.

В процессе наведения порядка в исправительно-трудовых лагерях, где происходили массовые неповиновения заключенных, советской властью первый и единственный раз были использованы переговоры официальных лиц на уровне уполномоченных от МВД СССР – с одной стороны, и представителями инициативной группы восставших заключенных – с другой стороны. Это был уникальный опыт, в связи с чем рассмотрим его подробнее на примере Горлага. Там в одном из лагерных отделений 25 мая 1953 г. после неправомерного применения оружия военнослужащим охраны (погиб 1 заключенный) в 4 и 5 лаготделениях в знак протеста против этих действий содержавшиеся в них заключенные отказались выходить на работу из жилзоны и выдвинули категоричное требование о приезде комиссии из Москвы для расследования гибели заключенного, а также для рассмотрения многочисленных жалоб заключенных по вопросам их пребывания в особом лагере.

Заметим, что здесь начальный посыл был именно протестом, когда, как пишет Ю.Ф. Лукин, наступает предел терпению[1]. Эту «волынку» поддержали заключенные других лаготделений (отказались возвращаться в жилую зону, а позже отказались принимать пищу). При этом труп убитого заключенного был спрятан для предъявления московской комиссии в качестве доказательства. Следует заметить, что еще несколько месяцев назад такое массовое неповиновение было просто невозможным, если еще учесть, что в числе организаторов «волынки» тон задавали «бандеровцы», то есть осужденные за националистический бандитизм, и однозначно были бы незамедлительно применены силовые методы подавления массовых неповиновений заключенных, как это и было ранее в подобных случаях[2].

Но общественно-политическая ситуация в стране после смерти Сталина обозначила некие изменения. Это, видимо, чувствовали и работники лагерной администрации, и с самого начала этой противозаконной акции со стороны заключенных руководством ИТЛ был избран подход диалога с заключенными, а не немедленного изъятия из их числа зачинщиков и водворения в барак усиленного режима.

Можно предположить, что выбор был нелегким, учитывая, что сразу же после объявления протестной акции руководством исправительно-трудового лагеря был введен в действие штатный план применения физической силы, в частности, личный состав всех лагпунктов был переведен на казарменное положение, при этом офицерский состав находился в жилой и производственной зонах, а периметры зон были укреплены путем увеличения огневых точек.

---

[1] Лукин Ю.Ф. Сопротивление тоталитаризму. Активность и протест в истории советского общества. Дис. … д-ра ист. наук. Архангельск, 1992. С. 260.

[2] Упоров И. Развитие уголовного наказания в первые годы советской власти // Уголовное право. 2000. № 4. С.36.

Восставшие заключенные выдвинули требование вести переговоры только с представителями советской власти из Москвы – уровень руководства Горлага, а затем руководства Красноярского УМВД и даже депутата Верховного Совета СССР от Красноярского края их не устраивал, хотя с ними заключенные-инициаторы все же поговорили – с целью озвучить свои требования, не считая расследования гибели заключенного и привлечения виновных к ответственности: «8-часовой рабочий день, свободная переписка с волей, установить режим общих лагерей, зачеты по зарплате, прекратить произвол конвоя, не закрывать бараки на ночь»[1].

О сложности ситуации среди самих заключенных говорит то обстоятельство, что, как видно из донесений осведомителей, организаторы забастовки ожидали от властей самой беспощадной расправы, понимая, какую преступную акцию они затеяли, и вели себя так, как ведут люди, которым нечего терять. Из тех же донесений следовало, что организаторы планировали нескольким лагпунктам выйти на работу, где организационно соединиться, затем связаться с другими лагерями, сделать обращение к населению Норильска и поднять общее антисоветское восстание, при этом для обработки заключенных организаторы использовали выступления Эйзенхауэра.

Как видно, речь шла не просто и не только, и, может быть, не столько о действительно нарушенных некоторых правах заключенных, которые они решили защищать путем незаконной акции неповиновения, сколько о более далеко идущих планах антисоветской деятельности.

В Москве сочли целесообразным не обострять ситуацию, и комиссия во главе с начальником Тюремного управления МВД СССР М.В. Кузнецовым прибыла в Норильск. Сразу по приезду, в 9 часов вечера, состоялась первая встреча членов комиссии и заключенных. Беседа длилась более 4 часов. Суть ее заключалась в том, что заключенные (Л.С. Павлишин и др.) приводили многочисленные конкретные примеры нарушения их законных прав (в их понимании, разумеется) со стороны лагерной администрации, а также указывали на несправедливость принимаемых законов и приговоров, требуя их пересмотра и смягчения своей участи[2].

---

[1] Справка начальника Тюремного управления МВД СССР М.В. Кузнецова о положении Горлаге по состоянию на 19 часов 31 мая 1953 г. от 30.05. 1953 гг. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов. Сб. документов в 7 т. Т. 6 / Отв. ред. В.А. Козлов. М.: РОССПЭН, 2004. С. 324-325; ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 158. Л. 12-14.

[2] Справка 5 отдела УМВД Красноярского края о беседе комиссии МВД СССР с заключенными 5 лагпункта Горного лагеря от 07.06. 1953 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов. Сб. документов в 7 т. Т. 6 / Отв. ред. В.А. Козлов. М.: РОССПЭН, 2004. С. 337-339; ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 158. Л. 55-57.

Очевидно, переговоры дали свои результаты, поскольку заключенные решили прекратить массовое неповиновение, что стало возможным только как следствие данных заключенным обещаний учесть их жалобы и обращения. Уже 15 июня 1953 г. по ходатайству комиссии руководством МВД СССР было разрешено: «1. Снять номера с одежды заключенных. 2. Разрешить заключенным посылать семьям по одному письму в месяц. 3. Установить для заключенных девятичасовой рабочий день. Одновременно с этим комиссия объявляет, что другие просьбы и ходатайства заключенных находятся в стадии рассмотрения»[1].

Эта же комиссия санкционировала заключение о факте неправомерного применения охраной лагеря оружия. Было признано, что рядовой Климов не имел заранее сформированного умысла лишить жизни заключенного, но допустил нарушение службы, подпадавшее под ст. 193-15 УК РСФСР; вместе с тем, учитывая Указ об амнистии, под который он также попадал, было сочтено целесообразным уголовного преследования не возбуждать, а ограничиться дисциплинарным арестом на срок 20 суток. Признание властью неправомерности применения оружия в отношении заключенного также имело позитивный резонанс среди заключенных.

Воспользовавшись психологическим переломом, руководство ИТЛ осуществило ряд оперативных мероприятий по аресту некоторых наиболее антисоветски настроенных заключенных, которые намеревались продолжать организованное сопротивление, причем с применением подручных предметов в качестве оружия (топоры, ломы, ножи и т.д.). При этом в 5 лаготделении пришлось применить оружие ввиду отказа заключенных выполнить требования лагерной администрации.

В целом благодаря такой тактике власти удалось, на наш взгляд, избежать значительных жертв при нейтрализации массовых беспорядков в ИТЛ. Аналогично складывались события и в Воркуте. Однако такой метод в итоге был сочтен нецелесообразным, в указанной форме он больше не применялся.

[1] Заключение комиссии МВД СССР о применении оружия рядовым 78-го отдельного отряда Климовым по заключенному П.А. Болтушкину от 18.06. 1953 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов. Сб. документов в 7 т. Т. 6 / Отв. ред. В.А. Козлов. М.: РОССПЭН, 2004. С. 342-343; ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 158. Л. 163-164.

Хасанов Данис Рифкатович,
адъюнкт адъюнктуры Омской
академии МВД России

ГУМАНИЗМ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ

На сегодняшний день общество пришло к пониманию того, что при оценке правового государства становится принципиально важным не только наличие формального признания прав, свобод и законных интересов человека, но и соответствие правовой политики государства требованиям главного гуманистического императива – «человек – высшая ценность государства». В связи с этим актуализируется проблема современного понимания гуманизма, как одного из важнейших ориентиров в развитии политико-правовой культуры человечества. В настоящее время не существует единого, общепризнанного определения данного понятия. Так же раскрытие его сущности осложняется его трансформацией из этико-философской категории в политико-правовую. Условно данный процесс можно разделить на несколько этапов – в начале гуманизм является философской категорией и рассматривается как мировоззрение, затем, гуманизм воспринимается как нравственно-правовая категория, находящаяся в связи с государственно-правовой идеологией и, в последующем – гуманизм как свойство общественных отношений.

Обобщающее определение гуманизма в философском смысле есть «направление общественной мысли, обращённое к человеку как индивидуальности, как личности, как деятельному, творческому существу и основанное на признании человека, человеческой личности высшей ценностью»[1].

Представители современной философской науки[2] характеризуют гуманизм «как важнейший элемент человеческой истории и культуры, который имеет различные способы выражения в зависимости от аспекта его рассмотрения, он может выступать как: 1) особая мировоззренческая установка, обуславливающая некий способ поведения личности (гуманность, человечность); 2) социально-философская категория, отражающая особые свойства общества и положение человека в нем; 3) своеобразная теоретиче-

[1] Философский словарь – Под ред. И.Т. Фролова. / 7 изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. С. 136.

[2] Борзенко И. М., Кувакин В. А., Кудишина А. А. Человечность человека: Основы современного гуманизма: учеб. пособие для вузов – под ред. А. Г. Круглова и В. А. Кувакина. М.: Рос. гуманист.. 2005.

ская система, в основе которой лежат общепризнанные гуманистические принципы»[1].

Профессор А.В. Разин считает, что гуманизм характеризуют следующие три признака: «во-первых, признание основных прав человека и предоставление ему гарантий их реализации в качестве обязательных условий его существования как личности. Во-вторых, поддержка слабых членов общества вплоть до оказания им такой помощи, которая не согласуется с обычными для данного общества представлениями о справедливости. В-третьих, формирование социальных и нравственных качеств личности, позволяющих ей осуществлять самореализацию на базе общественных ценностей»[2].

В результате осознания и принятия обществом гуманистических идей возникает социальная потребность реализации гуманизма посредством правовой политики государства, в результате чего гуманизм трансформируется в государственно-правовую идеологию и нравственно-правовую категорию. Гуманизм в государственно-правовой идеологии указывает на отношение к личности как к исключительной социальной ценности. Данный аспект находит своё воплощение в конкретной правовой политике государства посредством провозглашения в программных правовых документах, а также закрепления в качестве принципа в праве. Гуманизм как нравственно-правовая категория указывает направление формирования поведения людей, соответствующего гуманистическим идеалам и закрепляется системой нормативно-правовых установок. Регулирует правоотношения с позиции признания человека высшей ценностью, охраняя интересы общества, права, свободы, честь и достоинство человека и гражданина.

Следует отметить, что в отраслях права, использующих диспозитивный метод регулирования общественных отношений, гуманизм как нравственно-правовая категория, институционализируется в регулятивных нормах, направленных на создание необходимых условий для существования человека как личности, и создание условий для его самореализации в общественной жизни, а в отраслях права использующих императивный метод регулирования общественных отношений, в нормах направленных на защиту человека от нарушения его прав, а так же на ограничение государственного принуждения.

Продемонстрировать подобное выражение можно на примере правовой нормы, предусмотренной в п. 3 ст. 1109 ГК РФ. Эта норма устанавливает, что не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причинённого жизни или здоровью, алименты и иные денежные суммы, предоставленные гражданину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счётной

[1] Борзенко И. М., Кувакин В. А., Кудишина А. А. Человечность человека: Основы современного гуманизма: учеб. пособие для вузов – под ред. А. Г. Круглова и В. А. Кувакина. М.: Рос. гуманист.. 2005. С. 390.

[2] Разин А.В. Этика. Академический проект. М., 2004. С. 617.

ошибки. А также на примере ст. 82 УК РФ, предусматривающей возможность применения к осужденной беременной женщине, женщине, имеющей ребёнка в возрасте до 14 лет, мужчине, имеющему ребёнка в возрасте до 14 лет и являющемуся единственным родителем, отсрочки отбывания наказания.

Так государство посредством гуманистически ориентированной правовой политики реализует как в правотворчестве, так и в правоприменении идеи, выражающие уважение к человеку и создающие для него условия, необходимые для существования и самореализации, с учётом его индивидуальных особенностей и особенностей его социального положения, то есть гуманизирует общественные отношения.

Таким образом, на основе аналитики процесса реализации гуманизма в государственно-правовой действительности, можно сформулировать соответствующее понятие. Под гуманизмом следует понимать основанное на отношении к обществу и человеку как главной ценности, социальное требование к деятельности государства и к поведению личности, которое, посредством закрепления в правовых нормах, реализации соответствующей правовой политики, направлено на формирование общественных отношений, выражающих интересы личности и отвечающих интересам всего общества и государства. В определённых условия государство формирует такие общественные отношения, посредством которых: 1) в полном объёме реализуются права тех членов общества, которые нуждаются в помощи для своего существования или самореализации, а так же 2) освобождаются от отдельных обязанностей, возложенных на других членов общества, и 3) государством устанавливаются запреты на совершение деяний, наносящих ущерб человеческой личности, её чести и достоинства.

Чукаев Тимур Омарович,
адъюнкт кафедры теории государства
и права Санкт-Петербургского
университета МВД России

САМООРГАНИЗУЮЩЕЕСЯ ОБЩЕСТВО КАК СУБЪЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА (ПО РАБОТАМ В. Н. ЛЕШКОВА)

Продолжительный период времени государство как субъект авторитета власти выступало единственной формой организации общественной жизни, определяя направление любой социально значимой деятельности людей[1]. Однако, как правило, предполагает исключение, так и государственная деятельность предполагает возможность внегосударственной общественной

[1] Кальной И. И., Лопушанский И. Н. Гражданское общество: истоки и современность. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 21.

деятельности, объем которой постоянно увеличивается в условиях становления индустриального общества. Пристальное внимание к этой форме общественной деятельности привело к тому, что в работах мыслителей Нового времени из привычных слов: «самостоятельное общество», «самоорганизующееся общество» появляется термин «гражданское общество»[1].

Идеи самоорганизующегося общества (гражданского общества) получили развитие в работах Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье[2]. Особый вклад в развитие учения самоорганизующегося общества, внесли также и российские ученые XIX – начала XX в.[3], в числе которых был известный русский юрист-государствовед Василий Николаевич Лешков (1810–1881)[4].

В качестве ключевых ценностей самоорганизующегося общества по В. Н. Лешкову, следует считать свободу как условие и способ человеческого

---

[1] Нижник Н. С., Меньшикова Н. С. Полиция и гражданское общество в России: взаимодействие и сотрудничество. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. С. 16.

[2] Кальной И. И., Лопушанский И. Н. Гражданское общество: истоки и современность. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 22.

[3] Нижник Н. С. Взаимоотношения власти, общества и личности как предмет полицейско-правовой теории // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 239–250.

[4] Чукаев Т. О. 1) В. Н. Лешков о субъектах «права самостоятельности» в российской правовой системе // Вопросы государства и права: Сборник научных трудов / Под общ. ред. Л. В. Карнаушенко. Вып. 2. Краснодар, 2016. С. 121–131; 2) Российская полицеистика в лицах: Василий Николаевич Лешков // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 84–95; 3) Народ как субъект права в концепции общественного права В. Н. Лешкова // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: Материалы международной научно-практической конференции (22–23 сентября 2016 г.) / Под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар, 2017. С. 682–685; 4) В. Н. Лешков о специфике формирования общественного права в условиях эволюции российского государства // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. / Под ред. Н. С. Нижник: В 2 т. Т. I. СПб., 2017. С. 64–68; 5) В. Н. Лешков о роли русской правды в регулировании общественных отношений // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Труды кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России / Под ред. Н. С. Нижник. Вып. 1. СПб., 2017. С. 131–137; 6) Концепция «общественного права» – элемент полицейско-правовой теории России XIX века // Полицейская деятельность. 2017. № 5. С. 39–47; 7) «Общественное право», «государственное право», «полицейское право»: соотношение понятий в теоретико-правовом учении В. Н. Лешкова // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 294–299.

самореализации и развития, а также право как право притязания и мера справедливости.

В самоорганизующемся обществе свобода проявляется не так, как в границах государства, где человек выступает в качестве пассивного существа, являющегося объектом манипулирования со стороны органов государственной власти[1]. В самостоятельном обществе человек заявляет о себе как субъект, автономный и суверенный. Он равный среди равных, так как люди по своей воле объединились в сообщество и естественно предположить, что они сами вырабатывают ценностные ориентиры, нормы и правила, которые регулируют их взаимоотношения[2].

Самоорганизующееся общество возникает там, где аппарат публичной власти уже не в состоянии оптимально выполнять функции регламента общественных отношений, где созрели предпосылки гражданского компромисса; где складывается совокупность общественных институтов, имеющих собственный статус и способных к равноправному диалогу с институтом государственной власти, способных противостоять политической экспансии государства, быть его противовесом; сдерживать его стремление к монополии, превращению из системы обеспечения развития общества в систему самообеспечения, где авторитет власти корректируется волеизъявлением народа[3].

В своём труде «О праве самостоятельности»[4] В. Н. Лешков утверждал, что самостоятельность человеческих обществ тоже, что свобода лиц и самодержавие государства: «наше общество самостоятельно[5] по факту своего происхождения». Утверждается, что как свобода признается за отдельным лицом с момента рождения, а иногда даже с момента зачатия без особого на то закона, так общество, в момент своего рождения, не требует для понятия об его самостоятельности никакого специального признания, утверждения, или освящения, за исключением семьи, как первой ступени общественности для отдельных лиц.

В. Н. Лешков акцентирует внимание на том, что при этом совершенно другое начало господствует относительно лиц юридических, но совершенно

---

[1] Нижник Н. С. Самоорганизация общества в социально-политическом дискурсе российского государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, 25–26 сентября 2014 г. / Под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар: Издат. дом – Юг,2014. С. 15–16.

[2] Нижник Н. С. Омнипотенция полицейского государства в оценке российской полицеистики // Genesis: исторические исследования. — 2017. - № 11. - С.67-86. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.11.24883. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_24883.html

[3] Кальной И. И., Лопушанский И. Н. Гражданское общество: истоки и современность. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 31.

[4] Лешков В. Н. О праве самостоятельности. М.: Университетская типография, 1871.

[5] Там же. С. 14.

по особой причине, чисто государственной политической, или полицейской. Против произвола отдельного лица существуют в государстве суд и расправа. Человеческое общество, как и государство, никогда не возбуждают подозрений, они существуют силой истории, во имя народной жизни, по воззрениям народа, входящим в основу и в содержание самих законов. Общины, села и города, равно как земщина и земство, подобно областям и народу, появляются раньше государства, служа для него основанием, почвою, мотивом бытия.

В. Н. Лешков считал, что человеческое общество самостоятельно в том смысле, что как его принцип, так и ведомство не зависит ни от произвола лиц в него входящих, ни от распоряжений правительства, над ним поставленного[1].

«Вмешательство отдельных членов, как и вмешательство государства, во внутренней быт общества не дозволительно, противно природе человеческих обществ» – утверждал В. Н. Лешков[2]. Однако следует пояснить, что не всякое внешнее влияние называется вмешательством, с чем сам же автор и соглашался в своих работах[3].

В. Н. Лешков считал ошибочным мнение тех, кто думал, что можно произвольно установить форму и быт семьи в народе или временно определить жизнь в общине, или, хотя бы поголовным голосованием, изменить то или другое государственное устройство. «Общий дух народа, высказывающийся в его истории, один тут распоряжается и господствует» – писал В. Н. Лешков.

Ученый при этом говорил и о том, что с другой стороны и государство, или правительство, не может разумно вмешиваться в быт и во внутреннюю жизнь семьи, общины, земства. Им доказывалось, что в пределах своего ведомства, как лицо в пределах своего права, общество должно действовать самостоятельно. Относительно отдельного лица это так для всех очевидно, что выражения: право лица, право собственности, владения и т. д. именно понимаются в значении том, по которому лицо независимо и свободно распоряжается в пределах своего права, в пределах напр. своей собственности, своего владения, своего имения, дома, лавки, завода, откуда выведена известная аксиома экономистов: laisser aller 'et faire, или иначе, нет гражданского, частного, личного права[4].

Важнейшей характеристикой общественного развития Лешков считал понятия «самоуправление» и «самостоятельность общества». Самостоятельность человеческих обществ Лешков понимал как свободу лиц и самодержавие государств и делал вывод о том, что самоуправление основано на

---

[1] Лешков В. Н. О праве самостоятельности. М.: Университетская типография, 1871. С. 19.

[2] Там же. С. 18.

[3] Там же. С. 20.

[4] Там же. С. 21.

самостоятельности, и только оно обещает и дает благотворные последствия и результаты на всех этапах исторического развития общества и государства[1]. Лешков настаивал на расширении понятия «юридическое лицо» с тенденцией к индивидуализации, до более широкого применения к объединениям людей, выступающим как единый субъект права[2]. По мнению автора, традиционный взгляд на право в России, где большее значение придается объединениям: семье, приходу, земству и т. п. не фрагментированным до интересов отдельных личностей. В этой работе Лешков справедливо полагает, что «слепое» копирование правовых систем недопустимо без учёта специфики общества, в котором его хотят применить. В. Н. Лешков, таким образом, пытался отстоять самобытный путь российского права и избежать ошибок от бездумного копирования моделей исторически и социокультурно не подходящих для современного ему российского общества.

Отличительная черта естественного общества заключается в сущности человеческой природы, которую В. Н. Лешков видит в браке, семействе, общине, земстве, связи с тем, что люди принадлежат к данному обществу по требованию человеческой природы, а не по расчету, соглашению или договору[3].

В. Н. Лешков утверждал, что каждый отдельный человек, находясь в той или иной общественной среде, окружен ею и подчиняется влиянию общества, как разумного начала, в чем и выражается право общества, по его убеждению каждый человек, постоянно и законно подчиняясь влиянию права, становится проявлением начал и жизни общества[4]. Но при этом Лешков отмечал, что хоть общество и состоит из людей, не людьми оно составляется, приводя в пример то, что, сколько бы людей не взяли, если в них нет связующего общего правового начала, то сами по себе эти люди не составят народ, земство, семью или общину[5].

В своих размышлениях относительно прав человека В. Н Лешков приходит к выводу, что общество ведет людей к их человеческому развитию, потому что имеет силы и способности сознавать, творить разумные принципы и идеи. В дополнение к этому В. Н Лешков говорил: «След этого прогресса и развития есть история, – процесс его – право»[6].

Многогранность права самостоятельности в XIX в. была обусловлена многочисленностью и разнообразием вопросов в сфере государственного

---

[1] Лешков В.Н. О праве самостоятельности. М.: Университетская типография, 1871. С. 24.

[2] Нижник Н. С. Российская полицеистика: основные этапы становления и развития // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 768. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.16493. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_16493.html.

[3] Лешков В. Н. Человек в области права. М.: Университетская типография, 1868. С. 5.

[4] Там же. С. 6.

[5] Там же. С. 14.

[6] Там же. С. 16.

самоуправления[1]. Сам В. Н. Лешков дополнял понятие самоуправления, дефинициями самостоятельности или автономии. В. Н. Лешков представлял самостоятельность человеческих обществ, как свободу лиц и самодержавие государств[2]. Из чего делался вывод, что самоуправление основано на самостоятельности, и только оно дает благотворные последствия или результаты, по самому существу своего субъекта, по самой природе общества[3].

В современной отечественной юридической литературе вопрос самоуправления, а также соотношения органов государственной власти и гражданского общества по-прежнему является дискуссионным[4].

Многие учёные полагают, что государство и гражданское общество являются противоположными системами, суть которых заключается в противоборстве[5], то есть гражданское общество выступает как некий противовес государству, который должен служить, с одной стороны, определённой сдерживающей силой и контролёром государственной политической власти, с другой – её помощником в той деятельности, которая не противоречит интересам гражданского общества[6].

Говоря о механизме взаимодействия государства и гражданского общества в целом можно говорить о трех вариантах взаимодействия органов власти и гражданских структур: сотрудничество, отсутствие сотрудничества (игнорирование) и конфронтация. При этом сотрудничество может быть как партнерским[7], подразумевающим равенство (в определенном смысле) сторон, так и построенным на доминировании, вплоть до полного подчинения одной из сторон. Ясно, что в реальных условиях сегодняшнего дня такой доминирующей стороной может быть только государство. Применительно к современной ситуации распространены варианты отсутствия сотрудничества (игнорирования) и конфронтации. Это негативно влияет на

---

[1] Нижник Н. С. Полицейское государство как средство достижения всеобщего счастья (по страницам работ полицеистов) //Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции, 22–23 сентября 2016 г. / Под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2017. С. 31–32.

[2] Лешков В. Н. О праве самостоятельности, как основе для самоуправления. М.: Университетская типография, 1871. С. 6.

[3] Там же. С. 24.

[4] Лебедева Е. В. Некоторые проблемы взаимодействия государства и гражданского общества // Вестник ЮУрГУ, № 13, 2006. С. 271.

[5] Чиркин В. Е. Современное государство. М.: МНИМП, 2001. С. 298.

[6] Калашников С. В. Конституционные основы формирования гражданского общества в России. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2001. С. 11.

[7] Нижник Н. С., Меньшикова Н. С. Полиция и гражданское общество в России: взаимодействие и сотрудничество: Монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. С. 54–70; Nizhnik N. S. Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime // International Scientific Conference «Archibald Reiss Days» (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of International Significance. Vol. 2. Beograd: Kriminalističko-policijska akademija, 2017.S. 241–251.

ситуацию с взаимодействием органов государственной власти и гражданского общества.

В настоящее время в связи с формированием в России гражданского общества теоретико-правовые идеи и труды В. Н. Лешкова приобрели особую актуальность и требуют определения возможности их использования для преобразования механизма местного самоуправления и привлечения к управленческой деятельности всех слоев населения, общественных организаций на основе создания специальных форм самоуправляемых общественных объединений.

Ястребова Юлиана Игоревна,
аспирант Кубанского государственного
аграрного университета

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УСТРОЙСТВА ЕЙСКОЙ ТАМОЖНИ В КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

30 июня 1792 г. Екатерина II подписала указ о переселении Черноморского войска на земли Кубани и жалованную грамоту на вечное владение ими[1]. Впоследствии появилось значительное количество нормативных актов, регулирующих деятельность казачества. Так, 6 марта 1848 г. император Николай I своим указом повелел: «На Азовском море, в пределах войска Черноморского, у так называемой Ейской косе, открыть порт и учредить город, который именовать: портовый город Ейск». При порте планировалось создание таможенной заставы, «дозволив ей очищать пошлиною Российские произведения, перевозимые в другие Российские и иностранные порты, а из иностранных товаров принимать только те, кои очищены пошлиною в других Российских таможнях»[2]. Ейская таможенная застава, фактически приступившая к своей деятельности в первом квартале 1850 г.[3], находилась в ведении наказного атамана Черноморского казачьего войска,

[1] Рассказов Л.П. и др. Кубань и казачество (конец XVIII в.-1920 г.) (историко-правовое исследование: Монография / Под ред. Л.П. Рассказова. – Ростов-на- Дону,2003. С.14.

[2] О открытии на Азовском море в пределах войска Черноморского портового города Ейска. Именной указ, данный Сенату 6 марта 1848 г. / Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Собр. 2. – Т. 23. – № 22058.

[3] Андреев А.О. История таможенных учреждений на Кубани с начала XIX века // Научное наследие Ф.А. Щербины: Казачество и история Кавказа. Сб. материалов XV международной научно-практической конференции / Отв. ред. И.А. Харитонов. Т. 1. Ч. 1. – Краснодар, 2015. – С. 135.

«под главным начальством Наместника Кавказского», со штатом: надзиратель; канцелярский чиновник среднего разряда; писец; досмотрщики – 10; всего 13 служащих, на годовое содержание которых отводилось почти 1095 рублей[1]. Уже в первый же год своей деятельности, в ходе таможенных операций, в Ейскую таможенную заставу поступило таможенных сборов с «отвозных» товаров на сумму 1430 руб. серебром, включая пошлины[2].

Ейский порт достаточно динамично развивался. Так, в период навигации 1852 г. туда из-за границы и российских портов прибыло 164 судна, доставивших грузов на сумму более 93 тыс. руб. и вывезших товаров почти на 123 тыс. руб. Уже на следующий год за границу и в отечественные порты было отправлено 35 тыс. четвертей[3] пшеницы, 12 тыс. четвертей льняного семени и 5 тыс. пудов шерсти. В 1858 г. из порта было вывезено сельскохозяйственных продуктов на сумму около 530 тыс. рублей[4].

В соответствии с принятым в 1857 г. «Сводом учреждений и Уставов таможенных» Ейская застава продолжала «очищать пошлиною одни Российские произведения, перевозимые в другие Российские или иностранные порты», подчиняясь наказному атаману Черноморского казачьего войска, который наделялся правами начальника таможенного округа «под главным ведением Наместника Кавказского»[5].

В рассматриваемое время на Кубани произошли существенные изменения в сфере административно-территориальных преобразований: 8 февраля 1860 г. из правого крыла Кавказской линии была образована Кубанская область[6], в состав которой вошла территория от северо-восточного берега Черного моря до верховьев реки Малки, включавшая земли Черномории, Старой Линии и Черноморское побережье, а также вновь занимаемые пространства за рекой Кубань[7]. Помимо этого, 19 ноября 1860 г. из Черноморского казачьего войска и шести бригад Кавказского линейного казачьего войска было образовано Кубанское казачье войско (ККВ). Звание наказного ата-

---

[1] ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 23. – Штаты и табели. – к № 22058.

[2] Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 636. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 1.

[3] Четверть – русская единица измерения объема сыпучих тел; 1 четверть составляла около 210 литров.

[4] Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года / Сост. Б.А. Трехбратов. – Краснодар, 1997. – С. 153.

[5] Таможенное Учреждение и Устав по Европейской торговле. Книга 1 / СЗРИ. Т. 6. – СПб., 1857. – С. 12.

[6] О том, чтобы правое и левое крылья Кавказской линии именовать Кубанскою и Терскою областями, а все пространство к северу от главного хребта Кавказских гор – Северным Кавказом. Именной указ, объявленный Сенату Министерством Юстиции 8 февраля 1860 г. / ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 35. – № 35421.

[7] Екатеринодар – Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях / Ред.-сост. И.Ю. Бондарь. – Краснодар, 1993. – С. 120.

мана ККВ присваивалось начальнику Кубанской области, в ведение которого передавалось заведывание Ейском, Темрюком и таможенными учреждениями на восточных берегах Азовского и Черного морей, «входившее в обязанности наказного атамана Черноморского казачьего войска», в соответствии «с правами, ему предоставленными вообще по гражданской части». В этой сфере начальник Кубанской области (он же наказной атаман ККВ) подчинялся Наместнику Кавказскому, который одновременно являлся и Главнокомандующим Кавказской Армией[1].

Указанные реорганизации повлекли за собой процесс оформления таможенных органов в Кубанской области. Так, 14 сентября 1860 г. «в виде опыта, до 1 января 1863 года» Наместник Кавказский преобразовал Ейскую заставу в Ейскую таможню 1-го класса 2-го разряда и утвердил ее штаты: управляющий; член таможни; секретарь, он же казначей; бухгалтер, он же выкладчик пошлин; пакгаузный надзиратель; корабельный смотритель, он же помощник пакгаузного надзирателя; переводчик; досмотрщики – 15. Итого: 22 человека[2].

Для «ближайшего надзора» за деятельностью Ейской таможни из Кавказского Наместничества, штаб-квартира которого дислоцировалась в Тифлисе, 3 ноября 1860 г. был откомандирован в Ейск, «по освобождении от занятий по Финансовому Департаменту», чиновник особых поручений коллежский советник В.А. Новицкий[3]. Его полномочия регламентировались утвержденной Наместником Кавказским, князем А.И. Барятинским «Инструкцией чиновнику, назначенному для ближнего надзора за действиями Ейской таможни в качестве таможенного ревизора». Согласно Инструкции В.А. Новицкий направлялся в распоряжение начальника Кубанской области для исполнения всех его поручений, касающихся таможенной сферы. Главной обязанностью таможенного ревизора являлось постоянное наблюдение за правомерностью операционных действий Ейской таможни, при этом он наделялся правами присутствовать при досмотре товаров, проверять учетные книги, денежные и товарные документы, наличные суммы, дела и казенное имущество таможни, а также «наблюдать за действиями каждого из служащих лиц». По результатам своих наблюдений, таможенный ревизор обязан был информировать начальника Кубанской области о мерах, «могущих служить к оживлению заграничной торговли Ейска», о сотрудниках таможни, достойных поощрения за свою работу, а также о «нерадивых или не способных к должности», с заменой их «лицами, ему известными». Таким

[1] О некоторых изменениях в Положениях казачьих войск Черноморского и Кавказского линейного, переименованных в Кубанское и Терское казачьи войска. Именной указ, объявленный Сенату Военным Министром 19 ноября 1860 г. / ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 35. – № 36327.

[2] ГАКК. – Ф. 636. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 2-4.

[3] ГАКК. – Ф. 636. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 9.

образом, таможенный ревизор обязан был докладывать в Екатеринодар «вообще о всех предметах, к лучшему устройству Ейской таможни относящихся». В случаях, не терпящих отлагательства и относящихся к пресечению злоупотреблений или «других вредных для службы беспорядков», В.А. Новицкому делегировалось право «давать Ейской таможне предложения об исполнении законного порядка», а также приступить «в нужных случаях к производству следствия о злоупотреблениях», с докладом об этом начальнику Кубанской области. Все служащие таможни обязывались беспрекословно исполнять законные требования ревизора, «под опасением в противном случае строгой ответственности». В случаях же, когда они признавали его требования «не сообразными», таможенники были обязаны «доносить начальнику области и ожидать разрешения» конфликтной ситуации[1]. Комментируя положения указанной Инструкции можно констатировать, что она наделяла таможенного ревизора широкими полномочиями в сферах аналитико-экономической, финансовой, управленческой, делопроизводственной, инспекционной и кадровой деятельности.

По прибытии в Ейск и «обревизования» порядка делопроизводства Ейской таможни «за время бытности ея заставой»[2], В.А. Новицкий обнаружил ряд незначительных упущений в ведении делопроизводственной части, а при проверке катера, находящегося на балансе таможни, признал, что он находится в «ветхом положении». В связи с этим им было предложено «войти теперь же к начальнику Кубанской области с представлением об отпуске денег для постройки нового катера»[3]. О результатах проверки В.А. Новицкий доложил начальнику Кубанской области генерал-адъютанту Н.И. Евдокимову, который предложил «открыть действия таможни тогда, когда Вы, по местным обстоятельствам, признаете это удобным»[4].

4 декабря 1860 г. таможенный ревизор докладывал в Екатеринодар, что фактически деятельность Ейской таможни может осуществляться только с прибытием в порт зарубежных судов, однако, «принимая в соображение, что торгующее здешнее купечество находится по разным городам и известие об учреждении здесь таможни может дойти до них не скоро, а между тем сведение об этом им необходимо до прихода еще первых кораблей», В.А. Новицкий принял решение об открытии с 1 января 1861 г. деятельности таможни. Информация об этом «для сведения всех торгующих» была «прибита к дверям» таможни[5].

---

[1] ГАКК. – Ф. 636. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 8-9.
[2] ГАКК. – Ф. 636. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 2.
[3] ГАКК. – Ф. 636. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 6-7.
[4] ГАКК. – Ф. 766. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 3.
[5] ГАКК. – Ф. 766. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 4-4об.

1 января 1861 г. состоялось торжественное открытие Ейской таможни: «По этому случаю были приглашены в дом, занимаемый бывшей заставой, все местное Духовенство, а равно и служащие здесь и все граждане». В связи с этим мероприятием В.А. Новичкий, управляющий Ейской таможни А.Д. Триндафилов, член таможни В.В. Котовский и пакгаузный надзиратель Д.К. Триновитов составили акт. В нем, в частности, отмечалось, что «по прочтении распоряжения Кавказского Наместника об открытии Ейской таможни и по совершении собором молебствия, с провозглашением долголетия Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру Николаевичу, всему Августейшему дому и всем Начальствующим в крае, окроплены святою водою все комнаты здания»[1]. Таким образом, Ейская таможня 1-го класса 2-го разряда стала первой среди таможенных учреждений вновь образованной Кубанской области, приступившей к выполнению своих функций.

В целях оптимизации системы таможенных органов 31 марта 1861 г. Наместник Кавказский утвердил «Положение об устройстве и управлении карантинно-таможенной части на Кавказе и за Кавказом»[2], вследствие чего на территории Кубанской области был учрежден Кубанский карантинно-таможенный округ (КТО), а «таможенный ревизор» В.А. Новицкий был назначен инспектором КТО при начальнике области. 5 мая 1861 г. он получил предписание начальника Кубанской области «осмотреть всю местность вновь открытого Кубанского карантинно-таможенного округа», и представить свои «соображения об устройстве на оном карантинно-таможенных учреждений»[3].

С учетом изложенного можно констатировать, что открытие Ейского порта, а в последствие и таможни при нем, способствовало не только экономическому развитию территории Кубани после окончания Крымской войны, но и переходу к мирному строительству и налаживанию экономических торговых связей не только с другими регионами Российской империи, но и зарубежными государствами. Следует также признать, что верховная власть достаточно верно оценила потенциал и стратегически оправданное возведение Ейского порта на побережье Азовского моря.

[1] ГАКК. – Ф. 766. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 8-9.
[2] ГАКК. – Ф. 766. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 20об.
[3] ГАКК. – Ф. 636. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 5.

Котолупова Елена Игоревна,
магистрант 1 курса Крымского
юридического института (филиала)
университета Генеральной
прокуратуры Российской Федерации

«ПОЛИТИКА ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ» КАК ОСНОВНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Актуальность выбранной темы обуславливается тем, что, терроризм, являясь проблемой мирового масштаба, так или иначе затрагивает интересы всех стран и побуждает их к объединению усилий для создания механизмов решения данной проблемы. Более того, терроризм серьезно дестабилизирует нормальное развитие общественных, в том числе и международных отношений[1].

В свою очередь, значимость выбранной тематики подчеркивается увеличением количества совершаемых преступлений террористической направленности, которая свидетельствуют о неэффективности существующих механизмов борьбы с ними. Подобные тенденции наблюдались в 2015 году, начало которого ознаменовалось серией терактов в Нигерии, Турции, во Франции и в Израиле. В 2016 году теракты произошли в 104 странах, а в 2017 год был совершен ряд террористических атак, жертвами которых стали граждане США и России, Ирана и Великобритании и многих других стран.

Несмотря на активное участие всех стран в противодействии терроризму, сегодня существует немало проблем, препятствующих достижению желаемого результата:

1. Отсутствие единого определения понятия «терроризм», что препятствует осуществлению сотрудничества между государствами, делает его неполноценным и сконцентрированным только на отдельных направлениях, представляющих наибольшую опасность международному сообществу.

2. Несвоевременность и неэффективность борьбы с качественным и количественным увеличением числа террористических актов[2]. Активизация мер, направленных на противодействие международному терроризму, начинается после совершения масштабных международных террористических актов.

---

[1] Умирзахов Н. У. Современные проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом // Молодой ученый. — 2016. — №27. — С. 619-621.

[2] Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. - М.: Юрлитинформ, 2002. – С. 18.

3. Смыкание и взаимодействие внутреннего и международного терроризма[1].

4. Финансирование терроризма за счет средств граждан и юридических лиц, находящихся на территории Российской Федерации. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, на данный момент более 5000 юридических лиц находятся на оперативном учете в связи с тем, что они осуществляют финансирование террористической деятельности[2].

Кроме того, достаточно высок уровень финансирования террористической деятельности за счет транснациональных преступных организаций, деятельность которых связана с незаконным оборотом наркотических средств и оружия на национальном и международном уровне.

Следует подчеркнуть, что одной из наиболее существенных проблем является наличие в международных отношениях, так называемой, политики «двойных стандартов», которая является неотъемлемым элементов внешней политики ряда современных государств.

Политика двойных стандартов или двойной морали в контексте международного сотрудничества в борьбе с терроризмом представляет собой применение дискриминационных методов оценки действий населения, стран или рас. Иными словами, в оценке определенных действий главную роль играют не реальные факты и обстоятельства, а отношение оценщика к оцениваемому. Так, на практике действия «своих» всегда оправданы, а идентичные действия «чужих» считаются недопустимыми. Данное явление имеет широкое распространение, хотя и отрицается на официальном уровне.

Необходимо отметить, что с формальной точки зрения для взаимодействия государств в борьбе с терроризмом на сегодняшний день никаких препятствий не существует. Тем не менее, фактически любой акт международного терроризма оценивается отдельно взятым государством через призму собственных внутринациональных интересов, которые не только разнятся, но и могут быть абсолютно противоположными. Как следствие совершение конкретного теракта может нанести существенный ущерб безопасности одного государства, не затронув при этом интересы другого, но происходить в интересах третьего.

Как ни странно, полноценное, взаимовыгодное и эффективное сотрудничество различных государств в борьбе с международным терроризмом может осуществляться только в случае, если эти усилия направлены на борьбу с общим для всех источником угрозы.

---

[1] Ледях И.А. Борьба с международным терроризмом и защита прав человека [Электронный ресурс] Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-mezhdunarodnym-terrorizmom-i-zaschita-prav-cheloveka

[2] Показатели преступности в России [Электронный ресурс] Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map

Учитывая тот факт, что терроризм в силу своей религиозной и этнонациональной направленности является сложным и крайне противоречивым явлением, некоторые страны оценивают происходящее в мире через призму своих геополитических интересов. Как следствие существует различный подход государств к оценке тех или иных действий, которые одними признаются как террористические, а другими — как стремление к национальной независимости, борьбу за демократические свободы. Стремление государства защитить свои интересы приводит к преобладанию внутринациональных интересов над межнациональными.

Как отмечает руководство и сотрудники Антитеррористического центра СНГ: «Процесс сближения позиций государств в деле борьбы с терроризмом сложен»[1]. Выработка программных документов, направленных на регламентацию деятельности по борьбе с терроризмом, для государств СНГ сопряжена с рядом трудностей ввиду существующих между ними политических разногласий. К примеру, террористические угрозы Арменией и Азербайджаном, Россией и Грузией зачастую оцениваются по-разному, нередко государства обвиняют друг друга в пособничестве терроризму.

Для преодоления указанных трудностей, а также обеспечения эффективного сотрудничества в борьбе с международным терроризмом, необходимо следующее:

- системный характер антитеррористических мер;
- гибкость реагирования на террористические угрозы;
- адекватность принимаемых антитеррористических мер степени, характеру и масштабам террористической угрозы;
- приоритет мер профилактики.

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод о том, что, несмотря на стремление международного сообщества побороть международный терроризм, существует ряд проблем, препятствующих этому. Одной из наиболее значительных среди них является неэффективное международное сотрудничество государств в данной сфере.

[1] Мыльников Б.А. Проблемы международного сотрудничества в борьбе с терроризмом [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.cis.minsk.by/page.php?id=5574

Мищенко Виктор Юрьевич,
магистрант 2 курса Крымского
юридического института (филиала)
университета Генеральной
прокуратуры Российской Федерации

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О низком уровне правовой грамотности и культуры свидетельствуют неоднократные случаи внесения в Государственный Совет Республики Крым проектов нормативных правовых актов, противоречащих федеральному законодательству и не соответствующих правилам юридической техники.

Одним из примеров внесения таких проектов нормативных правовых актов является подготовленный Оленевским сельским советом Черноморского района Республики Крым, проект Закона Республики Крым «О внесении изменений в Закон Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» от24 октября 2017 года за №1401/30-10. Данным проектом закона предлагалось внести в Закон республики Крым №38-зрк/2015 «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» изменения, дополнив его статьей 2.2 следующего содержания: «после утверждения в установленном законодательством Российской Федерации порядке генеральных планов поселений и генеральных планов городских округов на территории Республики Крым, признать все земли в границах населенных пунктов установленных в соответствии с такими генеральными планами, землями муниципальной формы собственности соответствующих муниципальных образований, за исключением земель под объектами государственной, республиканской и федеральной формы собственности в границах таких населенных пунктов, а так же за исключением земель частной формы собственности».

Согласно части 1 статьи 12-1 Федерального Конституционного закона от 21.03.2014 №6-ФКЗ «О принятии в Российскую федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» до 1 января 2019 года на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя особенности регулирования имущественных, градостроительных, земельных и лесных отношений, а также отношений в сфере кадастрового учета недвижимости и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним могут быть установлены нормативными правовыми актами Республики Крым и города федерального значения

Севастополя по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченном на осуществление нормативно-правового регулирования в соответствующей сфере[1].

Закон Республики Крым от 31.07.2014 №38-ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым», а также внесение в него изменения в установленном порядке согласованны с Министерством экономического развития Российской Федерации. Таким образом, принятие данного Проекта закона входит в компетенцию Государственного Совета Республики Крым при условии его согласования с Министерством экономического развития Российской Федерации.

Также при подготовке данного проекта авторами не был учтен тот факт, что федеральное законодательство не содержит понятия «республиканская форма собственности».

Кроме того, в соответствии со статьей 2 указанного Проекта закона настоящий закон вступает в силу в течение 10 дней с момента опубликования.

Вместе с тем согласно части 5 статьи 8 Федерального закона от 06.10.1999 №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных(представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» закон Субъекта Российской Федерации вступает в силу после его официального опубликования. Законы и иные нормативные правовые акты субъекта Российской Федерации по вопросам защиты прав и свобод человека и гражданина вступают в силу не ранее чем через десять дней после их официального опубликования[2].

Помимо указанных недостатков данный законопроект изобилует нарушениями правил юридической техники, которые заключаются в нарушении пункта 3 главы 6 Методических рекомендаций по применению юридической техники при оформлении документов, рассматриваемых и принимаемых Государственным Советом Республики Крым, утвержденных постановлением Президиума Государственного Совета Республики Крым от 15.09.2015 №п91-1/15: если в нормативный правовой акт вносятся изменения, то обязательно в проекте указывается источник официального опубликования этого нормативного правового акта[3]. Данное требование не было выполнено автором.

---

[1] Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 N 6-ФКЗ (ред. от 28.12.2017) "О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя".

[2] Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" от 06.10.1999 N 184-ФЗ

[3] Методические рекомендации по применению юридической техники при оформлении документов, рассматриваемых и принимаемых Государственным Советом Республики Крым и его Президиумом // Государственный Совет Республики Крым: Сайт. URL: http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/act/p91pr.pdf (дата обращения: 19.02.2018).

Также в данном Проекте закона имеются и иные многочисленные нарушения юридической техники, в частности не соблюдение правил орфографии и пунктуации.

Особого внимания заслуживает проект Закона Республики Крым «О правовых актах, решениях и действиях, принятых (изданных), совершенных в переходный период на территории Республики Крым» от 21 июня 2016 года за №923/30-10, внесенный на рассмотрение депутатом Государственного Совета Республике Крым Шувайниковым С.И.

Данным законопроектом предлагалось закрепить положения, согласно которому все правовые акты, решения и действий органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц, а также лиц, замещающих государственные, муниципальные должности, государственных гражданских, муниципальных служащих, принятые (изданные), свершённые на территории Республике Крым в период с 27 февраля 2014 года по 1 января 2015 года в целях обеспечения охраны общественного порядка, защиты интересов населения, проживающего не территории Республике Крым, недопущения обстановки работы объектов жизнеобеспечения населения на территории Республике Крым, считаются легитимными и правомерными[1].

Указанный Проект закона противоречит Главе 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, которой предусмотрен порядок оспаривания нормативных правовых актов. При этом согласно части 9 статьи 213 данного Кодекса обязанность доказывания соответствия, оспариваемого нормативного правового акта или его части нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, возлагается на орган, организацию, должностное лицо, принявшие оспариваемый нормативный правовой акт[2].

Таким образом, в силу федерального законодательства правовые акты, принятые в Республике Крым в переходный период, могут быть признаны в установленном законом порядке противоречащими Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству.

Признавая на законодательном уровне все правовые акты, решения и действия органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц изначально легитимными и правомерными в переходной период, Проект закона вступает в противоречие с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством, а также позволяет соответствующим органам избежать обязанности доказывать правомерность своих

---

[1] Закон Республики Крым «О правовых актах, решениях и действиях, принятых (изданных), совершенных в переходный период на территории Республики Крым» // Государственный Совет Республики Крым: Сайт. URL: http://crimea.gov.ru/draft/5101 (дата обращения: 19.02.2018).

[2] "Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации" от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 28.12.2017).

действий либо законность изданных нормативных правовых актов, оспоренных в судебном порядке, что может повлечь нарушение прав и законных интересов граждан.

Также указанное обстоятельство является коррупциогенным фактором, предусмотренным подпунктом «д» пункта 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96, поскольку принятие данного законопроекта выходит за пределы компетенции Государственного Совета Республики Крым[1].

Исследование рассмотренной проблемы позволяет сделать вывод о необходимости проведения регулярных мероприятий, направленных на повышение качества законопроектной работы уполномоченных субъектов, с целью устранения правовой неграмотности указанных лиц. К числу рекомендуемых для проведения мероприятий можно отнести организацию совещаний, семинаров, круглых столов, курсов повышения квалификации с участием сотрудников прокуратуры, ответственных за взаимодействие с представительными (законодательными) и исполнительными органами власти, органами местного самоуправления.

Юзумджю Севги Чингизовна,
магистрант 1 курса Крымского
юридического института (филиала)
университета прокуратуры
Российской Федерации

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА АККУЛЬТУРАЦИЮ И ДЕКУЛЬТУРАЦИЮ

Характерной чертой для культурной глобализации является сплочение культуры общения и массовой потребительской культуры между разными странами мира, а также развитие международного общения. Данное обстоятельство приводит к распространению различных видов культур по всему миру с одной стороны и вытеснение или превращение национальных

[1] Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 N 96 (ред. от 10.07.2017) "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов" (вместе с "Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов", "Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов").

культур в интернациональные – с другой[1]. Таким образом, развитие мировой культуры приводит к существенным изменениям в системе взаимоотношений между народной и массовой культурами.

Глобализация проявляется в том, что социальные процессы в одной части мира все больше влияют на происходящие во всех других его частях, а данные изменения, в свою очередь, являются последовательными. Межгосударственные границы становятся все более прозрачными и легко преодолимыми, что вызывает и «стирание» межнациональных границ[2].

Процесс межкультурного взаимодействия предполагает приспособление индивида к элементам новой культуры, в результате которого, происходит процесс аккультурации. Именно поэтому, аккультурация является результатом проявления глобализации.

Первым автором, употребившим термин «аккультурация» был немецкий этнолог В. Крикенберг, который использовал его для обозначения культурного взаимодействия между некоторыми племенами Южной Америки[3].

Изначально, интерес к процессу аккультурации был вызван ситуацией, связанной с вопросами миграции. Исследования, проводившиеся в европейских государствах, показали ряд проблем, возникших в результате культурного контакта между представителями традиционных национальных культур и капиталистического общества[4].

Таким образом, аккультурация – это процесс социальных, психологических и культурных изменений, происходящих в результате смешения культур.

Необходимо отметить, что в социологии нет единообразного понимания сущности процессов аккультурации. Однако, возможно выделить основные категории:

- суть аккультурации состоит в том, чтобы создать единую мировую культуру;
- аккультурация понимается как развивающаяся взаимосвязь различных культур, которая не порождает новую культуру, а построена либо на одной из доминирующей, либо на их смешении;
- процесс достижения общности сознания, которое состоит в понимании различных национальных культур в проекции глобального мира[5].

---

[1] Горшкова В.В. Российское образование в контексте становления глобальной культуры / В.В. Горшкова // Образование и диалог культур, 2012. – №3. – С.126.

[2] Байдаров Е.У. Глобализация в культурно-цивилизационных процессах современности / Е.У. Байдаров // Социосфера, 2011. – №30. – С.31.

[3] Ушанова И.А. Проблемы аккультурации в Германии конца XX века и их отражение в языке / И.А. Ушанова. – Великий Новгород, 2001. – С.5.

[4] Абрамян Н.Л. Диалог культур: проблемы и перспективы / Н.Л. Абрамян // Этнокультурное разнообразие и проблема взаимодействия культур. – М., 2004. – С.8.

[5] Ушанова И.А. Перспективы развития теории аккультурации в глобализованном мире / И.А. Ушанова // Вестник Новгородского университета, 2003. – №24. – С.71.

Способы изучения аккультурации применялись к исследованию процесса глобализации. На первых этапах внимание акцентировалось на влияние «господствующей» культуры на «подчиняющуюся», однако позже предметом исследования стали обратные явления.

На сегодняшний день, ученые перестали рассматривать аккультурацию только в качестве группового феномена, изучение происходит на уровне психологии индивида, представляя процесс аккультурации как изменение ценностных ориентиров, культурного поведения и социальных установок.

Следует подчеркнуть, что аккультурация зависит от политических, экономических, социальных и других факторов. В последнее время все больше внимания уделяется изучению национальных культур в условиях глобализации.

При исследовании такого феномена как аккультурация на первый план выдвигаются две основные проблемы: поддержание культуры, которое предполагает признание важности сохранения культурной идентичности; участие в межкультурных контактах, имеется в виду, включение в иную культуру или исключение ее вовсе. Последнее подразумевает декультурацию.

Одной из основных проблем взаимодействия правовых культур является декультурация, то есть разрушение одной правовой культуры при заимствовании правовых ценностей, норм, традиций и так далее у другой. Повышение взаимодействия между различными национальными культурами требует от каждой правовой культуры стойкости и терпимости по отношению к другим и способности к усвоению инноваций при этом не теряя совей самобытности[1]. Разумеется, участники международных отношений сталкиваются с множеством препятствий в процессе адаптации с различными культурами, что, в свою очередь, понижает эффективность реализации различных международных проектов. Однако, диалог культур предполагает не только обмен достижениями материальной и духовной культуры стран и народов, но и диалог культур в виде взаимодействия этносов.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что аккультурация играет важную роль в глобальном обществе. Процесс аккультурации предполагает изучение норм другой культуры, знакомство с ее историческим наследием, позволяет найти эффективную технологию общения людей.

[1] Степин В.С., Гусейнов А.А. Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / В.С. Степин, А.А. Гусейнов // Ин-т философии. – М., 2005. – №10. – С.15.

Галекбаров Герман Викторович,
студент 2 курса Иркутского
юридического института (филиала)
академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации;
Пьянков Михаил Олегович,
студент 2 курса Иркутского
юридического института (филиала)
академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЧИПИРОВАНИЯ ДРЕВЕСИНЫ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМИ РУБКАМИ

Лес – важнейшее богатство и достояние Российской Федерации, выполняющее, в первую очередь функции по выработке кислорода, необходимого для поддержания жизнедеятельности большинства живых существ. Вместе с тем лес выполняет и экономическую функцию, занимая не последнее место в доходной части бюджете РФ, поэтому всё чаще становящийся объектом гражданских правоотношений. Как показывает статистика Верховного Суда, данная сфера высоко криминализирована (только за 2015 год был вынесен обвинительный приговор по 821 уголовному делу). По данным WWF, не менее половины заготавливаемой древесины имеет криминальное происхождение. Кроме того, львиная доля производств по уголовным делам прекращается ввиду отсутствия события правонарушения. Именно поэтому становится все более актуальным вопрос о необходимости учёта древесины.

Со стороны Правительства РФ в постановлении от 8 апреля 1999 года № 394 имели место попытки внедрения аэрокосмического мониторинга местности, необходимого для фиксации соответствующих правонарушений с целью более оперативного реагирования на них. Однако, как показала практика, ожидание соответствующих результатов может составлять несколько месяцев, в связи с чем возникли обоснованные сомнения в необходимости применения такового.

Понимая это, законодатель пришёл к выводу о необходимости маркировки и контроля за пунктами приема и переработки древесины посредством отслеживания реализуемой древесины, в связи с чем в Лесной кодекс в 2013 году была включена глава 2.1. Однако такие способы, как гравирование, окрашивание, биркование, клеймение, не дали должных результатов ввиду возможного устранения данных опознавательных знаков со стороны правонарушителей.

Поэтому Законодательное Собрание Иркутской области приняло решение о внедрении этого проекта, что и было предусмотрено в законе Иркутской области «О реализации закона Иркутской области "Об организации деятельности пунктов приема, переработки и отгрузки древесины на территории Иркутской области». Способом маркировки было избрано чипирование лесоматериалов.

Для выяснения сущности данного метода необходимо прибегнуть к опыту зарубежных стран. Так, в Румынии, где процветает незаконная рубка леса, была внедрена система чипирования в 2016 году. Эксперты Австрийской компании (лидирующая в данной сфере) убеждены, что RFID-чип, внедренный в древесину, будет служить доказательством, исключающим «криминальное прошлое» дерева[1].

В проекте это выглядит так: работник трансильванских лесов, спиливший ель в зрелом лесу в Карпатских горах, применяет RFID-чип. Он регистрирует идентификатор чипа на смартфоне, который записывает GPS-координаты пня, оставленного в лесу. Чип несет точные координаты места сбора, сообщая, откуда древесина берет свое начало. Лесопильные заводы могут, например, легко доказать, что доставленный материал поступает из авторизованных лесосек. По мнению специалистов, дело того стоит, тем более что основные чипы недорогие, они широкодоступны и используют стандартизированную технологию. А сейчас разрабатывается надежный способ внедрения чипа в бревно. Возможно, его будут забивать примерно на 1 сантиметр как в переднюю, так и заднюю часть. Место внедрения планируют окрашивать, чтобы чип легче было найти, а прилегающая древесина будет выполнять защитную роль от истирания и ударов[2].

Именно этот проект заимствован Иркутской областью. Для этого была проведены соответствующие мероприятия с пунктами приема и отгрузки древесины, которых на территории области по состоянию на конец 2016 года было около 3000. Поскольку контролировать такое количество субъектов практически невозможно, были установлены законодательные требования к подобным организациям (например, ведение деятельности на собственных земельных участках), которые привели к снижению количества пунктов[3]. Следующим шагом пилотного проекта стало изготовление специ-

---

[1] Бельков, В. А. Чипирование лесоматериалов как фактор повышения эффективности борьбы с преступлениями в лесной отрасли / В. А. Бельков, Я. Б. Дицевич // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40) . С. 162–167.

[2] Лесные нелегалы. Как чипирование древесины нанесет удар по черным лесорубам [Электронный ресурс]. URL : http://www.spb.aif.ru/money/industry/lesnye_nelegaly_kak_chipirovanie_drevesiny_naneset_udar_po_chernym_lesorubam (05.04.2018).

[3] Об организации деятельности пунктов приема, переработки и отгрузки древесины на территории Иркутской области [Электронный ресурс] : постановление Законодательного Собрания Иркутской области от 23 ноября 2016 года [в ред. от 23 ноября 2016 года] № 44/20-ЗС // Доступ СПС «КонсультантПлюс».

альных идентификационных пластиковых карт (чипов), имеющих 7 степеней защиты и содержащих необходимые сведения о лесозаготовителе и самой древесине.

Этапы процедуры заготовки древесины:

1. Перед заготовкой древесины подается лесная декларация, на основании которой на каждую партию леса заполняется карточка с индивидуальным номером.

2. Данный номер заносится в Единую государственную автоматизированную информационную систему «Учет древесины и сделок с ней» (далее – ЕГАИС).

3. Активация карты, привязанной к месту заготовки, наступает в момент ее выдачи территориальным отделом Министерства лесного комплекса Иркутской области.

4. Партия леса, поступившая с выданной картой на пункт приема древесины, вычитается от объема выданной лесосеки.

5. На пункте приема составляется акт переработки древесины с указанием номера карточки, а полученная информация передается в ЕГАИС и региональную электронную систему по движению пиломатериалов Иркутской области, отображаясь в режиме реального времени. Действие карты, изготовлением которой занимается «Росатом», прекращается с выработкой объема лесосеки[1].

Введение системы чипирования лесоматериалов будет имеет следующие преимущества:

1. Возможность в режиме реального времени отслеживать местоположение лесовозов. Благодаря установленной на транспортное средство системе ГЛОНАСС с GSM-модулем возможно с высокой достоверностью (погрешность не превышает 15 метров) отображать их текущее положение на электронной карте[2].

2. Возможность устанавливать историю перемещения лесовозов. Имеющийся на транспортном средстве модуль выступает в качестве накопителя информации о маршруте передвижения, скорости движения и периодах стоянки. При этом имеется возможность соответствующего программирования модуля на выполнение иных задач, после чего устройство может стать носителем информации и о других необходимых сведениях. Также в случае наличия технической возможности необходимые архивные сведения могут быть переданы дистанционно и отображаться на электронной карте с указанием маршрута передвижения в запрашиваемый интервал времени[3].

---

[1] Минлес Приангарья заявил о радикальном отличии нового закона о пунктах приема // Московский комсомолец в Иркутске: официальный сайт. URL: http://baikal.mk.ru/articles/2016/08/31/minles-priangarya-zayavil-o-radikalnom-otlichii-novogo-zakona-o-punktakhpriema-drevesiny-ot-otmenennogo-v-2015-godu.html (05.04.2018).

[2] Бельков В. А. Указ. соч. С. 165.

[3] Там же. С. 165.

3. Высокая степень защиты от подделок. Такие чипы, производимые «Росатомом», имеют 7 степеней защиты, которая гарантирует высокий уровень защиты от подделки. Чип представляет собой пластиковую карточку с вмонтированной микросхемой. Данный способ представляется более удобным по сравнению с бумажными носителями.

4. Отчасти это позволит решить проблему с «серыми лесорубами», так как крайне маловероятно заключение гражданско-правовой сделки, предметом которой будет неидентифицированная древесина.

Данный проект обладает определенными недостатками. Например, пункт приёма древесины может закрыться за один день. Возникает возможность взять карточку на вырубку леса, несколько партий леса отправить на пункт и за один день его закрыть. Поэтому должен быть предусмотрен механизм для того, чтобы пункт не мог закрыться и сняться с учета за один день вместе со всеми документами. Так, в селе Никольск Иркутского района два пункта приема леса были сняты с учета за день до проверки, также была вывезена древесина[1].

Ввиду того, что перечень способов маркировки законодатель оставил открытым, какие-либо ограничения для введения полного чипирования лесоматериалов на территории РФ отсутствуют. Однако необходимы изменения в главах с 2.1 до 2.3 Лесного кодекса Российской Федерации, Постановления Правительства РФ от 4 ноября 2014 г. № 1161 «Об утверждении Положения о маркировке древесины ценных лесных пород (дуб, бук, ясень)» Постановления Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 1301 «Об утверждении Правил представления информации в единую государственную автоматизированную информационную систему учета древесины и сделок с ней», региональных законов и других актов, регулирующих лесную отрасль, в части введения партионного чипирования, а также необходимости уведомления юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, намеревающимся прекратить свою деятельность, контролирующих органов. Это позволит предотвратить краткосрочную, неправомерную деятельность недобросовестных лесопереработчиков.

Таким образом, применение принципиально нового способа контроля за реализуемой древесиной позволит правоохранительным органам бороться не с последствиями, а с причинами. Это позволит сохранить одно из основных российских национальных богатств – лес.

[1] В дебрях чипирования [Электронный ресурс] // Irk.ru : сайт программирования. URL: https://www.irk.ru/news/articles/20170628/chip/? (05.04.2018).

Дондоков Жаргал Дармаевич,
студент 4 курса Иркутского
юридического института (филиала)
академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОСТИЖЕНИЙ КРИМИНАЛИСТИКИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Криминалистика в качестве области прикладных (эмпирических) знаний, сущность которой заключается в приспособлении результатов естественных и технических наук к нуждам уголовного судопроизводства, по утверждениям многих авторов работ по криминалистике, была выведена из уголовно-процессуальной науки[1]. Отодвигая исследовательский взгляд на историю становления криминалистики как самостоятельной отрасли знаний можно прийти к выводу о том, что она развивалась в качестве практического «инструмента» для приведения в движение процесса расследования и раскрытия преступлений[2]. Об этом свидетельствует фундаментальный труд Ю. Торвальда «Век криминалистики», в котором иллюстрируется процесс становления криминалистики именно рассказами о расследовании и судебном разбирательстве конкретных уголовных дел, вызванных объективной и практической необходимостью борьбы с преступностью. Не смотря на данный факт, с развитием и самой криминалистики, и судебной системы в нынешнее время все больше рассматривается вопрос о возможности использования результатов опыта криминалистики в других сферах деятельности. В рамках настоящего исследования авторский интерес будет составлять использование достижений криминалистической науки не в уголовном, как это не парадоксально, а в гражданском судопроизводстве.

В связи с активным развитием гражданского и гражданского процессуального законодательства в последние годы, все более затруднительным становится установление объективной истины в суде. Но в отличие от уголовного процесса, гражданское процессуальное право не имеет собственной прикладной сопутствующей науки, которая вырабатывала бы соответствующие методы и средства рассмотрения и разрешения дел. Соответственно появляется объективная необходимость в использовании методов и средств поиска, сбора и оценки доказательств других отраслей знаний, к которой относится криминалистика.

Анализ правоприменительной практики показывает, что гражданское процессуальное право активно использует опыт криминалистики в процессе сбора, исследования, оценки и использования доказательств. Применение

---

[1] Аверьянова Т.В., Белкин Р.С. Криминалистика. – М.: НОРМА - ИНФРА-М, 2000. – С. 15.

[2] Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. – М.: Норма, 1999. – С. 1.

такого опыта обусловлено схожими чертами и едиными основами судебной процессуальной деятельности (как уголовной, так и гражданской, арбитражной, административной). Обосновывая возможность применения криминалистических методов в гражданском процессе В.Г. Тихиня указывает, что по своей природе и назначению гражданско-процессуальные нормы не могут содержать конкретных рекомендаций для тактических приемов проведения процессуальных действий, поэтому деятельность суда будет эффективной при применении в гражданском процессе некоторых положений криминалистики[1].

Необходимо отметить, что средства (в широком смысле) криминалистики могут применяться в гражданском процессе в двух формах: непосредственной и опосредованной. К первой форме такого применения можно отнести рекомендации и приемы криминалистической техники в целом, и прежде всего, криминалистического документоведения (как криминалистическое исследование письма – почерковедение и автороведение, так и технико-криминалистическое исследование самого документа). Документы в гражданском процессе на сегодняшний день представляют собой основное средство доказывания, поскольку в них содержится значимая информация по делу. Однако использованы они могут быть только в том случае, если подлинность указанных документов не подвергается сомнению. Разработанные криминалистикой подходы к определению понятия документ, классификации документов, закономерностям формирования почерка, его изменения в течение времени, а также закономерностям отображения сформированных умений и навыков в документах играют важную роль в установлении их подлинности. Как показывает судебная практика чаще всего применение данных методов необходимо при анализе подписей (по делам об оспаривании завещаний, доверенностей и гражданско-правовых сделок), документарных ценных бумаг, их реквизитов и иных составных элементов, последовательности изготовления их отдельных частей в делах о восстановлении прав по утраченным ценным бумагам. В подобных случаях назначаются почерковедческие экспертизы и особый вид технико-криминалистической экспертизы документов – экспертиза подлинности ценных бумаг, в которых исследуются вопросы о групповых и индивидуальных признаках почерка, а также о наличии признаков подчистки, травления, дописки и иных способов подделки. В связи с развитием и расширением прав на результаты интеллектуальной деятельности, в судебной практике, особенно по делам о защите авторских прав, востребованными становятся знания составной части криминалистического исследования письма – криминалистического автороведения.

[1] Тихиня В.Г. Применение криминалистической тактики в гражданском процессе. – Мн.: БГУ, 1976. С. 60.

К иным видам криминалистических экспертиз, проводимых в рамках гражданского судопроизводства, можно отнести экспертизу ДНК по делам об установлении (признании) отцовства (материнства), судебно-фототехническую экспертизу при установлении групповой принадлежности фотоматериалов, условий съемки и изготовления фотоснимков и идентификация объектов, изображенных на фотоснимках, экспертизу веществ и материалов в самых различных категориях дел (в особенности по делам о возмещении ущерба в результате причинения вреда лицу или имуществу, возмещении ущерба, причиненного окружающей среде и др.), баллистическую экспертизу оружия как объекта культурной ценности или характера антиквариата (например, экспертиза ручного огнестрельного оружия или экспертиза холодного оружия), а также трасологические экспертизы. Если для уголовного судопроизводства большее значение имеет идентификация следов человека, то для гражданского судопроизводства более востребованным, как показывает анализ судебной практики, является установление механизма образования следов, прежде всего, следов транспортных средств. При разрешении споров, связанных с возмещением ущерба или реализацией права на страховое возмещение в результате дорожно-транспортного происшествия, большое значение имеет направление движения транспортных средств, скорость их движения и другие обстоятельства, наличие и особенности которых имеют значение для определения характера происшествия и виновности его участников[1]. В целом разнородный характер гражданско-правовых отношений позволяет назначить и провести экспертизы различного характера и самого широкого спектра направлений.

Использование экспертизы в уголовном и гражданском процессе имеет некоторые процессуальные отличия. Так, если в уголовном судопроизводстве экспертиза назначается органами предварительного расследования или судом (даже если сторона защиты инициирует проведение экспертизы, то его производство реализуется посредством ходатайства стороны защиты и соответствующего постановления следователя (дознавателя)), то в гражданском процессе экспертизу назначает как суд, так и сами стороны или иные лица, участвующие в деле, имеют право провести экспертизу и представить заключение эксперта в качестве доказательства непосредственно суду. В соответствии со статей 204 УПК РФ установлены исчерпывающие, строго зафиксированные и императивно установленные сведения, которые указываются в заключении эксперта, тогда как в гражданском судопроизводстве отсутствуют подобные требования к экспертному заключению.

К опосредованной форме применения достижений криминалистики можно отнести рекомендации, выработанные криминалистической тактикой, в частности тактикой допроса и осмотра. Это объясняется тем, что они

[1] Тихиня В.Г. Применение криминалистической тактики в гражданском процессе. – Мн.: БГУ, 1976. С. 60.

применяются опосредованно, преломляясь через особенности гражданского процесса и трансформируясь в зависимости от его задач.

Думается, что в процессе рассмотрения гражданского дела также может сложиться одна из традиционно выделяемых криминалистической тактикой ситуаций: бесконфликтная или конфликтная. Поэтому оправданным будет использование тактических приемов судебного допроса, установлении психологического контакта, особенностей допроса несовершеннолетних лиц (например, при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении), лишении или ограничении родительских прав). Использование тактических приемов осмотра различных объектов в гражданском судопроизводстве является допустимым, обоснованным и целесообразным, поскольку криминалистической тактикой разработаны не только общие подходы к осмотру предметов и документов, но и тактические приемы, применяющиеся в зависимости от особенностей объекта, подлежащего осмотру.

Таким образом, можно отметить неоценимый вклад достижений криминалистической отрасли знаний в развитие и реализацию гражданского судопроизводства. В силу объективного характера результатов научного познания криминалистики и эффективности их использования в процессуальной деятельности многие приемы, методы, способы и технические средства, разработанные криминалистикой, могут быть использованы в гражданском судопроизводстве.

Слепкан Глеб Константинович,
курсант 4 курса Краснодарского
университета МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ КОНТРОЛЕ

Сегодня современное российское общество уже невозможно представить без сравнительно нового конституционно-правового инструмента обеспечения законности и правопорядка – общественного контроля. Он является одним из базовых элементов демократического режима и служит важной составляющей гражданского общества.

Определить природу и специфику понимания общественного контроля достаточно просто, по сути, обратившись к толковому словарю русского языка, мы видим, что контроль означает «наблюдение, надсмотр над чем-нибудь с целью проверки»[1]. Однако слово «общественный» имеет несколько значений, каждое из которых, раскрывает одну из сторон общественного контроля. Рассмотрим их. Прежде всего, это «прилагательное, по

[1] Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т.1. М., 2000. С.1450.

значению связанное с деятельностью людей в обществе»[1], исходя из этого общественный контроль – это наблюдение людей за деятельностью органов государственной власти с целью проверки.

В другом значении слово «общественный» означает «общий, принадлежащий всему обществу»[2], данное значение позволяет полагать, что общественный контроль – это контроль, осуществляемый всем обществом.

Следующее значение означает «организованный коллективом, не частный»[3] позволяет утверждать, что общественный контроль может осуществляться коллективной организацией. И наконец, еще одно значение слова «общественный» предполагает «соответствующий требованиям, интересам коллектива, общества»[4], таким образом, общественный контроль это наблюдение, осуществляемое с целью соблюдения и выражения интересов общества.

Таким образом, общественный контроль можно определить как наблюдение за деятельностью власти, осуществляемое отдельными гражданами, не государственными коллективными организациями и всем обществом с целью проверки соблюдения и выражения интересов общества. При этом следует отметить многозначность термина общественный контроль, составные элементы которого позволяют говорить о его многослойном характере, несмотря на возможность комплексного определения термина.

Если обратиться к законодательству, то под общественным контролем «понимается деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений»[5]. Как видим определение, данное законодателем, более объемно, за счет расширения субъектного состава, круга объектов наблюдения и целевой составляющей.

Следует отметить, что законодательное закрепление данный термин получил сравнительно недавно, вобрав в себя уже наработанные наукой и практикой характеристики. При этом нельзя утверждать, что данное определение окончательно. Именно общественный характер позволяет говорить его возможной динамики.

---

[1] Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т.1. М., 2000. С.729.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ ред. от 29 декабря 2017 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 28.07.2014, № 30 , ст. 4213 (часть I); parvo.gov.ru от 29.12.2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Сегодня общественный контроль – это одно из средств повышения эффективности функционирования государства и снижения уровня его коррумпированности. Именно объективный и независимый характер общественного контроля выступает гарантом в обеспечении законности, как со стороны общества, так и со стороны государства.

Функции общественного контроля современного российского государства обширны, так как цели и задачи общественного контроля охватывают практически весь спектр жизнедеятельности общества. К числу основных функций следующие:

1. Развитие институтов гражданского общества, как внутри государства, так и за его пределами.

2. Экспертиза нормативных правовых актов.

3. Контроль за соблюдением прав и свобод граждан.

4. Участие в формировании государственной политики во всех сферах жизни общества.

5. Выявление фактов нарушения прав и свобод граждан и коррупции.

6. Развитие молодежной политики.

Реализацию функций общественного контроля осуществляют две категории субъектов. Первая представлена многочисленными общественными организациями, в частности по защите прав потребителей, за соблюдение конституционных прав и основных свобод человека и др. Вторая группа включает организации, создаваемые с участием государства или при органах государственной и муниципальной власти, например: Общественная палата РФ, Комиссия по правам человека при Президенте РФ, аналогичные комиссии при главах субъектов РФ[1].

Субъекты общественного контроля взаимодействуют с государственными и муниципальными органами по принципу обратной связи. Властные органы разрабатывают программу развития и реализуют её, в свою очередь общественность проверяет эффективность, законность и целесообразность данной программы и корректирует её на этапе реализации, а в заключительной стадии представляет отчёт с конструктивной критикой для устранения недочётов. Таким образом, население оказывает непосредственное влияние на деятельность органов власти.

Общественный контроль имеет несколько форм выражения, но в общем виде он представляет собой определённый процесс сравнения фактических результатов и запланированных целей с проверкой законности использованных методов и средств, а также их рациональности. Важным аспектом такой процедуры выступает учёт последствий для населения от принятых решений.

---

[1] См.: Андреева Л.А. К вопросу об общественном контроле // Вопросы современной юриспруденции: Сборник статей по матер. XLIII междунар. науч.-практ. конф. № 11(42). – Новосибирск: СибАК, 2014.

В заключении хочу отметить, что институт общественного контроля появился в нашей стране сравнительно недавно и находится на стадии становления и развития, однако его эффективность уже даёт о себе знать. Хотя органы общественного контроля и не обладают полномочиями государственных структур, они вносят неоценимый вклад в оценку работы органов государственной власти, осуществляя постоянный контроль за решениями, принимаемыми должностными лицами и оказывают юридическую помощь гражданам, права которых были нарушены.

Содержание

Бутько Л.В., Лепешкина О.В. Интегративные свойства критериев систематизации права (на примере конституционного права)……. 3

Джиоев С.Х. О некоторых аспектах участия прокурора в правотворческой деятельности (вопросы теории и методологии)…. 10

Карнаушенко Л.В. Регулятивный потенциал права в условиях трансформации социального института государства в XXI в. ……. 16

Кожевников В.В. Проблемы определения правовых понятий в контексте взаимодействия государства и права……. 22

Колесников С.А. Правовая тематика в судебной риторике А.Ф. Кони……. 27

Ломакина И.Б. Правообразовательный процесс в контексте психологической парадигмы Л.И. Петражицкого…… 30

Нижник Н.С. О нормативных основах становления правоохранительной системы полицейского государства в России….. 36

Труфанов М.Е. Критерии определения бланкетной нормы административного права…… 46

Тхабисимова Л.А. Проблема профилактики экстремизма в молодежной среде……. 50

Упоров И.В. Особенности правового регулирования статуса муниципального депутата в законах субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актах……. 54

Упоров И.В., Курдюк Г.П. Законодательное регулирование лишения избирательных прав в советской России довоенного периода…….. 59

Честнов И.Л. Ценности в праве с позиций постклассической методологии……. 63

Грязнова Т.Е. Теория конституционного государства А.Д. Градовского…….. 66

Козаев Н.Ш. Уголовный закон в условиях научно-технического прогресса……... 69

Нарыкова С.П., Пипенко А.В. К вопросу о понимании стимулирования в праве…….. 73

Сидоренко Н.С. Образ полицейского на страницах социалистической непериодической печати Урала в годы первой российской революции…… 78

Диканова Т.А. О государстве и праве в работе К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство»……... 84

Рассказов О.Л., Гизатуллина Э.Ф. Положение о социалистическом государственном производственном предприятии 1965 г. как основной правовой акт «косыгинских» реформ…….. 91
Рассказов О.Л., Рассказов В.Л. Роль Арбитражно-процессуальный кодекса РФ 1995 г. в постсоветской России…… 95
Адыгезалова Г.Э. Функции права и функции юристов как агентов правовой социализации…….. 102
Амиров И.М. Олимпийский правопорядок: понятие, структура, особенности современного состояния…… 106
Андрейцо С.Ю. О некоторых теоретико-правовых проблемах регулирования миграционных процессов в контексте полномочий МВД России……. 116
Бугаевская Н.В. Термины «коррупция» и «коррупционные преступления» в теории права и статистической отчетности……. 120
Грицай В.В. Столыпинская аграрная реформа как новый этап развития миграционных отношений в императорской России…….. 123
Дыжова А.А. Представление современной молодежи о защите их прав и законных интересов государством…… 127
Егоров А.М. Особенности организации и проблемы функционирования псковской милиции на завершающем этапе НЭПа (вторая половина 1920-х годов)…….. 131
Зайцева Е.С. Пределы сферы правового регулирования…….. 141
Курдюк Г.П. Финансовый контроль в Российской Федерации: особенности правовой регламентации……... 144
Миронова О.А. Образование как важнейшее условие развития современного государства…….. 146
Мурадян М.О. Термин «злоупотребление субъективным правом» в системе юридических понятий……. 149
Пеструилов А.С. О классификации социальных норм…….. 158
Попов В.В. Право: знак, значение, смысл…… 162
Семенова О.В. Взаимосвязь правового государства и гражданского общества как детерминанта социального развития… 166
Швец А.А., Трикоз Е.Н. Обстоятельства, исключающие ответственность, в уголовных кодексах Австралии и Индии……. 172
Яблонский И.В., Скрипаль В.К. Организационно-правовые основы деятельности полицейских учреждений Кубанского края (1918-1920): к 100-летию Екатеринодарской городской стражи…… 177
Абдулатипов А.М. Об опыте работы правоохранительных органов республики Дагестан по противодействию экстремизму и терроризму……. 182

Архиреева А.С., Деменишин Д.О. Проблема рациональности действий «Министерства культуры Российской Федерации» и «Федерального фонда социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии»…… 195
Архиреева А.С., Складчиков С.В. К вопросу о правовой культуре……. 201
Дергилева С.Ю. Развитие полицейско-правовой теории в России в первой половине XIX века…… 205
Долгов А.М. Законность – основной принцип отправления правосудия…… 212
Затолокин А.А. Место и роль сотрудников подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения в 300-летней истории полиции России…… 216
Климова Д.В. Развитие нации как необходимое условие сохранения государственности: концептуальный аспект…… 220
Кожевникова А.М. «Красная» милиция и «Красное черноморье» (будни Новороссийской милиции на страницах городской прессы в 20-е гг. XX в.)…… 224
Кошкарова Ю.А. Визуализация образа Президента России в современной зарубежной пропаганде……. 228
Лаппо Е.А. Применение (использование) огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел республики Беларусь в контексте права на легитимное насилие…… 232
Маматов М.В., Кремнева Е.В. Актуальные вопросы участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе…… 236
Жуланов А.В., Мингес И.А. Историко-ретроспективный аспект становления и развития полиции в Российском государстве… 240
Овчинникова О.Д. К вопросу о смешанной монархической форме правления…….. 244
Очаковский В.А., Архиреева А.С. К вопросу о реформировании института государственной службы в Российском государстве (историко-правовой аспект)……... 247
Пересадина О.В. К вопросу о методологии теории государства и права…….. 251
Рыжкова О.А. Преступность несовершеннолетних, как актуальная проблема развития гражданского общества……... 255
Самарский А.Н. Место и роль Европейского суда по правам человека в правозащитной системе современного государства……. 259
Сорокина Е.А. Полицейская система Швеции: особенности взаимоотношений полиции и общества……. 262
Стоцкий А.П. Полиция Охтинской части: артефакты деятельности в имперском Петербурге…….. 270

Урумов А.В. Влияние судебной практики
на нормообразующую деятельность в правотворчестве……. 273
Федоринова Е.А. Верховенство права как основополагающий
принцип правового государства…… 277
Черепанова И.В. Обеспечение прокурором законности
при применении мер административного принуждения в связи
с административным правонарушением…… 282
Шеуджен Н.А. Антигитлеровская коалиция, история
формирования, деятельность…….. 286
Яловенко Т.В. Основные направления правоприменительной
политики в сфере защиты прав человека…….. 292
Соломоненко Н.Н. Абсолютные права и свободы человека
и гражданина – конституционное закрепление……. 295
Бурданова Н.А. Нормативные основания деятельности судей
по привлечению родителей к юридической ответственности
за неисполнение либо ненадлежащее исполнение родительских
обязанностей по воспитанию детей…… 298
Досакаев А.Б., Доронкина Е.А. Информационно-
коммуникативное обеспечение избирательного процесса и их роль
в формировании гражданской позиции молодых избирателей:
практика, правовое регулирование, перспективы…… 307
Канкулов А.Х. Реализация прав граждан в условиях
изолятора временного содержания……. 311
Малахова К.В. Проблемы расширительного толкования права
в сфере дорожной безопасности……. 313
Никифорова С.А. Россия – Великое княжество Финляндское:
специфика отношений в оценке Э. Н. Берендтса……. 317
Абдуллоев А.Р. К вопросу о генезисе системы полицейской
службы Таджикистана……. 324
Базров А.О. К вопросу об определении понятия
правосознания……... 329
Волк-Леонович С.О. Древнерусское государство в контексте
исторической школы права……. 333
Засовенко А.Ю. О привлечении женщин на службу
в милицию в Петрограде в годы становления советской республики 337
Карпов И.Ю. Государственное принуждение в системе форм
правоприменения……. 342
Конюшихина Н.И. Ведомство юстиции Кубанского краевого
правительства в период Гражданской войны…… 346
Кравец И.А. Создание и функционирование Севастопольской
Офицерской школы авиации по подготовке военных летчиков
Российской империи…… 350

Кудрявцев И.В. О смысловом наполнении понятия «правовой статус личности» в современной юридической науке……. 355
Кузьмина А.В. Институт винного откупа при Алексее Михайловиче во второй половине XVII века…… 358
Кузьмина Е.А. Обжалование действий и решений органов предварительного расследования как одна из гарантий прав и свобод человека…… 361
Матвеев А.В. Об особенностях профессиональной подготовки сотрудников службы наружного наблюдения Российской империи в конце XIX – начале XX века……... 364
Перлик М.И. Особенности нейтрализации массовых неповиновений заключенных в особых исправительно-трудовых лагерях послевоенного ГУЛАГА…… 373
Хасанов Д.Р. Гуманизм в политико-правовой культуре: понятие и основные признаки……. 377
Чукаев Т.О. Самоорганизующееся общество как субъект реализации права (по работам В. Н. Лешкова)……. 379
Ястребова Ю.И. Организационно-правовые аспекты устройства Ейской таможни в Кубанской области во второй половине XIX века …….. 385
Котолупова Е.И. «Политика двойных стандартов» как основное препятствие в борьбе с международным терроризмом 390
Мищенко В.Ю. Проблемные аспекты правотворческой деятельности законодательных органов власти субъектов Российской Федерации…… 393
Юзумджю С.Ч. Влияние глобализации на аккультурацию и декультурацию…….. 396
Галекбаров Г.В., Пьянков М.О. Проблемы и перспективы применения чипирования древесины в контексте борьбы с незаконными вырубками…….. 399
Дондоков Ж.Д. Использование достижений криминалистики в гражданском судопроизводстве…….. 403
Слепкан Г.К. К вопросу об общественном контроле……. 406

Научное издание

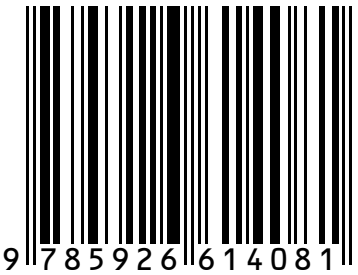
ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ, ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Материалы
Международной научно-практической конференции

(10 мая 2018 г.)

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Г. А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-1408-1

Подписано в печать 27.09.2018. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 24,2. Тираж 100 экз. Заказ 713.

Краснодарский университет МВД России.
350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128.